

**Михаил КАРАТЕЕВ**

An illustration depicting two warriors on horseback in a steppe landscape. The warrior in the foreground is wearing a blue tunic with yellow buttons and a red hat with a yellow flame-like emblem. The warrior behind him is wearing a green tunic and a tall, pointed hat with a red and yellow pattern. In the background, other riders on horseback are visible under a cloudy sky. The horse in the foreground is brown with a decorative bridle and a red and yellow patterned saddle cloth.

**РУСЬ и ОРДА**

**ВЕЛИКАЯ СУДЬБА РОССИИ**

Михаил Каратеев

**Русь и Орда**

«АСТ»

1958-1967

## **Каратеев М. Д.**

Русь и Орда / М. Д. Каратеев — «АСТ», 1958-1967

М.Д. Каратеев – писатель-эмигрант, один из талантливейших представителей русского зарубежья, автор более десяти книг художественной и документальной прозы. Вершиной творчества писателя по праву считается историческая эпопея «Русь и Орда», работе над которой он посвятил около пятнадцати лет. «Русь и Орда» – масштабное художественное повествование, охватывающее почти вековой период русской истории, начиная с первой половины XIV века Книга, знакомящая с главными событиями из жизни крупнейших удельных княжеств в эпоху татаро-монгольского ига, с жизнью Белой и Золотой Орды. Роман, великолепно сочетающий историческую достоверность с занимательностью и психологической глубиной портретов героев.

© Каратеев М. Д., 1958-1967

© АСТ, 1958-1967

## Содержание

Ярлык Великого Хана	5
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	53
Глава 12	57
Часть вторая	62
Глава 13	62
Глава 14	68
Глава 15	71
Глава 16	76
Глава 17	79
Глава 18	86
Глава 19	90
Глава 20	96
Глава 21	102
Глава 22	105
Глава 23	110
Глава 24	116
Глава 25	122
Глава 26	127
Часть третья	129
Глава 27	129
Глава 28	132
Глава 29	139
Глава 30	144
Глава 31	150
Глава 32	151
Глава 33	155
Глава 34	160
Глава 35	165
Глава 36	168
Глава 37	174
Глава 38	178
Глава 39	182
Конец ознакомительного фрагмента.	187

# Михаил Каратеев

## Русь и Орда

### Ярлык Великого Хана

#### Часть первая Княжич Василий

#### Глава 1

В хороммах Пантелеймона Мстиславича, великого князя земли Карачевской, царят растерянность и уныние.

В просторной, но низкой горнице, смежной с опочивальней князя, жарко и душно. Сквозь слюду невысоких окон заходящее июльское солнце льет рассеянный свет на стоящие у стен резные дубовые лари и червонит бороды троих бояр, понуро сидящих на скамье, у двери в опочивальню.

Воевода Семен Никитич Алтухов – средних лет дородный мужчина с белесым от времени шрамом, пересекающим левую щеку, – ходит из угла в угол по домотканому ковру, застилающему весь пол горницы. Из открытых дверей крестовой палаты<sup>1</sup> доносится тихий, временами усиливающийся женский плач.

Тому не минуло и часа, как с брянских рубежей прискакал вестник с худыми вестями. Выслушав его, престарелый князь Пантелеймон Мстиславич сильно разволновался, открыл было рот, чтобы отдать нужные распоряжения, но голос у него перехватило, и, качнувшись, он повалился на пол, среди горницы, где стоял. Лицо его побагровело, глаза ушли под лоб, из горла вырывался протяжный, мучительный хрип. Перепуганные бояре и слуги, подняв, перенесли его в опочивальню, и постельничий Тишка кинулся искать знахаря-ведуна Ипата, который на все княжество славился умением заговаривать кровь и врачевать болезни. На счастье, Ипат оказался дома и пришел тотчас. Вот уже с полчаса он находился в опочивальне князя, удалив оттуда всех, кроме помогавшего ему Тишки.

– Экую беду послал Господь, – негромко промолвил тучный боярин Опухтин, сидевший ближе всех к двери. – Не выдюжит князь. Однажды уже было ему такое, годов тому пять, после блинов. И тогда еле выходили. Ну а ноне стар стал и немочен, эдакую хворь не пересилит...

– Не каркай, боярин, – приостанавливаясь, сказал воевода Алтухов, – князь наш крепок еще, а Бог милостив... Ну что, Тишка? – быстро обратился он к постельничему, который показался в эту минуту на пороге опочивальни.

– Ипат князю жилу отворил, почитай, с полковша крови выпустил, – вполголоса поведал Тишка, прикрывая за собой дверь, – а в сей час над тем ковшом чегось нашептывает и коренья туды крошит.

– Ну а князь как?

– Князь-батюшка враз хрипеть перестал, очьми водит и, видать, чегось молвить хочет, да голосу нет. А как дальше будет, баит Ипат, – на то воля Божья.

---

<sup>1</sup> *Крестовая палата* – домовая церковь.

– За попом бы послать, – крестя длинную седую бороду, промолвил сидевший поодаль боярин Тютин.

– Отец Аверкий тута уже, в крестовой палате, с княжной да с Аришей о здравии князя молятся, – отозвался боярин Шестак. – А за княжичем послано ль?

– Оно-то послано, да где его теперь сыщешь? Почитай, с утра поскакал со своим Никишкой лисиц травить.

– То всем ведомо, каких лисиц он травит, – зло ухмыльнулся в рыжую бороду боярин Шестак. – По всему Карачеву лисенята с его обличьем бегают!

– Ты помолчал бы, боярин, – не глядя на него, хмуро промолвил Алтухов, – а то сам знаешь, какой у княжича с вами разговор. За то и плетете на него невесть что.

– Да я что? Знамо дело, молодость. Кто в таких годах Богу не грешен? Я это токмо к тому, что ежели надобно Василея Пантелеича борзо сыскать, так послали бы кого в Заречную слободу, до Кашаевой усадьбы.

В этот момент входная дверь с шумом распахнулась, и в горницу стремительно вошел высокий и ладный молодец в охотничьих сапогах и в сером, расшитом черными шнурами кафтане. На тонком серебряном поясе его, спереди висел небольшой, богато изукрашенный черкесский кинжал. От всей фигуры вошедшего веяло силой и удалью. Красивое лицо его, обрамленное темно-каштановой бородкой, было бледно и взволнованно.

– Что с батюшкой? Сказывайте! – быстро спросил он, большими карими глазами окидывая присутствующих, которые не торопясь встали при его появлении и степенно склонили головы в поклонах.

– Плох князь Пантелей Мстиславич, – ответил воевода Алтухов, – видать, причинился ему мозговой удар. Но приспел Ипат и кровь ему пустил немедля. Бог милостив, авось обойдется.

– С чего ж то родителю содеялось?

– Гонец с худыми вестями прибыл. Опять люди брянского князя Глеба Святославича наши села пожгли и полон угнали. Ну, услышавши такое, князь-то и растревожился.

– А где тот вестник?

– Во дворе дожидается, княжич. Ничего родитель твой и приказать не успел.

– Добро, Семен Никитич, пришлешь его ко мне сей же час, – распорядился княжич Василий, открывая дверь в опочивальню.

Войдя, он увидел грузное тело отца, лежащее под образами, на широкой лавке, покрытой узорчатыми коврами. В центре божницы, перед большим, потемневшим от времени образом архангела Михаила – драгоценнейшей реликвией, которую карачевские князья унаследовали от славного предка своего, святого Михаила, великого князя Черниговского, – теплилась лампада из венецианского стекла, оправленная золотом. Немигающий свет ее слабо освещал седую бороду князя и бледное лицо его с широко открытыми глазами, смотревшими теперь прямо на сына.

– Батюшка, что это с тобой приключилось? – участливо спросил Василий, опускаясь перед лавкой на колени и прижимаясь губами к безжизненно свесившейся руке отца.

Лицо больного исказилось жалкой гримасой. Видно было, что он силится что-то сказать, но голос ему не повиновался, и с губ, как бы с трудом отлипая от них, сползали в тишину комнаты лишь тягучие, ничего, кроме страдания, не выражающие звуки.

– Не труди себя, княже, – промолвил, приближаясь к постели, Ипат, которого Василий сразу и не приметил. – Хвала Господу, смерть стороною прошла. Теперь токмо дай себе роздых да покой и не печалуйся: не долге говорить будешь лучше прежнего.

Василий при этих словах быстро поднял голову и глянул на знахаря.

– Истину рек? Жив будет батюшка?

– Господь велик! Не один годок поживет еще наш пресветлый князь, родитель твой. Вовремя меня отыскал ваш слуга.

Лицо Василия осветилось радостью. Поднявшись на ноги, он сунул руку в карман кафтана, но там оказалось лишь несколько мелких серебряных монет. Оглянувшись по сторонам, он взял стоящий на подоконнике серебряный кубок, покрытый узорчатой резьбой, высыпал в него деньги и протянул знахарю.

– Ну, спаси тебя Бог, Ипат. А я навеки должник твой за батюшку! – с чувством промолвил он.

– Благодарствую, княжич. Рад служить славному роду вашему.

Василий снова взглянул на отца. Лицо его приняло теперь более спокойное выражение, но все же глаза, казалось, настойчиво требовали чего-то.

– Почивай, батюшка, набирайся сил, – сказал Василий, – а я сей же час велю отцу Аверкию во здравие твое молебен отслужить да сам допрошу давешнего вестника. И не мешкая поведу отряд по следам тех окаянных брянцев. Коли не успели они уйти за Десну, даст Бог, отобью наших людишек. А ежели с тем припоздаю, – перейду ночью реку и Глебкиных смердов в полон угоню!

При этих словах лицо старика выразило полное удовлетворение. Казалось, именно это он и желал сказать сыну. Он закрыл глаза и задышал ровнее. Перекрестившись на лик архангела и кивнув Ипату, Василий на цыпочках вышел из опочивальни и тихонько прикрыл за собою дверь. В передней горнице теперь еще прибавилось народа.

– Слава Христу, лучше родителю, – ответил он на обращенные к нему со всех сторон вопросительные взгляды. – Ипат говорит, жив и здоров будет. Пусть протопоп во здравие князя немедля молебен готовит. А ты, Семен Никитич, – обратился он к воеводе, – давай мне вестника.

– Тутка он, княжич, давно тебя дожидает.

От стены отделился и отвесил Василию земной поклон невысокий, но крепко сбитый крестьянский парень в лаптях, холщовых портах и изорванной в клочья рубахе. В русых курчавых волосах его запеклась кровь, на щеке виднелся припухший багровый рубец.

– Сказывай! – окинув его взглядом, приказал княжич.

– С села Клиноква мы, что по тую сторону Ревны, поприщ<sup>2</sup> сорок отселя будет, – начал парень. – Ну, вот, вышли мы утресь на косовицу, а они, значит, брянцы-то, из лесу-то и налети! И давай, значит, нас имать и вязать! Мужиков и баб, всех повязали. Ну, кой-кто все же утек. Налетели они, стало быть, опосля на село, а там уже людишки упреждены были, – все в лес схоронились, одни старики пооставались. Ну, со зла они возьми да и подпали село...

– Погоди, – прервал его Василий. – Сколько же их было, брянцев-то?

– Да, почитай, сотни две конных.

– А вел их кто, тебе ведомо?

– Ведомо, пресветлый княжич! Вел их самолично дружок княжий, воевода Голофеев.

– Ну, добро, дальше сказывай!

– Ну, погнали нас, значит, в лес. По пути высмотрел я местечко и стрибанул было в заросли, но только достал меня один вой<sup>3</sup> плетью по рылу и привязал ремнем к своему седлу. Чуток не доходя Ревны, загнали нас всех на полянку, тут оставил воевода четырех караульных, а все прочее воинство повел грабить село Бугры, что оттель поприщ с пяток. Ну а караульные наши всему полону велели сесть в кучу посреде поляны, коней своих, всех вместе, привязали к дереву, а сами сели в холодке закусывать и брагу пить. Ну а я, значит, до одного из коней остался пристроимленный. Только помалу я свои пути о стремя перетер, у трех коней непри-

---

<sup>2</sup> *Поприще* – верста. В старину она была несколько длиннее нынешней.

<sup>3</sup> *Вой* – воин, ратник.

метно отпустил подпруги, а четвертого, какой получше, отвязал, сиганул на него да и махнул в лес! Караульные крик подняли, но только покуда они коней своих заседлали, я уже далече утек. Лес энтот я знаю как свой двор, меня в ем не словишь! Ну и пригнал, значит, сюды...

– Молодец, парень! Как звать-то тебя?

– Лаврушкой звать, пресветлый княжич.

– Добро, Лаврушка, ступай отдохни. Иванец, – обратился княжич к одному из слуг, – отведи парня в людскую, прикажи там его накормить и напоить да выдать ему новые порты и рубаху!

Однако Лаврушка уходить не спешил и, переминаясь с ноги на ногу, просительно посматривал на княжича.

– Ну, чего еще хочешь? – приветливо спросил Василий.

– Дозволь, пресветлый княжич, послужить тебе! Повели взять меня в твою дружину. Живота не жалеючи буду за тебя биться, с кем укажешь. Конь у меня есть теперь ладный, с седлом и со всею справой.

– А семья твоя что скажет? Аль у вас и без тебя работников достает?

– Никого у меня нету, княжич: с малых годов сирота я. Господа ради у чужих людей возрос.

– Ладно, – с минуту подумав и оценивая парня взглядом, сказал Василий. – Коли так, оставайся, мне ратные люди нужны. Токмо не мысли, что будешь ты биться за меня либо за князя, родителя моего. Нам того не надобно, а вот рубежи свои мы блюдем крепко и будем биться за то, чтобы люди на землях наших могли спокойно пахать и косить и чтобы не угонял их в неволю ни злой сосед, ни поганый татарин. Ну, ступай теперь с Богом!

– Спаси тя Христос за милость твою, пресветлый княжич! А уж я послужу тебе верно, – кланяясь в землю, промолвил просиявший Лаврушка и, неловко повернувшись, направился к двери.

– погоди, – остановил его Василий. – Сумеешь ты ночью вывести нас через лес, прямыми тропами, на след Голофеевой шайки?

– Вестимо, сумею, княжич! Они с полоном да с награбленным добром за один день на брянскую сторону нипочем не уйдут. Заночуют в лесу, и завтра мы их, как Бог свят, настигнем!

– Ну, ин ладно. Ступай подкрепись и отдохни, невдолге и выступим.

– Допрежь чем выступать, пристало бы тебе, Василей Пантелеич, с нами вместиах думу подумать, – сказал боярин Опухтин, когда за Лаврушкой закрылась дверь горницы. – Досе наша беда не столь и велика: ну, угнали у нас с полста смердов. Может, еще по-доброму и в обрат их вызволим. А налетишь ты сейчас да посекешь вгорячах брянцев, – гляди, они на нас и большой войною пойдут.

– Когда это Глеб Святославич что-нибудь добром отдавал? Не дело говоришь ты, боярин. После мора людишек у нас вовсе мало осталось, что же, будем теперь глядеть, как последних угоняют?

– Людишки, то еще куда ни шло... А вот не навлек бы ты беды и на всех нас. Потому и говорю: надобно наперед думу подумать.

– Я и сам разумею, что делать, – резко ответил Василий, – и куда ты гнешь, мне тоже вдомек. Ежели бы погромили боярскую вотчину, ты бы первый закричал: бей и жги всякого! А до вольных людишек вам, боярам, нужды нет. Пускай, мол, пропадают сироты, только бы брянского князя не избидеть, а то, чего доброго, осерчает он и под одну стать со смердами бояр карачевских учнет громить. Вот она, ваша думка, бояре!

– Молод ты еще, княжич, – выступил вперед боярин Шестак, – а речей таких мы ни от родителя твоего, ни от деда не слыхивали! Боярскую честь на Руси спокон веку все князья блюли. Ну а тебе, видать, смерды ближе, нежели боярство родовитое, – язвительно добавил он.

Лицо Василия вспыхнуло гневом, но он сдержался и, лишь сощурившись на тщедушного Шестака, надменно ответил:

– Ну, для меня, чей род от века княжит над Русью, ты, боярин, по родовитости недалеко ушел от любого смерда. Ты вот маленьких людей хулишь и не видишь того, что на смерде да на ратном человеке вся земля наша держится. Они ее и кормят и от ворогов боронят – вот потому всякий разумный князь должен им быть отцом и заступником. А вы, «родовитые», только о себе печалуетесь да под себя норовите подгрести все, что зацепить можно: и княжево, и смердово!

– Срамные слова говоришь ты, Василей Пантелеич, – наливаясь темною кровью, зашипел боярин Шестак, – и кабы не был в сей час недужен твой батюшка...

– Ты, Иван Андреич, моего батюшку сюда не приплетай, – повысил голос Василий, – за свои слова я сам умею ответ держать! А ты лучше бы помыслил о себе да о том, чтобы не пришлось нам спасать тебя от твоих же кабальных смердов. Мне ведомо, что дется в твоей вотчине, которую, к слову сказать, изрядно округлил ты не вельми чистыми путями.

– В вотчине моей я господин, мой в ней и закон! – задыхаясь, прохрипел Шестак. – А тебе, княжич...

– Помолчи, боярин, хватит! – крикнул Василий. – Я свое сказал, а коли тебе нейдется, тогда дай срок, – я тебе рога обломаю! Кончена дума, бояре, прошу всех в крестовую, на молебен! А ты останься, Семен Никитич, с тобою есть еще разговор.

Бояре, негодуяще бормоча и утирая платками вспотевшие лысины, направились в крестовую палату, откуда уже тянуло пряным запахом ладана и слышались возгласы протопопа Аверкия. Вскоре в горнице остались только княжич и воевода.

– Слыхал, Семен Никитич, – спросил Василий, когда последняя боярская спина исчезла за дверью, – сколь хочется им меня в свою веру обратить? Пусть пождут, я им еще покажу, кто здесь хозяин!

– Не тронь ты их лучше, Василей Пантелеич, – угрюмо промолвил Алтухов. – Того зла, что они на Руси сеют, ты один николи не выведешь, а сила у них большая. С ними свяжешься – не будет тебе спокойной жизни.

– Страшен сон, да милостив Бог, – беспечно ответил Василий. – Ну, да не о том сейчас речь. Я так смекаю, что Лаврушка правду сказал: брянцы со всем полоном в наших лесах заночуют. Прямо на Брянск они от Бугров не пойдут: Пашка Голофеев не дурак и понимает, что на этом пути мы их легко перехватить можем. Скорее всего пойдут они правым берегом Ревны и, не доходя Десны, лесом срежут к переправе у Свенского монастыря. Ты как мыслишь?

– Мыслю, как и ты: больше им переправиться негде. От Бугров туда поприщ пятьдесят, – до ночи они с полоном и половины того не пройдут. Стало быть, настигнуть их не столь трудно.

– Добро! Как месяц взойдет, так и выступим. Бери две сотни воев да скажи, чтобы хорошо подкормили коней: пойдём быстро и налегке. Лаврушке дашь саблю либо копье, что пожелает. А все прочее он завтра сам добудет, – видать, парень не промах. Ну, так с Богом!

– Иду, княжич. Все будет исполнено.

\* \* \*

Боярин Шестак с трудом дождался окончания молебна. Он, по привычке, истово крестился и клал поклоны, как и все, но смысл происходящего и возгласы протопопа проходили мимо его сознания. В груди его кипели гнев и возмущение. Дерзости княжича давно были боярину не в диковинку, но сегодня он был задет особенно чувствительно: род его и впрямь был не слишком знатен, а небольшую вотчину, унаследованную от отца, он увеличил во много раз, пользуясь всякими средствами. Были среди них и такие, о которых боярин сам не любил вспоминать и уж совсем не терпел, когда на них намекали другие.

По окончании молебна он нарочно задержался в крестовой палате, вступивши в долгую беседу с отцом Аверкием, а когда все разошлись, вышел в горницу и приоткрыл дверь в княжью опочивальню.

Старый князь неподвижно лежал под божницей, глаза его были закрыты, грудь дышала ровно. Казалось, он мирно спит. На широком ларе у окна, подстелив овчину, спал постельничий Тишка. Знахарь сидел у изголовья княжьей постели и поднял голову на скрип открывшейся двери.

– А ну, выдь сюда, Ипат, – поманил его в горницу боярин. – Хочу распытать тебя о здравии князя, – сказал он, отводя ведуна к дальнему окну. – Сказывай, будет он жив?

– Сегодня смерть мимо прошла, – уклончиво ответил Ипат, – а когда возвернется за князем, о том лишь Бог ведает. Может, завтра, а может, допрежь того и всех нас посетит.

– Ты не вилай языком, колдун! Сказывай правду!

– Не гневайся, боярин. Сам ведаешь, бывает правда, за которую и батогов получить недолго.

– Коли правду скажешь, меня не бойся, а бойся, коли солжешь: за тобою я тоже кое-что знаю. Сказывай как на духу: выживет князь?

– В эти дни не умрет, но недолго протянет, – подумавши, ответил Ипат. – Жизнь его теперь на волоске: чуть что – и оборвется.

– Истину кажешь?

– Истину, боярин. Больше как три месяца едва ли проживет.

Шестак замолчал и задумался, ероша толстыми пальцами редкую рыжую бороду. Потом, пристально глядя на ведуна, спросил:

– А сын твой Ивашка тут?

– А где ему быть? Вестимо, тут.

– Он, поди, не забыл еще, как княжич Василей летось его при девках плетью отходил?

– Ты это к чему, боярин? – насупившись, спросил Ипат.

– А вот к тому. На большое-то княжение али не Василей ныне сядет?

– Знамо, он. Ну и что?

– Да ништо... Ты вот что, Ипат: сей же час снаряжай своего Ивашку в Козельск. Коня пусть возьмет на моей конюшне. Накрепко накажи ему пересказать князю Титу Мстиславичу мое слово: старшой-то братец его, князь Пантелей Мстиславич, вельми плох и больше как до Покрова не протянет. Разумеешь?

– Разумею, боярин. Будет сделано.

– Да гляди, язык закуси покрепче и сыну накажи тож. А то у княжича рука тяжелая, чай, твой Ивашка помнит! Пусть не жалеет коня и гонит во весь дух. За три дня обернется, полгривны ему от меня. Да еще пусть скажет козельскому князю, что невдолге я и сам к нему буду.

– Ладно, боярин, все сделаю, как велишь.

– Ну, с Богом!

## Глава 2

*Того же лета 6747<sup>4</sup> взяша татарове Чернигов и град пожгоша, и монастыри разграбиша, и люди овы избиша, и овы ведуще босы и без покровен во станы свое. И многы грады инии поплениша, и без пополох*

---

<sup>4</sup> 1239 г. христианской эры.

*зол по всеи Руской земли, и сами не ведаху, где и кто бежит. Се же все  
сдеяся грех наших ради великих и неправды.*

**Черниговская летопись**

Первая половина XIV века, к которой относится это повествование, принадлежит к одному из самых мрачных периодов русской истории. Русь, разделенная на враждующие между собой удельные княжества, управляемые сильно размножившимися потомками Рюрика, которые совершенно утратили чувство государственного единства, уже целое столетие изнывала под тяжестью татарского ига.

Нашествие монголов, в силу феодальной раздробленности страны, не встретило общего, согласованного отпора. Но по отдельности все русские князья во главе своих дружин и наскоро собранных народных ополчений смело вступали в неравный бой, предложения о сдаче гордо отвергали и мужественно встречали смерть.

В обширном княжестве Рязанском, на которое обрушился первый удар Бату-хана<sup>5</sup>, не уцелел ни один город. Получив отказ в помощи от соседних княжеств, местное население отчаянно защищалось. Своей легендарной храбростью навеки прославил себя воевода Евпатий Коловрат; из восьми рязанских князей в битвах пало семеро, но силы были слишком неравны – татары наводнили Рязанщину и предали ее страшному опустошению. Летопись отмечает: «Изменися земля Рязанска, и не бе в ней ничто видети, – токмо дым и пепел».

Затем татары двинулись дальше, взяли города Коломну и Москву (последнюю отважно защищал несколько дней воевода Филипп Нянка, тут и сложивший свою голову), а потом осадили столицу северной Руси – Владимир. Великого князя Юрия Всеволодовича в городе не было: только что отказав в помощи рязанским князьям, теперь он сам столь же безуспешно рассылал гонцов к соседям и метался по своим городам, наспех собирая войско для попытки отразить страшного врага.

На пятый день осады татары взяли Владимир. В течение следующего месяца один за другим пали все остальные города северной Руси, а в злосчастной для русских битве на реке Сити было наголову разбито войско великого князя Юрия, который и сам был убит в этом сражении вместе с пятью другими князьями, принимавшими в нем участие<sup>6</sup>.

Менее чем за три месяца покорив всю восточную и северную Русь<sup>7</sup>, татары вторгнулись в смоленские и черниговские земли. Но тут их ожидало гораздо более упорное сопротивление, к тому же орда была уже частично ослаблена предыдущими боями, а потому ее продвижение значительно замедлилось: на покорение этих княжеств Батю пришлось потратить около двух лет<sup>8</sup>.

Героизмом своей обороны тут многие города стяжали себе неувядаемую славу. Доблестным защитникам Смоленска средневековый русский автор, имя которого до нас не дошло, посвятил особую, хвалебную повесть<sup>9</sup>. Но своей беспримерной стойкостью особенно прославился небольшой город Козельск, где княжил малолетний Василий из рода князей Черниговских. Количество осаждавших его татар почти в десять раз превышало население этого городка, тем не менее его защитники героически сопротивлялись в течение семи недель, а однажды сами сделали вылазку и уничтожили большую часть татарских осадных орудий. Задержав продвижение орды почти на два месяца, этот город пал только тогда, когда были перебиты все его защитники, а маленький князь Василий, по словам летописцев, утонул в

---

<sup>5</sup> *Бату-хана* русские летописи неправильно называют Батыем.

<sup>6</sup> Этой битве посвящено одно из замечательных литературных произведений Древней Руси – «Слово о погибели Русской земли», написанное в период между 1239 и 1245 гг.

<sup>7</sup> К Рязани татары подступили 15 декабря 1237 г., а битва на реке Сити произошла 4 марта 1238 г.

<sup>8</sup> Город Чернигов был взят только в конце октября 1239 г.

<sup>9</sup> «Повесть о Меркурии Смоленском», написанная в XV в.

крови<sup>10</sup>. Татары прозвали Козельск «злым городом», и, овладев его остатками, Батый приказал стереть их с лица земли.

Долго и отчаянно сопротивлялся и осажденный Чернигов. Взяв его после ряда жестоких приступов, татары город разграбили и сожгли, а жителей частью перебили, частью увели в плен. Стоит отметить, что только лишь черниговскому епископу Порфирию свирепые победители не сделали ни малейшего зла и отпустили его с миром<sup>11</sup>.

Захватив после этого еще несколько южнорусских городов и овладев Крымом, Батый отвел свою орду на отдых и пополнение и только в конце следующего года смог приступить к осаде последней русской твердыни, древнего Киева, – «матери городов русских». Татары сосредоточили вокруг него огромное войско под командованием самых славных ордынских военачальников – Субедея и Бурундая. Летописец пишет, что в осажденном Киеве люди не слышали друг друга от скрипа татарских телег, рева верблюдов и ржания коней.

Десятки осадных машин днем и ночью метали в город огромные камни и толстые, как колья, стрелы, обвязанные горячей паклей; тяжелые тараны били в ворота и в стены, приступ следовал за приступом. Но защитники города, не зная отдыха и не жалея жизней, секлись с татарами на стенах, тушили пожары, заделывали проломы и сами бросались на вылазки.

Только после длительной осады, шестого декабря 1240 года, через проломы в стенах татары ворвались в Киев, но все его стотысячное население продолжало резаться с ними на улицах, отчаянно защищая каждый дом, каждую пядь земли. Этой героической обороной руководил талантливый и бесстрашный воевода Дмитро – наместник галицкого князя, которому принадлежал тогда Киев. Когда его, тяжело раненного, привели в шатер Батыя, последний из уважения к его исключительной доблести, вопреки татарскому обычаю, велел сохранить ему жизнь. Видимо, хотел возратить и меч, но, когда спросил своего пленника, что он в этом случае будет делать, последний не задумываясь ответил: «Я снова подыму этот меч против тебя, хан!»

Большая часть уцелевшего киевского населения была перебита или уведена в рабство, а сам златоглавый Киев, насчитывавший около шестисот церквей и по величине соперничавший с Константинополем, был разграблен, разрушен и предан огню. Но и здесь татары пощадили монастыри и каменные церкви – деревянные, конечно, погибли в пламени общих пожаров.

Опустошив после этого Галицко-Волынское княжество, орда Батыя вторглась в Польшу и в Венгрию. Но к этому времени она была уже значительно ослаблена, ибо долгое и мужественное сопротивление Руси причинило ей огромные потери. Разумеется, столь упорно сражаясь с татарами, русский народ не ставил себе задачей спасение западных стран. Он защищал свои домашние очаги и независимость родной земли, ни о чем ином, вероятно, не помышляя, но все же именно русскому народу Западная Европа была обязана своим спасением.

По плану Чингисхана, этот завоевательный поход его непобедимых полчищ должен был закончиться на берегах Атлантического океана, после покорения всей Европы. И несомненно, этот план увенчался бы полным успехом, если бы непредвиденно стойкое сопротивление Руси не задержало орду на четыре с лишним года и не обескровило ее настолько, что от дальнейшего продвижения на запад пришлось отказаться. К тому же многие русские земли, хотя внешне и покорились, еще продолжали вести с поработителями ожесточенную борьбу партизанского типа. Она была особенно сильна в обширном Черниговском княжестве, где ее возглавлял князь

---

<sup>10</sup> В русских летописях очень часто встречаются такие совершенно неправдоподобные преувеличения. И немало людей, в представлении которых летописец свят и непогрешим, принимают эти гиперболы за истину. Между тем это не истина, но и не ложь, а всего лишь литературный прием, весьма обычный в древности: путем предельного сгущения красок выразить высшую степень какого-либо явления – в данном случае ожесточенности битвы. Подобные гиперболы и сейчас в ходу, но никто не примет в буквальном смысле таких выражений, как «напугал до смерти», «она утопала в слезах», «кровь из раны била фонтаном» и т.п.

<sup>11</sup> Историк С.Соловьев по этому поводу замечает: «Таким образом, сразу же обозначился обычай татар уважать религию любого народа и ее служителей».

Андрей Мстиславич, двоюродный брат святого Михаила, в конце концов схваченный и казненный татарами.

Правда, несколько лет спустя Батый предпринял новый поход на Европу, но она получила время подготовиться к отпору, что, впрочем, не помешало татарам дойти до берегов Адриатического моря. Однако из-под стен Венеции они повернули обратно, и если для этого у них были свои внутренние, чисто политические причины, то была, несомненно, и одна стратегическая: слишком рискованно было продолжать завоевание Европы, имея за спиной такого грозного противника, как Русь, хотя бы и поверженная.

\* \* \*

Из всех крупных русских городов от Батыева нашествия не пострадали только Великий Новгород и Псков – до них татары не дошли нескольких десятков верст, хотя и обязали их платить дань. Все остальные важнейшие жизненные центры Русской земли – города Киев, Чернигов, Владимир, Суздаль, Рязань, Переяславль, Ростов, Ярославль, Муром, Москва и множество других – были совершенно разрушены. За небольшими исключениями их приходилось не восстанавливать, а строить заново<sup>12</sup>. И это требовало огромных усилий и жертв, тем более трудных, что в борьбе с татарами страна обезлюдела, благосостояние ее было в корне подорвано, победители наложили на уцелевшее население тяжелую дань, а княжеские раздоры и междоусобия не прекращались даже и под ханской властью.

Однако в начале второй четверти XIV века в беспросветной тьме, нависшей над Русью, занимают первые проблески рассвета: умный и напористый хозяин незначительного тогда Московского удела, князь Иван Данилович, прозванный Калитой, всеми правдами, а более неправдами получает от золотоордынского хана Узбека ярлык на великое княжение, переносит из Владимира в Москву кафедру главы русской Церкви, митрополита Феогоста, и с его помощью начинает объединять вокруг Москвы русские земли, раздробленные на множество удельных, фактически самостоятельных княжеств.

Весьма важным и благоприятным для Руси обстоятельством было то, что Иван Данилович сумел добиться права самому собирать в своем княжестве дань, которую нужно было выплачивать победителям. Вслед за ним получили это право и другие крупные князья. До этого дань собирали особые татарские уполномоченные – баскаки, и их наезды на Русь всегда сопровождались злоупотреблениями и насилиями. На баскаков управы не было: по положению, определенному для них еще Чингисханом, они стояли выше князей и военачальников, имели право вмешиваться во внутренние дела побежденной страны, творить в ней суд и расправу, отчитываясь в своих действиях только перед великим ханом.

Новая система сбора дани не только избавляла Русь от этого зла, но и давала великому князю возможность удержать в своих руках часть собранных средств. Он их употреблял на укрепление мощи своего княжества и на его расширение: некоторые соседние уделы он просто покупал у их владельцев.

Таким образом, Иван Калита, каковы бы ни были его нравственные качества<sup>13</sup>, в истории Руси является первым искусным зодчим, начавшим из феодальных «кирпичей» строить то грандиозное здание, которое впоследствии превратилось в великое Российское государство.

---

<sup>12</sup> Многие города, напр. Сновск, Орогощ, Хоробр, Вщиж, Брягин и др., вообще не были восстановлены и навсегда исчезли после татарского нашествия.

<sup>13</sup> Целый ряд исторически несомненных фактов свидетельствует о том, что эти качества были у Калиты весьма невысоки.

\* \* \*

Как уже было отмечено, в числе дотла разрушенных русских городов находился и Чернигов, бывший столицей огромного княжества, по занимаемой площади, богатству и количеству городов в ту пору самого крупного на Руси. Последним его государем был великий князь Михаил Всеволодович, в 1246 году зверски убитый в ставке хана Батыя и причисленный православной Церковью к лику святых мучеников.

Стоит отметить, что, вопреки весьма распространенному мнению, он был казнен вовсе не за отказ изменить своей вере. Никто его к этому не принуждал: татары отнюдь не были религиозными фанатиками, отличаясь, наоборот, полнейшей терпимостью и даже уважением к чужим верованиям. Они не только не стремились отвратить русских от православия, но и своим не возбраняли принимать его. Достаточно вспомнить, что старший сын Батыя, хан Сартак, и его жена были православными; почти несомненно был им и дядя Батыя Чагатай – второй сын Чингисхана; мурза Чет, в крещении Захарий, отпущенный из Орды великим ханом Узбеком к Ивану Калите, на свои средства выстроил знаменитый Ипатьевский монастырь. Несколько крестившихся татар были причислены русской Церковью к лику святых. Таков, например, святой Петр Ордынский, племянник Батыя, умерший в Ростове монахом в 1290 году. Святой Петр, мученик Казанский, тоже был татарин. Память первого из них празднуется 30 июня, второго – 24 марта. Были и другие.

В силу таких порядков на совесть князя Михаила Всеволодовича в Орде никто не посягал. Но при приближении к ханскому трону татарский обычай от всех иностранцев требовал соблюдения особого, унижительного ритуала: нужно было проходить между «очистительными» кострами, подвергаться окуриванию дымом из особых кадилниц, согнувшись проходить, а иногда и проползая под низко натянутой веревкой и разговаривать с ханом, стоя на коленях. Исключений не делали ни для кого. Из всех русских и нерусских князей, послов и папских легатов, являвшихся в Орду, один лишь князь Михаил Черниговский наотрез отказался выполнять эти требования и предпочел смерть унижению, – так же как находившийся при нем и разделивший его участь боярин Феодор<sup>14</sup>. Но даже Батый, взбешенный непреклонностью русского князя и уже отдавший приказ его немедленно казнить, не отказал ему в желании причаститься перед смертью у православного священника. И только после этого ханские телохранители повергли гордого черниговского князя на землю и затоптали его ногами.

После разрушения Чернигова и смерти Михаила Всеволодовича великое княжество Черниговское перестало существовать: оно было разделено между четырьмя сыновьями погибшего князя Михаила, образовав самостоятельные, но в общем порядке подчиненные золотоордынскому хану княжества: Брянское, Карачевское, Новосильское и Тарусское.

Из этих новообразованных княжеств преобладающее значение имело Брянское, доставшееся старшему из четырех сыновей, Роману Михайловичу, который перенес в Брянск епископскую кафедру из разрушенного Чернигова и на Руси считался крупной величиной. Но это княжество было и самым беспокойным, что обуславливалось характером его князей, а еще того более географическим положением: на западе оно граничило с Литвой, постепенно захватывавшей окраинные русские земли, а на севере – с крупным княжеством Смоленским, не упускавшим случая расширяться за счет соседей. В силу этого брянским князьям беспрестанно приходилось обороняться то от Литвы, то от Смоленска. Впрочем, они в долгу не оставались и сами не раз нападали на смоленские земли, а также на своего менее воинственного восточного соседа – княжество Карачевское.

---

<sup>14</sup> От него идет дворянский род Зюзиных.

Ко всему этому вскоре прибавились и внутренние неурядицы: потомки и наследники Романа Михайловича вступили между собой в жестокую и бесконечную борьбу за княжеский стол. Их усобицы были для всего этого края особенно тяжелы, ибо с легкой руки Романа Михайловича, боровшегося с Литвой при поддержке татар, у брянских князей вошло в обычай обращаться к татарам за помощью в своих войнах с русскими соседями и друг с другом. Призванные ими ордынские отряды грабили и разоряли население, и без того доведенное до нищеты постоянными войнами. В конце концов дошедший до отчаянья народ начал восставать против своих князей и последний из них, Глеб Святославич, в описываемую пору мог чувствовать себя в относительной безопасности только за прочными стенами своего кремля<sup>15</sup>.

\* \* \*

Карачевское княжество досталось Мстиславу Михайловичу, третьему из сыновей святого Михаила<sup>16</sup>. Его столицей сделался Карачев – один из древнейших русских городов, упоминаемый летописями уже под 1146 годом и превратившийся впоследствии в захолустный уездный городок Орловской губернии.

Кроме Карачева, в состав этого княжества входили еще девять городов со своими областями: Козельск, Волхов, Елец, Звенигород, Мосальск, Серпейск, Лихвин, Белев и Кромы. Города Орла тогда не существовало. Он возник на три столетия позже, в качестве небольшой крепости, прикрывавшей Москву от набегов крымских татар. Ему несчастливилось: неоднократно его разрушали татары, несколько раз он выгорал дотла и только лишь в 1796 году стал губернским городом. В память прошлой, оборонительно-боевой службы на гербе его изображена крепость, так же как и на гербе города Карачева.

Читатель, знакомый с русской историей только в объеме курса средней школы, о существовании Карачевского княжества едва ли что-нибудь слышал. В общепринятых учебниках истории о нем не только ничего не сказано, но даже не упоминается его название. Объясняется это тем, что в период объединения русских земель вокруг Москвы оно находилось под властью Литвы и в формировании Российского государства заметной роли не играло, а правившие им князья не отличались достаточно беспокойным нравом, чтобы обратить на себя внимание летописцев и историков.

А вместе с тем это княжество просуществовало более двухсот лет и территория его в начале была довольно значительна: по занимаемой площади оно превышало многие европейские государства, даже такие, как современные Венгрия и Португалия. Применительно к нынешней карте России оно занимало всю Орловскую область, больше половины Калужской, значительную часть Тульской и Курской и немного захватывало Воронежскую.

Правда, через несколько десятков лет оно разделилось между ближайшими потомками Мстислава Михайловича на шесть княжеств: Карачевское, Козельское, Волховское, Звенигородское, Елецкое и Мосальское. Но Карачевское среди них оставалось главным, а остальные считались его уделами и сохраняли некоторую зависимость от Карачева, вначале вполне реальную, а позже скорее традиционную. Все эти княжества в совокупности носили в народе название земли Карачевской.

В Карачеве, на так называемом большом княжении, всегда сидел старший член рода, не по возрасту, конечно, а по порядку династического старшинства. В пределах своей земли, в

---

<sup>15</sup> В начале второй половины XIV в. из рода брянских князей никого в живых не осталось, и ярлык на Брянск был дан смоленскому князю Василию. Но в том же 1356 г. весь этот край был захвачен литовским князем Ольгердом, который посадил на княжение в Брянске своего сына Дмитрия.

<sup>16</sup> Здесь не принимается во внимание Ростислав, самый старший из сыновей князя Михаила, который, женившись на дочери венгерского короля, переселился в Венгрию, где получил от тестя в удел княжество Мачевское в прикарпатской области.

отличие от удельных, этот князь назывался «на́большим», или великим. Что же касается карачевских уделов, то из них первым по значению считался Козельский, вторым Звенигородский, а последним Мосальский.

\* \* \*

По характеру своему карачевские князья, в полную противоположность брянским, были не воинственны, а спокойны и домовиты. За славой они не гонялись, усобиц избегали, старину блюли крепко, были рачительными хозяевами, о подданных своих заботились больше, чем соседние князья, и народ их любил. В войны и распри с соседями они вступали, лишь обороняя свое, но сами на чужое не посягали. Бывали среди них неизбежные в то время споры о старшинстве, бывала и зависть, но в общем жили они тихо. Исторические источники сохранили о Карачевском княжестве и его князьях очень немного сведений, которые к тому же весьма отрывочны и разрозненны. Драматический случай, отмеченный русскими летописцами и послуживший основной темой этой книги, является, кажется, единственным нарушившим патриархальное течение жизни этого глухого лесного угла феодальной Руси.

После смерти князя Мстислава Михайловича, прожившего долгую жизнь, ему наследовал старший сын Святослав. О нем известно лишь то, что в 1310 году он, защищая свою вотчину, пал от руки брянского князя Василия Александровича. Детей у него не было, и на большое княжение вступил после него следующий по старшинству брат, Пантелеймон Мстиславич. Из двух младших братьев Тит Мстиславич получил в удел княжество Козельское, а Андрей Мстиславич Звенигородское.

В 1338 году, с которого начинается это повествование, князю Пантелеймону было уже за семьдесят. Его единственным сыном и наследником был княжич Василий.

## Глава 3

*XIII–XIV века были на Руси порой всеобщего упадка, временем узких чувств, мелочных побуждений, ничтожных характеров... Князья замыкались в кругу своих частных интересов и выходили из этого круга только для того, чтобы попользоваться за счет других.*

*Проф. Ключевский*

На небе еще не погасли последние отблески поздней вечерней зари, когда из открытых башенных ворот карачевского кремля вытянулся на дорогу отряд, насчитывающий сотни две всадников. Почти все они были одеты в тегиляи – толстые стеганые кафтаны со вшитыми в них кусками проволоки, неплохо защищающие от сабельных ударов низкие меховые шапки и шаровары, заправленные в высокие смазные сапоги. Сотники, десятники и некоторые рядовые воины были в кольчугах и легких металлических шлемах – шишаках.

Вооружение их не отличалось однообразием: у одних за спинами виднелись луки и колчаны со стрелами, другие были вооружены копьями и сулицами. Но саблю или меч имел почти каждый. Лишь очень немногие предпочитали этому оружию боевой топор – чекан, да кое у кого были привешены к седлам тяжелые, окованные железом дубины – палицы.

Во главе отряда, несколько опередив его, ехали воевода Алтухов, Василий Пантелеймонович и его стремянный<sup>17</sup> Никита Толбугин. Княжич, не любивший обременять себя тяжелым доспехом, выехал налегке: в том же охотничьем кафтане, только на голову надел золоченый шлем – ерихонку – да к поясу пристегнул кривую угорскую саблю. Никита, чернородый

---

<sup>17</sup> *Стремянный* – древний придворный чин, заведующий верховыми лошадьми и в то же время нечто вроде личного адъютанта.

мужчина лет тридцати, богатырского роста и сложения, был в кольчуге и в шишаке. Под стать всаднику был и его массивный гнедой конь, перед которым даже высокий и стройный аргамак Василия казался жеребенком.

Никита Толбугин не был коренным карачевцем. История его появления в этом княжестве была не совсем обычной. Отец его, сын боярский<sup>18</sup> Гаврила Толбугин, служил в дружине брянских князей и, сложив свою голову в одной из бесчисленных усобиц, оставил семнадцатилетнему Никите небольшую вотчину под Брянском. На попечении юноши оказались также мать и сестра, бывшая на два года младше его. Через год мать умерла от оспы, сестра вскоре вышла замуж, и ничем более не связанный сын боярский Никита Толбугин, с детства считавший военную службу единственным достойным мужчины занятием, по примеру отца, поверстался в дружину брянского князя Дмитрия Святославича.

Благодаря своей необыкновенной силе, отваге и исполнительности он быстро выдвинулся, и несколько лет спустя князь и воеводы стали назначать его старшиной отдельных отрядов и давать ответственные поручения. Все, казалось, складывалось для него хорошо и сулило ему дальнейшие милости князя. Но судьба распорядилась иначе.

Лет за пять до описываемых здесь событий князь Дмитрий Святославич, воспользовавшись некоторыми затруднениями своего близкого родича, князя Ивана Александровича Смоленского, пошел на него войной и осадил Смоленск. Но город отчаянно защищался, и осада затянулась. Тогда Дмитрий Святославич, по скверному обыкновению брянских князей, позвал на помощь татар. Ордынцы подобных приглашений обычно не отвергали, ибо для них это была возможность безнаказанного грабежа и легкой наживы. Появившись на смоленских землях в качестве союзников брянского князя, они принялись грабить русские деревни и угонять жителей в плен.

Никите это сильно не нравилось. С каждым новым днем осады он становился все более хмурым. К тому, что русские воюют с русскими, он привык, это казалось ему в порядке вещей – дело, мол, домашнее. Но самим же наводить на Русь басурманов, думал он, это уж совсем негоже.

Однажды осадный воевода послал его с донесением к князю Дмитрию Святославичу. До княжеской ставки было верст восемь, и путь лежал через большое смоленское село, где как раз в это время бесчинствовал отряд татарской конницы. При виде того, как ненавистные каждому русскому человеку монголы вытаскивали из домов убогие крестьянские пожитки и вязали руки ремесленникам, предназначенным, как обычно, для увода в Орду, в груди Никиты поднялась тяжелая, удушливая злоба, которая едва не заставила его вмешаться в дело. Но он поборол это желание, понимая, что татары его просто убьют и все равно ограбят село. «Нечего сказать, славные дружки у нашего князя», – с ненавистью подумал он и к ставке подъехал мрачный как туча.

Когда Дмитрий Святославич, оповещенный о прибытии гонца, вышел из своего шатра, Никита слез с лошади, поклонился и, не глядя князю в глаза, доложил то, что ему было приказано.

– Добро, – сказал князь, – можешь идти.

Но гонец не двинулся с места и, подняв голову, в упор глянул на князя.

– Что еще? – спросил Дмитрий Святославич, несколько удивленный выражением лица своего дружинника.

– Почто, княже, призвал ты поганых татар русскую землю зорить? – вновь наливаясь злобой, глухо спросил Никита. Князь Дмитрий от столь неслыханной дерзости в первый момент лишился дара речи. Но, придя в себя, гневно закричал:

– Ты пьян, холоп! Как смеешь ты мне, своему государю, такое молвить?!

---

<sup>18</sup> *Детьми боярскими* назывались в то время служилые дворяне.

– Не пьян я, Дмитрий Святославич, и холопом ничьим отродясь не был! До сей поры был я твоим верным воем и не жалел за тебя головы. А ныне постиг, что творишь ты каиново дело, и больше я тебе не слуга! С тем оставайся здоров, со своими татарами! – Сказав это, Никита повернулся к князю спиной и сделал шаг к своему коню.

– Вязать вору<sup>19</sup>! – закричал князь, хватаясь за саблю. Поблизости находилось пять или шесть дружинников, которые, повинуясь приказу, не очень охотно набросились на Никиту. Но он в минуту расшвырял их, как котят, и, даже не повернув головы в сторону потрясавшего саблей князя, вскочил на коня и ускакал.

Отказавшись служить брянскому князю, Никита не нарушил ни законов, ни обычаев своего времени: в средневековой Руси каждый боярин и сын боярский имел право поступить на службу к любому князю и по своей воле мог его когда угодно оставить и перейти к другому, даже не русскому. Это так называемое «право отъезда», несмотря на то что князья всячески старались его ограничить и постепенно урезывали, просуществовало до Ивана Грозного, который его окончательно отменил после отъезда в Литву князя Андрея Курбского.

Но Никита Толбугин не только отъехал от князя Дмитрия Святославича, а еще и оскорбил его. Обид же брянские князья никому не прощали, и за дерзость свою Никита поплатился вотчиной. В то время денежного жалованья служилым дворянам не платили. Они получали часть воинской добычи да кое-когда подарки от князя, в основном же должны были жить и снаряжаться на доходы от своей вотчины, а если таковой не имели, – с того поместья, которое князь им давал за службу, как тогда говорили, «в кормление». В случае отъезда поместье, конечно, отбиралось. Родовых вотчин, в силу обычая, князья отбирать не могли, но иногда, пренебрегая этим, в гневе отбирали и их. Так случилось с Никитой, и ему волей-неволей пришлось покинуть родные края, чтобы искать счастья на службе у другого князя.

Далеко ехать ему не пришлось: Карачев, стольный город соседнего княжества, находился от Брянска в пятидесяти верстах. Карачевские князья считались добрыми, справедливыми государями, а потому, покинув Брянщину, Никита отправился прямо туда и предложил свои услуги князю Пантелеймону Мстиславичу.

Окинув оценивающим, хозяйским взглядом фигуру богатыря и выслушав без утайки рассказанную историю его отъезда от брянского князя, Пантелеймон Мстиславич принял его в свою дружину и выделил ему небольшое поместье близ Карачева. Он и сам немало зла терпел от Дмитрия Святославича, а потому чувства Никиты были ему понятны.

На службе у нового князя Никита Толбугин, обладавший всеми качествами образцового воина, сразу завоевал общее уважение, а своим прямым характером особенно полюбился Василию, который вскоре взял его к себе стремянным. Никита в свою очередь привязался к княжичу всей душой и за него готов был идти в огонь и в воду.

\* \* \*

Перейдя вброд через реку Снежить, на которой стоит Карачев, отряд двинулся по пыльной, змеящейся меж холмов и оврагов дороге и вскоре втянулся в высокий кустарник, постепенно перешедший в густой темный лес. Тут вначале заметно преобладали лиственные деревья, но по мере отдаления от города их становилось все меньше, они уступали место хвойным, и наконец вокруг отряда сомкнулся могучий сосновый бор, в котором лишь местами, на редких полянах, виднелись исполинские, в несколько обхватов дубы да черными пирамидами вздымались к небу мохнатые ели.

Свет луны слабо проникал сквозь толщу огромных ветвей, с обеих сторон перекрывавших узкую просеку, по которой попарно двигались всадники. Но даже в этой почти полной

---

<sup>19</sup> Слово «вор» в то время означало «изменник».

темноте сбиться с пути было трудно: дорога шла прямо и не имела ответвлений, да и дружинники, будучи коренными жителями лесного края, отлично ориентировались даже в незнакомом лесу, а этот все они хороши знали.

Наконец тропа заметно пошла под уклон, твердая почва под ногами коней стала сменяться более мягкой, песчаной. Чувствовалась близость реки. Было уже за полночь, когда навстречу потянуло сырой прохладой, в лесу сделалось светлее, и сквозь поредевшие сосны передние всадники увидели тихую поверхность Ревны, посеребренную лунным светом.

– Отдых! – скомандовал княжич, подъезжая к самой воде и соскакивая с коня.

На берегу дружинники спешивались, привязывали лошадей и, отломив от ближайшего дерева веточку, подходили к реке. Тут каждый, истово перекрестившись и бросив веточку в воду, чтобы задобрить водяного, только после этого принимался утолять жажду. Затем все расседлали коней и тут же расположились на отдых.

– Поприщ тридцать позади оставили, – промолвил воевода Алтухов, снимая шлем и подходя к княжичу, который сидел на опушке, опираясь спиной на ствол огромной сосны. – До Бугров тут рукой подать.

– Садись, Семен Никитич, – сказал Василий. – Покуда люди и кони маленько отдохнут, давай поразмыслим, что дальше делать. Никита, покличь-ка Лаврушку!

– Тутка я, княжич, – отозвался Лаврушка, ожидавший этого зова и потому вертевшийся поблизости.

– А ну, подойди сюда.

Парень приблизился: он был по-прежнему в лаптях, но в новых портах и рубахе. На боку висела тяжелая сабля, которую он то и дело оправлял с заметной гордостью.

– Ишь ты, какой хват! Прямо воевода, – засмеялся, глядя на него, Василий. – А рубить-то саблей ты умеешь?

– Не случилось, пресветлый княжич, – признался Лаврушка, – да авось Господь помогнет. На брянцев-то я столь лют, что хоть чем их крушить готов.

– Ну, того долго ждать тебе не придется. А сейчас сказывай: далече ли отсюда та поляна, с которой ты от брянцев утек?

– Да ежели напрямиком, поприща три, не боле. Я тут одну тропку знаю, по ей враз туды выйдем.

– Ладно, поедешь рядом со мной, в голове отряда. А с той поляны по следу пойдем.

На небе уже занимался рассвет, когда, отдохнув и напоив лошадей, отряд тронулся дальше. Лаврушка очень скоро вывел его на поляну, куда накануне брянские воины сгоняли пленных. Отсюда расходились три лесные тропы, но даже неопытный человек безошибочно определил бы, по какой из них ушли нападавшие: такая ватага конных и пеших людей, конечно, оставила за собой многочисленные и хорошо заметные следы.

Как и предполагал Василий, брянцы пошли вдоль Ревны, по направлению к Десне. Было очевидно, что, не рискуя блуждать в незнакомом лесу, они решили добраться до переправы, придерживаясь берега реки. Это удлиняло им путь верст на двадцать.

– Теперь не уйдут, – сказал княжич. – Пусть даже шли они до глубокой ночи, все одно более тридцати поприщ не сделали и теперь стоят станом где-либо в лесу, не дойдя Десны. До Свенской переправы им еще столько же, стало быть, хватит на целый день. С полоном-то не расскачешься! Мы их к полудню настигнем, даже не томя коней.

– То истина, Василей Пантелеич, – отозвался воевода, – но можно и лучше сделать: разделим тут наши силы. Половина пойдет по следу и насыдет на брянцев с тылу, а другая, пройдя напрямиком через лес, отрежет им путь к переправе. Так мы их с двух сторон займаем!

– Ладно придумал, Семен Никитич! – одобрил Василий. – Давай так и сделаем. Только ровно ли пополам людей делить?

После короткого совещания княжич и воевода выработали следующий план: полторы сотни дружинников, под начальством Василия, Лаврушка прямыми тропами выведет в засаду, перерезав путь отступающим. Алтухов с пятьюдесятью всадниками пойдет по следу и, догнав брянский отряд, будет скрытно идти за ним на небольшом расстоянии, чтобы ударить с тыла в тот момент, когда впереди начнется сражение.

Сговорившись обо всем, Василий и Алтухов со своими людьми по двум различным дорогам углубились в лес. Лаврушка на ладном и крепком коне, которого накануне увел у брянцев, ехал рядом с Василием. В дремучих зарослях этого леса он чувствовал себя как дома и уверенно вел отряд по едва приметным тропкам, иногда столь узким, что двигаться можно было только гуськом. Часов в десять утра они вышли на широкую просеку, ведущую к переправе через Десну.

По отсутствию свежих следов убедившись в том, что неприятельский отряд сюда еще не дошел, Василий облегченно вздохнул и приказал, соблюдая полную тишину, двигаться навстречу брянцам, с тем чтобы отыскать удобное место для засады. Вскоре оно нашлось. Здесь дорога выходила на узкую, но длинную поляну с опушками, густо поросшими молодым ельником. Это позволяло укрыть всадников у самой дороги и напасть на противника внезапно, с обеих сторон.

– Ну, лучшего места и искать нечего, – сказал княжич, внимательно осмотревшись кругом. – Ты, Никита, бери половину людей и расставь их за елками справа от дороги, а я с другой половиной останусь слева. Как только вся их сила втянется на поляну, я велю затрубить в рожок, и налетим разом по всей длине, чтобы никто из них и опаматоваться не успел. Да глядите все: тех, кто станет сдаваться, зря не сечь! Старайтесь живьем поболее народа взять.

– Наверяд ли станут они шибко обороняться, – заметил Никита. – За такого князя, как Глеб Святославич, кому охота живота лишиться?

– Это как знать! Народ брянский князем обижен, в том спору нет, но воев своих он к грабежу приохотил и долю им дает немалую. Они не столь княжью выгоду будут защищать, сколь свою, и награбленного добра легко не отдадут. Ну, да о том гадать нечего, невдолге узнаем.

По расчетам Лаврушки брянцы должны были подойти сюда не раньше полудня, а потому, выслав им навстречу дозор, Василий приказал воинам отдыхать и кормить коней.

Часа через полтора дозорные донесли, что брянский отряд находится в трех верстах и двигается по просеке без соблюдения каких-либо мер предосторожности. До переправы отсюда оставалось не более семи верст, и люди Глеба Святославича считали себя почти дома.

– По местам! – скомандовал Василий, и через две-три минуты самый внимательный взгляд не заметил бы вокруг поляны ничего подозрительного. Только шелестели вверху колеблемые легким ветерком вершины деревьев да густо толпились по опушкам леса молодые ели, вызолоченные полуденным солнцем.

## Глава 4

*Того же лета (1310) князь Василей Бряньский ходи с татары к Карачеву и уби там князи Святослава Мстиславичя Карачевского.  
Патриаршая летопись*

Вскоре в чаще леса послышались голоса и мерный стук копыт идущей шагом конницы. На поляну стали выезжать всадники, по двое в ряд. Они были одеты и вооружены так же, как и карачевские воины, только металлических доспехов и кольчуг тут виднелось гораздо больше.

Впереди всех на статном вороном жеребце ехал в богатых доспехах мужчина лет тридцати, с пышными русыми усами и гладко выбритым подбородком. Поза его была небрежна,

взгляд лениво-рассеян. Полуденное солнце припекало изрядно, и всадник ехал с непокрытой головой – шлем его мирно колыхался на луке седла.

– Пашка Голофеев, – пробормотал княжич Василий, внимательно глядевший на дорогу из-за ближайших елей. – Вот бы этого пса живым взять! За него князь Глеб полсотни смердов в обмен не пожалеет.

Между тем отряд вытянулся уже почти через всю поляну. За головной сотней дружинников следовало десятка два телег, груженных награбленным скарбом. За ними плелась довольно длинная цепочка пленных крестьян, связанных попарно за руки и, по практике, заимствованной от татар, скрепленных одним общим ремнем. Сзади шла вторая сотня всадников. Ехали они вразвалку, громко разговаривая и перебрасываясь шутками. Многие снимали с себя не только шлемы, но и кольчуги, перекинув их перед собой поперек седел. По всему было заметно, что они считают набег удачно законченным и о какой-либо опасности не помышляют.

Резкий звук рожка прорезал тишину леса. Опушки поляны внезапно ожили, и на растерявшихся брянцев, с устрашающим криком, с двух сторон обрушились карачевские воины. Многие еще не успели сообразить, что произошло, и схватиться за оружие, как были уже выбиты из седел или заарканены. Но остальные быстро пришли в себя, и на дороге завязалась жестокая схватка. В ней все перемешалось. Из-за тесноты поляны о применении луков и даже копий не приходилось и думать, дрались лишь оружием короткого боя – саблями, палицами и чеканами.

Особенно лютая сеча разгорелась вокруг пленников и телег с добром. Брянцы и впрямь с добычей расставаться не любили и защищали ее отчаянно.

Лаврушка, находившийся в засаде рядом с Василием, выскочил на дорогу как раз напротив своих связанных односельчан. В первую минуту боя здесь, кроме нескольких человек охраны, никого не было, и потому, воспользовавшись тем, что княжич ловко смахнул с седла ближайшего конвойного, он, размахивая саблей, подскакал к цепочке пленных, в нескольких местах перерубил соединявший их ремень и даже успел кое-кому освободить руки. Но сейчас же брянцы хлынули сюда с обеих сторон, и Лаврушке пришлось туго. Саблей он владел плохо, но был мускулист и ловок, а легкая рубаха, составлявшая весь его доспех, не стесняла свободы движений. К тому же жгучая ненависть к этим людям, ни за что разорившим его родное село, удваивала его силы.

От первого наскочившего на него брянского воина он отбил удачно: быстро пригнувшись к гриве коня, избежал сокрушительного удара меча, который просвистел над его головой, а затем, разом выпрямившись и махнув наудалую саблей, он с радостью увидел, что противник его валится с седла. Однако радость эта была преждевременной: другой брянский дружинник – один из вчерашних караульных, – здоровенный детина, вооруженный пудовой палицей, узнал Лаврушку и направил на него коня.

– А, это ты, чертов хорек! – закричал он. – Ну, пожди, зараз я тя научу, как из полоня бегать и чужих коней уводить!

Лаврушка поднял было саблю, но могучий удар окованной железом дубины выбил ее из его неопытных рук. Палица вновь взметнулась кверху и на этот раз размозжила бы голову беззащитному теперь Лаврушке, если бы Василий, рубившийся рядом, не пришел на выручку: наскочив сбоку на верзилу, он махнул саблей, и страшная палица, вместе с отсеченной рукой покатила под ноги коням.

– Спаси тя Христос, княжич, как ты меня спас! – крикнул Лаврушка, не чаявший остаться в живых.

– Ништо, – ответил Василий. – Подбирай-ка саблю да вдругораз не плошай!

– Да ты, сынок, возьми-ка лучше вот эту штуку, – сказал один из развязанных Лаврушкой крестьян, подавая ему упавшую на землю палицу. – Она нашему брату куды сподручней сабли!

Лаврушка принял новое оружие, для пробы взмахнул им в воздухе и сразу понял, что земляк его говорит дело. Через минуту его палица уже мелькала над головами брянцев в самой гуще свалки.

Княжич между тем старался пробиться поближе к Голофееву, но это было нелегко, так как он находился по другую сторону дороги, загроможденной в этом месте телегами. Вокруг них шла сейчас горячая схватка.

Брянский воевода, так и не успевший надеть шлема, который скатился у него с седла при первой же сшибке, посмеиваясь, вертелся на своем жеребце среди нападающих, отбивая удары и ловко действуя саблей. Он был искусным воином, прошедшим у всегда воюющих брянских князей хорошую боевую школу, а потому вскоре вокруг него расчистилось место и на земле уже лежало несколько сраженных им карачевских дружинников. Остальные невольно подались назад.

– А ну, пахари, насакивай, кто еще желает попробовать брянского гостинца! – куражился Голофеев. – Вы, чай, у своих святых князей больше приучены саблями дрова колоть, чем рубиться! Пользуйся, карачевщина, сей день всех обучаю бесплатно!

– погоди, Пашка, может, и я тебя кой-чему выучу! – крикнул Никита Толбугин, пробиваясь к нему на своем могучем коне.

– А, здорово, перевертыш! – узнал старого сослуживца Голофеев. – Ну как, отдохнул у князя Пантелея Мстиславича от ратного дела? Небось коров у него доишь?

– Я-то не дою, а вот тебя, как приведем в Карачев, мы к этому делу и приставим, – ответил Никита, замахаясь тяжелым мечом. Но Голофеев, знавший, что теперь встретился с серьезным противником, был начеку и легко отбил удар.

Начался поединок, в котором возможности сторон казались равными. Голофеев уступал Никите по силе, но зато превосходил его ловкостью и навыком. Он перестал зубоскалить и все внимание сосредоточил на острие сабли. В короткий срок он сбил с противника шишак и задел его щеку. Рана была пустячная, но лицо Никиты залилось кровью, и Голофеев снова повеселел.

– Пожди, колода, сейчас я из тебя наколю лучины, – начал он, но кончить не успел: под ударом Никиты сабля его переломилась надвое, а в следующую секунду, богатырской рукой вырванный из седла, он уже барахтался на земле и двое карачевцев вязали его ремнями.

Эта победа Никиты решила исход сражения, которое уже подходило к концу. Люди княжича Василия всюду теснили брянцев. Развязавшие друг друга пленники, вооружившись чем попало, крушили их с тыла и вязали упавших на землю или сдавшихся. Увидев, что схвачен их воевода, немногие еще защищавшиеся брянцы побросали оружие. Лишь человек сорок, находившихся в самом хвосте колонны, успели повернуть коней и вскачь пустились назад, по дороге. Зная, что там они столкнутся с отрядом Алтухова, Василий тотчас послал следом за ними с полсотни всадников, чтобы зажать их с двух сторон. Алтухов в это время уже подходил к поляне. Попав между двух огней, беглецы предпочли в новый неравный бой не вступать и сдались по первому требованию.

– Ну, с полем тебя, Василей Пантелеич, – сказал воевода, подъезжая к Василию. – Быстро ты управился! Мы всего на версту позади их держались и то ко времени не успели. Однако много вы их посекали, – добавил он, оглядывая усеянную телами поляну.

– Чтобы в другой раз поразмыслили, допрежь чем идти разбойничать в нашу землю, – ответил княжич, снимая шлем и вытирая платком вспотевшую голову. – Но их тут больше повязанных валяется, нежели убитых. Разбери-ка, Семен Никитич, что к чему, да наведи счет и порядок. Также погляди, чтобы раненым немедля была помощь оказана.

Алтухов тотчас приказал освобожденным крестьянам подобрать раненых и отнести их на берег ручья, протекавшего в нескольких сажнях от поляны. Убитых он велел складывать отдельно, у дороги. Дружинники под наблюдением Никиты тем временем собирали пленных, ловили коней и сносили в кучу взятое у брянцев оружие.

Через полчаса итоги сражения были подведены. Карачевский отряд потерял убитыми восемь человек, и более двадцати были ранены, из них пятеро тяжело. Победителям досталось полтора ста пленных, около двухсот лошадей и много оружия. У брянцев семнадцать воинов было убито и свыше тридцати ранено.

– А среди взятых, кроме Голофеева, есть ли еще дети боярские? – спросил Василий, когда воевода доложил ему обо всем.

– Есть четверо, княжич.

– Добро, Семен Никитич, пойдём-ка поглядим, что там за люди, да рассудим и урядим, что надобно.

Осмотрев пострадавших, раны которых обмывали у ручья, а затем перевязывали, обложив листьями подорожника, Василий и Алтухов вышли на дорогу. Справа от нее стояла толпа пленных брянцев, слева – группа отбитых крестьян. Глянув в их сторону, княжич заметил чуть поодаль от других милостивую девушку лет семнадцати. Рядом с нею спиной к дороге стоял воин в высоких сапогах, кольчуге и шлеме, на боку его висела кривая сабля. Он держал девушку за руку и что-то ей говорил, – слов не было слышно, но по счастливому выражению ее раздумывавшегося лица нетрудно было догадаться, о чем у них шел разговор.

– Эге, человек, ты, я вижу, времени терять не любишь, – сказал Василий, подходя к этой паре и коснувшись плеча воина рукоятью плети.

Дружинник быстро обернулся, и княжич с удивлением узнал Лаврушку.

– Вон оно что! – вымолвил он. – Где ж это ты разжился столь знатным доспехом?

– Сбил с седла одного врага, пресветлый княжич, ну и завладел его правой. В самую пору на меня все пришлось!

– Ну, молодец! Дружинник теперь ты важный, ничего не скажешь. Вижу, и невесту себе заиметь успел?

– Да вот, случилась она среди тех людей, что брянцы из Бугров угнали...

– Теперь понимаю, почто ты так рвался в битву: зазнобушку свою выручить спешил! Ну что ж, значит, невдолге и свадьба?

– Не отдают за меня Настю родители, – сокрушенно промолвил Лаврушка. – Бают, голь я перекатная.

– Где же голь, ежели ты ныне княжий дружинник? Не печалуйся, да и ты, Настенька, не кручинься. Коли снадобится, сам буду вашим сватом, авось мне не откажут!

Оставив просиявшую при этих словах пару, Василий обратился к столпившимся вокруг крестьянам:

– Ну как, мужики, всё свое добро понаходили?

– Благослови тя Христос, пресветлый княжич, спаситель наш, – загалдели крестьяне, кланяясь в землю. – Все как есть в сохранности оказалось, туточки на телегах все и было покладено!

– Добро, значит, в этом убытка вам нет. Кто у вас тут староста?

– Ежели тебе от Клинковской общины, то я староста, твоя княжеская милость, – выступил вперед кряжистый седобородый крестьянин. – А бугровский – вона раненых пользует!

– Нет, мне ты и надобен. Как звать-то тебя?

– Ефимом звать, пресветлый княжич. Робкин я, сын Степанов.

– Скажи, Ефим, сильно погорело ваше село?

– Да, почитай, ничего не осталось, – ответил староста. – Ведь энти аспиды кажную избу порознь подпалили, а в ту пору еще и ветер был.

– Сколько же у вас всего дворов?

– Десять дворов, батюшка.

– А Бугры тоже спалили?

– Не, Бугры токмо пограбили. Видать, дюже поспешали они, анафемы.

– Все одно не ушли! А как мыслишь ты, староста, во что станет отстроить ваше село?

– Да что ж, лесу-то нам не куплять, – вишь сколько его Господь вырастил на потребу людям! А ежели на каждый двор, сверх того, прикинуть серебром гривны<sup>20</sup> по две, так лучше прежнего построятся и зажить можно.

– Добро, – сказал Василий, – получите по три гривны на семью. Да родителя стану просить, чтобы на два года ослобонил вас от податей. Ну, а теперь разбирайте телеги и езжайте с Богом. До ночи в обрат поспеете.

Отойдя от крестьян, земно кланявшихся и выкрикивавших слова благодарности, Василий приблизился к пленным брянцам. Они толпились по другую сторону дороги и, слушая, что княжич говорил смердам, толкали друг друга локтями и переглядывались: в Брянщине такого не бывало.

– Ну вот что, – жестко сказал Василий, обращаясь к ним. – С воеводой вашим и с боярскими детьми разговор у меня будет особый, а сейчас слово мое к простым воям: взял я вас с бою, на своей земле и с поличным – с поятыми у нас людьми и добром. Войны промеж Брянском и Карачевом ныне нет, и мог бы я вас всех казнить, аки татей и разбойников, либо обратить в холопы. Но я того не хочу, ибо ведаю: не своей охотой пошли вы на это подлое дело, а лишь по приказу. Того, кто его дал, судить будет Бог, вас же я отпускаю на волю. Запомните все мое слово да перескажите другим: карачевские князья никакой русской земле не вороги, чужого они не ищут, но за свою вотчину и за людишек стоят крепко – то вы сегодня и сами видели. Кони ваши, оружие и доспехи взяты нами в честном бою и останутся нам. Вы же берите своих убитых да раненых и ступайте с Богом. А ежели кто из вас вдругораз попадется мне за разбоем, разговор с ним уже будет иной: прикажу повесить на первом суку. Тому верьте, ибо слово мое крепко.

– Спаси тя Христос, княжич, – раздались голоса из толпы. – Нешто мы по своей воле пришли? Не дает Господь Брянщине добрых князей, вот и сами маемся, да и соседям поперек горла стоим!

Из гущи пленных, раздвигая локтями других и подталкивая друг друга, вышли на дорогу три молодых воина. Не говоря ни слова, они опустили на колени и поклонились Василию в землю.

– Сказывайте, чего хотите? – строго спросил княжич.

– Дозволь нам остаться, твоя княжеская милость, – за всех ответил один из воинов. – Тебе и родителю твоему, пресветлому князю Пантелею Мстиславичу, хотим служить!

До конца XV века все вольные люди, не попавшие еще в прямую зависимость от вотчинников (то есть в холопы, в закупы или в кабалу), были свободны покинуть земли одного княжества и переселиться в другое. Князь, от которого они уходили, конечно, старался удержать их всеми правдами и неправдами, но на новых местах их обычно принимали охотно, давали землю и на несколько лет освобождали от податей. Таким образом, просьба, высказанная брянцами, не заключала в себе ничего необычного, и Василий ответил:

– То ваше право, коли вы вольные люди, а не холопы, и я это право уважу. Ежели воями хотите служить – велю принять вас в дружину, а коли желаете хозяйствовать – получите землю и помощь. Но глядите сами: как бы семьям вашим не приключилось худа от брянского князя.

– В дружину твою хотим, княжич, а люди мы вольные, и семей у нас нету. Бобыли мы все трое!

– Кабы не семьи да не худоба<sup>21</sup>, почитай, все бы до вас утекли, – раздались голоса. – Разве у нас жисть? А уйти и не мысли: князь Глеб Святославич на расправу куды как лют!

<sup>20</sup> *Гривна* – основная денежная единица Древней Руси. Существовали три типа гривны: золотая, серебряная и кунная. Их стоимость и соотношение менялись в зависимости от эпохи. В XIV в. серебряная гривна заключала около 200 граммов чистого серебра. Золотая гривна ценилась в 6,5 раза дороже, а кунная – в 4 раза дешевле серебряной.

<sup>21</sup> *Худобой* крестьяне называют свою скотину и домашний скарб.

Все же еще несколько брянцев выразили желание остаться на службе у карачевских князей. Приказав всем им возратить коней и оружие, Василий распорядился, чтобы раненых и убитых карачевцев положили на крестьянские телеги, а затем велел привести Голофеева и пленных боярских детей.

Через несколько минут Никита подвел всех пятерых к огромному дубу, у подножья которого сидел Василий. Как и у остальных, руки у Голофеева были связаны за спиной, но глядел он самоуверенно, почти вызывающе.

– Тебя, Голофеев, по совести, надо бы повесить, – сказал княжич, сдерживая гнев, – поелику ты есть тать и разбойник доброхотный, а не приневоленный. Но я хочу через тебя же исправить то зло, что причинил ты нашей земле. А посему вот тебе мой сказ: будешь ты в железах сидеть у меня в яме<sup>22</sup> до той поры, покуда князь твой не пришлет за тебя откуп, тридцать гривен серебра. И пойдут те гривны на отстройку деревни, что ты спалил. Но это не все: восемь моих дружинников вы сегодня посекали насмерть, а пятерых изувечили. Из тех восьми убитых пятеро были семейные. Каждой осиротевшей семье и каждому покалеченному воину кладу по пяти гривен, и то серебро дадите вы, дети боярские, коли хотите выйти на волю. Конь и доспех у тебя таковы, что любому князю впору, – добавил он, обращаясь к Голофееву, – но Никита Толбугин одолел тебя на один, и ты обычай знаешь: все это принадлежит теперь твоему победителю. Захочешь откупить – ладься с ним, коли будет на то его согласие.

– А не мыслишь ты, княжич, – ухмыляясь, сказал Голофеев, – что вместо откупа князь Глеб Святославич через седмицу сам придет с дружиною вывести меня из твоей ямы, разметавши по бревнышку ваш Карачев?

– Что ж, коли схочет, пусть пробует. Яма та просторная, там и для него места хватит.

– Ты, видать, запамятовал, как не столь еще давно князь наш, Василей Александрович, дядю твоего родного, Святослава Мстиславича, в самом Карачеве живота лишил!

– Замолчи, собака! – в бешенстве крикнул Василий, вскакивая на ноги. – Как смеешь ты передо мною похваляться тем каиновым делом? Богом клянусь: еще слово вылетит из твоего поганого рта, и велю тебя повесить тут же, на этом дубе! А откуп твой не тридцать гривен, а шестьдесят! Колю пожалеем за тебя князь твой отдать столько серебра, – минет месяц, и голову тебе долой!

Голофеев прикусил язык и сразу утратил свою самоуверенность. Он почувствовал, что Василий без колебаний приведет свою угрозу в исполнение, и потому счел за лучшее его больше не раздражать.

Никита отвел пленных дворян к коновязи и, не развязывая им рук, всех по очереди, как малых ребят, поднял и усадил верхом на лошадей. Василий тем временем быстрыми шагами вышел на дорогу, где Алтухов уже собрал дружину и закончил приготовления к походу.

– По коням! – скомандовал княжич, и отряд тронулся в обратный путь.

## Глава 5

*А пишу вам се слово того ддя, чтобы не перестала память предков наших и наша и свеча бы родовая не погасла.*

*Из духовной грамоты вел. князя Симеона Гордого*

Город Карачев, насчитывавший в ту пору около пяти тысяч жителей, стоял на правом, возвышенном берегу реки Снежети. Укрепленная его часть, в старину называвшаяся детинцем, или кремлем, занимала пространство немного более семи десятин и имела форму неправильного пятиугольника, окруженного ровом и двухсаженным земляным валом.

---

<sup>22</sup> *Ямой* называлась тюрьма, камера заключения.

По срезанному верху этого вала тянулась городская стена, составленная из «городниц», то есть из ряда толстых бревенчатых срубов, приставленных вплотную один к другому. Внутренность этих срубов – клетей заполнялась землей и щебнем. Это образовывало солидную по тем временам крепостную стену высотой сажени в четыре, а толщиной в две. Таким образом, верх стены представлял собою довольно широкую площадку, откуда защитники города во время осады отражали приступы нападающих, сваливая на них камни, поливая горячей смолой и засыпая стрелами.

По внешнему краю этой площадки, для защиты от неприятельских стрел, тянулось «заборало» – высокий забор из толстых дубовых горбылей с прорезанными в нем «скважнями», то есть бойницами. На всех углах стены были выведены бревенчатые башни – «вежи». Такая же башня высилась над главными городскими воротами, выходящими на север. Другие, «малые» ворота были без башни и выходили на юг, к реке.

Внутри этого защищенного стенами пространства помещалась вся основная часть города. Здесь находился обширный княжеский двор с жилыми хоромами и службами, три церкви, дворы и хоромы нескольких карачевских бояр, дома старших служилых людей, оружейные мастерские и склады. Не исключая даже соборного храма, служившего усыпальницей карачевских князей, весь город был построен из дерева.

Стоит отметить, что эту приверженность наших предков к деревянным постройкам многие почитатели Запада и хулители России всегда склонны были объяснять двумя причинами: недостатком культуры и бедностью. Однако множество как доньше сохранившихся, так и обнаруженных при раскопках каменных церквей, выстроенных почти на заре нашей истории во всех крупнейших городах Руси, совершенно опрокидывает такое предположение. Многие из этих древних церквей поражали современников своим величием и роскошью отделки. Киевский Софийский собор, воздвигнутый в начале XI столетия, до сих пор является одним из самых замечательных образцов мировой архитектуры. О «Десятинной» церкви, построенной еще раньше Владимиром Святым, видевшие ее иностранцы говорили, что лишь на небе можно увидеть что-либо более прекрасное. Все это доказывает, что в Древней Руси не было недостатка ни в искуснейших зодчих, ни в мастерах каменной кладки, ни в материальных средствах. И если предки наши, строившие эти великолепные каменные храмы, сами предпочитали жить в деревянных дворцах, хоромы и избах, то скорее всего потому, что в условиях сурового русского климата они были удобнее, суше и теплее.

Вплотную к карачевскому кремлю, или собственно городу, примыкал разделенный на улицы посад, в котором жил народ попроще – главным образом торговый люд, семьи воинов, находившихся на постоянной службе в Карачеве, и различные «умельцы»: швецы, сапожники, седельники, плотники, шорники, оружейники, чеканщики и другие. Гончары и кожевники, ремесло которых нуждалось в близости воды, составляли чуть ниже города отдельную слободу, спускавшуюся к самой реке и частично перекинувшуюся на левый ее берег.

В расположении посадских изб и дворов, огороженных деревянными тынами, не было заметно никакого порядка, и потому соединяющие их улицы были причудливо извилисты. Но все они выводили путника на довольно обширную площадь, где стояла посадская церковь и находились торговые ряды.

Посад не был защищен внешними стенами, и потому в минуты опасности все его население покидало свои жилища и укрывалось за стенами кремля, принимая посильное участие в его обороне.

Княжеский двор, окруженный высокой стеной из заостренных наверху дубовых бревен, представлял собой как бы внутреннее укрепление. Напротив въездных ворот, в передней части этого двора, стояли обширные жилые хоромы с теремом посередине, выведенные из толстых сосновых бревен на высоком каменном основании и покрытые крутой тесовой крышей. По фронту этот дворец-изба занимал сажень двадцать. К средней части его фасада примыкало

невысокое, ступеней в шесть крыльцо, крытое трехскатной крышей, спереди опиравшейся на две деревянные колонны, покрытые затейливой резьбой. Резьбой же были изукрашены перила крыльца, наличники и ставни невысоких окон. В тереме окна были большие и широкие, и выходили они на все четыре стороны. На высоком древке, укрепленном на крыше терема, по обычаю, пришедшему сюда из Польши, развевался стяг князей Карачевских: на голубом полотнище – архангел Михаил с поднятым мечом в руке.

В передней части двора, возле ворот и вдоль боковых стен, тянулись помещения княжеских дружинников<sup>23</sup>. Позади хором, также примыкая к стенам двора, шли всевозможные службы: амбары, погреба, мыльни, сушильни, людские, поварни, конюшни и прочее. Непосредственно за дворцом был разбит небольшой, но тенистый сад, в котором ютилась княжеская баня, за садом шел огород, а в самом конце двора помещались псарня и коровник.

Дворец князя и все его обширное хозяйство обслуживало человек двести дворовых людей и челяди<sup>24</sup>, состоявшей как из вольных людей, так и из холопов, то есть лиц, попавших, в силу обстоятельств, на положение рабов. Такими обстоятельствами могли быть нарушения закона, женитьба на несвободной женщине без согласия ее хозяина и добровольная продажа самого себя в холопство. Но основная масса холопов состояла из пленных. В те времена русские удельные князья без конца воевали друг с другом, и нередко причиной этих войн являлось желание пополнить недостаток в людях за счет соседа.

Но вместе с тем русские князья отнюдь не стремились к установлению рабовладельческого строя и состояние холопства рассматривали как нечто временное и преходящее. Недостаток в рабочих руках и в земледельцах побуждал их захватывать побольше пленных, а чтобы они не ушли обратно, обращать их в рабство. Но едва лишь эти рабы – холопы обживались на новом месте, им обычно давали вольную или, снабдив землей, переводили на положение зависимых, а потом и вольных крестьян.

Случаи массового и совершенно безвозмездного освобождения рабов были нередки уже в XII и XIII столетиях, позже они стали еще более частыми. Так, например, сын Дмитрия Донского, великий князь Василий Первый, по завещанию перед смертью отпустил всех своих холопов на волю. После него это вошло в обычай у большинства русских князей и у многих бояр. Освобождение рабов проповедовала и православная Церковь.

\* \* \*

Минуло две недели после того дня, когда с Пантелеймоном Мстиславичем случился удар. Князь чувствовал себя лучше. К нему постепенно возвратился дар речи, но правая половина тела оставалась почти полностью парализованной, и большую часть времени он проводил, сидя у окна опочивальни, в глубоком ковровом кресле, в которое не без труда перебирался с постели при помощи Тишки и других слуг.

По состоянию здоровья Пантелеймон Мстиславич делами управления почти не занимался. Он будто ушел в себя, говорил мало и, как бы предчувствуя свой близкий конец, ко всему окружающему относился с вялым равнодушием. Но в Карачеве все шло обычным порядком. Старый князь, желая приучить сына к самостоятельности, последние годы поручал ему решение большинства дел и называл его своим соправителем.

Василий Пантелеймонович занимался делами государства охотно. В это время ему было уже двадцать семь лет. Образование его нельзя было назвать блестящим, но по тем временам, когда многие удельные князья были вовсе неграмотны, оно все же могло считаться изрядным:

---

<sup>23</sup> В XIV в. дружина чаще уже называлась «княжым двором». В этой книге название дружины сохранено лишь за младшей ее частью, то есть за личной гвардией князя.

<sup>24</sup> *Дворовыми людьми* князя назывались его придворные. Слуги же назывались челядью.

он умел читать и писать, хорошо знал счет, имел верное представление обо всех главнейших государствах Европы и Азии, в общих чертах знал прошлое и настоящее Руси, бегло говорил по-польски и сносно по-татарски. И само собой разумеется, был весьма сведущ в ратном искусстве: не было в ту пору князя, который не умел бы сам водить свои полки и сражаться в первых рядах, подавая воинам пример стойкости и отваги.

Большинством своих невоенных познаний Василий был обязан старику монаху, отцу Феоктисту, бывшему его наставником, да случайным встречам с заезжими людьми, расспрашивать которых был он великий охотник. Мать его, Ольга Львовна, дочь галицкого князя, была второю женой Пантелеймона Мстиславича: первая умерла в молодых годах, не оставив потомства. От матери княжич тоже почерпнул многое. Она была женщина умная, не придерживавшаяся слепо старины и хорошо понимавшая недостатки феодального строя. Под ее влиянием рано понял их и Василий, а понявши, стал задумываться о том, как их исправить.

Иногда ему казалось, что он нашел правильные пути и видит возможность наладить лучшую жизнь, хотя бы в пределах своего княжества. Он брался за дело с горячностью, присущей его возрасту и характеру, при снисходительном равнодушии отца и тайном, а часто и явном недоброжелательстве его ближайших советников. Брался, и вскоре сама жизнь ему показывала, что дело обстоит неизмеримо сложнее, чем он думал; что малейшее изменение существующего порядка глубоко затрагивает обычаи, суеверия, самолюбия и интересы ряда лиц и установлений, с которыми ему не под силу бороться, уже хотя бы потому, что на них опирается его собственная власть.

Постепенно он осознал, что сплеча тут рубить нельзя и что, если он хочет что-либо изменить, ему предстоит длительная и трудная борьба, требующая не только ума и воли, но и тех качеств, которыми он еще вовсе не обладал: терпения, гибкости и спокойной, последовательной настойчивости.

Задумываясь над тяжким положением родной земли, Василий видел, что для успешной борьбы с татарскими завоевателями и для преодоления растлевающего Русь удельного зла ей нужен единый крепкий Хозяин, слово которого было бы непререкаемым законом для всех, а власть опиралась бы не на боярскую верхушку, а на доверие и поддержку всей русской народной толщи, которая должна видеть в нем свою единственную и естественную защиту от угнетателей внешних и внутренних.

Для появления такого единого державного Хозяина русская почва еще не была подготовлена, но Василий понимал, что ее уже нужно готовить, и угадывал, в чем должна заключаться эта подготовка: прежде всего не в дальнейшем дроблении на уделы, а, наоборот, в образовании из них более крупных государственных единиц, а также в борьбе за крепкую княжескую власть и в ослаблении боярского сословия, кровно заинтересованного именно в том, чтобы крепкой, а тем паче единой державной княжеской власти на Руси не было.

В сравнительно небольшом и патриархальном княжестве Карачевском бояр было немного и особо заметной роли они не играли. Но и тут они были такими же, как везде: спесивыми, думающими лишь о собственной выгоде и непоколебимо уверенными в том, что государство должно служить только их интересам. И если верховный носитель власти подобной точки зрения не разделял и старался подчинить интересы крупных помещиков – бояр общим интересам страны, они любыми путями стремились поставить у власти другого князя, более покладистого, не останавливаясь для этого даже перед изменой и преступлением.

Князь Пантелеймон Мстиславич все это понимал и, не давая боярам особой воли, все же старался с ними ладить. В важных случаях «он думал» с ними «думу», то есть советовался по делам управления. Василий на этих совещаниях обычно даже присутствовал и видел, что бояре редко давали князю полезный совет, но зато из всякого положения старались извлечь выгоду для себя. Познав им истинную цену, княжич стал обходиться без их советов и не скрывал от бояр своей неприязни.

Конечно, не все русские бояре были одинаковыми. История указывает нам немало боярских имен, заслуживающих полного уважения. Их носители оказали родине важные услуги и были ценными помощниками своим государям. Но, во-первых, своих личных и сословных интересов они тоже никогда не забывали, а во-вторых, они все-таки были довольно редким исключением.

В Карачеве подобным исключением являлся Семен Никитич Алтухов, который по роду и по положению тоже был боярином. Но, будучи прежде всего военным, он привык подчиняться воле князя без особых мудрствований, к тому же он был честен и умен. Василия он понимал и в общем ему сочувствовал, хотя в глубине души некоторые его затеи считал блажью, свойственной молодости, и в возможность их осуществления не верил. Остальные же бояре относились к княжичу с плохо скрываемой ненавистью и хорошо понимали, что их ожидают трудные времена, когда он займет стол «набольшего» князя.

Совсем иным было отношение Василия к детям боярским, то есть к мелкопоместному дворянству, в котором он видел надежную опору в предстоящей борьбе с боярством. Этот слой средневекового русского общества не был еще развращен ни властью, ни богатством и родной земле своей давал гораздо больше того, что получал. Служилый дворянин жил обычно доходами с небольшого поместья, не превышавшего сотни десятин, и с юношеских лет до самой смерти почти не слезал с коня и не выпускал из рук оружия. Если он и не находился постоянно в дружине или при особе князя, то обязан был по первому зову явиться в строй «конно, людно и оружно», то есть приведя с собой нескольких воинов, вооруженных и снаряженных на его собственный счет. Войны в то время не прекращались, и это значило, что дворянин за право пользования своим скромным поместьем платил пожизненной ратной службой, которая оканчивалась обычно его смертью на поле брани.

Служилое дворянство составляло хребет каждой княжеской дружины и, конечно, завидовало боярству. Если Василий хотел успешно бороться с последним, любовь и преданность дружины были ему совершенно необходимы. Он был слишком прям и безыскусствен, чтобы намеренно искать популярности, но этого и не требовалось: в воинской среде он был любим и почитаем за свои личные качества: отвагу, справедливость, щедрость, а также за доступность и открытый нрав. При случае он любил повеселиться в компании с молодыми боярскими детьми.

Любил Василий и простой народ, чувствовавший его отношение к боярам и видевший в нем своего защитника от их произвола. Конечно, имел он и недостатки, создавшие ему некоторое количество врагов: был горяч и несдержан, а в гневе часто терял власть над своими поступками и словами. Но жертвы подобного гнева обычно его заслуживали, и потому, кроме пострадавших, княжича мало кто осуждал за подобные вспышки.

\* \* \*

С того дня, как Василий разгромил брянский отряд, в сердцах карачевцев жила постоянная тревога: хорошо зная нрав князя Глеба Святославича, все были уверены, что он этого дела так не оставит. Со дня на день можно было ожидать появления его дружины под стенами Карачева.

Сам княжич, учитывая общее положение дел в Брянске, о котором он был хорошо осведомлен через своих «доброхотов», сильно сомневался в том, чтобы Глеб Святославич рискнул сейчас затеять серьезную войну. Но все же приготовиться и принять некоторые меры предосторожности следовало.

По его распоряжению у мест возможной переправы через Десну были поставлены дозоры с хорошо налаженным вестовым гоном, благодаря чему о начале враждебных действий брянского войска Карачев мог быть оповещен уже через три часа. Кроме того, в самый Брянск были посланы верные люди с наказом внимательно наблюдать за всем происходящим и обо

всем важном немедленно извещать Василия. На случай возможной осады стены карачевского кремля были где надо подправлены склады пополнены необходимыми запасами, оружие проверено и приведено в боевую готовность. В мастерских и в кузницах стучали молоты и пыхтели горны: там ковали мечи, копья и наконечники для боевых стрел.

Но проходили дни, а все оставалось спокойно. Наконец от лазутчиков стало известно, что, узнав о разгроме своего отряда и о пленении Голофеева, князь Глеб пришел в бешенство и хотел немедля идти на Карачев. Но как только слух о новом походе проник в народ, начались серьезные волнения.

Непрекращающимися войнами своих князей Брянщина была доведена до крайности и могла решиться на все. При таком положении дел Глеб Святославич боялся уйти с дружиной из города, вполне основательно опасаясь, что брянцы его обратно не выпустят, а пригласят к себе другого князя, что на Руси случалось уже не раз. Даже в войске своем он не был уверен: в нижних слоях его, пополняемых из крестьян, давно зрела ненависть к князю, подогретая теперь рассказами отпущенных Василием пленных, участников последнего, неудачного набега. Карачевского княжича открыто сравнивали с Глебом Святославичем, и это сравнение никак не шло на пользу последнего.

Князь Глеб хорошо понимал, что в его государстве дело клонится к мятежу. Конечно, еще можно было его предотвратить, но для этого надо было идти на уступки, чем-то облегчить положение народа, вообще предпринять какие-то серьезные шаги, а какие именно – князь не знал, да и не хотел знать. Он был храбрым воином, но плохим правителем, а идти перед кем-либо – тем паче перед своими же подданными – на уступки было не в его обычае.

В эти дни ему особенно не хватало Голофеева, бывшего одним из его ближайших советников и любимцев. Голофеев был неглуп и горазд на выдумки, он мог бы теперь подсказать князю, что делать. Но Голофеев сидел в плену в Карачеве. Конечно, выкупить его Глебу Святославичу было нетрудно, но посылка выкупа казалась ему унижением перед карачевскими князьями и как бы признанием того, что он не в состоянии отбить своего воеводу силою оружия.

## Глава 6

*Процесс раздробления государства на много мелких княжеств-уделов грозил Руси распадом и постепенным поглощением воинственными соседями, что и случилось с Полоцкой областью и с Галицкой областью, а затем с областями Киевской и Черниговской.*  
**Проф. В.А.Рязановский**

Все эти новости привез из Брянска карачевский боярский сын, у которого там жила замужняя сестра с большой семьей, а потому его легко было заслать туда, якобы в гости, ни в ком не возбуждая каких-либо подозрений. Приехал он неожиданно и сразу должен был возвращаться назад, а потому Василий, который в это время полдничал, принял его в малой трапезной карачевского дворца, где в будние дни трапезовали только члены княжеской семьи, да иной раз немногие, наиболее близкие к ней лица.

Это была небольшая, в три окна горница со стенами, облицованными гладко выструганными досками из морёного дуба, украшенными на соединениях искусной резьбой.

При одном взгляде на убранство этой горницы можно было с уверенностью сказать, что хозяева страстно любят охоту и отдают ей немало времени: все, что тут было видно, имело к ней прямое отношение. Стены были обильно украшены трофеями охоты – оленьими, лосиными и турьими рогами, чучелами птиц, кабаньими и волчьими головами, развешанными вперемешку с рогатинами, топорами, луками и иным охотничьим оружием. На полу, закрывая его сплошь, лежало несколько медвежьих шкур.

За столом в этот день никого из посторонних не было. Василий полдничал вдвоем со своей младшей сестрой, княгиней Еленой Пронской. Впрочем, в Карачеве по старой привычке все еще продолжали называть ее княжной, и это к ней подходило гораздо больше: от роду ей правда шел двадцать второй год, но маленькая, хрупкая, с детскими ямочками на лице, которому придавали особенную прелесть большие голубые глаза, доверчиво глядевшие из-под длинных ресниц, – она казалась почти девочкой.

Года два тому назад Елена вышла замуж за пронского княжича Василия Александровича и покинула отчий дом. Но сейчас Пронск готовился к войне с Рязанью, и, не желая подвергать жену опасностям возможной осады, Василий Александрович, не чаявший в ней души, поспешил отправить ее в Карачев, к отцу. Детей у них еще не было.

Брат и сестра горячо любили друг друга. Их мать умерла, когда Елене было всего тринадцать лет, и девочка всею своей осиротевшей, но уже требующей отклика душой привязалась к Василию. Он в свою очередь привык делиться с нею своими мыслями и планами, которые встречали в душе Елены не только понимание, но и восторженное сочувствие.

Подробно расспросив гонца о положении в Брянске, Василий отпустил его и сказал вошедшему с ним Никите:

– Садись, Никитушка, потрапезуй с нами. А коли уже полдничал, медку холодного выпей!

– Благодарствую, Василей Пантелеич, – не чинясь ответил Никита, отстегивая меч и подсаживаясь к столу. – Все утро маялся с молодыми воями, обучая их сабельному и копейному бою. И лгать не стану: в глотке изрядно пересохло.

– Вот и промочи ее во здравие, – сказал Василий, сам наливая ему меду в оправленный серебром отрезок турьего рога вместимостью в добрую осьмуху<sup>25</sup>, – да и закуси заодно.

На столе стояло несколько серебряных и резных деревянных блюд с холодными закусками. Тут были копченый лосиный язык, студень из поросячьих ножек, рыбий балык и соленые грибы. По знаку Елены один из двух прислуживавших за столом отроков поставил перед Никитой кованую серебряную тарелку, а рядом положил нож и двузубую металлическую вилку. В русских княжествах и боярских домах вилок начали пользоваться с XII века, тогда как при дворах западноевропейских королей, в том числе французских и английских, ее начали применять лишь в конце семнадцатого, – до этого обходились пальцами.

– Ну, будь здоров, Василей Пантелеич, и ты, княгинюшка! – сказал Никита, принимая кубок и осушая его до дна. – Теперь ведомо, что войны у нас с Брянском не будет, можно и гулять.

– Что войны не будет, то я и наперед знал, – промолвил Василий. – Глебу Святославичу не до нас. Самому бы в Брянске усидеть.

– Оно-то так, только мыслил я, что он этого в расчет не возьмет: уж больно горяч. Сердце разума у него не слушает.

– Не столь он и горяч, как завистлив. Все норовит свои болячки чужим здоровьем вылечить. Потому и послал Голофеева наших смердов полонять.

– Наверяд ли он добром кончит свое княжение, – заметил Никита.

– Ну а что ему брянцы могут сделать? – спросила Елена. – Нешто не в его руках сила?

– В его руках дружина, Аленушка, – ответил Василий, – да и то до времени. Народ же сильнее всякой дружины. Княжескую власть он чтит и иной себе не мыслит, ибо знает, что в государстве как в семье: коли нет единого хозяина, то и порядка нет. Недаром говорится, что без князя народ сирота. Но ежели князь первым против порядка прет, тут уж не обессудь: народ долго терпит, но, как лопнет у него терпение, он и не таким, как Глеб Святославич, от себя путь указывает! Киевляне, к примеру, своею волей не одного великого князя согнали. Вспомни хотя бы предка нашего, Игоря Ольговича. Бывало такое не однажды и в иных княжествах.

---

<sup>25</sup> *Осьмуха*, или братина, – старинная мера жидкостей, равная приблизительно литру с четвертью.

– Но ведь он добром стола своего не схочет покинуть! Поди, учнет воевать против своего народа?

– Вестимо, учнет, коли жив останется, – вставил Никита. – Да еще и татарву наведет на свою землю. У брянских князей тропка в Орду хорошо проторена.

– Покуда он из Брянска не выйдет и при нем дружина останется, скинуть его впрямь нелегко, – сказал Василий. – Потому и не идет на нас. Он теперь как на привязи у своего стола.

Трапеза между тем продолжалась своим чередом. Когда сидящие за столом отведали закусок и крепких водочных настоек, которые отроки наливали им в небольшие серебряные чарки, двое слуг в белых до колен рубахах, синих шароварах и мягких кожаных ноговицах внесли в трапезную серебряную мису со щами и пирог с мясом. За этим последовали лапша с курицей, жареный поросенок и блюдо из дичи. К жаркому были поданы вина: красное грузинское и угорское. Наконец принесли заедки<sup>26</sup>: свежие фрукты, варенные в меду ломти дыни и орехи, а к ним сладкое греческое вино.

Елена Пантелеймоновна ела и пила очень мало, зато Василий и Никита отдали должное и яствам, и питиям.

– Доколе же, Господи, земля наша будет кровью исходить? – с тоской промолвила Елена, продолжая начатый разговор. – Ведь не столько от татар нынче Русь страдает, сколь от усобиц княжеских.

– То истина, сестра. Еще и хуже будет, коли станет и далее дробиться Русь наша на уделы. Ей нужны не десятки князей, а один. Собирать надобно землю нашу, а не дробить! Вон московский-то князь, Иван Данилыч, кажись, правильно взялся: всеми правдами и кривдами, и мечом, и мошной, и ярлыками ханскими, мнет под себя соседних князей, одного за другим! И сегодня он на Руси уже большая сила, а погляди, с чего начал: Москва-то не столь давно была не важнее нашего Карачева.

– Сколько крови-то пролить надобно, чтобы всю Русскую землю воедино собрать!

– По крайности не зазря та кровь будет пролита, княгинюшка, – заметил Никита. – А доселе льется она за то, что каждый для себя хочет урвать кусок от тела матери нашей, Русской земли!

– На куски ее давно порвали, – сказал Василий, – а ныне уже те куски на кусочки дерут. Рюриковичей-то все больше нарождается, и каждый хочет хоть на одной волости государем сидеть. Вот взять хотя бы и наше княжество: дед наш, Мстислав Михайлович, над всей Карачевской землей единым государем был. Родитель наш тоже таковым почитается, да уже не то: в Козельске сидит дядя Тит Мстиславич, а в Звенигороде Андрей. Правда, крест они старшему брату целовали, но думка у них одна: как бы и себе стать вольными государями на своих уделах! Покуда князь, батюшка наш, жив, они еще терпят: под его рукою быть им не столь уж обидно. А коли, не дай Бог, помрет родитель и на большое княжение я сяду, – думаешь, так гладко все и обойдется?

– Того быть не может! – горячо сказала Елена. – Неужто духовную<sup>27</sup> отца своего, Мстислава Михайловича, преступить посмеют? Должны они крест целовать тебе, Васенька!

– Коли будут видеть мою силу, крест они, может, и поцелуют. Но только и станут ждать случая, чтобы то крестоцелование свое порушить.

– Сами не смогут, а помощи им в таком воровском деле никто не даст!

– Как знать! Вон дядя-то Андрей Мстиславич, – он тебе из печеного яйца цыпленка высидит! Для попов он первый на Руси человек; женат на литовской княжне и родичу своему, великому князю Гедимину, без масла в душу залез; дочку выдал за новосильского князя – этот хотя и не вельми большой государь, зато близкий сосед. Словом, он себе друзей и силу подкапливает...

---

<sup>26</sup> *Заедки* – сладкое, десерт.

<sup>27</sup> *Духовная грамота* – завещание.

– Господи, ужели же и мы, Карачевские, промеж собой воевать учнем? Неужто же, Васенька, нельзя предварить такую беду?

– Можно, Аленушка. Для этого надобно глаз за всеми иметь, а наипаче силу свою крепить. Таков уж наш век: только силу и чтут, а коли слабость твою увидят, – налетят как волки! К слову, Никита: как там идет наука молодых воев?

– Ладно идет, княжич. Народ подходящий. Сам ведаешь, в дружину мы берем людей отборных. К лошади все привычны, да и из лука бьют знатно: ведь тут с малолетства всякий начинает промышлять зверя и птицу. Ну а рукопашный бой постигают борзо, день-деньской только тому их и учим.

– А Лаврушка как?

– Лаврушка, почитай, всех лучше. Сметлив, силен, да и старателен. Добрым воином будет!

– А брянцы, что до нас перешли?

– Этих и учить не надобно: вои бывалые.

– Добро, коли приживутся, поможем им у нас корни пустить. Да и Лаврушке, малость погодя, надобно пособить избу на посаде поставить. Пускай женится на своей Насте.

В этот момент дверь отворилась, и в трапезную вошел дворецкий. Это был благообразный седой старик, более полувека служивший карачевским князьям и для всех, кроме членов княжеской семьи, давно уже превратившийся из Феди в Федора Ивановича, что для незнатного человека в те времена почиталось небывалой честью. Поклонившись Василию, он доложил:

– Там, княжич, посланец из Брянска прибыл. Привез князю Пантелею Мстиславичу слово князя своего, Глеба Святославича.

– Батюшке ты о том сказывал?

– Сказывал. Князь велел тебе посла того принимать.

– А кто послом-то прибыл?

– Сын боярский Маслов Степан, сын Афанасьев.

– Сын боярский? – нахмурился Василий. – Знать, не почитает Глеб Святославич князей карачевских достойными того, чтобы боярина к ним прислать! Ладно, по послу у нас будет и прием. Где он, тот сын боярский?

– У крыльца дожидается, княжич.

– В хоромы его не звать, пусть там и стоит. На крыльце его принимать буду, вот как трапезу окончу.

Прошло не менее часа, прежде чем Василий появился на крыльце. Остановившись на верхней его ступени, он молча посмотрел на стоявшего внизу брянского посла. Тот, также молча, поклонился в пояс.

– Сказывай! – коротко бросил княжич.

– Князь брянский, Глеб Святославич, брату своему, князю Пантелею Мстиславичу, поклон шлет и слово: «Пошто ты, князь Пантелей Мстиславич, беглых людишек моих к себе примаешь и помóгу им даешь? За то самое воины мои, в малом числе, в вотчину твою посланы были и смердов твоих имали. Войны с тобой не ищу, но ты бы воеводу моего Голофеева и детей боярских брянских в железах доле не держал, а добром бы их пустил, без откупа, на волю. Ино миру промеж нас не быть!»

– Все сказал? – спросил Василий, когда посол умолк.

– Все, что наказано было, княжич.

– Теперь слушай и передай своему князю ответ: князь земли Карачевской, Пантелеймон Мстиславич, брату своему, князю Глебу Святославичу, поклон шлет и слово: «Холопов твоих беглых к себе николи не беру, а вольным людям, отколе бы они ни пришли, место и помóгу даю и впредь давать буду, ибо таков на Руси обычай. А Голофеева и детей боярских твоих взял я за татьбу на моей земле и откуп на них положил в пользу людишек, ими побитых и пограбленных.

И без того откупа их не отпущу. А коли мир между нами ты порушишь и силою схочешь своих людей отбить, в тот самый час, как дружина твоя подступит к Карачеву, Голофеева велью повесить на башне, чтобы всем добро видать было». Я сказал.

Брянский посол поклонился в пояс и сделал шаг назад.

– погоди, – сказал Василий другим тоном, – теперь, когда с делом покончено, слово мое будет к тебе: ты на меня обиды не держи, Степан Афанасьич, то я не тебя, а посла брянского князя на крыльце принимал. А поелику ты больше не посол, а гость, милости прошу в трапезную, нашей хлеб-соли отведать.

\* \* \*

Никите Толбугину не составило труда вторично пообедать, потчужа брянского гостя, который оказался старым его знакомцем. От крепких настоек и меда язык у сына боярского Маслова скоро развязался и поведал много интересного.

По его словам, народ в Брянске бунтовал почти открыто. По селам и деревням ходили странники и юродивые, предвещая скорый конец света и возмущая смердов против бояр и князя, которого называли они антихристом. На минувшей неделе под самым Брянском были сожжены и разграблены вотчины двух бояр, а все их холопы и кабальные смерды ушли в леса. Была сделана попытка поджечь хоромы самого князя, на что он ответил жестокими казнями. Брянский епископ Исаакий увещал Глеба Святославича не доводить дела до крайности и пожалеть народ, но князь словам владыки не внял и приказал своим дружинникам на месте рубить голову всякому, кто станет бунтовать, смущать народ или оказывать неповиновение своим господам и властям.

В общих чертах почти все это Василий уже знал от своего лазутчика. Выслушав теперь рассказ Маслова, он окончательно убедился в том, что Глеб Святославич, несмотря на свои угрозы, войну с Карачевом начать не сможет, ибо смута в Брянске заварилась всерьез и надолго.

События вскоре подтвердили правоту Василия. Не прошло и недели со дня появления в Карачеве брянского посла, как из Брянска явился другой сын боярский, который сполна вручил Василию откуп, назначенный за Голофеева и других пленников.

– А детей боярских наших их семьи откупают, – добавил он, – князь же Глеб Святославич о том ничего не ведает.

Выслушав посланного и поняв наивную уловку Глеба Святославича, желающего замаскировать свою уступку, Василий, усмехаясь, ответил:

– То нам все едино, кто за них откуп дает и кто о том ведает, а кто не ведает. Можешь забирать своих земляков, да посоветуй им вдругораз мне не попадаться!

## Глава 7

В один из следующих дней, вскоре после обеда, Василий в сопровождении Никиты выехал из малых ворот карачевского кремля. Любимый его аргамак Садко сверкал богатым убранством, да и сам княжич был сегодня одет нарядно: на нем был синий, в талию, кафтан из шелковой камки, с меховыми оторочками и серебряным шитьем, легкие сафьяновые сапоги, расшитые цветным бисером, и низкая соболья шапка с голубым верхом. На поясе висела богато оправленная сабля.

Спустившись к берегу, всадники переехали на левый берег Снежети, миновали Заречную слободу, пересекли широкую елань и вскоре очутились у ворот небольшой усадьбы, приютившейся в тени высоких, уже слегка позолоченных осенью кленов. Чуть поодаль от нее, вплотную к опушке леса, лепилась невзрачная деревенька в четыре двора.

Никита, не слезая с коня, откинул щеколду потемневших от времени тесовых ворот, и оба въехали во двор усадьбы. Навстречу им с громким, свирепым лаем кинулись два лохматых пса, но, не пробежав и половины дороги, умолкли и завили хвостами. Эти гости были им, очевидно, хорошо знакомы.

С левой стороны широкого, заросшего травой двора, огороженного крепким дубовым тыном, тянулся длинный и низкий навес, справа – несколько изрядно обветшалых служебных построек. В глубине, напротив ворот, стоял на высокой подклети небольшой, в три сруба, деревянный дом под тесовой крышей, с широким крыльцом-балконом. Сзади, под сенью огромной, в два обхвата, липы, виднелась еще одна низкая бревенчатая постройка – по-видимому, баня, без которой на Руси издревле не обходилось ни одно прочно обосновавшееся хозяйство. На всем этом, несмотря на некоторые признаки запущенности, а может быть, именно благодаря им, лежала тень того спокойного и ленивого очарования, которое всегда было присуще среднерусским помещичьим усадьбам.

Спешившись и бросив поводья Никите, Василий быстро взошел на крыльцо. Очевидно, его уже заметили из окон дома, потому что дверь в эту минуту открылась и на пороге показалась молодая, очень красивая женщина в голубом сарафане и накинутой на плечи белой вязаной шали. При виде входящего в сени княжича свежее, как майское утро, лицо ее заалело румянцем, а большие синие глаза под дугами тонких и темных бровей вспыхнули радостью.

– Князьенька, – промолвила она, – приехал-таки, родной мой! Заждалась я тебя...

– Здравствуй, Аннушка, – ответил Василий, обнимая прильнувшую к нему хозяйку и нежно целуя ее уста и щеки. – Не мог я все это время к тебе быть: родитель вовсе хвор стал, а делов что ни день, то больше.

– Совсем истосковалась я по тебе, – шептала Аннушка, возвращая поцелуи. – Чего-чего уж только не передумала, тебя дожидаячи!

– Что же думала ты, моя ласточка? Но не говори, я знаю и сам! Думала ты: завелась у Василея другая зазноба и с разлучницей тою делит он время и шепчет ей слова ласковые...

– Ой, ужели ж то истина? – скорее жеманно, чем всерьез ужаснулась Аннушка, по всей повадке Василия понявшая, что подобная беда ее пока миновала.

– Стало быть, угадал? – засмеялся княжич, снова ее целуя.

– Угадал, Василек, – засмеялась и Аннушка. – Уж тебе ли не знать сердца женского, не ведать всех его страхов и помыслов? – с ноткой ревности в голосе добавила она.

– Что было, то ушло, любя моя. А сейчас для меня лишь ты желанна, и с тобою не хочу я мыслить ни о минувшем, ни о грядущем! Был бы я могучим волшебником, каждый час, проведенный с тобой, обратил бы я в вечность!

– Как сказка золотая, речи твои, мой светлый княжич! И отколе только ты слова такие берешь?

– Для тебя, зоренька, еще и не такие найду!

– Ой, что же это я? – спохватилась вдруг Аннушка. – В сенях тебя держу! Заходи в светлицу, а я сей же миг накажу, чтобы закусить нам подали.

– Не надобно, Аннушка, я не голоден. Вот разве медку холодного велишь поднести – отказываться не стану.

– И медку поднесу, и закусишь со мною! Ужели хочешь лишить меня такой радости?

– Ну, уж коли то тебе в такую радость, будь по-твоему.

Когда молодая хозяйка вышла из светлицы, чтобы отдать нужные распоряжения стряпухе и служанкам, Василий опустился на крытую ковром лавку и глубоко задумался. В памяти его день за днем стала воскресать вся история их короткой любви.

Аннушка была дочерью небогатого и многодетного звенигородского дворянина Спицына, служившего в дружине князя Андрея Мстиславича. Однажды в Звенигород прибыл гонцом от карачевского князя немолодой уже сын боярский Данила Кашаев. Он увидел семна-

дцатилетнюю Аннушку на какой-то гулянке и сразу влюбился в нее без памяти. С нею он не имел случая перемолвиться хотя бы словом, но перед отъездом познакомился с ее отцом, а вскорости прислал и сватов.

Кашаев был мужчиною видным, хорошего роду, имел приличную вотчину под Карачевом и во всех отношениях являлся для Аннушки выгодной партией. А потому ее родители, имевшие еще двух дочек на выданье, долго ломаться не стали, и участь Аннушки была решена, как тогда водилось, без малейшего ее участия в этом деле.

Впрочем, Аннушка отнеслась к этому событию довольно спокойно и если поплакала немного, то больше для порядка. Она еще никого не любила. Не любила, разумеется, и Кашаева, которого едва видела. Но отвращения он ей тоже не внушал, и она рассудила, что если, выдавая замуж, родители с ее желанием все равно не посчитаются, то судьба ее сложилась не столь уж плохо.

Вскоре сыграли свадьбу, и Аннушка переселилась в вотчину своего мужа. Кашаеву было под сорок, но человеком он оказался хорошим, жену любил, и жили они ладно. Может быть, Аннушка по-настоящему полюбила бы мужа и была бы с ним вполне счастлива, если бы в глубине ее души не таилось скорее подсознательное, чем явное, чувство обиды, что он приобрел ее как вещь, не постаравшись даже расположить к себе и не поинтересовавшись, свободно ли ее сердце.

Так прошло около трех лет. За год до описываемых здесь событий Данила Кашаев по поручению князя Пантелеймона Мстиславича отправился однажды во главе десятка дружинников в город Елец и по пути встретился с отрядом ордынского посла Кутугана, ехавшего в Смоленскую землю. Кутуган был ханского рода, и потому, по установленным еще при Батые порядкам, при встрече с ним полагалось сойти с коня и стать на колени. На Руси этот обычай давно никем не исполнялся, не исполнил его, конечно, и Кашаев, к тому же не знавший, с кем он встретился.

Кутуган ехал в Смоленск по поручению великого хана Узбека наводить там порядки, а потому по дороге не упускал случая показать свою власть. Он приказал своим охранникам стащить русских с коней и поставить на колени насильно. Кашаев, не знавший ни одного слова по-татарски, ничего не понял из того, что кричали окружившие его татары, но, когда один из них ударил его плетью по лицу, он выхватил саблю и снес обидчику голову. Через несколько минут его собственная голова, а также головы всех его спутников, отделенные от туловищ кривыми татарскими саблями, лежали в придорожной канаве.

Аннушка, которой едва пошел двадцать второй год, осталась вдовой. Вотчина, унаследованная от мужа, давала ей возможность безбедного существования, но жизнь ее, протекавшая в обществе нескольких дворовых людей, была печальна и одинока.

Василия она впервые увидела на похоронах мужа, но, поглощенная своим горем, не обратила на него особого внимания. Зато он был поражен редкой красотой Аннушки и тронут ее несчастьем. После отпевания он приблизился к ней, в теплых словах выразил свое сочувствие и спросил, чем может князь помочь семье своего верного слуги. Она ответила, что ей ничего не нужно, но в душе сохранила к нему чувство признательности и в дальнейшие дни одиночества не раз вспоминала его ласковый голос. Василий же ни на минуту не мог забыть Аннушку. Казалось, нежный образ ее раскаленным резцом вырезан в его памяти и стал ее неотъемлемой частью. Он легко увлекался женщинами, любовь испытал уже не однажды, но на этот раз чувство его было глубже и сильней.

Через месяц Василий просил у отца дозволения отправить вдове Кашаевой несколько возов различных припасов и подарков в виде вспомоществования. Это было в порядке вещей: семьям убитых дружинников карачевские князья всегда оказывали подобную помощь. Но Василий просил гораздо больше обычного, да и в голосе его послышалось князю что-то особое. Он понимающе глянул на потупившегося сына и с легкой усмешкой сказал:

– Женить тебя надобно, Василей. Путаешься ты невесть с кем, а давно уже пора тебе помыслить о своей собственной семье и о продолжении рода.

– Еще успеется, батюшка, – ответил Василий, как всегда отвечал, когда отец заводил разговор о его женитьбе. – Жениться мне надобно с пользой для государства нашего, а также чтобы за жену не было стыдно перед людьми. А невесты такой я покуда не вижу.

– Не видишь потому, что не ищешь, – проворчал старый князь и дал Василию просимое разрешение. Единственного сына своего он нежно любил, гордился им и стеснять его свободы не хотел.

Василий отправил Аннушке княжьи дары, а через несколько дней поехал к ней в сопровождении Никиты, чтобы узнать, – как он сам себя старался уверить, – все ли ею получено и не нужно ли еще чего.

Это их свидание было недолгим. Аннушка сдержанно и просто благодарила Василия за заботу, он был почтителен и несколько натянут. Ее траур сковывал ему язык, и она понимала это. Словами ничего в этот день не было произнесено, но глазами было сказано, а чувствами понято многое. С этого дня и она уже думала о нем непрестанно.

В следующий раз Василий приехал только через два месяца, показавшиеся им обоим двумя столетиями. Был конец ноября, земля уже покоилась под толстым покровом снега, но, когда закочневший в дороге княжич вошел из сеней в Аннушкину горницу, ему показалось, что сама весна шагнула к нему навстречу. В этот миг слова были излишни, и он молча сжал ее в объятиях.

С тех пор он ездил сюда так часто, как только позволяли ему обстоятельства, и привязывался к Аннушке все больше. Она была жизнерадостна, с нею никогда не бывало скучно, а любящим сердцем своим умела безошибочно улавливать все оттенки его настроений.

Много раз, пытаясь разобраться в своих чувствах. Василий спрашивал себя, что это: более сильное, чем обычно, увлечение или же настоящая, единственная в жизни человека любовь? Сам себе в том не признаваясь, он страшился последнего. Страшился, ибо понимал, что в этом случае неравенство положений встанет на их пути почти непреодолимой стеной. Пойдя напролом, жениться на Аннушке он, конечно, мог. Но это значило бы лишиться благословения отца, вызвать негодование всей родни и стать на Руси притчей во языцех. Даже на боярских дочерях князя женились очень редко, брак же его со вдовой безвестного служилого дворянина неминуемо был бы воспринят всеми как недостойный и даже скандальный.

Конечно, в маленьком Карачеве, где каждый шаг Василия был на виду, вскоре все узнали об этой связи. Но, кроме личных недоброжелателей княжича, никто их строго не судил: оба они были людьми свободными от каких-либо семейных уз, всякий понимал, что повенчаться они не могут, а нравы в те времена не отличались чрезмерной строгостью. Все же, отправляясь в Кашаевку, Василий всегда звал с собою Никиту, который, приехав в усадьбу, тотчас находил себе какое-либо занятие: чаще всего брал один из охотничьих луков покойного Данилы Ивановича и уходил в ближайший лес на охоту, а иногда принимался наводить порядок в хозяйстве Аннушки, указывая дворовым, что и как надо сделать или починить. Случалось, что у них что-нибудь не ладилось, тогда он брался за дело сам, и любо было посмотреть, как все спорилось в его богатырских руках.

Сегодня день был погожий, и Никита предпочел охоту. Пока Аннушка хлопотала на кухне, он вошел в дом, поглядел на задумавшегося княжича, снял со стены лук и колчан со стрелами и молча исчез.

Вскоре из сеней бесшумно вошла смуглая босоногая девушка и стала проворно собирать на стол. Ее появление вывело Василия из задумчивости. Он поднял голову и рассеянным взглядом скользнул по стенам светлицы. Они были обшиты гладко выструганными березовыми досками, принявшими от времени мягкий янтарно-розоватый цвет. Вдоль одной из стен, почти во всю ее ширину, стоял довольно высокий деревянный ларь с украшенной резьбой крышкой.

Над ним в несколько рядов тянулись полки, уставленные посудой и домашней утварью. На трех других стенах были развешаны резные деревянные блюда, вышивки, оружие и охотничьи трофеи покойного хозяина. Убранство горницы дополняли несколько широких, крытых домоткаными коврами лавок и обеденный стол, стоявший посередине. Все эти вещи и отдельные части простой и скромной обстановки казались так хорошо обжитыми и так гармонично сложенными между собой, что, выйдя отсюда, их немислимо было вспомнить и представить себе порознь или расположенными в каком-либо ином порядке.

Два низких окна были затянуты полупрозрачными пленками из высушенных бычьих пузырей. Оконная слюда стоила тогда очень дорого и была доступна только богатым людям. В комнатах, когда окна были закрыты, всегда царил полумрак, и в случае надобности их освещали лучиной, а в более состоятельных домах – восковыми свечами.

Но вот появилась и Аннушка. Сев за стол, она была непритворно счастлива и оживлена, веселый смех ее то и дело рассыпался по горнице. Как бедняку нерастроченная еще серебряная гривна кажется несметным богатством, так и ей этот подаренный судьбою вечер мнился неисчерпаемым морем радости. Любимый был с нею, и не хотелось думать о том, что за считанными минутами счастья последуют, как всегда, тягостные дни тоски и одиночества, что подлинная его жизнь проходит где-то стороной и никогда не сольется с ее жизнью...

Однако, по мере того как двигалось время, неумолимо приближая час новой разлуки, смех ее звучал все реже, и теперь уже Василий, хорошо понимавший причину этого, нарочитой веселостью и шутками старался поддерживать ее бодрость. Наконец он поднялся и стал прощаться. Аннушка вышла проводить его на крыльцо.

Стоял сентябрь, и желтая осенняя седина уже настойчиво вплеталась в зеленые кудри природы. Были поздние сумерки. С реки поднималась лиловая дымка тумана и, как тихая грусть, наплывала на луг. В невеселом, притихшем лесу однообразно и вяло перекликались сычи.

– Ох, ноет мое сердце, Васенька, – тихо сказала Аннушка, прижимаясь к княжичу, – будто какое несчастье чувствует...

– Полно, звездочка! Какое несчастье может чувствовать оно, коли счастье наше еще на заре своей?

– Сама не ведаю. Прежде того не бывало, а вот ныне все чаще мне мнится, будто ходит вокруг неминуемая злая беда и скоро найдет нас...

– Не думай о том, Аннушка, то блажь пустая. Много радости еще у нас впереди. Ну, прощай, родная, Христос с тобой, – добавил он, целуя ее. – Вскорости опять к тебе буду!

– Прощай, Василек, храни тебя Господь от всякого зла, – стараясь скрыть слезы, промолвила Аннушка, крестя Василия, – а и сам ты себя береги, любимый мой!

\* \* \*

На обратном пути княжич, еще поглощенный своими чувствами, долго молчал. Молчал и Никита, ехавший рядом с ним, понурился и думая о чем-то своем.

– Эх, Никитушка, – промолвил наконец Василий, – хороша все-таки жизнь, особенно когда любишь и когда тебя любят!

Никита ничего не ответил, только вздохнул тяжело. Это удивило Василия, и он обернулся к своему стремянному.

– Ты что это голову повесил? Али николи не любил?

– Любил, княжич, – помолчав, ответил Никита. – Да и сейчас люблю.

– Ишь ты, а мне и невдомек было! Кто же она?

– Того не спрашивай, Василей Пантелеич, даже и тебе сказать не могу.

– Вон что! Ну, пожду – женишься, тогда и узнаю.

– Не узнаешь, потому что женою моею ей николи не быть.

– Почто так? Али не люб ты ей?

– Не люб. Да и не ведает она о любви моей.

– Почто ж ты ей не открылся?

– То бы и прежде ни к чему не привело: неровня я ей... Ну а ныне за другим уж она.

Внезапная догадка озарила Василия, и он с сочувствием посмотрел на своего верного слугу и друга.

– Ну, коли так, делать нечего, – после долгого молчания промолвил он. – В жизни нашей, видать, не все ладно устроено: многим дороги к счастью заказаны... Но ты не дюже кручинься. Другую тебе надобно искать, да и полно!

– Нет, Василей Пантелеич, другую искать не стану, – грустно сказал Никита.

– Что, аль зарок дал?

– Зарока не давал, да сердце, кажись, само зареклось...

Разговор оборвался, и через несколько минут всадники молча въехали в ворота кремля.

## Глава 8

*Воля князя-владельца, завещателя, – вот единственное юридическое основание порядка наследования, действовавшее в XIV–XV веках во всех удельных княжествах.*

*Проф. В.Ключевский*

Едва успел Василий войти в свои покои и отстегнуть саблю, как к нему явился дворецкий и объявил, что князь Пантелеймон Мстиславич уже два раза посылал за ним и ожидает в своей опочивальне.

– Ан приключилось что, Федя? – спросил встревоженный Василий.

– Кажись, ничего нет, – ответил дворецкий, – и пошто тебя князь звал, мне неведомо.

– А здрав ли родитель?

– Сам знаешь, княжич, какое теперь его здоровье. А хуже ему будто не стало.

Не задавая больше вопросов, Василий направился в опочивальню отца. Пантелеймон Мстиславич сидел в своем кресле возле стола, на котором горело в серебряном свечнике несколько толстых восковых свечей. Возле окна, позевывая, сидел на лавке постельничий Тишка.

Перекрестившись на божницу, Василий в пояс поклонился отцу и спросил:

– Ты звал меня, батюшка?

– Садись, – не отвечая на его вопрос, сказал князь, указывая глазами на лавку, которая стояла по другую сторону стола, – разговор у нас будет долгий... Тишка, выйди отсель, да сюда никого не пускать, покуда сам не позову.

Василий сел на указанное ему место и взглянул на отца. За последнее время князь заметно постарел. Борода его и длинные, еще густые волосы были совершенно белы, а на лице появилось несколько новых морщин. Но глаза были ясны и глядели на сына твердо и сосредоточенно.

– Настала пора говорить нам о главном, – медленно начал он. – Видно, близок мой час. Смерть, чаю, придет внезапно, а еще того раньше, может, снова отнимется мой язык. Потому и призвал тебя, чтобы наставить на княжение, поколе есть еще время...

– Полно, батюшка, что это ты? Бог даст, проживешь еще немало годов... – начал было Василий, но старик сурово оборвал его:

– Помолчи и слушай! Не баба я, чтобы меня байками утешать! Смерти не страшусь и готов предстать перед престолом Господним, ибо совесть моя чиста. А ты готовься ко княжению и верши его так, чтобы в смертный час свой то ж и о себе мог сказать.

Пантелеймон Мстиславич помолчал минуту и затем продолжал:

– Ты уже не отрок, а зрелый муж. Править государством можешь, да и навык к тому имеешь немалый. Но все же многому надобно тебе еще научиться и во многом себя обуздать. Допрежь всего, ты больно скор да горяч, а княжеством управлять – то не за зайцами гоняться. Многие твои думки я знаю и вот что тебе скажу: прежде нежели в чем ломать старину, сколь бы худою она ни казалась, – сто раз прикинь и так и эдак, что из того произойти может? Помни твердо: по старине будешь править – проживешь спокойно и люди тебя поддержат. Поружишь старину – наживешь ворогов множество и может дело так обернуться, что и другим добра не содеешь, а и сам пропадешь. – Теперь другое дело, – продолжал он после небольшой паузы. – С боярами ты очень уж крут. Спору нет, потачки им давать нельзя. Будешь слаб, всю твою власть приберут к себе и учнут лихоимствовать да народ кабалить. В прежние времена были они князю первые помощники, ну а теперь зажирели и много о себе понимать стали. Сильный князь ныне им никак не с руки. Однако ломать их надобно с умом и не до конца. С умом, ибо они сильны и пойдут на все: вспомни хотя бы князя суздальского, Андрея Юрьевича, ими убиенного... Почему до конца ломать их не след, о том речь будет впереди. Княжеской власти потребна опора, и ведаю я, что опорой власти своей мыслишь ты сделать боярских детей. На твой век оно, может, и неплохо. Но ежели о грядущем помыслить, то все это к тому же и вернется: наберут иные дети боярские богатства и силы, а там и за властью потянутся.

Помолчав немного, как бы собираясь с мыслями, старый князь продолжал:

– Единственной верной и крепкой опорой княжьего правления может быть токмо народ, и ты это помни всегда. Народ – сила великая, и не ищет он ни богатства, ни власти, а токмо защиты от богатых и властных. И в князе своем должен он видеть допрежь всего такого защитника. Крепкая княжеская власть нужна ему как заслон от набольших врагов его – крупных вотчинников. Стало быть, коли хочешь иметь опору в народе, – его, когда надобно, защити. И по той же причине негоже крушить боярство до конца: поколе оно есть и народ опасается его усиления, он за умного и доброго князя крепче держаться будет. Уразумел ты мысль мою?

– Уразумел, батюшка. Великою мудростью благословил тя Господь!

– Ладь и с попами, – продолжал князь. – Вестимо, среди них многие очи к небу возводят, а руками по земле шарят. Люди они, как и все. Кое-что им надобно давать, ибо в православии главная сила всей земли нашей Русской: только оно ее воедино вяжет, и, покуда крепко оно, с ним земля наша против всех врагов устоит. А потому всякую поруху вере нашей православной, отколе бы она ни шла, надобно выжигать каленым железом. Татары же, благодарение Создателю, на веру нашу ни в чем не посягают и Церковь нашу чтут. К слову, татары-то ныне уже не те, что прежде. Редко мы их на земле своей и видим. Ежели бы не наши русские усобицы, так и вовсе сбросить их со своей шеи было бы возможно. И час тот уже недалек: Русь крепнет, а Орда расшатывается. Поколе жив еще царь Узбек, государство его сильно, а умрет он, и почнется у них развал. Недаром Узбековы сыновья загодя друг друга режут. – Но с татарами твое дело маленькое, – слегка передохнув, добавил Пантелеймон Мстиславич. – Один ты в поле не воин. А коли встанет на них вся Русская земля, то и ты вставай. Почин тому кто-нибудь из великих князей положить должен, московский либо тверской. Сам ты войны ни с кем не ищи, но вотчину свою, а наипаче дружину, крепи. То тебе всегда сгодится: вон уже и Литва на нас рот разевает, да и с Брянском тебе будет хлопот вдосталь.

– С Брянском я управлюсь, батюшка, – сказал Василий. – Глеб Святославич там такую кашу заварил, что у меня в самом народе брянском пособники и доброты сыщутся. И притом немало.

– То мне ведомо. Ведомо и другое: разумом ты силен, сердцем чист и рука у тебя твердая. Править нашим государством будешь ты добро, в том сомнения не имею. Однако все, что я досе сказал, то еще не главное... Ждет тебя кой-что и похуже...

Князь оборвал свою речь и глубоко задумался. Было видно, что ему неприятно и тяжело переходить к новой теме, но он сделал над собой усилие и продолжал:

– О дядях твоих говорю, о братьях моих младших. Трудно тебе с ними будет... Я их в Карачев призову и, коли приедут, еще при жизни своей заставлю тебе крест целовать. Но могут и не приехать, отбредутся чем-нибудь... Чую я, добром они под твоей рукой оставаться не сходят: как же, они, мол, старики, Мстиславичи, а ты токмо братанич<sup>28</sup> их. Но право твое на большое княжение нерушимо, ибо по мне ты старший в роду нашем. Тако же и в духовной отца моего указано, что после смерти моей княжить в Карачеве надлежит тебе.

При последних словах Пантелеймон Мстиславич здоровой рукой откинул крышку резного кипарисового ларца, стоявшего на столе, достал оттуда свернутый в трубку лист пергамента и протянул его Василию.

– На, читай в голос, – сказал он.

Повинуясь отцу, княжич бережно развернул пергамент. Это была духовная грамота его деда, Мстислава Михайловича, первого князя карачевского. Она была написана на продолговатом листе тонкой телячьей кожи, выделанной до глянца. Текст ее был четко выведен чернью, а заглавная буква киноварью. Василий приблизил документ к свечнику и прочел:

– «Во имя Отца и Сына и Святого Духа: се аз, раб Божий грешный Мстислав, а во святом крещении Михайло, княж Михайлов сын, Карачевской земли князь и Козельской, готовяся стати пред Богом, писах сию грамоту своим целым умом и в здравьи. Аще Бог живота моего возьмет, даю ряд сынам своим и се есмь раздел им учинил.

Се приказал сыну своему большему Святославу большое княжение и дал есмь ему стольный Карачев, Елец да Мосальск со всеми волостями и уезды, а також Серпейск и Кромы с волостями и уезды, и что в них есть сел и деревень, то все ему. А се даю сыну своему Пантелеймону Козельск и Лихвин и Белев с волостями и уезды, деревни и села. А се дал есмь сыну своему Титу Звенигород с уездом, а сыну своему меньшому Ондрею город Болхов со всеми волостями. А что останется золота, судов серебряных, жемчуга, камней, блюд и чаш многоценных, соболей и иных порт моих, тем поделаются сынове мои, а по церквам роздать два ста рубли. А что людей моих и стадов, то всем по равну.

А се мой наказ: коль преставится князь Святослав, сидети в Карачеве его старшему сыну, а коль сынов ему Бог не даст, сидети на большом княжении старшему по нем брату, князю Пантелеймону, а по смерти его паки старшему его, Пантелеймону, сыну. И тако наследие наше в потомках держать, а младшим князьям стольного князя чтити в отцах место и из воли его не выходить. И быть всем дружны и усобиц не заводить, а кто заведет, того большой князь судить и казнить волен.

Аще же кто волю мою в том порушит, да падет на того мое проклятие навек и пусть не со мною одним, а со всем родом нашим готовится стать перед Богом.

Писана лета 6795<sup>29</sup> месяца ноября 8 день, на память святого архангела Михаила. А се послухи: отец мой душевный Никодим да поп покровский Михей».

Внизу листа, скрепляя концы плетеной тесьмы, продетой сквозь пергамент, висела большая печать красного воска. На ней хорошо можно было разобрать неровную круговую надпись: «Печать князя Мстислава Михайловича». В центре печати виднелся оттиск изображения архангела Михаила с мечом в руке.

– Ну вот, – сказал Пантелеймон Мстиславич, когда Василий кончил читать и свернул пергамент, – сам видишь, сомнения тут быть не может. Духовную эту по смерти моей возьми и береги как святыню. В ней вся твоя сила. И с нею в руках дядьев твоих заставь крест целовать, коли я того сделать не успею. Только, хотя они крест и поцелуют, добра ты от них не жди.

<sup>28</sup> *Братанич* – племянник, сын старшего брата. Сын младшего – брательнич – сын сестры – сестрич.

<sup>29</sup> 1287 г. христианской эры.

Наперво каждый из них схочет в своем уделе быть вольным государем, и это бы еще полгоря. А то могут вкупе против тебя подняться, чтобы с большого княжения ссадить... И ты вот куда гляди: Тит с татарами хорош, а Андрей с Литвой. Опасайся больше Андрея. Тит прост и коли пойдет, то напролом, а Андрей хитер. Этот с виду будет покорный и ласковый, а с тем и тебя, и Тита спробует обойти.

– Не единожды и я о том помышлял, батюшка, – промолвил Василий, когда старый князь умолк и, казалось, погрузился в раздумье. – Но только тут я тоже кое-чего удумал, и мнится мне, что обломать их сумею, хотя, может, и не вдруг.

– Тому верю, – сказал Пантелеймон Мстиславич, – но княжение твое будет вельми трудным, и ты к этому будь готов. Наипаче же в делах своих николи не забывай, что ты правнук родной великого князя Михаила Черниговского, который лютую смерть предпочел унижению. Свято блюди честь рода нашего, ибо по высоте и древности нет ему равного, быть может, на целой земле.

– Славными предками нашими клянусь, – взволнованно сказал Василий, – что бесчестья роду нашему от меня вовек не будет!

– Добро, сын. А теперь слушай последнее мое слово: жениться тебе надобно. Оно бы давно пора, да неволить тебя до времени я не хотел.

– Батюшка... – начал было Василий, но отец оборвал его:

– Помолчи! Шашни твои со вдовой Кашаевой мне ведомы. Но всякому овощу свое время, и блажь ту, вступивши на княжение, тебе надобно пресечь. Князю без семьи быть негоже, да и о наследнике нужно помыслить. О невесте, для тебя подходей, я думал немало, и, коли хочешь послушать доброго моего совета, женился бы ты на княжне Ольге, дочери муромского князя Юрия Ярославича. Все, кто ее видел, сказывают, что собою она писаная красавица, умна, и годов ей не более двадцати. Род ее тоже не хуже нашего. Сказать правду, я уже князю Юрию Ярославичу намек на то сделал и знаю, что породниться с нами он тоже не прочь. Остальное в твоих руках, и ты о том крепко подумай. Я же так мыслю, что лучшей невесты, чем Ольга Юрьевна, тебе и желать нечего, и чаю, будет она тебе доброй женой. Ну вот, теперь я тебе все сказал и, как придет мой час, покину сей мир спокойно. А сейчас подойди: благословлю тебя и ступай с Богом.

Василий подошел к отцу и опустил на колени. Князь плохо повинующейся ему рукой перекрестил его трижды, потом нежно поцеловал в лоб. Стоя на коленях и припав губами к руке отца, Василий беззвучно плакал.

## Глава 9

*О, возлюбленнии князи русьскыи, не прельщайтесь пустошною славою света сего, яко хуже паучины есть. Не обидьте меньших си сродников своих, ангелы бо видят лице отца вашего иже есть на небесех.*  
*Троицкий летописец*

За время долгого княжения Мстислава Михайловича, который весьма заботился о восстановлении своих земель, город Козельск, до основания разрушенный ордой Батыея, не только отстроился полностью, но и вырос по количеству населения. Только укреплен он был значительно слабее, чем прежде: как Мстислав Михайлович, так и сын его Пантелеймон, владевший Козельском до вступления на карачевский стол, были миролюбивы и предпочитали расходовать средства не на крепости, а на то, чтобы поднять благосостояние края.

Таким образом, в XIV веке Козельск лишь в центральной своей части был обнесен крепким, стоящим на земляном валу тыном из дубовых бревен да в самой возвышенной точке имел деревянную сторожевую башню, которая была скорее противопожарным сооружением, чем военным.

Внутри огороженного пространства, недалеко от обрывистого берега реки Жиздры, стояли княжеские хоромы, построенные еще Пантелеймоном Мстиславичем. Это было приземистое, скромное по виду строение, состоящее из нескольких соединенных между собой деревянных срубов, с высоким крыльцом и традиционным теремом посередине. В настоящее время здесь жил со своим многочисленным семейством князь Тит Мстиславич, перешедший в Козельск из Звенигорода, после того как старший брат его вступил на большое княжение.

Князь Тит был рачительным хозяином и по натуре прижимистым человеком. Будучи не самостоятельным, а зависимым князем, то есть по существу лишь крупным помещиком с княжеским титулом, он на показную сторону жизни особого внимания не обращал, роскошью пренебрегал и дружину держал очень небольшую, хорошо понимая, что воевать с кем-нибудь все равно не сможет. Зато он обладал изрядным количеством пахотных крестьян, отлично наладил все отрасли своего обширного, охватывающего целый уезд хозяйства, и денежки у него водились.

Он был честолюбив, но это было честолюбие помещика, а не князя: Тит Мстиславич жаждал не столько власти, как богатства, и во власти видел прежде всего способ быстрого и легкого обогащения. Как следствие подобного образа мыслей, мечты его не останавливались на достижении независимости в Козельском уезде. Он прекрасно понимал, что такая овчина не стоит выделки: для того, чтобы добиться независимости, нужно будет идти на большие жертвы, а чем они окупятся, даже в случае успеха? Останется та же земельная площадь, то же количество рабочих рук и те же хозяйственные возможности, а расходов прибавится, и притом немало: надобно будет держать большую дружину, да и жить придется пошире, как подобает самостоятельному государю.

Нет, ему бы не пустяками заниматься в маленьком Козельске, а сесть на большое княжение в Карачеве! Шесть или семь городов с богатыми и обширными уездами прибавились бы тогда к его вотчине, десятки тысяч смердов обогащали бы его казну. Вот это хозяйство! И всем сыновьям хватило бы уделов. А так – куда их пристроишь? По деревням сажать, как детей боярских, что ли?

Вестимо, покуда в Карачеве княжит старшой брат, Пантелеймон, об этом и помышлять грешно. Но Пантелеймон стар и здоровьем слаб. Коли он умрет, неужто на большом княжении сидеть мальчишке Василею? А ведь сядет, и ничего тут, пожалуй, не сделаешь: на его стороне и сила, и право. Такова была воля отца и государя Мстислава Михайловича, чтобы братанич держал под своей рукою родных дядьев. И угораздило же родителя так распорядиться наследием и такую обиду учинить младшим своим сынам!

Так думал князь Тит, и мысли эти особенно настойчиво стали одолевать его после того, как боярин Шестак пригнал в Козельск гонца с извещением, что Пантелеймон Мстиславич тяжело захворал и дни его сочтены.

Через две недели после событий, описанных в предыдущей главе, в трапезной козельского князя, за широким дубовым столом, крытым вышитой полотняной скатертью, сидели, потягивая мед, четверо собеседников: сам хозяин, Тит Мстиславич, – невысокий и худощавый мужчина угрюмого вида, с изрядно уже поседевшей рыжей бородой; его старший сын Святослав, человек лет тридцати, тоже невысокий и рыжий, чем-то напоминающий лису; знакомый уже нам боярин Шестак и, наконец, князь Андрей Мстиславич Звенигородский. Это был высокий, крепкий мужчина, весь облик которого дышал внешним благообразием. Волнистая русая борода его веером стелилась по груди, лицо было чисто и бело, а ласковые голубые глаза глядели на собеседника почти с детской доверчивостью. Словом, у Андрея Мстиславича была выгодная внешность: она сразу располагала к нему людей. И разве что очень тонкий наблюдатель заметил бы в его словах и манерах нечто наигранное и рассчитанное. Князь Андрей так хотел и так привык нравиться окружающим, что совершенно произвольно уже применял для этого целый ряд мелких, выработанных практикой и перешедших в привычку приемов.

Вот и сейчас, картинно откинувшись на спинку резного кресла и поглаживая унизанной перстнями рукой свою великолепную бороду, он подчеркнуто внимательно слушал державшего речь боярина Шестака.

– Так вот, – говорил боярин, – как сведал я о том, что князь Пантелей Мстиславич вызвал к себе Василея и с глазу на глаз наставлял его ажно за полночь, – я в тот же час послал гонца в Звенигород, чтобы предупредить тебя, Андрей Мстиславич, а сам через седмицу, сказавши всем, что еду в свою дальнюю вотчину, пустился в путь и прямо в Козельск! Ныне же надобно нам, всем вместе, крепко подумать о грядущем и о том, что ждет нас по смерти Пантелея Мстиславича.

– А почто мыслишь ты, боярин, что смерть его столь близка? – угрюмо спросил князь Тит.

– Тому предвестий есть немало. Допрежь всего так Ипат бает, а он в этих делах гораздо сведущ. Да и без Ипата видать, что великий князь день ото дня слабнет. Знать, и сам он свою близкую кончину чует, коли ночью призывал сына и наставлял его на княжение.

– Отколь тебе ведомо, что наставлял? Мало ли о чем отец с сыном могут гутарить?

– Нет, Тит Мстиславич, тут ничего иного быть не могло: старый князь, допрежь чем призвать Василея, велел принести к себе из крестовой палаты ларец с духовной грамотой покойного государя Мстислава Михайловича. И тот ларец я у него в опочивальне, на столе, своими глазами видел. Стало быть, ясно, что разговор у них был о наследии.

– Да, пожалуй, что так, – не меняя позы, вставил Андрей Мстиславич. – И по той духовной грамоте родителя нашего, царствие ему небесное, на большое княжение надлежит теперь вступить Василею Пантелеичу, коему мы крест целовать должны и чтить его отца вместо.

– Ужель так и сказано в духовной деда? – подавшись вперед, спросил княжич Святослав.

– Так и сказано. И еще добавлено, что ежели кто из князей земли Карачевской с тем не согласится и схочет выйти из-под руки Василея, – так он того князя казнить волен.

– Стало быть, нет у нас иного пути, кроме как под Васькину руку, – с тоской и яростью сказал князь Тит.

Последовало длительное молчание. Шестак натужно дышал, у Святослава Титовича на крепко сжатых скулах перекатывались тугие желваки, князь Тит нервно барабанил по столу концами пальцев. Только Андрей Мстиславич сохранял полное спокойствие и даже как будто улыбался слегка в свою холеную бороду.

– Ужели же вы, князья Мстиславичи, потерпите такую поруху чести вашей и старшинству? – промолвил наконец Шестак.

– Такова отцова воля, – отозвался Тит Мстиславич.

– Не могло быть на такое его воли! – крикнул Шестак. – Ведь когда преставился он, Василея еще и на свете не было! Откуда мог знать князь Мстислав Михайлович, как дело обернется? Ужели мыслите вы, что схотел бы он родных сынов своих отдать на глумление какому-то мальчишке? Не мог он того желать!

– Что пользы о том гадать, коли имеется написанная им духовная грамота, в коей точно указан порядок наследования? И ежели всем ведомо, что после брата Пантелеймона княжить в Карачеве надлежит сыну его Василею?

– Не знаю, кому оно ведомо, – не унимался Шестак, – а только мыслю я, что воля покойного князя Мстислава Михайловича со смертью его окончилась. Не мог он ведать грядущего, а потому и волю свою на него простирать не вправе. Дела нынешние живым надлежит решать, а не мертвым!

– Тебе хорошо языком трепать, боярин, – сказал князь Тит, – а родитель наш вечному проклятию предает того из потомков своих, кто волю его порушит.

– То пустое, Тит Мстиславич! Не ведал ведь он, как жизнь-то сложится, когда такое писал. А ныне не проклянет, а благословит он с небес того, кто землю нашу родную спасет от Васькиной лихости!

Снова последовало продолжительное молчание.

– Ну, пускай бы даже мы почали оспаривать у Василя большое княжение, – вымолвил наконец Тит Мстиславич, – так ведь он с этой духовной отправится в Орду, и великий хан, без сомнения, укрепит его право. А нам эта тяжба головы может стоить. Сами ведаете, каков есть хан Узбек: коли сочтет нас виновными, выдаст Василю головой либо сам казнит.

– То истина, ежели Василю сможет показать ему духовную нашего родителя, – небрежно заметил князь Андрей.

– А почто не показать, коли она в его руках?

– Ну а вдруг она затеряется? Без нее-то дело о наследии зело спорное. И кто еще знает, на чью сторону станет царь Узбек.

– Вестимо, не на Василёву! – оживился Шестак. – Ведь ты, Тит Мстиславич, с ханом хорош. И коли заявишь свои права на карачевский стол, он тебе, а не кому иному ярлык даст! О Василее же он ежели чего и слышал, то лишь недоброе, от брянского князя. Да той худой его славе мы еще и от себя пособить сумеем.

– Хан ко мне милостив, – медленно сказал князь Тит, перед которым вдруг развернулись новые, его самого поразившие возможности. – Да вот только...

– Ну, чего ты еще нашел, Тит Мстиславич? – с жаром перебил Шестак. – Даст он тебе ярлык на большое княжение, как свят Господь, даст! А на Руси ханское слово все споры решает.

– Так-то оно так. Да ведь духовная все же в руках у Василя.

– То и лучше, что в его руках, – многозначительно промолвил Андрей Мстиславич. – Человек он молодой, в таких делах небрежительный... Сунет ее куда-нибудь, а после и сам не сыщет.

– Ну, это бабушка надвое гадала, – усомнился князь Тит, – а такое дело, какое мы затеваем, на авось негоже начинать.

– Ты мне поверь, братец! Я вещий сон видел намедни, а меня сны николи не обманывают, – почти весело сказал Андрей Мстиславич. – Потеряет ту духовную братанич наш!

– Ну а все ж, коли не потеряет?

– Потеряет, – уверенно повторил князь Андрей. – А ежели бы и не потерял, ты с ханом веди дело так, будто отродясь о ней и не слыхивал. Коли попадет она в руки Узбека, скажешь: знать не знал и ведать не ведал об этой духовной, потому и затеял тяжбу.

– Ты не сомневайся в этом, Тит Мстиславич, – горячо поддержал Шестак, – я тоже чую, что духовная нам помехой не будет. Решайся же! Один ты можешь спасти всех нас и всю землю Карачевскую от лихой беды, от Василёва беззакония! Тебя всем миром просим на великое княжение, а в случае чего и перед ханом, и перед всею Русью тебя поддержим. Молви только согласие свое. Ведь и честь, и богатство сами к тебе в руки просятся!

Тит Мстиславич, в душе которого врожденная порядочность еще боролась с соблазном, при напоминании о богатстве решил окончательно. Проведя ладонью по лбу, покрывшемуся испариной, он глухо вымолвил:

– Ну, коли так, согласен! Чего же делать-то будем?

– Не теряя дня, собирайся в Орду, – ответил Шестак. – Вези царю Узбеку подарки и проси ярлык на карачевский стол.

– Да ведь брат-то, Пантелеймон, жив еще!

– Ну и что с того? Ты Узбеку доведи, что, мол, карачевский князь, Пантелей Мстиславич, при смерти и дело о наследии надобно загодя решить, дабы после не приключилось смуты.

– А ежели хан о Василее спросит?

– Спросит аль не спросит, ты ему сам скажи: Василю-де шалый и желторотый хлопец и татарам наипервейший к тому же недоброхот. А наипаче напирай на то, что ты есть после князя Пантелеймона старший в роде; что ты сын родной первого карачевского государя, а Василю ему токмо внук.

– А ты что скажешь, брат Андрей?

Андрей Мстиславич минутку подумал, потом ответил:

– Мыслю я, что Иван Андреич дело говорит. Все мы тебя старшим почитаем и после Пантелеймона тебя хотим большим князем. Но только ехать тебе самому в Орду никак негоже: тотчас об отъезде твоём всем станет ведомо, и Карачев всполошится. Небось и дети малые догадаются, почто ты к хану поехал, как раз теперь, когда большой князь при смерти.

– Кто ж тогда поедет? – подозрительно покосился на брата Тит Мстиславич. – Ты, что ли?

– Зачем я? Мне ехать тоже не след. Мое родство с Гедимином может все дело испортить: хан, чего доброго, подумает, что мы для Литвы стараемся. А пошли ты в Орду вот хотя бы Святослава.

– Меня? – удивленно спросил молчавший до сих пор княжич Святослав Титович.

– Ну, тебя же! Ты зрелый муж, и голова у тебя разумная. Дело это не хуже кого другого обделаешь, а о том, что ты к хану поехал, в Карачеве никому и вдома не станет.

– То истина! – обрадованно воскликнул князь Тит, которому не очень хотелось самому тащиться в Орду и унижаться перед ханом. – Собирайся в путь, Святослав, тебе вверяем мы судьбы наши!

– Чту волю твою, батюшка, и клянусь, что доверие твое и дяди Андрея оправдаю, – вставая и кланяясь, ответил польщенный княжич.

Андрей Мстиславич благосклонно улыбнулся племяннику и ласково похлопал его по плечу. Он знал, что дело попало теперь в надежные руки. Тит Мстиславич был простоват и по своему честен. Невзрачный на вид Святослав был, наоборот, далеко не глуп, хитер и упорен. Он завидовал Василию и ненавидел его, как только человек, обиженный природой и судьбой, может ненавидеть их общего баловня. Возможность собственными руками сокрушить Василия наполняла его восторгом, не говоря уж о том, что, удачно выполнив возложенную на него задачу, он, как старший сын Тита Мстиславича, и себе самому обеспечивал в будущем большое княжение.

«Этот будет стараться не за страх, а за совесть, – удовлетворенно подумал Андрей Мстиславич, глядя на сияющего племянника, – и от Василея он меня избавит. А от иных я и сам избавиться сумею».

– Ну, добро, – сказал Тит Мстиславич, – в Карачеве, стало быть, я сяду. Ты, Андрей, из Звенигорода, вестимо, перейдешь в Козельск. А с Василеем все же мы как сделаем? Оставить его вовсе без удела, по мне, негоже, да и хан на это едва ли согласится...

– Да что на него смотреть, на Ваську скаженного!?! – воскликнул Шестак. – Пускай ладится куда хочет! А хану его можно так расписать, что не токмо без удела – без головы его оставит!

– Ну, это ты позабудь, боярин! Я такого греха на душу не приму, да и другим не позволю. Помни, что в Василее тоже течет кровь черниговских князей, и не пристало нам пускать его по миру! Как мыслишь ты, князь Андрей, не дать ли ему Звенигород?

– Звенигород, брат дорогой, я хотел бы тоже за собой оставить. Сам ведаешь, двое сынов у меня. Федору, по смерти моей, Козельск бы остался, а Ивану Звенигород.

Скупой Тит Мстиславич при этих словах сильно помрачнел, но понял, что при сложившейся обстановке отказать брату нельзя, и потому, скрепя сердце, сказал:

– А Василею в таком разе что же мы выделим?

– Василею можно Елец отдать.

– Вишь, твоим сыновьям два лучших удела, а моим что же останется, коли Елец Василею отдадим?

– Как что останется? Побойся Бога, брат! Святослав по тебе Карачев наследует, Ивану дашь Болхов, Федору – Мосальск.

– А Роману что?

– Да ведь Роману-то и десяти годов нету! Дашь ему Кромы, когда подрастет. Только и Елец, без сомнения, твоим будет, ибо Василей по гордыне своей навряд ли согласится на что иное, опричь большого княжения. Скорее всего набуянит он тут, и придется ему уносить от ханского гнева ноги куда подале.

– Ну, ин ладно, на том и порешим. Только вот я о чем думаю: что ежели помрет брат Пантелеймон прежде, чем ярлык у нас будет? Ведь тогда Василей заступит на карачевский стол, и мы тому помешать никак не сможем.

– Зачем мешать? Пускай его заступает. А когда вернется Святослав с ярлыком, попросим его честью из Карачева. Не станет же он с царем Узбеком воевать!

– Оно так, да все ж лучше бы по-хорошему сделать, без драки. Василей-то больно горяч.

– Обойдется. Время есть, еще что-нибудь надумаем. Вестимо, лучше бы пожил Пантелей Мстиславич до возвращения Святослава. Тогда дело куда проще бы сделалось.

– Не пришлось бы еще нам Василею крест целовать!

– Коли о том речь зайдет, отказываться покуда нельзя, но и целовать негоже. Будем чем ни есть отговариваться.

– Ну, ладно, значит, на том и стали! Наливай, Святослав, кубки. Выпьем за удачу дела нашего, и да поможет нам Господь!

Собеседники еще долго сидели в трапезной, обсуждая второстепенные вопросы, стараясь предусмотреть все и наставляя Святослава Титовича, как вести дело с ханом и что ему говорить. Наконец, когда во дворе пропели вторые петухи, все встали.

При выходе Андрей Мстиславич, как бы невзначай, обратился к Шестаку с вопросом:

– А ведомо ль тебе, Иван Андреич, где сейчас хранится отцова духовная?

Шестак пристально и понимающе взглянул на звенигородского князя.

– Досе хранилась всегда в крестовой палате, в алтаре. А вот как потребовал ее к себе Пантелей Мстиславич, с той поры я ее там не видел. Либо она в опочивальне князя, либо Василей к себе унес. То я могу вызнать точно.

– Вызнай, Иван Андреич, не помешает.

## Глава 10

*Тура мя два метали на рогах своих с конем вместе, олень мя бодал,  
а лоси один ногами топтал, а другой рогами бодал. Вепрь мне с бедра меч  
оторвал, медведь ми у колена потник прокусил, лютый зверь скочил на  
мя и с конем поверже, а Бог мя соблюде.*

*Владимир Мономах («Поучение»)*

Через три дня княжич Святослав, сопровождаемый десятком дружинников и снабженный богатыми дарами для хана Узбека, великой хатуни<sup>30</sup> и кое-кого из влиятельных татарских вельмож, выехал в Орду. В целях сохранения тайны всем было сказано, что он послан отцом с подарками к рязанскому князю Ивану Ивановичу, дочку которого Тит Мстиславич сватал для своего второго сына, Ивана.

Отправив посла, все остальные участники заговора возвратились к своим обычным делам. Мрачный и раздражительный Тит Мстиславич, стараясь заглушить в себе суеверный страх и голос совести, настойчиво твердивший, что он заслужил посмертное проклятие отца, с головой ушел в хозяйственные заботы. Спокойный и со всеми ласковый Андрей Мстиславич после долгого разговора с глазу на глаз с боярином Шестаком отправился к себе в Звенигород, а Шестак, заметая следы, проследовал из Козельска в свою вотчину, навел там порядки и в конце октября возвратился в Карачев.

<sup>30</sup> *Хатунь* – главная жена хана.

В стольном городе тем временем жизнь текла своим чередом. Давно минул праздник Покрова Пресвятой Богородицы, прошел и Дмитриев день, а князь Пантелеймон Мстиславич, вопреки тайным предсказаниям ведуна Ипата и своим собственным предчувствиям, не только продолжал жить, но и чувствовал себя значительно лучше. Он начал даже покидать свое кресло и, опираясь на палку, самостоятельно передвигаться по горнице.

В городе, да и во всем княжестве, царили мир и тишина. Беспокойный сосед, князь Глеб Святославич, всецело поглощенный борьбой со своими бунтующими подданными, карачевских рубежей больше не тревожил. Бдительность и сторожевую службу в Карачеве вновь ослабили, семейные дружинники жили по домам, запасаясь дровами и подготавливая свои хозяйства к суровой зиме. Во владениях карачевских князей голод вообще был редкостью, нынешний же год выдался особенно урожайным. Крестьяне наполнили зерном закрома, легко уплатили положенные подати и будущего не боялись. По деревням варили брагу, правили свадьбы и весело готовились к зиме.

В связи с этим общим благополучием у Василия забот было немного. Почти все свободное время он проводил на охоте или в усадьбе у Аннушки.

Последние встречи их были, впрочем, не очень радостны. Василий и прежде не обманывался в том, что рано или поздно ему придется отказаться от Аннушки и взять себе жену из княжеского рода, быть может, вовсе ему чуждую и нелюбимую. Но он отгонял от себя мысли об этом не близком еще, как ему казалось, будущем. После же ночного разговора с отцом он вдруг ясно ощутил, что это будущее уже надвинулось почти вплотную и что дни его счастья с Аннушкой сочтены. Теперь это счастье ему казалось особенно ярким, а мысль о необходимости отказаться от него – особенно мучительной.

Аннушка, проводившая большую часть времени в одиночестве и занятая только своими мыслями о Василии и об их отношениях, давно уже осознала неминуемость такого конца и была к нему лучше подготовлена. Она полностью отдавала себе отчет в том, что с уходом Василия в ее жизни ничего не останется, кроме тоски и воспоминаний, ибо другого она полюбить не сможет и не захочет. И все же она была готова принять этот сокрушающий удар безропотно, как расплату за недолгое счастье, подаренное ей судьбой. Правда, она пришла к этому не сразу: вначале все существо ее восставало против необходимости уступить любимого другой женщине, ее заранее сжигала ревность к этой еще неизвестной сопернице. Но постепенно она примирилась с этим, и любовь ее мало-помалу приняла характер самоотречения.

Когда Василий после долгих и мучительных колебаний сказал ей наконец, что отец сватает для него княжну Муромскую, Аннушка, вся поникнув, долго сидела молча, потом подняла на него наполненные слезами глаза и, запинаясь, вымолвила:

– Так и должно быть, Васенька... Ну что ж... Все говорят, что княжна Ольга Юрьевна красавица. Дал бы Господь, чтобы и душою она была так хороша, как лицом... Только бы было тебе с нею счастье.

\* \* \*

В один ноябрьский день, едва на востоке наметились первые признаки рассвета, Василий в сопровождении Никиты выехал из городских ворот. На обоих были короткие меховые полушубки, шапки-ушанки и теплые валяные сапоги, снизу подшитые кожей. У каждого за плечами был лук и колчан со стрелами, на поясе – длинный нож, а в руках охотничья рогатина. С полдюжины крупных поджарых собак весело суетились вокруг всадников. Все это не оставляло сомнений в целях их поездки: накануне выпал обильный снег и сегодня любого зверя легко было обнаружить и взять по свежему следу.

Выехав из города и миновав мост, охотники направились вниз по берегу Снежети. Верстах в десяти отсюда течение реки описывало крутую петлю, образуя нечто вроде низменного,

заросшего кустами и высокой травой полуострова с узким перешейком, упирающимся в густую чащу леса. Привлеченные хорошим пастбищем, животные забредали из лесу на этот полуостров и, никем не тревожимые, часто задерживались тут подолгу. Особенно любили эту излучину дикие кабаны, ночью копавшие здесь корни, а днем отлеживающиеся в густом кустарнике, который давал им надежное убежище. Место это было идеальным для охоты: став на перешейке и пустив на полуостров собак, охотник мог быть уверен, что вспугнутая дичь его не минует. Туда-то и направили своих коней Василий и Никита, не раз уже там охотившиеся.

– Ну, расскажи, как же тебе ездилось? – спросил Василий, когда всадники въехали в лес, укрывший их от холодного ветра, который не очень располагал к разговорам.

Никита только накануне возвратился из довольно долгой поездки. По поручению Пантелеймона Мстиславича он ездил приглашать удельных князей на семейный совет, связанный с тяжелой болезнью большого князя. Но это, разумеется, был лишь предлог, пользуясь которым князь Пантелеймон хотел заставить своих братьев поцеловать крест Василию. Дело надо было провести с умом, поэтому его не доверили простому гонцу.

– Ездилось-то хорошо, Василей Пантелеич, да только пользы от моей езды вышло немного, – ответил Никита.

– Что так?

– Видать, твои дядья почуяли, зачем их призывают. Небось их теперь в Карачев и золотом не заманишь!

– Это я и наперед знал. Поведай все ж, как тебя там принимали да жаловали?

– Да что ж, приехал я сперва в Звенигород. Чай, сам знаешь, какие они там медовые, – усмехнулся Никита. – Встретила меня на крыльце сама княгиня Елена Гимонтовна, обласкала прямо как родного сына. Но вот, говорит, беда: уехал князь Андрей Мстиславич в Литву и когда возвратится – никому не ведомо. Вестимо, обнадежила, что, как только назад будет он из Литвы, в сей же час отправится в Карачев. Но только сдается мне, что долго нам его ожидать придется.

– А как мыслишь ты, точно ли он в Литву уехал?

– Едва ли. Больше похоже, что дома он схоронился.

– Али ты что приметил?

– Приметил, что у них хоромы полны попов. Оно правда, в Звенигороде их николи мало не бывает, но тут сразу учуял я, что неспроста такое сборище. И после сведал, что съехались они на освящение церкви Святого Адриана, которую недавно закончил постройкой князь Андрей. Вот и помысли: возможное ли дело, чтобы ту церковь без него святили? А ежели Андрей Мстиславич и впрямь куда отлучился, могла ли не знать княгиня, когда он воротится, коли наш с нею разговор был октября тридцатого, а на первое ноября празднуется память святого Адриана?

– Да, шито белыми нитками. Ну а дальше что было?

– Дальше поехал я в Козельск. Здесь мне уже вовсе иной прием был оказан. Встретил меня какой-то сын боярский, спрашивает: что надо? Говорю: посланец из Карачева к козельскому князю. Ввел он меня в пустую горницу и, не промолвив слова, ушел. Долго я там сидел один, наконец входит княжич Иван. Смотрит волком. «А батюшка, – говорит, – сильно недужен». Спрашиваю: а что ж такое ему приключилось? «Посклизнулся, – отвечает, – вчерась на лестнице и дюже спину себе повредил. Лежит и вовсе двинуться не может». – «Так что же, – спрашиваю, – тебе, что ли, княжич, обсказать, с чем я прислан?» – «Нет, – говорит, – сейчас батюшку знахарь пользует, а как кончит, я тебя туда проведу». Ладно, кончил свое дело знахарь – вводят меня в опочивальню князя. Тит Мстиславич лежит на лавке под образами, руки на брюхе складены – ну вот сейчас умрет! А у самого рожа красная и в глаза не глядит. «Сказывай, – говорит, – с чем прислан?» Я обсказал. Поохал он чуток и молвит: «Сам видишь, какое мое здорвье. Вот ты братцу Пантелею Мстиславичу о том и доведи. Скажи ему, что,

как только на ноги встану, тотчас его волю исполню и в Карачев приеду. Но когда это будет, одному Богу ведомо, потому что дюже мне худо».

– С тем, значит, ты и уехал?

– С тем и уехал. Но только, ночуя в Козельске, вызнал я ненароком от княжеской челяди, что назад тому месяца полтора гостил у Тита Мстиславича звенигородский князь и что был там в ту пору также наш боярин Шестак.

– Ого! Это неспроста. Видать, они что-то промеж собою затеяли.

– Как Бог свят, Василей Пантелеич! Люди баяли, что они, все трое, да еще княжич Святослав с ними, затворившись в трапезной, совещались целый день и целную ночь, аж до вторых петухов. И даже слуг туда не допускали. Остерегись, Василей Пантелеич: это супротив тебя они что-то заводят.

– Поживем – увидим. То навряд, чтобы они сейчас пошли далее разговоров: для дела у них еще жилы слабы. Но поглядывать будем.

Тем временем собеседники приблизились к цели своей поездки. Не доезжая шагов трехсот до перешейка, они спешили, привязали в укромном месте своих коней, и Никита взял всех собак на сворку, чтобы они раньше времени не спугнули дичь. Затем оба вышли на перешеек и принялись тщательно изучать следы на снегу, дабы знать заранее – какие звери проследовали на полуостров и с кем им предстоит встретиться.

В ту пору этот огромный лесной массив, воспетый в русских былинах под названием Брынского леса, изобилвал всевозможной четвероногой и пернатой дичью. Не говоря уже о зайцах, лисицах, куницах, белках, выдрах и других некрупных пушных зверях, водившихся здесь в несметных количествах, по лесным речкам встречались целые поселения драгоценных бобров. Не была редкостью также и рысь. Встреча в лесу с медведем была заурядным явлением, а волки, собираясь зимою огромными стаями, держали в постоянном страхе редкие лесные деревни. В топких низинах, укрываясь в камышах и кустарниках, не жились дикие кабаны, по берегам рек и озер паслись целые стада оленей и лосей, нередко встречался еще и воспетый русской народной поэзией лесной исполин – тур, окончательно истребленный два-три века спустя.

Из пернатых постоянными и многочисленными обитателями этих лесов были глухари, тетерева и рябчики, а летом в лесных озерах появлялись лебеди и неисчислимое множество гусей и уток.

В жизни обитателей этого края охота играла важную роль: она давала мясо для пищи, шкуры для всевозможных домашних поделок и меха для одежды и для продажи. Несмотря на несовершенство охотничьего оружия (лук, нож и рогатина) и опасность многих видов охоты, ею занимался с детских лет почти каждый мужчина. И немало было таких, которые к концу жизни убитых медведей и лосей исчисляли десятками, а более мелких зверей сотнями и тысячами.

Для Василия и Никиты не составило особого труда разобраться в принадлежности и характере следов, испещрявших заснеженный перешеек. Они точно установили, что на полуострове находится с полдюжины диких свиней, что туда забредал довольно крупный лось, который вскоре снова ушел в лес, и, наконец, что по перешейку долго топталось несколько волков, но дальше они почему-то не пошли. Остальные письмена, оставленные на снегу лапами более мелких четвероногих, не стоили внимания.

– Дивлюсь, – промолвил Василий, когда осмотр был закончен, – почему оттуда сразу ушел обратно сохатый?

– И почто туда не зашли волки, хотя они и шли по следу свиней? – добавил Никита.

– Неужто секача побоялись?

– Едва ли. Может, просто сытые были и потому решили с секачом не связываться. А может, испугались чего.

– Чего ж бы им пугаться, коли там никого, oprичь свиней, нету? Ведь сохатый и тот раньше ушел.

– Ума не приложу. Следов тут боле ничьих не видать.

– Может, какой зверь туда еще до вчерашнего снегопада забрел?

– Чего бы он там досе делал? Да и какой зверь? Медведь в эту пору уже в берлоге спит... Разве что нечисть какая?

– Ну, уж сказал! Нечисти волки не боятся. Да чего тут долго гадать? Спускай собак, и зараз узнаем, кто там есть!

Собаки, почуявшие свиней, уже давно заливались истошным лаем и рвались из рук Никиты. Получив свободу, они стремглав кинулись на полуостров и вскоре исчезли в кустах, не переставая лаять.

Охотники между тем расположились шагах в пятидесяти друг от друга по краям перешейка так, чтобы кроме него держать под обстрелом русло реки, по обе стороны излучины, на тот случай, если зверь вздумает уходить по льду. Противоположный берег в этом месте спускался к воде крутым обрывом, и взобраться на него не смогло бы ни одно крупное животное. Воткнув возле себя в снег рогатины и проверив, легко ли ножи вынимаются из ножен, Василий и Никита наложили по стреле на тетивы луков и устремили глаза на полуостров, где, судя по яростному лаю, собаки уже увидели кабанов.

Вскоре впереди раздался треск ломаемых кустарников, и на перешеек со злобным хрюканьем выскочило небольшое стадо диких свиней. Увидев перед собой охотников, животные на мгновение остановились в нерешительности, но затем, следуя примеру своего вожака, все разом бросились в проход между ними, устремившись к спасительной опушке леса.

Воздух одновременно прорезали две стрелы, в стаде раздался болезненно-яростный рев, и два животных, падая, вскакивая и снова падая, завертелись на снегу, в то время как остальные с быстротою ветра скрылись в лесу. Свинья, в которую стрелял Никита, после нескольких судорожных прыжков опрокинулась на спину и задергалась в конвульсиях. Стрела угодила ей в бок с такой силой, что наконечник ее вышел из другого бока. Но секач, которому стрела Василия пронзила шею, несмотря на тяжелую рану и кровь, хлеставшую у него из пасти, почти сразу твердо стал на ноги и, пригнув к земле голову, вооруженную страшными клыками, бросился на своего противника.

Василий, уже вблизи, выпустил в него вторую стрелу, глубоко ушедшую зверю в холку, а затем, видя, что кабан продолжает бежать как ни в чем не бывало, схватился за рогатину. Он метил животному в левую часть груди, но в последний момент секач сделал судорожное движение головой, благодаря чему острие вонзилось правее, не задев сердца.

Всею тяжестью своей массивной туши кабан навалился на рогатину и, вогнав ее в себя по самую поперечину, продолжал яростно напирать, заставляя Василия быстро пятиться и не давая ему возможности высвободить свое оружие.

Вскоре положение охотника сделалось отчаянным: за спиной его находился берег, загроможденный обледелыми камнями и корягами, к которым быстро припирал его разъяренный кабан. Упасть значило погибнуть, а еще несколько шагов – и удержаться на ногах будет невозможно... К счастью для Василия, Никита был уже близко. Подбежав к кабану, он левой рукой схватил его за ухо, а правой дважды погрузил ему в бок свой длинный нож. Напор на Василия сразу ослабел, секач покачнулся, захрипел и почти без движения рухнул на землю.

– Ну, спасибо, Никита, вовремя ты подоспел! – промолвил Василий, снимая шапку и обтирая ею вспотевший лоб. – Еще чуток, и опрокинул бы меня этот дьявол.

– Ништо, княжич... А здоровенный секачище! Должно, пудов на двадцать вытянет, – добавил Никита, рассматривая саженную тушу, распростертую у его ног.

– Да, такого нечасто встретишь. Ловко ты его, однако, за ухо поймал... Погоди, а собаки? – вскричал Василий. – Куда же собаки-то подевались?

Действительно, собаки не преследовали выскочивших из кустов свиней и никакого участия в травле не принимали, чего в пылу охоты никто не заметил. Однако их захлебывающийся лай слышался теперь совсем близко. Василий и Никита одновременно обернулись в сторону полуострова и остолбенели от неожиданности: не далее чем в тридцати шагах, глядя на них налитыми кровью глазами и нахлестывая себя хвостом по лоснящимся крутым бокам, стоял огромный, совершенно черный бык с длинными, широко расходящимися рогами, концы которых грозно устремлялись вперед. Распалая себя, он рыл передней ногою землю, временами, как бы нехотя, отмахиваясь своей страшной головой от бесновавшихся вокруг собак.

– Тур! – хриплым голосом выдохнул Василий, как зачарованный глядя на лесного царя. – Да какой!

– Давай, княжич, не то уйдет! – прошептал в ответ Никита, в пылу охотничьей страсти не помышляя, как и Василий, о смертельной опасности, на которую они шли. – Подбирай скорее свой лук, и будем бить его разом!

Василий бегом кинулся к луку, лежавшему в нескольких шагах, и, подобрав его, возвратился на прежнее место. Никита тем временем, не спуская глаз с тура, выдернул рогатину Василия из туши кабана и воткнул ее в землю, рядом. Затем снял свой лук и наложил на тетиву самую надежную стрелу, с зазубренным стальным наконечником. Василий последовал его примеру.

– Добро, что я сегодня своего «перуна» взял, – пробормотал Никита, – словно бы чуял такую встречу!

«Перуном» у него назывался трехаршинный лук, сделанный из толстого смолистого корня лиственницы, оплетенного для прочности лосиными жилами. Кроме того, в средней части он был обложен роговыми пластинами. Натянуть его тетиву было под силу только такому богатырю, как Никита, но зато пущенная им стрела пробивала насквозь человека в кольчуге.

Между тем тур, который решил, очевидно, с боем прорваться в лес, пригнул голову к земле и двинулся вперед, набирая разбег перед атакой. Но в этот момент на него яростно набросились собаки, не решавшиеся приблизиться, пока он стоял на месте. С быстротой и ловкостью, необычайной для такого громадного животного, тур обернулся и взмахнул головой. Одна из собак с распоротым брюхом взметнулась в воздух и отлетела шагов на десять, остальные бросились наутек. Тур не стал их преследовать, а вновь повернулся к людям, которые сейчас находились от него не далее двадцати шагов.

– Пока хорошо стоит и не нагнул башки, – быстро сказал Никита, – целим ему оба в левую сторону груди... Готов? Ну, с Богом!

Свистнули две стрелы и почти рядом вонзились в широкую грудь животного. Испустив страшный рев, тур поднялся на дыбы, опустился, рухнул на колени передних ног, но сейчас же снова вскочил и, не переставая устрашающе реветь, ринулся на людей. Еще по одной стреле вонзилось в тушу зверя, не причинив ему особого вреда. На третий выстрел времени уже не было.

– В сторону скочь! – крикнул Василий, бросая лук и хватаясь за рогатину. – Пусть проскочит! Колоть будем, когда обернется, иначе с ног свалит!

Перед самой мордой тура охотники отпрыгнули в разные стороны. Промчавшись с разбега еще несколько шагов, уже теряющий силы лесной исполин обернулся, отыскивая глазами врагов, и в этот момент две рогатины глубоко вошли ему в грудь. Он еще рванулся вперед, заставив попятиться навалившихся на рогатины людей, рванулся второй раз, уже значительно слабее, наконец, издав предсмертный тоскливый рев, рухнул на колени и медленно повалился на бок.

– Вот это добыча! – сказал Василий, выдергивая рогатину и тяжело дыша. – Вдвоем насилу одолели!

– Да, поле у нас сегодня, что и говорить, удачное, – отозвался Никита. – Но и работы предстоит немало: нужно снять шкуры и разделать туши.

– Голову этого тура надо целиком зачучелить и повесить на стене в хоромаш, – сказал Василий. – Да и секач того достоин. Ишь, какие клыки!

Немного отдохнув, охотники принялись за дело. Через час снятые шкуры, отрезанные головы и лучшие куски мясных туш были подняты на ветви ближайших деревьев, чтобы их не растащили волки, пока за добычей будут присланы из города сани.

День уже начинал клониться к вечеру, когда Василий и Никита выехали из лесу и увидели всадника, во весь опор скакавшего из города им навстречу. Оба прищипорили лошадей, и вскоре перед ними осадил взмыленного коня Лаврушка. Лицо его было бледно.

– Скорее, князь, скачи в Карачев, – взволнованным голосом сказал он, забыв даже приветствовать Василия, – повсюду тебя ищем!

– Сказывай, что случилось? – крикнул Василий, вмиг заражаясь его волнением.

– Родитель твой, князь Пантелей Мстиславич, преставился!

## Глава 11

Пантелеймон Мстиславич ушел из жизни спокойно и без страданий. Последние дни он чувствовал себя совсем хорошо и заметно оживился. Накануне смерти лично принял вернувшегося из поездки Никиту и обстоятельно расспросил его обо всем. К известию о том, что братья его увильнули от посланного им приглашения, он отнесся по виду спокойно и только пробормотал:

– Ну, того и ожидать следовало... Знаю я их.

Ночью он спал хорошо, утром долго беседовал с боярами и пообедал с охотой. Затем, по обычаю, отправился отдохнуть, а в три часа вошедший в опочивальню Тишка нашел его мертвым. Лицо князя было величаво и спокойно. Очевидно, он умер во сне и не заметил, как перешел в другой мир.

Его похоронили в церкви святого архангела Михаила, рядом с отцом и старшим братом Святославом. Покойного князя все любили, и потому на похороны его собралось множество народа, но ни Тита, ни Андрея Мстиславичей не было. Вместо них из Козельска прибыл княжич Иван Титович, а из Звенигорода оба сына князя Андрея – Федор и Иван.

На большое княжение, согласно порядку наследования, установленному первым карачевским князем, вступил Василий Пантелеймонович, что всеми было принято как должное и не встретило никаких возражений ни в одном из уделов. Молчал Козельск, молчал и Звенигород. Бояре в отношениях с новым князем держались почтительно, никакими просьбами ему не докучали и в советники не навязывались. Жизнь в Карачевской земле по-прежнему текла мирно и тихо, в полном согласии с издревле установившимися обычаями.

Такая тишина, а в особенности покорность боярства и уделов вначале удивили Василия и даже показались ему подозрительными. Но проходили дни и недели, ничто не нарушало обычного порядка, все распоряжения набольшего князя исполнялись без пререканий, и Василий постепенно успокоился.

– Кажись, обошлось, – решил он. – Должно быть, смекнули, что лучше на рожон не лезть...

Благополучно, как казалось, сложившаяся обстановка вскоре сосредоточила мысли Василия на тех внутренних мероприятиях, о необходимости которых он давно думал, – теперь надо было исподволь проводить их в жизнь. В основном они сводились к тому, чтобы ограничить рост и значение боярства и укрепить положение свободных крестьян, которых бояре постепенно втягивали в кабалу.

Общественные отношения на Руси спокон веков развивались своими собственными путями, не схожими с практикой других народов. Но хотя многие из этих народов считали Россию отсталой и варварской страной, почти на любом этапе истории эти отношения были у нас более справедливыми и гуманными, чем на Западе. И резко ухудшались они именно тогда, когда в силу тех или иных исторических причин влияние Запада становилось у нас особенно сильным. В качестве примеров достаточно указать появление на Руси византийской принцессы Софии Палеолог, пресловутое «окно в Европу» императора Петра Первого и «золотой век Екатерины» – урожденной принцессы Ангальт-Цербстской, – в царствование которой русский крестьянин, впервые за всю нашу тысячелетнюю историю, был обращен в подлинного и законченного раба.

О том, что древняя и средневековая Русь была гораздо гуманнее Запада, достаточно красноречиво говорит простое сравнение основных судебных норм. В то время, как в западных странах даже незначительная провинность влекла за собой бесчеловечные наказания (почти всегда связанные с членовредительством) и самые изощренные виды смертной казни, древнерусское законодательство почти не знало иных карательных мер, кроме денежного штрафа и церковного покаяния. Телесные наказания у нас были редкостью. Смертной казни не существовало вообще. Даже так называемая древнейшая «Русская Правда» за убийство лишь разрешала ближайшим родственникам отомстить тем же, а если мстить было некому, дело ограничивалось крупным штрафом: «Аще убьет муж мужа, то мстит брат за брата, либо сын за отца, либо отец за сына, либо сын брата, либо сын сестры. Аще же не будет мстителя, то сорок гривен за убитого». В более позднем судебнике – «Правде» Ярослава Мудрого – право мести за убитого сохранено, но уже сыновья Ярослава это право отменили. Наказаний, связанных с членовредительством, во всех этих древнейших русских кодексах нет и в помине. Только в XII столетии Владимир Мономах под влиянием греческого духовенства вводит телесные наказания (битье) и «урезание носа» за особо тяжкие преступления против религии и семейной морали. Но тот же Мономах в своем «Поучении» сыновьям пишет: «Ни правого, ни виновного не убивайте и не велите убить его. Если и будет достоин смерти – не губите христианской души... И сильным не давайте губить человека». В судебном «Уложении» Владимира Мономаха мы находим, между прочим, такую статью: «Аще кто зуб рабу своему выбьет, или рабе своей, – на свободу да отпустит вместо зуба».

Из этого видно, что русские правовые нормы начала XII века, не в пример Западу, требовали гуманного обращения с рабами и даже за легкое увечье обязывали отпускать их на волю.

Согласно тому же Мономахову «Уложению», – не только за насилие, но даже за покушение на насилие над рабой своей господин обязан был дать ей вольную. Стоит сравнить это с «правом брачной ночи», которое существовало в Западной Европе не только во времена Владимира Мономаха, но и значительно позже. Согласно этому «праву», при выходе замуж крепостной крестьянской девушки первую брачную ночь она проводила не с мужем, а со своим господином, если он этого хотел.

Из летописей мы знаем, что случаи смертной казни в Древней Руси все же бывали. Но она применялась не в порядке соблюдения законов, а скорее в обход и нарушение их. По существу, такая казнь бывала просто убийством, совершаемым по приказанию лица достаточно высоко стоящего и сильного, чтобы не считаться с законом. Такие случаи участились во времена татарского владычества, когда нравы ожесточились, но все же смертная казнь и тогда не нашла себе места в писаном русском законодательстве. Впервые ввел ее в свой «Судебник» только в 1497 году великий князь Иван Третий, женившийся на гречанке Софии Палеолог и в угоду ей и ее иностранному окружению начавший заводить в Москве римско-византийские порядки. И недаром в своей знаменитой переписке с Иваном Грозным князь Андрей Курбский писал, имея в виду Софию Палеолог и ей подобных: «В предобрый русских князей род всеял дьявол злые нравы наипаче женами их, коих поимывали от иноплеменников».

\* \* \*

Испокон веков, еще задолго до принятия Русью христианства, основным занятием здесь было земледелие, и все население Русской земли делилось на сельские общины, подбиравшиеся главным образом по родовому признаку. Каждая такая община, по существу, представляла собой экономически независимую единицу и все, что нужно, производила для себя сама. Лишь позже, когда потребности и запросы людей расширились, кое-что стали покупать в городах, но единства и целостности общины это не нарушало.

С оформлением восточных славян в государства, управляемые князьями, наряду с крестьянскими общинами стали появляться отдельные собственники – бояре, владевшие крупными земельными угодьями. Такие хозяйства требовали большого количества рабочих рук и первоначально обслуживались «челядью» или «холопами», то есть людьми, зависимыми от хозяина или «господина». В ту пору это были главным образом пленники, захваченные во всевозможных войнах и походах, однако рабами они, в полном смысле этого слова, не являлись.

Вообще рабства в тех законченных формах, в которых оно широко практиковалось на Западе, на Руси никогда не существовало. Даже в седой древности рабство у славянских племен носило лишь временный характер, весьма гуманный по сравнению, например, с Римом. Византийский писатель VI века Маврикий Стратег вот что пишет о славянах: «Пленников своих они не держат в вечном рабстве, но, ограничивая срок плена определенным временем, предлагают им на выбор: за известный выкуп возвратиться к себе домой или же остаться на положении людей свободных и друзей». Самое слово «челядь» происходит от «чадо», «чадь», то есть «дети»; слово «холоп» – от «хлопец», что означает приблизительно то же самое. Таким образом, по идее это были не рабы, а младшие члены общей хозяйственной семьи, что, конечно, не исключало возможности сурового обращения, – в те времена ему нередко подвергались и собственные дети.

Постепенно увеличиваясь, боярские поместья требовали все большего количества рабочей силы, и недостаток в ней стал пополняться главным образом за счет безземельных крестьян, освобожденных холопов, людей, почему-либо изгнанных из общины, обедневших неудачников и т.п. Появилась новая категория зависимых людей – так называемые закупы.

Закуп получал от помещика землю, коня, сельскохозяйственные орудия, а иногда и денежную помощь, обязуясь со своей стороны часть времени работать на «барщину», иными словами за все полученное платить помещику своим трудом на его полях. Несколько позже барщина почти повсеместно была частично или полностью заменена «оброком», то есть платой продуктами своего собственного труда. Это для крестьян было выгоднее: не отрываясь для барщины от своего личного хозяйства, они получали возможность вести его лучше и производить большее количество продукции.

Бояре, разумеется, старались выжать из своих закупов как можно больше и в то же время их закрепостить, но верховная, княжеская власть этому обычно не сочувствовала и не содействовала. Отношения бояр и закупов были точно определены и защищались законом. Закуп без согласия господина уйти не мог, но в то же время рабом он не являлся и обязан был выполнять только ту работу и в том размере, как это было определено договором, а в остальном он оставался свободным человеком. Если хозяин начинал обращаться с ним как с рабом и требовать с него лишнее, по закону он терял на него все права. С другой стороны, если закуп пытался бежать и его ловили, он превращался в холопа, то есть переходил в разряд зависимости, которую условно можно назвать рабской. Но только условно, ибо все эти виды зависимости носили, по существу, крепостной, а не рабский характер. Западноевропейский или восточный раб был вещью, а русский холоп был личностью. Он мог, по закону, обзавестись семьей, совершать торговые и денежные сделки, выступать истцом и свидетелем в суде, приобретать движимое и

недвижимое имущество, передавать его по наследству или по завещанию, мог в любой момент выкупиться на волю. Классический же раб ни одного из этих прав не имел и зависел всецело от воли своего хозяина.

Таково было положение людей зависимых – холопов и закупов. Но они отнюдь не составляли большинства: вся основная масса сельского населения состояла из свободных крестьян – «смердов», которых называли также черными людьми, а позже – черносошными крестьянами. Они жили своими общинами и платили в княжескую казну подать, которая вносилась обычно натурой.

Каждый член общины владел определенным земельным участком на правах полной собственности, то есть мог его продавать, арендовать, передавать по наследству или по завещанию. Кроме того, он пользовался общинными угодьями, принадлежавшими всем вместе: пастбищами, лугами, лесом, озерами. Каждая община располагала также запасными землями для наделения людей пришлых, которых сход соглашался принять в общину, а также для расширения наделов малоземельным или многосемейным. Земли было достаточно, и владения некоторых крестьянских общин исчислялись сотнями квадратных верст.

Община пользовалась довольно широкими правами самоуправления. Она выбирала своих старост и десятских, а общие дела решала сходом, или «миром». Правление общины раскладывало подати по своему усмотрению и само собирало их для внесения в княжескую казну. Сход разбирает все тяжбы и судил за преступления, кроме самых тяжких. Словом, своею хозяйственной жизнью, внутренним устройством и бытом община распорядилась сама, и вышестоящие власти в ее повседневные дела обычно не вмешивались.

В те времена границы общинных владений редко бывали точно определены, и это иногда давало повод к злоупотреблениям со стороны соседей – помещиков, старавшихся захватить спорные земли. Если стороны не приходили к полюбовному соглашению, община имела право и возможность искать защиты своих интересов у князя. И обычно ее находила, ибо в случае недовольства крестьяне могли сняться с места и перейти в другое княжество, а князю это было невыгодно: он лишался плательщиков податей и резервов воинской силы. Людей в ту пору всюду не хватало – любой князь охотно принимал к себе «новоселов», давал им землю и обычно помогал стать на ноги.

Позже, под влиянием целого ряда причин, все это значительно изменилось к худшему. Но в XIV веке положение крестьян на Руси было в общем неплохо, и ему с полным правом могли позавидовать крестьяне любой другой страны.

Этому крестьянскому благополучию сильно угрожал рост боярских владений, постепенно вовлекавший в зависимость от бояр все большее количество людей прежде свободных. Это не значит, что бояре захватывали их силой или присваивали себе земли вместе с их свободным населением. Такие факты бывали, но скорее как исключение, тем более что вотчиннику рабочие руки были, пожалуй, нужнее, чем увеличение земельной площади, а их он этим путем не приобретал: не желая попасть в зависимость от помещика, крестьяне с захваченных им земель могли перейти на свободные, в которых тогда еще не было недостатка.

Опасность заключалась в ином: среди свободных крестьян тогда, как и во все времена, бывало немало таких, которые, в силу различных причин и обстоятельств, не преуспевали в собственном хозяйстве и попадали в затруднительное положение. Бояре в погоне за нужной им рабочей силой охотно ссужали таких людей деньгами и всем необходимым, с тем чтобы долг был после отработан. Польстившись на боярскую помощь, эти неудачники попадали, таким образом, в кабалу, образовав новый слой зависимых людей, так называемых кабальных смердов. Боярство широко пользовалось таким способом закрепощения свободных крестьян, расшатывая этим не только общину, но и самые устои государства.

Василий надеялся положить этому предел, с одной стороны, всячески препятствуя дальнейшему расширению боярских вотчин, а с другой – оказывая от государства самую широкую помощь нуждающимся крестьянам.

Для более близкого ознакомления с крестьянскими нуждами он решил предпринять несколько поездок вглубь своего княжества и, в частности, – присмотреться к жизни тех общин, которые непосредственно граничили с боярскими владениями.

Обдумав, откуда начинать, Василий послал за Лаврушкой.

– Ты давно в своем селе не был? – спросил он, когда парень явился на зов.

– На минувшей седмице туды ездил, – ответил Лаврушка.

– Небось и в Бугры заглядывал, к своей Насте?

– То истина, княже: и в Бугры я наведался.

– Ну как, Настины родители теперь отдают ее за тебя?

– Еще бы не отдали! – самодовольно ответил Лаврушка, превратившийся уже в ладного и подтянутого воина. – Вот как закончу на посаде рубить избу, так и свадьбу справим. У нас уже все обговорено с Настей.

– Что же, давай вам Бог. А от меня будет вам к свадьбе подарок: конь да корова.

– Премного благодарны тебе, пресветлый князь! Без тебя николи не бывать бы нашему счастью.

– Ладно, оставим это, А сейчас ты мне вот что скажи: отстроилось уже ваше Клинково после того пожара?

– Давно отстроилось, княже. Сейчас куды лучше прежнего показывается.

– Ваша община, кажись, с вотчиной боярина Шестака соседствует?

– Точно, княже. Наказал нас Господь таким соседством...

– Чем же вам боярин не люб?

– Больно уж сутяжен. У его, должно, утроба из семи овчин сшита: что ни увидит, так и норовит проглотить. Да и другое есть...

– Что ж другое?

– Любит он народ кабалить. Доведет человека до нужды и сам же помощь предлагает. А у его лишь попользуешься чем, – после не вывернешься!

– Ну, добро, завтра поутру собирайся. Поедешь со мной, хочу я сам поглядеть, как Клинково ваше построилось.

## Глава 12

*И князи и власти милование, и заступление, и правду покажите на нищих людей, страха ради Господня.*

*Игумен Иосиф Волоцкий (XV в.)*

К полудню следующего дня Василий в сопровождении Лаврушки и еще нескольких дружинников въезжал уже в село Клинково, новенькие избы которого были в беспорядке рассыпаны по пологому склону холма, спускавшегося к небольшой речке. На другом ее берегу поднималась стена векового леса, который широким полукругом охватывал земли общины. Клинково насчитывало десять дворов, но к нему были приписаны еще две близлежащих деревни, одна в три, другая в четыре двора. В те времена более крупные крестьянские поселения считались редкостью.

Изба клинковского старосты Ефима Робкина, рубленная на невысокой подклети, где в зимнее время помещались телята и свиньи, стояла в глубине довольно большого двора, по одну сторону которого находился овин, а по другую сарай и конюшня. За избой, ближе к берегу

реки, на участке, который летом служил огородом, виднелась небольшая закопченная банька, а возле нее – огромная куча дров, заготовленных на зиму.

Когда Василий и его спутники въехали во двор, сюда уже сбегались со всего села люди, узнавшие высокого гостя. Староста, несмотря на мороз, выскочивший из избы в одной рубахе, растерянно кланялся князю и от волнения не мог вымолвить слова.

– Ну, здравствуй, старик, – улыбаясь, сказал Василий. – Чай, узнал меня?

– Как мне тебя не узнать, батюшка-князь! – воскликнул староста, обретая дар речи. – Кабы не доблесть твоя да не помога, на эвтом месте ничего бы ноне не было, окромя пустого пожарища! Век того не забудем, как ты нас от брянцев отбил.

– Ну, то дело давнее. А ныне каковы у вас дела?

– Все слава Богу, твоя княжеская милость. Село, вишь, отстроили, урожай сняли добрый, чего ж нам еще? Да ты зайди в избу погреться-то, не побрезгай нами, батюшка!

В избе было темно и дымно, так что, войдя в нее, Василий сперва ничего не видел, кроме слабо мерцающего огня лучины. В то время труб в деревнях не делали, все избы были курными, и дым из печи вытягивался в небольшое волоковое окошко, проделанное в стене и снабженное заслонкою. Значительная часть дыма оставалась при этом внутри, клубясь под потолком целыми облаками.

Освоившись немного с темнотой, Василий огляделся кругом. Помещение представляло собой одну общую горницу, аршин восемь в длину и шесть в ширину, с деревянным полом. Закопченные бревенчатые стены были проконопачены мхом и паклей, а небольшое световое окно затянуто бычьим пузырем. Слева от печи стоял большой, грубой работы стол и пара таких же скамей, а вдоль всей стены тянулась полка с кухонной утварью. Справа шли широкие полаты, занимавшие добрую треть горницы. Они составляли как бы внутренний второй этаж, служивший спальней всему семейству. Под полатами Василий увидел какие-то кадки, мешки, связки кож и множество иной хозяйственной рухляди. Тут же висели веники и пучки сухих трав, составляющие домашнюю аптеку. Среди всего этого добра разгуливало вдобавок несколько кур.

Хозяйка, хлопотавшая у очага, и двое парней, сидевших на лавке, при входе князя ответили земные поклоны.

– Мои молодшие, – пояснил староста, кивнув в сторону парней, – старшие-то уже своими семьями живут. Ну, старуха, поднеси дорожному гостю меду!

– Погоди, хозяин, – сказал Василий. – Вашего меду я с охотой отведаю. Но ведь время полуденное, а вы, небось, гостей не ждали. Так позвольте и мне вас кой-чем попотчевать. Да зови и других в избу, чтобы хоть по одному человеку от каждого двора было. Заодно и побеседуем.

Лаврушка принес торбу, из которой извлек объемистую сулею с водкой, копченого гуся, окорок и большой кусок жареного мяса. Пока он с помощью хозяйки резал и раскладывал еду на столе, изба наполнилась народом.

Крестьяне пили охотно, но есть при князе стеснялись и на вопросы отвечали односложно. Только лишь после второй-третьей чарочки робость их стала понемногу рассеиваться. Заметив это, Василий начал наводить разговор на то, что его интересовало.

– Сколько же у вас всего земли? – спросил он.

– Орамой землицы у нас наберется чуть поболее от тысячи шестисот четей<sup>31</sup>, – подумав, ответил староста. – Ну, окромя того, имеются, вестимо, луга и лес. Помаленьку его подсекаем и тоже запахиваем.

– А мужиков сколько в общине?

---

<sup>31</sup> *Четь*, или четверть, – старинная земельная мера, равная до XVII в. половине старой десятины, или, приблизительно, трем четвертям гектара.

– С парнями и отроками у нас в Клинкове мужских душ тридцать восемь, в Гавриловке шестнадцать да в Лесках десять.

– Стало быть, пахоты выходит, почитай, по двадцать пять четей на душу?

– Ну, энто как сказать... Колись так было. А ноне кто как преуспел, у одних больше стало, а у иных и вовсе меньше. Есть у нас, к примеру, безлошадные, так куды же им по двадцать пять четей?

– Кто у вас тут самый бедный?

– А вот Ксеньев Илья, – указал староста на приземистого чернобородого мужика средних лет.

– Сколько же у тебя земли, Илья? – спросил у него Василий.

– Ноне только пять четей осталось, твоя княжеская милость, – ответил мужик.

– А другие двадцать куда подевались?

– Да вишь, как оно получилось, – начал рассказывать Ксеньев. – От родителя, значит, мы с братом Трофимом наследовали без малого сорок четей. Два коня тожить было. Ну, стали вместех хозяйевать, не делясь. Попервах все ладно шло, а потом повернуло да и пошло как под откос... Один год был неурожай – пришлось зимою смолотить семянное жито. А весной что сеять станешь? Ну, ударили челом соседу, боярину Шестаку. Ссудил он нам зерна двадцать мешков. Посеяли, а на энто год град нам все повыбил, – отдавать зерно нечем и сеять, обратно, нечего. Вдругораз одолжил нам боярин зерна и денег трошки ссудил, но только за все за это взял закладную на землю. Дале одного коня у нас волки съели, а на одном остатнем чего наработаешь? Э, да что тут долго рассказывать! Пошла наша земляца боярину Шестаку, только вот пять четей нам и оставил, да и то сколько в ногах у него поваляться пришлось! Брат Трофим еще трошки помаялся, да и сам к нему в кабалу пошел, а я вот еще шебаршусь покедова, да тоже, видать, энтим кончу...

– Вот оно как, – промолвил Василий. – Но токмо свободному человеку в кабалу идти – это уж последнее дело. Надобно тебе снова на ноги становиться, Илья! Подати ты как платишь, – как и все другие?

– Не, мы, безлошадные, платим только четвертую часть супротив обычной раскладки.

– Ладно, от податей и от числа<sup>32</sup> тебя на пять лет ослобоняю вовсе. Пришлю тебе также коня. Староста, сколько у вас еще безлошадных?

– Окромья Ильи, есть еще один.

– И ему будет от меня конь. А запасные земли у вас есть?

– Чуток есть, твоя княжеская милость.

– Прирежь из них Ксеньеву четей десять и другим малоземельным, коли таковые имеются, тоже добавь, чтобы меньше пятнадцати четей ни у кого не было. А как обзаведутся вторым конем, еще по десяти четей им дашь.

– Да ведь земля-то обчая, – возразил староста. – Я без согласия мира ее раздавать не волен.

– Твоя правда, мир уважать надо. Но ведь тут, почитай, все в сборе, вот и решайте сейчас. А я послушаю, есть ли среди вас такие, которые своему же брату помочь не схотят.

– Да чего тут решать? – загудели со всех сторон голоса. – Знамо дело, добавить им пашни! Без лошадей, вестимо, энта земля ни к чему им была, а ежели князь им коней дает, о чем толковать?

– Вот и ладно, – сказал Василий. – Стало быть, дело решено.

– Слов не найду благодарить тебя, батюшка-князь! – со слезами на глазах сказал Ксеньев, кланяясь Василию в землю. – Ведь это я прямо как вдругораз родился!

– Может, есть у кого какие просьбы аль жалобы? – спросил Василий.

---

<sup>32</sup> *Числом* называлась дань, собираемая для татарского хана.

Последовало долгое молчание. Потом в дальнем углу народ начал перешептываться, и наконец оттуда вытолкнули вперед дюжего мужика с курчавой русой бородкой.

– Обижает нас прикащик боярина Шестака, Федька Никитин, – кланяясь Василию, сказал он. – Где только возможно, норовит нам поруху сделать, аспид!

– Что ж он такое делает?

– А чего удумает, то и делает! То, к примеру, боярским стадом наши поля потравит, а то нашу худобу к себе загонит и опосля откуп требует, якобы она боярский хлеб топтала. А летось вот пригнал на мой луг косарей и велел им все сено выкосить да свезти в боярскую усадьбу. Разогнался я косить – ан там уже ни травинки нету!

– Ну а ты что, смолчал?

– Пошел я до его, а он крик поднял. «Ты что, говорит, сукин сын, видал, как я твое сено косил да возил? А коли не видал, помолчи, не то шкуру спущу!» А чего там было видать, коли люди, что мой луг косили, сами мне о том сказывали!

– А боярину ты не жалился?

– Жалился и боярину. А он говорит: «Не может того быть, чтобы мой прикащик такое содеял. На кой ляд нам твое сено, коли у нас свое девать некуда? То, говорит, не сумлевайся, кто-либо из вашей же общины украл. Только ты, говорит, не печалуйся, я тебя, коли хочешь, своим сеном ссужу, опосля отработаешь».

– Во! Во! – раздались голоса. – У его завсегда так! Что хошь предлагает, а вот поддайся, возьми, – только и очухаешься, как пойдешь по миру али влетишь в кабалу!

– Это дело я разберу, – нахмурившись, сказал Василий, – и сено свое ты обратно получишь. Как звать тебя?

– Иваном звать, Купреевым, всесветлый князь.

– Ладно, что еще есть у вас?

– Железом бы нам грошки разжиться, батюшка-князь, – сказал кто-то из толпы. – Пашем мы деревянной сохой-косулей, а земля у нас, сам ведаешь, из-под лесу: что ни колупни, то и корень! Было бы железо, наковки можно было бы поделать на сохи, а то и окованный подсошник пустить, для отвалу. Тогда и пахать бы можно поглубже, и работа бы спорее пошла.

– Это ты дело говоришь, – живо ответил Василий, сразу заинтересовавшийся такой новинкой. – Как звать-то тебя?

– Гурин я, Демьян, твоя княжеская милость.

– Ты что, где-либо видал такое али сам придумал?

– Проходил тут минувшим летом странник и баял, что эдак пашут в иных землях, где он побывал.

– Добро, Демьян, пробуйте и вы. Дам вам железа и кузнеца хорошего пришлю из города. Ежели это дело у вас пойдет ладно, мы и в других местах то же заведем. Ну что ж, – добавил Василий, – коли все сказали, на том беседу нашу закончим. Пособляйте один другому и до кабалы своих не допускайте. В случае же кто станет обижать вас али беда какая приключится, доведите о том прямо мне, вот хотя бы через земляка вашего Лаврушку. А пока бывайте здоровы.

\* \* \*

Из села Клиноква Василий со своими людьми направился прямо в усадьбу боярина Шестака. Лицо его было хмуро и сосредоточенно, за всю дорогу он не проронил ни слова.

Въехав на боярский двор, загроможденный всевозможными службами, и не обращая внимания на заматавшуюся во все стороны боярскую челядь, он сурово спросил выбежавшего ему навстречу дворецкого:

– Боярин дома?

– В Карачеве он, твоя пресветлая княжеская милость, – кланяясь в землю, ответил дворецкий.

– Позвать сюда прикащика Никитина!

Струсивший дворецкий бегом кинулся исполнять приказание. Через несколько минут перед князем предстал высокий чернородый детина с красной рожей и заплывшими медвежьими глазками. Он старался держаться с достоинством, но это ему плохо удавалось.

– Ты прикащик боярина? – спросил Василий, не отвечая на его низкий поклон.

– Я самый и есть. Чего изволишь, твоя княжеская милость?

– Это ты летось приказал у клинковского смерда Ивана Купреева выкосить луг и свезти сено в боярскую усадьбу?

– Врет он, батюшка-князь! Не верь ты ему, анафеме! Пропил он, должно, свое сено, а теперя...

– Ты врешь, разбойник, а не он! – загремел Василий, напирая на побледневшего приказчика конем. – Сказывай, почто ты такую татьбу учинил?

– Воля твоя, княже милостивый, а токмо не ведаю я ничего о том сене, – смиренно произнес Никитин. – За ништо меня лаешь.

– Добро, – сдерживая бешенство, промолвил Василий, – созвать сюда всех ваших косарей! Я их сей же час сам допрошу, и, ежели хоть один покажет, что ты посылал его косить у Купреева, не минет и трех минут, как будешь висеть на воротах. А ну, малый, – обратился он к одному из боярских холопов, которые с любопытством наблюдали за происходящим, – живо, зови сюда косарей. Да по пути прихвати и добрую веревку!

Малый повиновался со всею быстротой, на какую был способен, а сразу обмякшего приказчика начала потряхивать мелкая дрожь.

– Погоди, пресветлый князь, – запинаясь, вымолвил он. – Теперь будто припоминаю я, что был такой грех... Смилуйся, батюшка, не губи, спяна меня нечистый попутал! – завопил он, падая на колени.

– Вишь, как слова мои о веревке тебе сразу память прочистили! – зло усмехнулся Василий. – Ты о ней почаще вспоминай. Коли хоть одна еще жалоба на тебя будет, не помилую. На первый раз дать ему пятьдесят плетей, – обратился он к своим дружинникам, которые, к великому удовольствию боярской челяди, не мешкая принялись за дело. – А все то сено чтобы сегодня до ночи было свезено на двор к Купрееву и складено, где он укажет! Ты, Лаврушка, тут останься и пригляди за этим, а вы догоняйте, как управитесь, – сказал он воинам, поровшим приказчика, с остальными направляясь к воротам.

## Часть вторая

### Князь земли Карачевской

#### Глава 13

На высоком и крутом нагорье, над стремниной реки Десны, тянутся к небу неприступные стены и башни брянского кремля, с трех сторон охваченного избами обширного, утонувшего в зелени посада.

Неповторимый по величавой красоте своей вид открывается отсюда на бескрайнее море лесов, затопившее холмы и равнины, и на красавицу Десну, далеко внизу, среди обрывистых берегов уносящую свои быстрые воды в зеленую даль.

По древности лишь очень немногие русские города могут соперничать с Брянском. В числе нескольких других укрепленных городков он был заложен в X веке, в период борьбы князя Владимира Святого с вятичами. От большинства этих городков вскоре не осталось ни следа, ни памяти, но город Брынь – как он тогда назывался – уцелел и разросся, главным образом в силу своего выгодного географического положения: он стоял у слияния двух судоходных рек, Десны и Болвы, и имел прямое водное сообщение с Киевом. Сюда стекалась дань, которую натурой вносили в княжескую казну племена и народы северо-восточной части Киевского государства, – отсюда она по Десне и по Днепру отправлялась в столицу. Вскоре по этой же водной дороге пошла оживленная торговля: из Брыни в Киев потекли меха и продукты лесного промысла, в обратном направлении шли городские товары, хлеб, оружие и ткани.

В конце XII века русские летописи уже называют этот город не Брынью, а Дебрянском, вероятно потому, что он был окружен обширными лесными дебрями, которые тоже способствовали его благополучию, надежно защищая от всевозможных кочевников, постоянно тревоживших Древнюю Русь своими набегами.

Несомненно по той же причине при татарском нашествии Дебрянск пострадал меньше, чем другие крупные центры Черниговского княжества, и это обеспечило ему положение главного города края, куда была перенесена и епископская кафедра из разрушенного Чернигова. Таким образом, Дебрянск имел прекрасные предпосылки к тому, чтобы успешно развиваться и вырасти в одну из крупнейших столиц удельной Руси, подобно Москве, Твери и Рязани. Но собственные князья оказались для него хуже татар: их непрерывными войнами и междоусобиями вся Брянская область была опустошена, а городская торговля парализована. Вместо того чтобы расти и богатеть, этот город, который теперь уже чаще называют Брянском, стал быстро приходить в упадок и терять свое прежнее значение.

Князья на брянском столе сменялись часто, и, едва один из них добирался до власти, на него тотчас ополчался кто-нибудь из родичей. Соперники втягивали в свои распри татар и Литву, разоряли народ и гибли в усобицах сами. Наконец кроме Глеба Святославича в живых почти никого из них не осталось, и он утвердился в Брянске прочно. Однако народу от этого не стало легче: прежде, в период усобиц, каждый князь, хотевший удержаться у власти, был вынужден в какой-то степени считаться со своими подданными. Глеб Святославич, оставшись один, перестал с ними считаться совершенно. Как следствие этого, страна постепенно пришла к состоянию замедленного, но принявшего устойчивые формы брожения, вернее полумятежа, в неуклонном развитии которого силы князя шли на убыль, а силы народа крепили и созревали для окончательного взрыва.

Князь со своей дружиной чувствовал себя в безопасности лишь за высокими городскими стенами, за которыми укрылись также и те бояре, вотчины которых были разграблены или пожжены холопами и кабальными людьми. Вокруг этих стен простирался огромный посад,

настроенный по отношению к городу явно враждебно и являющийся главным очагом недовольства и смуты.

Это еще не было осадой, но с каждым днем становилось все более на нее похожим. Отдельные дружинники и небольшие их группы уже не рисковали отдаляться от стен, ибо на них сыпались насмешки, оскорбления и угрозы, а в случае ответа – камни и все, что попадало под руку. Не раз бывало, что их ловили и отбирали оружие, а некоторые и сами перебежали к посадским.

Но и верных защитников у Глеба Святославича еще оставалось немало. Временами из кремлевских ворот появлялся хорошо вооруженный отряд, который разъезжал по посаду, наводя страх и расправу: избы особенно приметных мятежников грабили и жгли, а их самих, если удавалось словить, вели на торговую площадь и тут, в назидание другим, пороли плетьюми, а некоторым даже рубили головы.

Иногда сильный отряд дружинников, вооруженных как на войну, выходил из города и отправлялся вглубь страны, по деревням и селам, а через несколько дней возвращался с обозом продуктов, взятых в счет податей или просто отобранных у крестьян. Оказавших неповиновение смердов тоже пригоняли с собой и били на площади плетьюми, а уличенных в грабежах и поджоге вешали на кремлевской стене, чтобы другим неповадно было.

В одно морозное зимнее утро, шагах в ста от запертых ворот кремля стояла небольшая группа посадских людей, угрюмо наблюдая, как на городской стене двое катов<sup>33</sup> готовились вешать очередную жертву – оборванного чернобородого мужика со скрученными за спиной руками. Тут же возле виселицы стояло несколько княжеских дружинников.

– Глянь, что деют, анафемы! – с негодованием произнес один из зрителей. – Нету дня, чтоб кого-либо не казнили. Эдак они скоро нас всех переведут!

– Веревок не хватит, – сквозь зубы процедил другой.

– Ну, пождите, аспиды! – крикнул третий. – Придет наш час, так вашими же кишками вас давить будем!

– Стой, братцы! Да это никак Прошку Бугаева вешают?

– Он самый и есть! Когда ж это схватили его княжки каты?

– Эй, Прошка! – закричал кто-то во весь голос. – Разом сигай со стены вниз! В снег упадешь – не убьешься, а тута мы тебя в обиду не дадим!

Но несчастный пленник явно не мог уже воспользоваться этим советом: один из палачей крепко держал его сзади за связанные руки, другой надевал ему на шею петлю. Однако голос товарища он услышал и поднял голову.

– Прощевай, родимая земля! – крикнул он. – Воздайте за меня, братцы, мучителям моим!

В эту секунду каты дружно навалились на свободный конец веревки, и тело Прошки, судорожно подергиваясь, поднялось на аршин над стеной. Посадские снимали шапки и с минуту стояли молча. Смерть была в Брянске заурядным явлением, но все же каждый невольно подумал, что завтра на месте Прошки может оказаться он сам.

– Пошто погубили человека, лиходеи? – выходя из оцепенения, крикнул стоявшим на стене Прошкин приятель. – Али креста на вас нет?

– Князь велит, так и всех вас перевешаем! – отозвался со стены один из дружинников.

– Упырь он проклятый, а не князь! Пожди, сучий выкормыш, неволге и сам задрыгаешь на веревке рядом со своим князем!

Выпущенная из бойницы стрела свистнула над головой кричавшего. Толпа, не переставая выкрикивать угрозы и ругательства, подалась немного назад. Ворота кремля распахнулись, и оттуда выехал конный отряд дружинников, человек семьдесят. Все они были в кольчугах и при

<sup>33</sup> Кат – палач.

полном вооружении. Впереди других, в шлеме-«ерихонке» и в золоченом бахтереце<sup>34</sup>, надетом поверх малинового кафтана, гарцевал на караковом жеребце воевода Голофеев.

Практика уже давно научила посадских, что делать в случае подобных вылазок. Сейчас же все бросились в ближайший из оврагов, пересекавших посад, где конница достать их не могла. Оттуда по дну оврага и закоулкам выбрались на торговую площадь, служившую центром общественной жизни посада, где легко было затеряться в толпе, а в случае крайности – дать дружный отпор нападающим.

На площади в этот день было особеннолюдно и даже шел кое-какой торг, что теперь случалось нечасто. Открыли лавки мелкие купцы; гончары, шорники и древорезчики выложили свои немудреные товары; бабы с лотков и расстеленных на снегу рогож торговали домотканым холстом, вяленой рыбой, сухими травами и всякой снедью. Ни мехов, ни чего-либо ценного видно не было: такие вещи продавались лишь с оглядкой, из-под полы, ибо по трудным временам спрос на них был невелик, зато княжьи люди норовили отобрать их, пользуясь всяким случаем.

Возле рыбного ряда однурукий верзила в лаптях и в кожухе, по самые глаза заросший дремучей курчавой бородой, водил ученого медведя. В окружавшей их толпе то и дело раздавались взрывы смеха и одобрительные восклицания.

– А ну, Миша, покажь добрым людям, как боярин на нашей земле хозяйнует, – говорил вожатый, обращаясь к своему питомцу.

Медведь, свирепо рыча, распластался на брюхе, подгребая под себя снег и все, до чего мог достать. Вытянув лапу, он зацепил когтями вязку рыбы, лежавшую на рогоже ближайшей торговки, и тоже поволок ее под себя. Баба всплеснула руками и заголосила.

– Не бойся, тетка, – под общий хохот успокоил ее верзила, – Мишка не всамделишный боярин, он твою рыбу отдаст. Энто он только так, для показу. А совесть у него не боярская!

– Ай да ведмедь! – восторженно воскликнул один из зрителей, тощий и рябой мужик, одетый, несмотря на мороз, в легкий дырявый зипунишко. – Стало быть, и он с боярами встречался!

– Видать, не дюже близко, – сказал другой. – Шуба на ем все ж таки осталась, не то что на тебе!

– А зачем мне шуба? – бойко ответил рябой. – О нас князь радеет: шубы нет, так он нас плетью греет!

– Для тепла он уже по пятеро мужиков в один кафтан согнал!

– Бают люди, кто новой подати не внесет, тех станут в Орду продавать!

– Там таких, как ты, не купляют! Гляди, что от тебя осталось: борода да кости!

– Энто как сказать, – ответил обиженный. – Добавь еще трошки ума, а у тебя и того нету.

Пошто ты такой дурак?

– Вода у нас такая в колодце. То от ее.

– Вона! А князь наш, случаем, не пил вашей водички?

Все снова засмеялись, и громче всех торговка, у которой Мишка уволок рыбу. Вынув из возвращенной ей связки самую крупную рыбину, она сунула ее вожатому:

– Вам с боярином на хозяйство. А ну, может, он еще чего знает?

– Как не знать? – ответил однурукий. – Ён все знает. Покажи, Мишук, как князь Глеб Святославич народ свой жалует!

Медведь с ревом навалился на своего хозяина, согнул его пополам и принялся тужить лапами по спине. В толпе снова раздался хохот, но сразу же оборвался: в увлечении зрелищем никто вовремя не заметил, что на площадь въехал отряд дружинников и что воевода находится уже в нескольких шагах. Теперь все шарахнулись в стороны.

<sup>34</sup> *Бахтерец* – древний русский доспех, сделанный из соединенных между собой металлических пластин.

– Ты, Федька, эти шутки брось, – сказал Голофеев, вплотную наезжая на жогаго. – Мне ведомо, чему твой медведь обучен. И коли не велю тебя бить плетьюми, то потому лишь, что был ты добрым воем и на княжей службе руку потерял. Однако гляди: не уймешься, так все сполна получишь!

– А я что? – нимало не испугавшись, ответил однорукий. – Мне тожесть жить чем-то надобно. Покеда князь меня кормил, я ему, как сам ты сказал, служил справно. А без руки я ему стал ненадобен: сунул в остатнюю руку гривну, да и ступай куды хошь! Теперь меня не князь, а ведмедь кормит!

Другому бы Голофеев таких вольных речей не спустил. Но он уважал воинскую доблесть и потому лишь ответил своему бывшему дружиннику:

– Кормись, как можешь. Но коли не хочешь, чтобы я твоего кормильца убить велел, народ мне не баламуть!

– Нас не ведмедь, а твой князь взбаламутил! – крикнул из толпы рябой. – Вот его и вели убить!

– Это кто сказал? – обернулся Голофеев. – А ну взять этого собачьего сына! – приказал он передним дружинникам.

– Сам ты собачий сын! – крикнул кто-то с другой стороны, явно желая отвлечь внимание от рябого и дать ему время затеряться в толпе.

– Схватить и этого! – распорядился воевода.

Несколько дружинников спешили и, расталкивая толпу, кинулись исполнять приказание. Один из них, обогнав товарищей, совсем было настиг рябого, но вдруг ему преградил дорогу саженого роста детина.

– Куды прешь? – спокойно спросил он.

– Уйди с дороги, не то худо будет! – крикнул дружинник. Но детина не двинулся с места.

– Не сверенчи, – сказал он, не повышая голоса, – не то сворочу тебе рыло, а воеводе скажу, что так и было.

Дружинник схватился за саблю, но в ту же секунду на него обрушился пудовый кулак, и он упал как подкошенный. Пока сюда проталкивались оставшие воины, ни рябого, ни его защитника уже и близко не было. Но другого крикуна успели схватить. Это был приземистый рыжий мужик с огромным багрово-сизым носом. Взглянув на него, Голофеев усмехнулся.

– Ну, повесить тебя я всегда успею, – сказал он, – с такой сопатиной сыскать тебя немудрено. Всыпать ему для первой встречи сотню плетей!

Четверо дружинников растянули рыжего на снегу и спустили ему штаны. Двое других стали по бокам и приготовились сечь.

– Эй, воевода! – крикнул кто-то из толпы. – Ты его сечь не моги! То грех великий. Брянский мужик ноне свят: при таком князе, как наш, ён всякую седмицу говеет!

Голофеев оставил этот возглас без внимания и подал знак своим людям. На носатого мужика посыпались хлесткие удары.

– Он не разумеет! – крикнули с другой стороны. – Не так ты его величаешь. Рази ж он воевода?

– А кто же он? – отозвались из толпы.

– Бери выше!

– Как так выше?

– Да так! На ём ноне аж два чина: собачий сын и дурачина!

По площади прокатился взрыв хохота.

– А ну молчать, чертово семя! – накаляясь, крикнул Голофеев. – Еще такое слово услышу и велю вас саблями разгонять!

В этот момент толпа почтительно расступилась, и к месту порки, позванивая веригами, приблизился высокий костлявый старик с седою впрозелень бородой и длинными, спутанными

в колтун волосами. Он был невероятно грязен и одет в жалкие лохмотья, едва прикрывавшие его худое тело. Но, несмотря на лютый мороз, он, казалось, не испытывал холода. Это был юродивый Степа, почитаемый в Брянске за святого.

Юродство с древних времен было на Руси обычным и весьма почитаемым явлением. Приняв на себя подвиг отречения от всех жизненных благ и удобств, что в глазах народа придавало им ореол святости, и зачастую прикидываясь дурачками, юродивые широко пользовались своим положением в обличительных целях, не боясь говорить правду в глаза кому угодно. «Христовы угоднички» или «люди Господни», как их тогда называли, находились, по общему убеждению, под особым покровительством Божиим, а потому даже такие государи, как Иван Грозный и Борис Годунов, суеверно страшась небесной кары, а вместе с тем и народного гнева, терпеливо сносили их публичные обличения.

– Пошто воеводу убиваете, слуги антихристовы? – грозно закричал старик воинам, поровшим посадского, и даже попытался вырвать у одного из них плеть.

– Окстись, Степа, – сказал последний, – нешто мы воеводу секем? Это вор и взмутчик!

– Это он-то вор? – мотнул юродивый бородой в сторону лежавшего на снегу мужика. – Это мученик святой! Он на себя удары ваши примаает, а убиваете вы не его, а воеводу!

– Ну, кто там меня убивает, Степа, – досадливо промолвил Голофеев. – Нешто не видишь: вот он я, перед тобою, жив и здрав на коне сижу!

– Вижу, Паша! Ан иное я тоже вижу: вот на эвтом же самом месте лежит в крови твое растерзанное тело. И дух от его смрадный, как от издохлого пса!

– Уйди от греха, Степа, Богом тебя прошу!

– А ты меня не гони, Пашка! Я тебе во как надобен: кто, как не я, помолится о грешной душе твоей, антихристу проданной?

– Что ты мелешь, безумный? Какому антихристу душа моя продана?

– Антихрист, как и Господь, один. Ныне Глебом Святославичем он прозывается! Князю тьмы служишь ты, Пашка, а не князю земному!

– Убрать отсюда этого дурака! – теряя терпение, крикнул своим дружинникам Голофеев. Но слова юродивого, в которых чувствовалась редкая сила убеждения, так подействовали на воинов, что они не решались выполнить приказание. В народе между тем начался сильный ропот.

– Только троньте Божьего человека, ироды! Живыми отседа не выпустим! – раздались крики. Это уже было не прежнее зубоскальство, а грозное предостережение, и Голофеев это понял. Но он не принадлежал к числу робких и отступить перед толпой не привык.

– Чего стоите? – крикнул он воинам. – Сказано вам гнать его взашей!

В тот же миг увесистый булыжник угодил ему в середину груди. Раздался звон доспеха, и Голофеев покачнулся в седле. Град камней, поленьев и осколки льда посыпались на дружинников.

– Сабли вон! – крикнул Голофеев. – Разгоняй эту сволочь, а заводил вяжи!

Вся площадь мигом пришла в движение, как растревоженный муравейник. Вооружаясь чем попало, посадские сдвигали вместе сани и переворачивали ларьки, чтобы укрыться от натиска конницы. Началась всеобщая свалка, в которой сперва трудно было что-либо разобрать. Однако через несколько минут стало очевидно, что верх берут дружинники. Под умелым руководством Голофеева они вскоре прижали своих противников к одному краю площади и кое-кого успели даже связать. Но в тот момент, когда их победа казалась уже несомненной, из боковых улиц, в тылу у отряда, на площадь стремительно вырвались потоки новых людей.

Эти были вооружены уже гораздо основательней: в руках у них мелькали колья, вилы, охотничьи рогатины и, что хуже всего для конницы, косы. Впереди всех скакал на невысоком чалом коне человек лет пятидесяти, в шлеме и с саблей в руке. Его появление все посадские встретили восторженными криками. Это был сын боярский Дмитрий Шабанов, в прошлом

заслуженный воин, а ныне открытый враг Глеба Святославича и любимец всего брянского посада.

Положение теперь резко изменилось: дружинники оказались зажатыми с двух сторон в середине площади, причем неприятель численно превосходил их по крайней мере в десять раз. Самым благоразумным было бы, не принимая неравного боя, отойти по одной из боковых улиц к кремлю, но отчаянный Голофеев, который надеялся к тому же на лучшее вооружение и выучку своих людей, о том и не думал. Оставив два десятка всадников для обеспечения тыла, он повернул остальных лицом к новому противнику. Но посадские теперь тоже имели опытного начальника.

– Эй, не дури, Голофеев! – крикнул он, выезжая вперед. – Уводи своих, покуда большая кровь не пролилась! Миром вас отпустим!

– Гляди, какой ты добрый, – усмехнулся Голофеев. – Только шалишь! Отсюда мы вместе уйдем: я на коне, а ты у меня на аркане!

– Эх, Павел Ильич! Славный ты воин, а идешь супротив своего народа!

– Эх, Дмитрий Романович! Славный ты воин, а идешь супротив своего князя!

– Не хочет более народ этого князя!

– Коли не хочет, пусть пробует согнать. А мне этот князь вельми люб, вот я за него и стою! Вперед, ребята! – крикнул Голофеев. – Секи всех в крошево!

На площади вновь разгорелась жаркая схватка. В воздухе мелькали сабли и колья, слышался звук глухих ударов, топот ног и рев озверелых людей. Посадские пустили в дело косы, и лошади дружинников падали одна за другой, с подрезанными ногами. Невозмутимый великан, недавно защищавший рябого, оторвав от ближайшего забора длинную жердь, вломился в самую гущу конников, круша направо и налево. Красноносый мужик, которому благодаря вмешательству юродивого вместо сотни плетей успели дать не больше десятка, примостившись подле груды гончарных изделий, с завидной меткостью швырял в княжских людей горшки, кувшины и миски. Гончар, сразу смекнувший, что в такой свалке его хрупкий товар все равно не уцелеет, сам подавал ему снаряды.

Шабанов, почти не принимая непосредственного участия в сражении, умело руководил действиями посадских людей, появляясь всюду, где их натиск начинал ослабевать. Благодаря этому перевес вскоре начал склоняться на их сторону.

Голофеев, сваливший уже не одного противника, заметив, какой урон производит в его рядах великан с жердью, начал пробиваться к нему. Улучив минуту, он уже замахнулся саблей, но в этот миг глиняный горшок, ловко пущенный красноносым, попал ему в голову и, разбившись о шлем, разлетелся в куски.

– Ото тебе за мою «сопатыну», собачий воевода! – крикнул мужик.

Этот незначительный сам по себе случай имел, однако, для Голофеева скверные последствия: пока он поправлял шлем, от удара насунувшийся на глаза, один из посадских успел пропороть ему рогатиной ногу у самого бедра. Воевода усидел в седле и, преодолевая жестокую боль, несколько минут еще отбивался саблей от наседающих противников. Но, чувствуя, что слабеет, и видя, что продолжать сопротивление бессмысленно, он приказал своим людям пробиваться в боковую улицу и отходить.

Напрягая последние силы и истекая кровью, он лично проследил, чтобы все раненые дружинники были подобраны, а потерявшие лошадей – пропущены вперед. И сам покинул площадь последним.

Шабанов приказал никого не преследовать.

## Глава 14

*Тое же зимы 6848<sup>35</sup> злыя коромольщицы Брянци, сшедшея вечею,  
убиша князя своего Глеба Святославичя, месяца декабря в шестой день,  
на память святого отца Николы. Бе же в то время в Дебрянске и  
митрополит Феогност и не возможе уняти их.*

*Троицкая летопись*

Разнеся по домам раненых и подобрал убитых, которых оказалось семь человек, народ столпился вокруг боярского сына Шабанова.

– Ну, Дмитрий Романыч, а теперь чего делать станем? – спросил один из посадских. Видимо, он играл не последнюю роль в только что развернувшихся событиях, ибо голова его была обмотана грязной тряпицей, из-под которой еще сочилась кровь.

– Чего тут спрашивать! – крикнул другой. – Надобно подымать народ да идти на кремль! Али станем ждать, покуда нас всех изведут помалу?

– Тоже вякнул! А чаво ты с дрекольем исделаешь супротив эдаких стен да княжьих лучников?

– Может, чего и сделаем! Все лучше, нежели ожидать, поколе тебя схватят и вздернут!

– Коли до войны дойдет, не все вои встанут за князя. Есть немало таких, что на нашу сторону клонятся.

– Ну как же! Видать, сегодня уже один на твою сторону склонился и тебе ухо стесал!

Пожди теперя, покуда новое вырастет!

– В леса надобно уходить, вот что!

– Али ты сдурел? Зимой в лесах мы враз с голоду да с холоду повыздыхаем, а князь как сидел в тепле да в сыте, так и будет сидеть!

– Эх, братцы, видать, нам только и осталось ходу, что из ворот да в воду!

Шабанов, дав людям накричаться, сделал знак, что хочет говорить. Крикунов начали толкать под бока, и вскоре на площади установилась относительная тишина.

– Мыслью я так, – негромко начал Шабанов. – Поелику Глеб Святославич народу не люб, его все одно силою сгонять придется. Сам он подобру не уйдет. Однако тут кто-то верно сказал: одним нам, посадским, идти с дрекольем против кремля и дружины – это, вестимо, не дело. И другую истину я тут слышал: войско не все пойдет за князем, ежели промеж нас учнется война. Коли мы разумно повернем дело, дабы не слыть ворами либо мятежниками, может, у князя и вовсе немного будет защитников. Есть на Руси обычай: во дни смуты вече народное должно молвить свое слово и, что оно скажет, тому и быть! Коли князь народу не люб, вече вольно ему от себя путь указать и призвать другого. Так не раз и не два на Руси бывало! И хотя под татарами мы сей обычай нечасто вспоминаем, силу свою он и донныне не потерял. А посему совет мой будет таков: нимало не медля, созвать народное вече и пускай оно скажет свою волю!

– Истина! Золотые слова твои, Дмитрий Романыч! – закричали кругом. – Созвать ноне же вече! Что оно порешит, на том и станем все, как один человек!

– А где созывать-то его будем? – спросил кто-то.

– Как где? А вот здесь и созовем!

– А ежели князь о том сведает да велит дружинникам взять нас в сабли? Тут много не навечуешь!

– Не посмеет, пес! Вече – энто право народное.

– А что ему право? Плевать он хотел! Ежели бы он право наше уважал, нешто бы мы его гнали из Брянска?

<sup>35</sup> 1340 г. христианской эры. То есть это случилось два года спустя после описанных здесь событий.

После долгих пререканий было решено собирать вече на площади, но в колокол при этом не бить, чтобы в кремле не догадались, в чем дело. Кроме того, Шабанов посоветовал на всякий случай загородить все улицы, идущие со стороны кремля, и приходить на сход вооруженными кто чем может.

Пока бирючи отправились в слободу и в ближайшие села скликать народ, оставшиеся принялись за работу. Через три часа входы со всех улиц, кроме одной, были завалены бревнами, камнями, глыбами льда и снегом. Площадь очистили от всего лишнего и посредине соорудили из бочек и досок помост для старшин.

Народ между тем подваливал со всех сторон, и вскоре вся площадь оказалась заполненной. На помост взошли земский и торговый старосты, Дмитрий Шабанов и еще несколько наиболее уважаемых лиц, имена которых выкрикивали из толпы. Посадский протопоп, отец Евтихий, долго отказывался от этой чести, не зная, как отнесется к тому владыка Исаакий, но в конце концов махнул рукой и тоже влез наверх.

Закричал бирюч, призывая всех к молчанию. Земский староста замахал шапкой и объявил вече открытым. Протопоп, сняв с себя наперсный крест, благословил старшин и толпу, после чего выступил вперед Шабанов и низко поклонился народу.

– Братья! – крикнул он. – Народ православный! Почто мы сегодня собрались, всем вам ведомо. Времени у нас мало: всякий час могут сюда нагрянуть князьи люди. Так давайте без лишних баек и споров решать судьбу земли нашей Брянской, и да вразумит нас Господь своею премудростью!

По площади прокатился гул одобрительных голосов. Многие, скинув шапки, осеняли себя крестным знаменем. Выждав, пока все снова затихло, Шабанов продолжал:

– Каков есть князь наш, Глеб Святославич, и как печется он о народе своем, каждому ведомо. Так вот, пусть вече скажет, допрежь всего, свое слово: люб ему сей князь али не люб? И надобно ли ему из Брянщины путь указать?

– Не люб он нам! – раздались отовсюду крики. – Пропади он пропадом, антихрист проклятый! Наладить его отселя к нечистому духу! Не хотим такого князя!

– На энтот весь мир, как один человек, стоит! – крикнул, протискиваясь вперед, рябой мужичок, принимавший столь деятельное участие в утренних событиях. – Да ведь князь-то добром не уйдет! Как сгоним-то его, братцы?

– О том речь впереди, – ответил Шабанов, – а сперва надобно с одним делом покончить. Стало быть, Глеба Святославича мы не хотим. Но не зря говорится, что без князя земля вдова! Значит, перво-наперво надобно думать: кого звать к себе князем? И может статься, что тот новый князь сам пособит нам старого согнать!

– Истина!

– Где там истина! То наихужее, что может быть: заварят они тут кашу, а мы хлебай! Один на другого татар призовет, а тот на его литовцев либо смоленцев, и вконец землю нашу разорят!

– Всем еще памятно, как тут брянские-то князья друг дружку чубасили!

– Самим надобно энтото согнать, а уж след того нехай другой жалует!

– Самим сгонять – это тожеть непросто! Сколько крови-то нашей прольется!

– Надобно сперва свой выбор сделать, – сказал Шабанов, – а тогда уже и прикинем, может ли нам пособить тот новый князь али нет. Кого хотите к себе князем, православные?

– Да чего ж? Из брянских князей, окромя Глеба Святославича, почитай, один Дмитрий Александрович остался!

– Ну и нехай остается, бодай его козел! Не хотим мы его!

– Не хотим боле князя из этого поганого роду!

– Из иных русских земель князя надобно звать! Брянскими мы уже во как сыты!

– Одного из московских княжичей можно призвать!

– Не хотим московских! Москве только покажь сюды дорогу – почухаться не успеешь, как она всю землю нашу под себя подберет!

– Энтим пальца в рот не суй!

– Смоленского, Василея!

– Бери его себе, а нам не надо! С ими, со смоленскими, войны не оберешься, а нам бы хоть чуток тихо пожить!

– Из смирных князей надобно выбирать и не драчливого роду!

– Так тогда что ж? Смирнее карачевских нету! Энти николи сами не воюют, только обороняются, когда на них кто лезет!

– И добро обороняются! Всем, чай, памятно, как летось Василей Пантелеич нашему воинству налтал!

– Его и звать! Лучшего князя не сыщем!

– Вот это князь! Погляди, как у его люди живут!

– Василея Пантелеича хотим к себе князем!

– Смоленского княжича хотим! – заорал кто-то из кучи торговых людей. – Смоленского Василея, а не карачевского!

– Пойди ты к лешему, живоглот, со своим смоленским! Знаем, пошто ты за его кричишь!

– Корысть торговую выше блага нашего ставишь, чертов толстосум!

– Карачевского, Василея!

Растолкав народ, к помосту пробился однорукий Федька, водивший медведя, и, подняв над головой свою культяпку, закричал на всю площадь:

– Братцы! Поглядите сюды! Вот энту руку мне Василей Пантелеич самолично отсек! Через его я калекой стал! А все же я здесь громче всех кричать буду: его хотим к себе на княжение! А руку он мне отсек, когда летось повел нас Голофеев карачевских смердов полонять, а Василей Пантелеич нас в лесу настиг. И рубанул он меня, спасая парнишку-холопа, коего я мало не размозжил!

– И я там был! – закричал кто-то из толпы. – Весь отряд наш карачевцы тогда полонили, и всех до единого Василей Пантелеич велел отпустить без откупа. Вот это князь!

– У такого и в ногах поваляться стоит того ради, чтобы принял нас под свою руку!

– Надьсь сказывал мне сват мой, из карачевского села Клиноква, – крикнул рябой, – что приехал до них князь Василей Пантелеич и повелел всем, кто победнее, земли прирезать, а безлошадным подарил коней! А прикащика боярского, что народ обижал, присудил плетьюми сечь!

– Энто настоящий князь, а не такой, что у народа как чирей на спине сидит!

– Его давай на княжение! Василея Пантелеича! – закричали кругом. – О иных и слышать не хотим!

Замахав шапкой, Шабанов не без труда восстановил на площади тишину.

– Кого хочет народ, дело ясное, – сказал он. – И лучшего выбора не могли мы сделать. Но помнись следует, что Василей Пантелеич в своей вотчине княжит и едва ли схочет ее покинуть...

– А кто велит ему свою вотчину покидать? – крикнул однорукий Федька. – Пушай и Брянском и Карачевом владеет!

– То еще и лучше! – закричали со всех сторон. – Соседи мы! Коли воедино сведем два наши княжества, всем от того польза произойдет! Гляди, какая сила получится! Никто сюды с войной сунуться не схочет!

– И по мне так, – промолвил Шабанов, – но надобно знать, что сам Василей Пантелеич на это скажет. Ведь Глеб-то Святославич еще в Брянске сидит, и сила при нем немалая. Может статься, не схочет князь Василей свой народ в войну с ним втравливать.

– Сами своего змея наладим! Пушай только согласится Василей Пантелеич у нас княжить!

– Знамо дело! Коли даст он свое согласие, сразу учнем народ подымать. А может, он нам и оружия чуток подбросит!

– Добро, – промолвил Шабанов, – тогда больше и толковать не о чем. Надо засылать к нему послов наших и звать на княжение.

– В сей же час посылать! Выкликай, народ, кого в послы?

– Шабанова, Дмитрия Романовича!

– Гостя<sup>36</sup> Фрола Зуева!

– Староста Бобров, Анисим Ильич, нехай едет!

– Отца Евтихия!

– Неможно мне, чада мои, без благословения владыки в такое дело встревать, – сказал протопоп, подходя к краю помоста, – а владыка Исаакий, сами ведаете, в отъезде. Мыслью я, что выбор ваш он одобрит, тако же как и я одобряю, однако от лица Церкви первое слово ему надлежит сказать, а не мне. Других выбирайте, братие, да не токмо от старшины, а и молодых людей не обходите: дело это всенародное!

– Истина! Гончара Фому давай!

– Ивашку Клеща!

– Федьку однорукого!

– Окстись ты! Куды я такой красивый да еще с ведмедем пойду? Других кричи!

– Андрюху Бохина!

– Матвея Никитина!

Вскоре состав посольства определился, и выборным было наказано отправиться в Карачев на следующий же день.

– Да чтоб с худыми вестями не ворочались! – напутствовали их. – Хоть землю у ног Василя Пантелеича лбами своими протрите, а чтоб его согласие было!

## Глава 15

В середине декабря в Карачев приехал с небольшим отрядом воинов и слуг муж Елены Пантелеймоновны, княжич Василий Александрович Пронский. Сухощавый и подвижной блондин с гладко выбритым подбородком, он выглядел моложе своих тридцати двух лет, а по характеру был весельчак и балагур. С его приездом патриархальная тишина карачевского дворца сменилась шумным оживлением, которому, впрочем, не суждено было долго длиться: княжич приехал за женой и через несколько дней должен был выехать вместе с нею обратно в Пронск.

За первым же ужином, к которому по случаю приезда такого гостя были званы карачевские бояре и кое-кто из дворян, Василий Пантелеймонович, опечаленный предстоящей разлукой с сестрой, постарался отсрочить ее отъезд.

– Куда тебе спешить? – говорил он зятю. – Делов у тебя важных в Пронске нету, ну и погости здесь подоле! А то потянешь Елену в эдакую даль по самым лютым морозам.

– И рад бы я, братец, да нельзя: родитель мой человек строгий и не только княжество, а и нас, сынов своих, держит в страхе Божьем. Коли наказал он мне к Рождеству Христову быть назад в Пронск, стало быть, надобно ехать. А мороз русскому человеку не страшен.

– Опричь мороза, вам и Рязань угрожает. Лучше бы Елене здесь переждать, поколе минет у вас опасность войны.

---

<sup>36</sup> *Гость* – крупный купец.

– Э, тезка! Та опасность, кажись, николи не минет, – так что же, нам с женою до старости порознь жить?

– А как у вас ныне с Рязанью?

– Живем как братья родные, как Каин и Авель, – усмехнулся княжич. – Рязанский князь Коротопол никак того забыть не может, что Пронск прежде рязанским уделом был. Спит и во сне видит, как бы это снова на него лапу наложить. В минувшем году уже собрал он против нас большую рать, да не вышло: припугнул его князь московский, Иван Данилович, – он, вестимо, нашу сторону держит, потому что сильная Рязань ему никак не с руки. Мы же, пока суд да дело, времени не теряли и Пронск, который и прежде был зело крепок, еще гораздо укрепили. Потому Елене и можно туда смело ворочаться: зубы на нас Коротопол по-прежнему вострит, только ежели теперь сунется, беспременно их под нашими стенами оставит. Еще, гляди, как бы мы его самого из Рязани не выгнали!

– Не боишься, Аленушка, ехать к таким забиякам? – шутливо спросил Василий.

– Чего же, братец, бояться? Война и здесь может случиться.

– С кем она тут будет? Глеб Святославич воюет со своими подданными, ему не до нас. Иные же соседи у нас смиренные.

– А в уделах у тебя все спокойно? – спросил княжич.

– Все, слава Богу, хотя и есть люди, коим весьма бы хотелось дядьев моих взбунтовать, – сказал Василий Пантелеймонович, покосившись на боярина Шестака. – Княжение свое не войнами крепить хочу, а миром и правдой, которая у меня будет одна для всех, и для больших, и для малых. К слову, боярин, – обратился он к Шестаку, – ведомо ли тебе, что наместнику твоему, Федьке Никитину, приказал я дать пятьдесят плетей за разбой?

– То мне ведомо от моих людей, – ответил Шестак. – Только зря тебе его оговорили, княже, и напрасно ты тем наговорам веру дал. Коли не спешил бы ты рушить старые обычаи и предоставил то дело мне, я бы в нем лучше разобрался.

– Разбирать там было нечего, поелику твой холоп сам повинную принес. А вот про какие порушенные мной обычаи ты говоришь, я что-то в толк не возьму.

– Говорю я про то, что на Руси спокон веку суд над холопом вершит его господин. А ты тот обычай порушил и сам моего холопа судил и казнил.

– Стало быть, князь, по-твоему, не может в своем государстве судить и казнить разбойника, ежели он чей-то холоп? Не слыхал я что-то о таком обычае!

– За своих холопов перед князем я ответчик, но я же им и судья, – не унимался Шестак.

– Сдается мне, князь Василей, что не разумеешь ты своего боярина, – вмешался в разговор княжич Пронский, – а дело тут ясное: в обиде он на тебя за то, что ты велел дать плетей прикащику, а не ему самому, понеже он за холопов своих ответчик!

Шестак привскочил на лавке, но за столом раздался дружный взрыв хохота, и дело обернулось шуткой.

– Коли так, не серчай, боярин, – сквозь смех промолвил Василий. – Я тебя обидеть не хотел. То лишь по моему незнанию обычая вышло.

– Это все шутки, князь, – пробурчал Шестак, – а человека ты ни за что высечь велел.

– Повинную он принес при всей твоей челяди, – переставая смеяться, жестко ответил Василий, – а коли мыслишь ты все же, что вины на нем нет, стало быть, он на себя чужую вину принял. Я в то дело въедаться не стал, а ежели ты имеешь к тому охоту, дознайся от него правды, и я тогда истинному виновнику втрое плетей велю дать!

– То не беда, что вздул ты Фому за Еремину вину, – засмеялся Пронский. – Чай, Фоме оно на пользу пойдет, а Ереме на острастку. Скажи-ка лучше, братец, где ты добыл такую важную турью голову, что вон там на стене висит? Что-то я в прошлый приезд ее не видел.

– Этого тура мы вместе с Никитой взяли в минувшем месяце недалече от Карачева. И тогда же вон того секача: видишь, голова над дверью?

– Видать, знатный был секачина. Но турьих рогов таких я отродясь не видывал!

Разговор за столом перешел на охотничьи воспоминания и более не возвращался к острым темам. Но когда гости разошлись и члены княжеской семьи остались одни, Василий Александрович, бывший человеком неглупым и очень наблюдательным, сказал шурина:

– Сдается мне, братец, что с боярами тебе будет немало мороки, ежели ты и впрямь общую правду для всего народа установить мыслишь. То им не на руку. Покуда ты с Шестаком препирался, я другим на рожи поглядывал и вижу, не жалуют они тебя.

– То мне ведомо, – ответил Василий. – По их разумению, князь для того и поставлен, чтобы масло им в кашу лить. А поелику знают, что я того делать не стану, рады бы меня в ложке воды утопить. Только руки короткие.

– Все же ты опасайся их. Есть оружие, коего ни тебе, ни мне честь наша не позволит пустить в дело, ну а им оно как раз по руке: имя ему подлость. Оно и в слабых руках сильно, и тем оружием бояре не одного князя свалили.

– Упустили они свой час, – усмехнулся Василий. – Измены либо воровства какого ждал я от них, как вступал на княжение. И ведаю, затевали они что-то, да, видать, сорвалось у них. А теперь не скоро дождутся случая.

– Может, и так. Но все же на твоём месте я бы зорко за ними поглядывал. Берегись бед, пока их нет!

Несмотря на то что Василий уже привык к общей покорности и бдительность его значительно притупилась, слова зятя произвели на него некоторое впечатление. Придя к себе в опочивальню и сбросив кафтан, он глубоко задумался. Ему было очевидно, что бояре сами по себе не представляют серьезной опасности ни для княжества, ни для него лично: он был достаточно силен, чтобы, в случае надобности, скрутить любого из них. Опасность может возникнуть лишь тогда, когда они найдут себе пособников более сильных, чем они сами.

На кого же они могут рассчитывать? На золотоордынского хана? Эту мысль Василий тотчас отбросил: в интересах хана было защищать спокойствие и порядок в подвластных ему русских землях, и он, конечно, никогда не поддержит смутьянов, которые замышляют против своего законного князя, исправно платящего дань в Орду. Да они и сами к хану не посмеют сунуться.

Брянский князь едва ли пойдет на такое дело, а если бы даже и хотел, то не сможет: ему дай Бог самому на своем столе удержаться, не то что соседних князей спихивать. Нет, пожалуй, бояре могли рассчитывать только на его удельных князей. Но они сидят тихо и его вступление на карачевский стол приняли без возражений, как должное. Правда, крест они еще не целовали, но ведь он и сам пока не поднимал о том разговора. «И стоит ли его поднимать? Пожалуй, нет надобности, – подумал Василий. – Поелику они во всем покорны, – какая нужда обижать их лишним напоминанием о том, что они, старые люди, обязаны повиноваться воле своего племянника? Лучше привести их к крестоцелованию малость погодя, когда оба пообтерпятя и поймут, что он вовсе не ищет их унижения». Остановившись на этом, самом благоразумном, как ему казалось, решении, Василий успокоился и крепко заснул.

\* \* \*

Через несколько дней Елена с мужем уехали из Карачева. Василий и Никита, провожавшие их до ближайшего ночлега, возвратились домой мрачные и подавленные, за всю дорогу едва обменявшись несколькими словами: каждый был поглощен своими невеселыми думами.

Никита любил Елену Пантелеймоновну с того самого дня, когда впервые ее увидел. Другой, менее скромный и бескорыстный человек, на его месте, вероятно, пытался бы добиться взаимности. Как-никак он принадлежал к хорошему, старому роду и при дворе карачевского князя был принят как свой, – брак его с Еленой хотя и был бы неравным, все же находился в

пределах возможного. Но Никита любовь свою к дочери владетельного князя и своего государя считал безнадежной и чуть ли не кощунственной. Глубоко затаив ее в душе, он за все эти годы ничем не выдал своих чувств ни Елене, ни кому-либо другому, если не считать того разговора, при возвращении с охоты, который позволил догадаться о них Василию.

Когда княжна вышла замуж, Никита не очень убивался: сам он никаких надежд не питал и знал, что все это должно кончиться именно так. Но другие женщины его не привлекали. Незаметно для себя он привык жить лишь памятью об Елене, и последние месяцы, когда мог говорить с ней и видеть ее каждый день, он чувствовал себя почти счастливым. Теперь же, с ее отъездом, для него потускнели все краски мира.

Василий, проводив сестру, тоже остро почувствовал пустоту и одиночество своего холостяцкого существования. Правда, оставалась Аннушка, но ее жизнь протекала в стороне, видятся они могли лишь урывками, и Василия уже не удовлетворяли эти украденные у судьбы минуты счастья. Он сознавал, что так жить ему больше не пристало и надо обзаводиться собственной семьей. Но жалость к Аннушке все время заставляла его откладывать свое сватовство к княжне Ольге Муромской.

Чувство тоски и одиночества, охватившее Василия, обострялось вынужденным бездельем: после отъезда Елены целую неделю валил снег, затем ударили лютые морозы. Жизнь в Карачеве замерла, все отсиживались по домам, и, если бы не густые столбы дыма, повсюду поднимавшиеся из печей, город казался бы мертвым нагромождением снежных холмов, наметенных на руины древнего поселения, сотни лет назад покинутого людьми.

Однажды, когда Василий, погружившись в раздумье, сидел у пылающего очага, дворецкий ему доложил, что прибыли какие-то люди из Брянска и просят допустить их к князю.

– Кто такие? – вяло спросил Василий, не сразу переходя от своих дум к действительности.

– Шестеро их пришло, княже. Старшим у них сын боярский Дмитрий Романов сын Шабанова, а с ним торговые люди Анисим Бобров да Фролка Зуев, да еще гончар один и двое посадских, – запомятовал я имена-то их.

«Это, видать, что-то необычайное», – подумал Василий, а вслух сказал:

– Ладно, веди их в переднюю горницу да с морозу поднеси по доброй чарке, а я сейчас выйду.

Когда через несколько минут князь вошел в приемную палату, шестеро сидевших там посетителей поднялись со скамей и низко поклонились, касаясь руками пола.

– Будь здоров вовек, князь-государь Василий Пантелеймонович, да хранит тебя Господь на долгие годы, – промолвил стоявший впереди всех пожилой мужчина с сильной проседью в бороде. По подбитому мехом кафтану военного покроя и висевшей на боку сабле Василий сразу понял, что это и есть боярский сын Шабанов. Двое из его спутников были в крытых сукном лисьих шубах, остальные в нагольных тулупах.

– Будьте здоровы и вы, добрые люди, – приветливо ответил Василий. – Сказывайте, с чем пожаловали?

– Чай, ведомо тебе, княже, какое лихолетье переживает ныне наша Брянская земля, – не сразу начал Шабанов. – Непрестанными усобицами князей наших народ разорен дочиста. Некому пахать, некому сеять: все здоровые смерды, годные к работе, кто голову сложил, кто воротился домой увечным, а иные в княжье войско поверстаны. По деревням только и остались бабы, детишки да старцы немощные, кои не выходят из нужды и голода. Не лучше и в городах. Рукомесло ныне умельца не кормит, торговля замерла: брянцам покупать не на что, а со стороны кому охота торговать с нами, коли в земле нашей нет ни закона, ни порядка? Князь же наш, Глеб Святославич, наиглавный в тех бедах виновник, вместо того, чтобы народ свой пожалеть, еще пуше его душит и выколачивает из людишек последнее...

– Погоди, – перебил Василий. – Все горести земли Брянской мне ведомы, и, отколе идут они, я тоже добро разумею. Но того, что хулишь ты здесь князя Глеба Святославича, мне слушать не пристало. Не я его вам на княжение ставил, не мне и судить его.

– Мы у тебя суда на Глеба Святославича не ищем, – ответил Шабанов. – Мы сами, весь люд брянский, его судили, и приговор наш единокупен: не хотим больше такого князя, ибо не защитник он своего народа, а первый ему лиходей и кат. Коли оставим его, он и вовсе всю землю нашу обезлюдит. Ты не мятежников зришь перед собой, княже, а выборных брянских людей, вечем народным посланных к тебе челом бить: избави нас от великой беды и смуты, прими над землею нашей княжение! – С этими словами Шабанов и его спутники повалились перед Василием на колени.

Василий, который, судя по первым словам Шабанова, полагал, что брянцы будут просить какой-нибудь помощи в борьбе против своего князя, был настолько изумлен этим неожиданным челобитьем, что в первый миг даже растерялся.

– Да как же так? – промолвил он. – Ведь я несвободен. У меня своя вотчина есть... Да вы встаньте с колен-то... Аль мыслите вы, что я землю отцов своих оставлю другому, а сам к вам пойду?

– Почто ее другому оставлять? – сказал Шабанов, поднимаясь с колен. – Будешь княжить и там и тут. Сольем два государства наших под твою властью! Каждой стороне от того будет выгода. Давно ли Брянск и Карачев частями единого княжества Черниговского были, наибольшего на Руси? Вот к тому и надобно обратно идти.

– Почто меня-то призываете вы? Или мало вам на Руси других князей, гораздо старших и славных, нежели я?

– А ну их, этих старших да славных! – махнул рукой Шабанов. – Мы как раз не славного, а тихого да разумного князя хотим! Хватит с нас славных-то! Тебя к себе на княжение просим потому, что ты всем брянцам люб. Оно и не диво: всем ведомо, как в твоей вотчине люди живут. И дед твой, и отец были государи мудрые и смиренные, о народе своем пеклись, войнами да усобицами его не губили, – знаем, что и ты такой. Не зря на Брянщине тебя всем прочим князьям в пример ставят. Пожалей, батюшка Василей Пантелеич, народ наш горемычный, уважь челобитье его!

– Уважь, батюшка-князь, всем миром тебя о том просим! – повторили и другие выборные, снова опускаясь на колени.

Василий, уже оправившийся от неожиданности, глубоко задумался. То, что предлагали ему эти люди, было не только разумно, но и отвечало его собственным представлениям о пользе раздробленной на уделы Руси. Перед ним открывалась возможность объединить под своей властью два сравнительно крупных княжества и тем положить во всем этом крае конец раздорам и усобицам, зачинщиками которых всегда являлись неугомонные брянские князья.

Он уже готов был дать свое согласие, но сейчас же ему пришло в голову другое соображение: Глеб Святославич со своей дружиной сидит еще в Брянске и добром оттуда, конечно, не уйдет. Значит, надо будет идти на него войной. Удобным для себя моментом легко могут воспользоваться оба Мстиславича, которые попытаются отделить Козельск и Звенигород, а то и захватить Карачев. Тогда вместо умиротворения весь край окажется залитым кровью, и в глазах народа единственным виновником этого будет он, Василий, погнавшийся за чужой вотчиной. Нет, прав был отец, – в таких делах надобно охватывать все и нельзя поддаваться первому чувству, сколь бы оно ни казалось благонамеренным.

– Брянский народ я благодарю за высокую честь и в челобитной ему не отказываю, – медленно сказал Василий после продолжительного раздумья, – но и принять ее не могу, покуда князь Глеб Святославич находится на Брянщине. Коли есть еще люди, которые за него стоят, стало быть, не все у вас хотят меня князем. Значит, не миновать войны, – прольется много крови и моих и ваших людей. Я же ищу мира и не хочу, чтобы мои подданные помыслили, что

ради возвеличения своего повел я их на убой. А посему вот вам мое слово: силою выгонять Глеба Святославича из Брянска не стану, а коли вы сами ему от себя путь укажете, тогда приду и буду у вас княжить. И земли наши воедино сольем.

– Того мы от тебя и ждали, – также подумав, ответил Шабанов. – Вестимо, ежели дал бы ты нам в помощь своих воев либо пособил оружием, все это дело куда скорее бы завершилось. Однако перечить тебе не станем и волю твою чтим. Коли ты своих людей бережешь, стало быть, и нас беречь будешь, когда сядешь в Брянске князем. А что сядешь, – в том у нас сомнения теперь нет, ибо Глеба Святославича мы, с помощью Божьей, и сами сгоним! У людишек наших силы вдвое прибудет, как узнают они, что дал ты согласие свое. Ну, а пока прощай, княже, и спаси тебя Христос за то, что не отвернулся ты от нас и уважил мольбу страждущей земли нашей!

– Недостоин был бы я любви вашей, коли отпустил бы от себя голодными в такой холод, – усмехнулся Василий. – Прошу в трапезную: закусим и побеседуем за чаркой об иных делах.

## Глава 16

*Аще не охранит Господь града, не спасет ни стража, ни ограда.  
Древнерусская поговорка*

Томительно долго тянулся студеный январь. Плотнo укpывшись горностаевой шубой снегов, земля спала глубоким сном. Ледяные цепи зимы крепко сковали природу. Под тяжестью искрящихся снежных пластов в насыщенном холодном воздухе неподвижно стыли темные лапы елей. Даже звери попрятались по укромным убежищам и норам, а о человеке и говорить нечего: коли не было в том крайней нужды, он старался не покидать своего жилища и жался поближе к очагу, в котором ни днем ни ночью не погасал огонь.

В деревнях и селах по очереди собирались в каждой избе, бабы чесали кудель, пряли нитки и ткали, негромко напевая. А когда надоедало петь, пугали друг друга страшными рассказами об упырях и оборотнях, об озорных проделках лешего, о русалках и другой нечисти. Или слушали длинную, как зимняя ночь, сказку о непобедимых богатырях и прекрасных царевнах, которую заводила какая-нибудь бывалая старуха. Мужчины, делая вид, будто их мало интересуют все эти бабьи рассказы, тут же неторопливо правили свои зимние дела: чинили сбрую, катали валенки или сучили лески из конского волоса.

Однообразно тянулось время и в княжеских хоробах. Со дня отъезда сестры Василий лишь два-три раза навестил Аннушку да однажды ходил с Никитой в лес брать из берлоги медведя. Все же остальное время коротал преимущественно в своей трапезной, в обществе Никиты, Алтухова и других ближних дворян. От скуки пили и ели гораздо больше обычного, вспоминая прошлое Русской земли, обсуждая ее настоящее и делясь мыслями о будущем. Вокруг было тихо, и все, казалось, предвещало Карачевской земле мир и спокойствие.

В первых числах февраля в Карачев нежданно приехал князь Андрей Мстиславич Звенигородский. Василий, несколько удивленный его появлением, насторожился, но тем не менее принял дядю с подобающим радушием.

– Ну вот и я, братанич дорогой, – ласково говорил князь Андрей, троекратно целуясь с Василием. – Не обессудь, что я тебя по старой привычке так называю. Ведаю, ныне ты над нами великий князь, и надлежит мне чтить тебя в отцово место, – с добродушным смешком добавил он.

– Полно, Андрей Мстиславич, княжеские дела одно, а семейственные – иное. И нету к тому причин, чтобы менять наши родственные обычаи.

– Рад это слышать от тебя, Василей Пантелеич! Сам ведаешь, как сына, тебя люблю и лучше иных разумею, что большого княжения из нас всех ты наиболее достоин! От сердца тебя

поздравляю и первый пред тобою голову клоню, – с этими словами Андрей Мстиславич и в самом деле низко поклонился племяннику.

– Что ты, дядя Андрей! – обнимая его, воскликнул Василий, невольно поддаваясь обаянию этих льстивых слов. – Не по службе приехал ты, а как дорогой гость и как равный!

– Не только гостевать я приехал, а наипаче долг свой пред тобою исполнить. И поверь слову, Василей Пантелеич, доселе не мог я этого сделать: изрядно позадержался у тестя в Литве, а как добрался до дому, гляжу – делов накопилась целая прорва. Только вот сейчас и удалось вырваться.

– Не разумею я, о чем говоришь ты, Андрей Мстиславич?

– Крест тебе целовать я приехал.

– Ну какой в том спех? Я тебе и так верю.

– Нет, не говори, Василей Пантелеич! Это надобно сделать немедленно. Беспременно сыщутся злые языки, которые станут тебе на меня всякое нашептывать. Так вот, я и хочу, чтобы промеж нас все ясно и чисто было и ты бы сам мое к тебе усердие видел!

– Воля твоя, но знай: я тебя к тому не понуждаю.

– Знаю, родной. Но сам я хочу исполнить то, что мне моя совесть велит. Ты предвари отца протопопа, чтобы готов был, а то мне сегодня же в обрат ехать надобно: княгиню свою оставил вовсе хворой.

– Ну по крайности сперва хоть потрапезуем по-христиански!

– От этого отказываться, вестимо, не стану. Только допрежь всего хочу я сходить во храм Михаила-архангела, поклониться праху возлюбленного братца Пантелеймона Мстиславича, родителя твоего. Как горевал я, получивши весть о его кончине! Веришь, целую ночь плакал, как махонький! Ехать на похороны было уже поздно, но я в тот же час отписал Покровскому монастырю пятьсот четей земли и две деревни на вечное поминовение его праведной души.

Пока Андрей Мстиславич совершал свое паломничество, Василий, не переставая удивляться усердию дяди, послал звать к обеду отца Аверкия и бояр.

Трапеза затянулась надолго. Звенигородский князь был в ударе и обстоятельно рассказывал обо всем, что видел и слышал в Литве, а боярин Шестак задавал ему бесконечные вопросы, выпытывая все новые подробности. Наконец, когда начало смеркаться, князь Андрей спохватился, что ему скоро надо ехать, и поднялся из-за стола.

– Что же, Василей Пантелеич, – сказал он, – исполним главное, коли ты готов. Так уже буду я спокоен, что даже в мыслях не попрекнешь ты меня гордыней либо каким тайным умыслом. А ты, боярин, – обратился он к Шестаку, – сделай милость, прикажи моим людям, чтобы зараз коней готовили.

Шестак ушел и долго не возвращался. Остальные тем временем последовали за Василием в крестовую палату. Войдя туда, Андрей Мстиславич приблизился к алтарю, преклонил колени и истово помолился. Затем поднялся, оглянул иконостас и промолвил, обращаясь к Василию:

– Что-то не вижу я здесь образа архангела, коим великий дед мой покойного родителя благословил?

– Тот образ в моей опочивальне, в божницу вделан, – ответил Василий.

– Воля твоя, Василей Пантелеич, а хотел бы я крестоцелование свое свершить пред ликом семейной святыни нашей. Не можно ли его сюда принести?

Василию была хорошо известна необычайная набожность звенигородского князя, а потому желание это показалось ему вполне естественным. И он ответил:

– Сюда принести трудно: всю божницу, и с лампадами, придется подымать. А ежели хочешь, пойдем отсюда в опочивальню, и там отец Аверкий тебя ко кресту приведет.

– Добро, пойдем! Спаси тебя Господь, братанич, за то, что просьбу мою уважил, – сказал Андрей Мстиславич. Протопоп взял с аналая массивный золотой крест, и все отправились в княжескую опочивальню.

Подойдя к божнице, освещенной ровным светом лампад, князь Андрей стал на колени и распростерся ниц перед образом архангела Михаила. Все остальные тоже преклонили колени. Свершив краткую молитву, отец Аверкий крестом благословил присутствующих, и все поднялись на ноги, только Андрей Мстиславич еще некоторое время продолжал класть поклоны, шевеля губами и истово крестясь. Наконец он тоже встал и промолвил:

– Счастлив ты, Василей Пантелеич! Счастлив, что в доме твоём находится эта великая святыня нашего славного рода. Пресвятой архангел, воевода небесного воинства, почитет здесь, и с таким хранителем не страшны тебе все земные вороги!.. А в этом ларце, что стоит под образом, должно быть, хранится духовная князя великого Мстислава Михайловича, покойного батюшки моего?

– Да, она, – ответил Василий, подходя к ларцу и опуская руку на его крышку. – Может, желаешь прочесть ее перед крестоцелованием, дабы не иметь сомнения в том, что все свершится согласно воле первого князя земли нашей?

– Что ты, Василей Пантелеич! Какие могут быть у меня сомнения? Я ту духовную добро знаю, и еще раз читать ее нет мне никакой надобности. Да и время мое на исходе. Давай приступим, отец Аверкий!

Священник с крестом в руке подошел вплотную к божнице и стал рядом с Василием. Андрей Мстиславич, устремив глаза на лик архангела, поднял правую руку и отчетливо, без заминки, словно делал это уже не раз, произнес:

– Яз, раб Божий недостойный Адриан, а во святом крещении Андрей, князь Звенигородский, перед сими святынями клянусь: братанича моего, Василя Пантелеймоновича, старшим в роду почитать и из воли его не выходить, доколе он большим князем земли Карачевской будет. В том призываю Господа во свидетели и святой крест Его целую!

С последним словом он шагнул вперед и приложился губами ко кресту, протянутому ему отцом Аверкием. Затем низко поклонился племяннику, который обнял его и троекратно поцеловал.

Василия немного удивили слова произнесенной клятвы, и на мгновение ему показалось, что звенигородский князь оставляет себе какую-то лазейку. Но эта мысль сейчас же рассеялась.

«Поелику большим князем земли Карачевской я остаюсь до смерти своей либо пока сам не покину княжения, – подумал он, – Андрей Мстиславич сказал правильно. А что он многоглаголен и цветистую речь любит, – то давно всем ведомо».

– Ну вот, – промолвил князь Андрей, – теперь я перед тобою и перед совестью своей чист. Что же до брата моего, Тита Мстиславича, – чай, сам ведаешь, что он чуток с норовом... Ты не помысли, будто я про него худое хочу сказать, – спохватился он, – только мнится мне, что сам он сюда для крестоцелования не приедет, как я сделал. А ежели ты его спесь уважишь и однажды самолично к нему в Козельск наведаешься, он тому будет рад и там же тебе крест поцелует.

– Я с этим не спешу, – ответил Василий, – а совет твой мне люб. Дядя Тит Мстиславич годами всех нас старше, и чести моей не убудет, ежели я его старость уважу. Как только время выберу, первым поеду к нему в Козельск. Только мнится мне, что лучше повременить с этим до лета, дабы не помыслил он, будто мне не терпится его крестоцелование принять.

– Истина, родной, истина! Мудр ты не по летам, и с таким князем процветет и возвысится земля наша!

Во время этого разговора некоторые из бояр уже вышли из опочивальни в переднюю горницу. Однако находившийся в их числе Шестак вскоре торопливо вошел обратно и крикнул испуганным голосом:

- Никак горим, княже!
- Как горим? Где ты увидел?
- Чтось во дворе полыхает. Сквозь окна передней горницы большой огонь виден!

Все поспешно бросились из опочивальни. Один лишь Андрей Мстиславич замешкался в ней немного, прикладываясь к образу архангела Михаила. Но через минуту и он присоединился к остальным, так что небольшой задержки его никто в сумятице не заметил.

Слова Шестака всех взволновали не на шутку, ибо в те времена, когда все строилось из сухого дерева, а борьба с огнем велась лишь с помощью ведер и топоров, пожары являлись страшным и частым бедствием, уничтожавшим целые города.

К счастью, оказалось, что во дворе горел сенной сарай, стоявший несколько особняком от других построек. Сена в нем тоже было немного. Сбежавшиеся люди под личным руководством Василия закидали огонь снегом, и вскоре пожар был потушен. Отчего он произошел, осталось невыясненным.

– Дивное дело, – говорили люди, – отколь там огонь мог взяться? Ведь и близко никого не было!

- Не иначе как издаля, из какой-либо печи искру переметнуло!
- Должно, так. Но вот диковина: сарай был весь снегом занесен, да к тому и ветра нет!
- Может, домовой либо кикимора осерчала?

Посудачив, все разошлись, и на том дело кончилось, ибо злого умысла тут подозревать было нельзя: кто стал бы поджигать почти пустой сарай, стоящий в стороне от других строений?

Едва покончили с пожаром, князь Андрей, повозка и люди которого были уже готовы, заторопился с отъездом.

– Куда ты поедешь, на ночь глядя? – удерживал его Василий. – Волки теперь большими стаями ходят. Оставайся ночевать, а завтра поутру тронешься.

– Благодарствую, Василей Пантелеич. И рад бы остаться, но не могу: обещал своим, что назад буду без промедленья, да и самого меня нездоровье жены тревожит. А волки нам не страшны: ночь будет лунная и со мною человек двадцать слуг.

И, сердечно распрощавшись с Василием, он уехал.

## Глава 17

*Невры<sup>37</sup>, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие там эллины утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а потом снова принимает человеческий облик.*

*Геродот*

Вечером того самого дня, когда в карачевском дворце происходили только что описанные события, в новенькой пятистенной избе Лаврушки, стоявшей на самом краю посада, было тепло и людно. Вокруг большого, не успевшего еще потемнеть стола, неторопливо беседуя, сидело за трапезой несколько человек. Молодая хозяйка Настя с лицом, размянувшимся от жара, ловко орудовала у печки, время от времени подкладывая всякой снеди в стоявшие на столе миски.

Не прошло и месяца с того дня, как молодые справили свою свадьбу, и Насте тут все еще казалось необычным: и просторная изба, выглядевшая хоромами по сравнению с ее прежним деревенским жильем, и новая добротная утварь, и обилие соседей, а главное – то уважение, с которым они относились к ее мужу, еще недавно безродному деревенскому пареньку. Новая

<sup>37</sup> *Невры* – праславянское племя, во времена Геродота (V в. до Р.Х.) обитавшее на территории нынешней Белоруссии.

жизнь казалась Насте почти сказкой, а потому хозяйничала она с охотой и усердием. Все спорилось в ее умелых руках, все вокруг блистало чистотой и порядком.

Сегодня был «прощеный день» – конец Масленицы, и перед вступлением в Великий пост люди предавались веселью и чревоугодию. После катания с гор, кулачных боев и других уличных потех Лаврушка позвал к себе на блины двух неженатых приятелей-дружинников, а Настя пригласила соседку, с которой успела особенно подружиться, – молодую еще вдову Фросю, с десятилетним сынишкой Сеней. Под вечер неожиданно пришли еще двое. Это были односельчане Насти, дед Силантий и молодой веселый мужик Захар Дубикин, присланные своей общиной с челобитной к князю.

Сейчас вся эта братия сидела за столом, освещенным горящею с двух сторон лучиной, и, справившись с огромной миской наваристых щей, приканчивала уже не первую стопку промасленных блинов, которые хозяйка то и дело подкладывала на плоскую деревянную тарелку.

– Эк потрафило тебе, Лавруха, – говорил Захар Дубикин, запивая очередной блин глотком браги. – Живешь ноне что твой боярин! Ведь год назад и сам ты о таком помыслить не мог!

– Истина, Захар! Кабы не князь наш, дай ему Бог сто лет жизни, не видать бы мне ничего этого. Так по сиротству своему и остался бы на деревне последним человеком.

– В народе бают, что Василей Пантелеич дюже правильный князь. Сказывают, для его все едино, что боярин, что смерд.

– То так и есть, – подтвердил один из дружинников.

– Вот же, вот! – сказал дед Силантий. – Потому и порешили мы прямо ему бить челом с нашим делом.

– А какое у вас дело? – полюбопытствовал второй дружинник.

– Да вишь, имеется там у нас один луг спорный. Спорности-то в ём, положим, никакой нету, энтот луг завсегда нашей общине принадлежал. Да только от деревни он далеко, и мы его годов пять али шесть не косили, – сена нам покедова и с ближних лугов хватает. Ну а теперь почал его выкашивать боярин Опухтин, – его вотчина с нашими землями смежается. Вот, значит, и опасаемся мы, как бы тот луг боярин у нас вовсе не оттяпал.

– А что думаешь! У бояр это скоро.

– Вот же, вот! Летось мы боярскому прикащику сказывали: коли боярину сена не хватает, пушай покедова косит. Только луг наш. А прикащик в ответ: «То еще бабушка надвое сказала, ваш аль не ваш! У вас, бает, на этот луг грамоты нету, стало быть, луг боярский, а не ваш». Грамоты у нас и точно нету, но нету ее покеда и у боярина. Ну, значит, как стало всем ведомо, что новый князь человек правильный, мир и порешил ударить ему челом, чтобы дело это по закону урядить.

– Не сумлевайся, дед, – сказал Лаврушка, – князь вас в обиду не даст. Он бояр не дюже жалует. А вот ты поведай лучше, как сегодня над вами леший надсмеялся!

– Да что тут сказывать? Одно слово – удружил, проклятый! Как есть сбил с пути, и в таком месте к тому ж, которое я не хуже своего двора знаю!

– Часа три по лесу блукали, – подтвердил Захар, – уже не чаяли и на дорогу выбратся, да, спасибо, дед Силантий тоже не лыком шит, знал, как лешему нос утереть!

– Расскажи, дедушка, все, как оно было, – попросила Настя, подкладывая на стол блинов. – Да и блиночки кушай!

– Благодарствую, хозяйюшка. Кажись, уже сыт по горло.

– Ништо, дед Силантий, – сказал Лаврушка, – блин не клин, брюха не расколет! Ешь да рассказывай!

Силантий не заставил себя долго упрашивать. Он взял с тарелки румяный и лоснящийся блин, свернул его в трубку, обмакнул в миску со сметаной и неторопливо съел, оставив лишь самый краешек, который швырнул под печку. Затем допил брагу и туда же выплеснул из чарки

последние капли. Человек бывалый, обычаи вежливости он соблюдал строго: сидя в гостях, не забывал почтить домового.

– Стало быть, так, – начал он свой рассказ. – Выехали мы с Захаром с самого ранья, и к полудню нам уже недалече до Байкова оставалось. Но только мы из лесу к деревне начали сворачивать, глядим – у самой дороги на пне мужик сидит. Мужик как мужик, не дюже старый, борода кучерявая, седоватая. На ём тулуп, а сбоку котомка. Сидит, значит, и прямо на нас глядит. Захар и крикни ему: «Здорово, земляк! Пошто тут на морозе сидишь? Гляди, задница ко пню примерзнет!» А мужик хоть бы что, только пуще на нас вылупился. Начал я смекать, что дело нечисто, и говорю тихонько Захару: «Брось ты его чипать, а стебани-ка лучше коня, чтобы он нас поживее отседа унес!» Тут и Захар уразумел, что энто за мужичок, и давай коня кнутом полосовать! Покатили шибко и назад не оглядаемся. Только не проехали и полпоприща, посклизнулся наш конь и захромал на всю! Видим, нипочем до Карачева не дойдет. Делать нечего, оставили его, вместе с санями, у Захарова кума в Байкове, а сами пешки пошли. Оттель до города поприщ десять, а напрямиком, по просеке, и восьми не наберется. Только, значит, свернули мы на тую просеку, глядим – впереди через нее волк перебежал. Ну что ж? Всякому ведомо, что, коли волк дорогу перебежит, энто к добру. Обратнo же, днем волк не страшен. Идем, стало быть, дальше. Часа пол шли, только видим – просека кончается и кругом такая глухомань, какой я в тех местах сроду не видывал. Не иначе, думаю, как забрали мы от просеки вправо, по прогалине. Поворотили в обрат, вышли на истинную просеку, идем будто правильно. Глядь – впереди снова волк через дорогу шмыгнул! Чего, думаю, он, анафема, тут мотается?

Одначе идем. Поприща два отмахали – опять просека в чащобу уперлась, и дальше дороги нету! Вернулись чуток назад, взяли по тропке влево, идем. Невдолге видим – снег впереди притоптан, стало быть, ктось перед нами шел. Пригляделись, а энто наши же следы! Захар бает: «Сбились мы, дед Силантий, начисто!» А я и сам вижу, что сбились, только ума не приложу, как оно могло приключиться, коли я теми местами разов с сотню хаживал? Тут меня и осенило: то не волк был, а леший, принявший волчью личину. И он, значит, над нами потешается, с пути нас сбивает. Говорю Захару: так, мол, и так, покладем ему на пенек краюху хлеба, может, поболеет и отступится. Ну, поклали и дальше идем. Только дороги нет как нет. Вдруг в ельнике как заверещит, как захохочет да хлопает крыльями! У нас индо шапки попадали! «Ну, – говорю, – Захар, хлеб нипочем не помогает. Видать, дюже ты лесного хозяина обидел своей надсмешкой». А Захар с лица побелел и спрашивает: «Чего ж теперя робить станем?» Я говорю: отвод есть верный. Надобно нам всю одежку с себя поснимать и надеть ее навыворот. Враз на дорогу выйдем. А Захар бает: «Неужто, дед Силантий, все скидать? Гляди, мороziще какой!» Оно и правда. Ну, думаю, спробуем сперва одни тулупы да шапки выворотить, коли леший не дюже осерчал, может, на том смилуется. Только куды тебе! Еще гуще да темней чащоба пошла! А день уже к вечеру клонится. Видим, время терять боле нельзя, сели на снег и давай с себя все скидывать да наизворот выворачивать...

– Неужто догола раздеваться пришлось? – спросил Лаврушка.

– А что станешь делать? Не пропадать же в лесу! Все как есть с себя постаскивали и навыворот надели, даже портянки на другую сторону перемотали. Так нас мороз пронял, что как кутята трусимся! «Ну, – говорю, – Захар, теперя бегим что есть мочи, чтобы отогреться». Только разгон взяли, коли глянь, а вот она и дорога! Враз я то место признал: поприщах в трех от Карачева вышли.

– Так, значит, и пришли в город во всем выворочёном? – спросил один из дружинников.

– Когда кресты на церквах Божьих увидели, шапки и тулупы снова надели как подобает. А порты и рубахи уже тута, в избе, обратали.

– То добро еще, что ты верный отвод знал, – сказал Лаврушка. – А меня учили, – надобно левый сапог либо лапоть на правую ногу надеть, а правый на левую.

– Иной раз и это помогает, – промолвил Силантий, – но одежду выворотить куды верней.  
– Как же вы сразу-то лешего не распознали? – спросила Фрося. – Ведь у него глаза кругловатые, а бровей и вовсе нету.

– Поди распознай, коли у него шапка была на самый нос насунута! – ответил Захар. – Да и думки у меня не было к нему приглядаться: эка невидаль – среди бела дня мужик у дороги сидит!

– Дедусь, а дедусь! – обратился к Силантию внимательно слушавший Сеня. – Значит, тот мужик, что на пне сидел, энтю и был леший?

– Он и был, детка, – ответил старик. – Он же и на коня нашего порчу навел.

– А как же он опосля волком стал?

– Обернулся им, того и дэла. Ему энтю все одно как тебе тулуп надеть.

– Какое же его истинное обличье? – не унимался Сеня.

– У нежити своего обличья нету, – пояснил дед, – она только под чужой личиной бывает видима. Леший, к примеру, может принимать личину мужика, волка и филина. Деревом тоже оборачивается. Водяной, тот всего чаще берет видимость пузатого старика с зелеными усами, а иной раз колесом либо бороной по воде плавает. Полевик – энтот пьяным мужиком по полю шатается или копной стоит.

– А домовой, дедушка, каков из себя?

– Домового, сынок, из живых людей никто толком не видел и тебе не приведи Господь увидеть. Он человеку только перед самой смертью показывается, когда уже тот никому рассказать не может. А вполпоказа иной раз является он перед большой бедой. И ведомо только, что махонький он, белый да лохматый.

– А пошто он перед бедой приходит? Рази ж он злой?

– Приходит, чтобы человека о беде предупредить. А коли ему уважение оказывать, он тогда не злой. Да оно и леший не злой, только что пошутковать над людьми любит.

– А водяной?

– Водяной – энтот похуже. Он дурить с тобою не станет, а враз тянет на дно. Однако и его умеючи задобрить можно.

– Откедова же, дедусь, вся эта нежить взялась?

– То бывшее воинство дьявоново, – пояснил дед Силантий. – Однава восстал дьявол на Бога и привел с собою рать несметную. Но воевода Господень, архангел Михаил, энтю рать нечистую разбил во прах и низвергнул с небес. Попадали слуги дьяволы на землю и оборотились – кто лешим, кто водяным, кто иной нечистью.

– А какая еще нечисть бывает, дедушка? – допытывался Сеня.

– Да отвязись ты от человека, репей! – прикрикнула на сына Фрося. – Глядите на его – десяти годов еще нету, а уже все ему знать надобно!

– Нехай учится, – сказал Лаврушка, – то ему на пользу пойдет. А ну, братцы, еще по чарочке! – обратился он к приятелям, подливая им браги.

– А вот и закушенье, – сказала Настя, ставя на стол миску с холодцом. – Отведайте, будьте ласковы!

– Эх, была не была, – сказал Захар, придвигаясь к миске. – Сыт уже я, да на хорошую еду еще кишку найду!

– Это так, – поддержал младший из дружинников. – На лакомый кусок в брюхе всегда сыщется уголок.

– Деда, – тихонько толкнул Сеня старика Силантия, – а волкулак – энтю тоже леший?

– Эко сказал! Волкулак – энтю оборотень, человек, обращенный в волка либо колдовством, либо своей охотой.

– И всякий может в волка оборотиться?

– Коли знает заговор, то может. Для этого надобно сыскать в лесу гладкий пенек, покласть на него шапку и, сказавши заговор, кувырднуться через тот пенек. А чтобы вдругораз человеческий образ принять, в обрат надобно кувырднуться. Но ежели, покуда ты волком бегаешь, кто-либо шапку твою унесет, оставаться тебе волком на веки вечные либо доколе тебя в том волке кто-нибудь не признает и по имени не окликнет.

– А как колдуны людей в волков оборачивают?

– С наговором накидывают на человека волчью шкуру либо обманом заставляют его переступить через веревку, свитую из волчьей шерсти. Колдуны да ведьмы любят сами волками оборачиваться, и с таким оборотнем повстреваться не дай Господь: ён, как упырь, крови человеческой ищет.

– Как же распознать, деда, волкулак это или обнаковенный волк?

– У волкулака зубы всегда черные, как деготь, а глаза красные. Иной раз бывает, что у него усы человеческие.

– А коли на ём шкура обвислая, будто на вырост шитая, – добавил Захар, – это значит не простой волкулак, а колдун либо ведьма в волчьем образе. И только когда такой оборотень крови надуется, тогда на ём и шкура натягивается впору.

– Помнишь, дедушка Силантий, – вставила Настя, – как в запрошлом году осенью к нам на деревню волкулак забег? Вот страху-то было!

– Как же, помню. Он тогда к каждой избе подбегал и все норовил внутрь заглянуть.

– Ох и испужались мы! Как увидели, что он от избы к избе бегаёт, дверь приперли снутри дрючком, а сами все на полати сбились и ну Богу молиться!

– Ну и что же было? – спросила Фрося.

– Худого он никому не сделал. Обежал всю деревню и утек обратно в лес, – сказала Настя.

– Тут дело известное, – пояснил Силантий. – Покуда он волком-то рыскал, кто-то у него шапку с пенька украл. Вот он ее и шукал повсюду.

– Это что, – сказала Фрося. – А вот летось приезжала моя кума из Смоленщины и сказывала, что у них колдун целую свадьбу в волков оборотил, и людей, и лошадей – всех до единого!

– Ну, уж это, мабуть, того, – усомнился Захар, – чтобы целую свадьбу...

– Да уж кума мне врать бы не стала! Я ее добро знаю: она такого греха на душу не возьмет!

– Как же такое случилось?

– Выдавал там один богатей дочку замуж. И в самый тот час, когда уже готовились в церкву, к венцу ее везти, зашел к ним во двор странник и набивается, чтобы и его на свадьбу позвали. Ну а отец-то невесты и укажи ему на ворота. Ухмыльнулся тот странник и ушел, не промолвив и слова. Вот, значит, съездили в церкву в соседнее село, обвенчали молодых и под вечер на трех либо на четырех повозках в обрат ворочаются. Веселье, вестимо, песни, лошадей гонят всюду, и наземь никто не глядит. А тот странник в перелеске положил на дорогу веревку из волчьей шерсти, и только, значит, свадьба через тую веревку с разгону пронеслась – так все разом волками по полю и рассыпались!

– Вот это да! – воскликнул Лаврушка. – Видать, силен был колдун! Так, значит, все и пропали?

– А вот погоди. Ну, стало быть, дома ждут молодых из церкви, а их нет и нет. Уж на ночь глядя, сгонял кто-то на село, там ему говорят: давно, мол, обвенчались и в обрат уехали. Мать дома плачет, убивается, не знает, что и думать. Только уж под утро слышит – волк под самым окном избы воет, да так жалостливо, ну прямо как человек плачет! Ночь была светлая, выглянула мать в окошко и видит: сидит прямо перед ней волчица, на нее глядит, а у самой слезы из глаз так и льются! И надоумил ее Господь, крикнула она во весь голос: «Марьюшка, да ужель это ты?» И враз ее дочка снова человеком стала. Ну, рассказала она, что с ними в лесу произошло, и понеже все те волкулаки вблизи от деревни бегали, мало-помалу родные их

всех опознали, и, кого окликали по имени, тот мигом сам собою оборачивался. Только лишь кони пропали вчистую!

– Хвала Господу, что эдак-то кончилось, – промолвил дед Силантий. – А кабы колдун на них особый наговор положил, так и деревни бы своей не нашли. Забежали бы невесть куды, где их никто не знает, и остались бы навеки волками.

– А вот я тоже слышал от бывалого человека, – вставил один из дружинников. – Обманом закабалил боярин некоего смерда из ихнего села, а тот малое время спустя повстревался в лесу с чужим стариком да ненароком и рассказал ему о своем горе. Ну, старику этот бедолага, видать, по душе пришелся. Достает он из котомки пояс кожаный, вельми казистый, с серебряными наковками, и говорит тому: «Подсунь как-либо этот пояс своему боярину, токмо гляди, ни в коем разе сам его не надевай!» Взял, значит, смерд пояс да невдолге и повесил его на перилах боярского крыльца, как раз к тому часу, когда боярин выходил поглядеть, что в хозяйстве деется. Повесил, а сам затаился за овином и ждет, что дальше будет. Вот вышел боярин, увидел пояс, повертел его в руках, а потом и примерился им до своего пуза. И только застегнул пряжку, разом оборотился в волка! Но того, видать, сам не сообразил и стоит, значит, на месте как ништо не бывало. Глянул туды кто-то из челяди и крик поднял, – волк на крыльце! Ну, тут кто за вилы, кто за дрючок, собак, вестимо, спустили, и пришлось нашему боярину дать деру в лес. Только его и видели!

– Дело ясное, – сказал Силантий. – Тот пояс, стало быть, из волчьей кожи был сделан.

– Да, чего только не бывает на свете, – отозвался Лаврушка. – Ну-ка, Настя, подбрось нам блинков, покеда нас никто не заколдовал!

– Чур тебе, безумный! – испугалась Фрося. – Нешто можно такое говорить? Как раз беду накличешь!

– Ништо, – успокоил Лаврушка. – Гляди, я за сучок держусь, стало быть, меня нечистая сила слышать не может!

– Дедушка, а какая еще нежить бывает? – тихонько спросил Сеня у старика.

– Ох, много ее на свете, сынок! Русалки всякие: водяницы, берегини, лесовки, полудницы... А то есть еще кикиморы.

– А какая она, кикимора?

– Она домовому сродни. Только домовою живет в избе, под печкой, поелику он дышит не воздухом, а избяным да человеческим духом. Ну а кикимора больше по клетям да овинам прячется. Сама она мала и худа, как щепочка, голова у ей с орешек, но шуметь здорова и, коли осерчает, никому не даст спать цельную ночь. Большого вреда от нее человеку не бывает, только курей она любит таскать. Одначе супротив энтого имеется верное средство: в курятнике надобно повесить дырявый камень либо горлышко от битого кувшина. Уж тогда кикимора туды не сунется.

– Ой, чуть не запамятовала! – воскликнула Настя. – Лаврушенька, намедни впервой снеслась наша Чернушка. Я энто яйчко супротив волков приберегла.

– Яйцо супротив волков? – удивился младший из дружинников. – Энто как же?

– Али ты не знаешь? Первое яйцо от черной курицы – энто самое верное дело, чтобы волки твою худобу в поле не трогали.

– А чего же делать-то надобно с тем яйцом? Ай волка яишной кормить?

– Тоже скажешь! То яйцо нужно ночью разбить посреде выгона, где твоя скотина пасется. И коли сделаешь это, покеда оно свежее, – на цельный год его силы достанет.

– Ну вот, завтра в ночь я энто и обделаю, – сказал Лаврушка. – У нас теперя два коня, один другого краше, да корова, княжий Насте подарок. Так что оберегаться надобно и от волков, и от дурного глазу.

– Ты никак сдурел! – воскликнул дед Силантий. – В первый день Великого поста колдовать пойдешь и хочешь, чтобы с того колдовства прок получился?

– Батюшки, и правда! – всполошилась Настя. – В посту не можно того робить! А коли ждать, яйцо всю силу потеряет.

– Чего же делать-то? – спросил Лаврушка.

– Энтот же ночью надобно идти, – сказал Силантий. – Далече ли у вас выгон-то?

– Какое далече! Вот, сразу за околицей, рукой подать. Давай, Настя, яйцо. Зараз я туды и схожу, а вы тута беседуйте и угощайтесь, я неволге ворочусь! – С этими словами Лаврушка надел полушубок, подпоясался саблей, взял поданное Настей яйцо, завернутое в тряпицу, и вышел из избы.

Перешагнув порог, он сразу же погрузился в густую тьму: стояла уже глубокая ночь и небо было затянуто облаками. Однако через минуту глаза его немного освоились с темнотой, и он бодро зашагал по направлению к выгону.

После рассказов об оборотнях и прочей нечисти в пустом и темном поле было изрядно жутко, но все же Лаврушка благополучно добрался до его середины, разбил там чудодейственное яйцо, с молитвой вылил его содержимое на землю, перебросил скорлупки через левое плечо, как учили его сведущие люди, и с чувством исполненного долга направился к дому.

Не успел он сделать и десяти шагов, как пошел частый снег, сразу же начавший скрывать от его глаз темные очертания посадских изб и кое-где мерцавшие огоньки.

«Эге, – подумал Лаврушка, – так и без лешего заблудиться недолго!»

Чтобы избежать этой опасности, он переменял направление и двинулся напрямиком к ближайшему забору, упершись в который свернул вправо и вдоль околицы пошел к своей избе. Он был уже недалеко от цели, когда вдруг совсем близко ему почудились голоса.

Лаврушка остановился, прислушиваясь. Да, никаких сомнений быть не могло: впереди него, очевидно, у ворот ближайшей избы разговаривали двое мужчин, которых в хаосе мятущихся снежных хлопьев он различить не мог.

«А ну, послушаем, кто это и о чем точит лясы в такую ночь», – подумал он и, прижавшись к забору, сделал несколько бесшумных шагов в сторону разговаривающих. Оставаясь сам невидимым на фоне темного забора, Лаврушка приблизился к ним почти вплотную и теперь мог различить впереди фигуру всадника, темнеющую на улице, у ворот. Второй собеседник стоял в приоткрытой калитке и почти не был виден.

– Зима зимой, а гривна тоже на снегу не валяется, – отчетливо донеслись до Лаврушки слова всадника, голос которого показался ему очень знакомым. – Коли желаешь получить ее, надобно ехать немедля.

– А чаво пересказать-то надо?

– Козельскому князю от меня передашь, что вещий сон Андрея Мстиславича исполнился. И ничего боле.

– Какой такой сон?

– Князь знает какой, а тебе знать незачем. Так вот, завтра же выезжай и, как воротишься, получишь гривну. А ежели хоть слово лишнее кому сболтнешь, после на себя пеняй!

– Ну а коли к завтраму мятель не уймется, боярин?

«Ага, это Шестак, – догадался Лаврушка, – как есть его и голос».

– А отец у тебя для чего колдун? – ответил Шестак. – Скажи ему, он мятель враз заговорит.

– Не всякий раз то удастся, боярин.

– Коли не удастся, день переждешь. Запомнил крепко, что сказать-то надобно козельскому князю?

– Запомнил, боярин.

– Ну, так с Богом! – С этими словами всадник тронул лошадь плетью и почти мгновенно исчез в снежной посыпи. Одновременно захлопнулась калитка, и от нее послышались удаляющиеся шаги. Постояв еще с минуту, пошел своей дорогой и Лаврушка.

«Вот оно что! – соображал он. – Второй, стало быть, это Ивашка, сын колдуна Ипата. Как это я их избу сразу не распознал! Ох, сдается мне, что тут дело даже нечисто! Завтра бесприменно обо всем этом Василия Пантелеича упрежу!»

На следующее утро Лаврушка слово в слово передал князю подслушанный ночью разговор.

– Ладно, ступай, – выслушав его, ответил Василий. – А службу твою я не забуду.

Оставшись один, он крепко задумался. Было совершенно очевидно, что оба его дяди и Шестак находятся в постоянной связи и продолжают плести какую-то таинственную паутину. Но что за этим скрывается и что означает «вещий сон Андрея Мстиславича», Василий понять не мог.

«Должно быть, Шестак дает знать Титу Мстиславичу, что звенигородский князь мне крест поцеловал, – подумал он, – поелику ничего иного вчера тут не было. Но почто с такой вестью спешно, в самую мятель, посылать гонца? Нет, тут, пожалуй, что-то другое кроется. Ну ладно, поживем – увидим. А за Шестаком надобно будет присматривать: видать, он не оставил мысли моих удельных взбаламутить».

## Глава 18

*Когда хану Сартаку доставили приглашение Берке-хана, проклятый Сартак ответил: «Ты мусульманин, я же держусь христианской веры и видеть мусульманское лицо для меня несчастье». Ал-Джусуджани, афганский историк XIII в.*

При удаче путешествие из Козельска в столицу Золотой Орды можно было совершить за месяц, но у княжича Святослава Титовича оно отняло значительно больше времени.

Прямая дорога на Сарай шла через земли Карачевского княжества, и потому ею нельзя было воспользоваться, не выдавая своих намерений. В целях сохранения тайны, Святославу пришлось ехать через великое княжество Рязанское, что удлиняло и без того неблизкий путь верст на пятьсот.

Выехал княжич в конце сентября, и в дороге его захватили осенние дожди. Многочисленные в этих местах болота, легко проходимые летом, теперь превратились в неодолимые препятствия, на объезд которых приходилось тратить часы и дни. Глубокая и цепкая грязь, покрывшая дороги, позволяла лошадям идти только шагом. Святослав рассчитывал, выйдя на среднее течение Волги, спуститься к Сараю водным путем, но на его несчастье ледостав в этом году был ранний, и, когда в середине ноября он добрался до Волги, ее уже сковывал лед.

На измученных конях, по пустынным и диким местам, где завывали холодные ветры да волки, пришлось сделать еще около тысячи верст, и лишь к концу декабря Святослав Титович, исхудалый, обветренный и озлобленный неудачами пути, прибыл в ханскую ставку.

Новый Сарай, или Сарай-Берке, находившийся на девяносто верст ниже позднейшего Царицына на левом берегу Волги, был основан младшим братом Батыя, ханом Берке. Сам Батый свою столицу – Сарай-Бату – построил неподалеку от того места, где сейчас стоит город Астрахань. Чтобы лучше понять, почему этот богатый и цветущий город не удовлетворил хана Берке, нужно слегка коснуться истории Золотой Орды.

Чингисхан еще при жизни своей разделил все завоеванные им земли между четырьмя сыновьями, из которых старший, Джучи-хан, получил необъятную территорию, простиравшуюся от Енисея до Дуная, а на юге охватывавшую среднеазиатские земли, известные впоследствии под общим названием Западного Туркестана, Хорезм, Кавказ и Крым.

Предстояло еще завершить покорение некоторых входивших сюда областей, в том числе и Руси. Это сделал в последующие годы сын Джучи, выдающийся татарский полководец Бату-

хан, которого русские летописцы, беспощадно исказившие все татарские имена, называли Батыем.

Это движение монгольских полчищ на запад должен был возглавить сам Джучи-хан, тоже покрытый славою воин. Завоевав Хорезм, он на некоторое время задержался там, пополняя свои силы и готовясь к походу на Европу. Но второй сын Чингисхана, Чагатай, ненавидевший старшего брата, сумел убедить отца в том, что Джучи замышляет измену и подбивает побежденных хорезмийцев и кипчаков<sup>38</sup> на восстание, которое он сам хочет возглавить.

Поверив этому, Чингисхан послал в Хорезм своих людей с приказанием уничтожить непокорного сына. Осенью 1226 года его воля была исполнена: во время охоты предательским ударом сзади Джучи-хану был перебит спинной хребет.

Стоит отметить, что те немногие сведения о личности Джучи-хана, которые до нас дошли, рисуют довольно привлекательный образ: по своему времени это был гуманный и смелый человек, не боявшийся говорить правду в глаза даже своему страшному отцу. Ему он был верен и предан, но не одобрял его жестокого обращения с покоренными народами. Своим великодушным отношением к подвластным ему хорезмийцам и кипчакам он и подал повод к клевете Чагатая.

По смерти Джучи выделенный ему колоссальный улус<sup>39</sup> должен был наследовать его старший сын Орду-Ичан<sup>40</sup>. Однако этот последний, признавая превосходство своего брата Бату-хана как полководца и правителя, совершенно добровольно уступил ему первенство и занял подчиненное положение, оставив за собой только среднеазиатские и зауральские кочевья, получившие название Ак-Орды<sup>41</sup>.

Этот жест хана Орду-Ичана был исключительным и неповторимым в истории чингисидов, где почти каждый хан добирался до престола по трупам вырезанных им родственников. К характеристике Ичана следует добавить, что несколько позже он по собственному почину поделился своими владениями с младшим братом Шейбани-ханом, отдав ему зауральские степи. Батый до самой смерти глубоко почитал его и не стыдился публично оказывать ему знаки уважения, как старшему. И хотя царствовал он, имя Орду-Ичана по его распоряжению ставилось на первом месте во всех ханских ярлыках и иных государственных документах.

Когда умер Батый – основатель огромной, независимой империи, получившей название Золотой Орды, – ему наследовал его старший сын Сартак. Это был, по-видимому, человек мягкий – побратим Александра Невского и полный доброжелатель русских. И он и его жена были православными. Если бы ему было суждено дольше остаться на ханском престоле, дальнейшая история Орды, да, вероятно, и Руси, сложилась бы совершенно иначе. Но несколько месяцев спустя он умер от яда. Великим ханом был объявлен его малолетний сын Улагчи при регентстве Баракчины – главной жены Батыя. Однако через год был отравлен и он. На золотоордынский престол вступил виновник обоих этих отравлений – младший брат Батыя, Берке-хан. Он был мусульманином и, сделавшись великим ханом, обратил в ислам всю подвластную ему Орду.

Будучи ничтожеством по сравнению со старшими братьями – Ичаном и Батыем, Берке им завидовал и ненавидел их, в особенности Батыя, который стяжал себе славу великого полководца и «джехангира»<sup>42</sup>. Вступив на престол, Берке где только возможно старался унизить его память.

<sup>38</sup> *Кипчаки* – половцы.

<sup>39</sup> *Улус* – собственно означает совокупность племен и народов, подчиненных одному хану или князю, но подразумевает и занимаемую ими территорию. В этом смысле имеет значение государства или удельного владения.

<sup>40</sup> Некоторые историки называют его Ичен-Орда.

<sup>41</sup> *Ак – Орда* в переводе означает «Белая Орда». Но русские летописцы эту Орду ошибочно называют Синей. В действительности же Кок-Ордой, то есть Синей Ордой, называлось государство Батыя, которое в наших летописях называют Золотой Ордой. Последнее название сохраняется в этой книге во избежание путаницы.

<sup>42</sup> *Джехангир* означает «покоритель мира» – один из титулов Батыя.

В татарской Орде, когда умирал семейный человек, его жен должны были разобрать ближайшие родственники. В силу этого обычая, Берке взял хатунь Баракчину, но лишь в качестве второстепенной жены, полуналожницы, а несколько месяцев спустя якобы по подозрению в измене утопил ее в мешке с кошками.

Не желая признать своей столицей город, построенный Батыем, Берке основал другой, получивший название Сарай-Берке, и в течение всей жизни не жалел усилий и средств, чтобы сделать его больше, богаче и красивее прежней столицы, Сарая-Бату. И если достигнуть этого он не успел, то несколько десятков лет спустя его труды завершил великий хан Узбек, который значительно расширил этот новый Сарай и украсил его великолепными дворцами, мечетями и иными зданиями, вызывавшими восхищение современников.

Все подвластные Золотой Орде страны внесли свою подневольную лепту в строительство этого города, порожденного завистью и чванством. Из Руси сюда сплавляли по рекам лучшие древесные материалы, с Урала шли караваны голубого гранита и отделочных камней, из Крыма везли мрамор, из Персии – ковры и драгоценную утварь для ханских дворцов. Из Хорезма привозили части старинных стен, покрытые бесценной мозаикой, из Самарканда и Бухары – целые блоки разобранных храмов, дворцов и мавзолеев, которые являлись непревзойденными по красоте и изяществу архитектурными творениями.

Тысячи мастеров зодчества, художников, ваятелей, резчиков, древообделывцев, кровельщиков и других умельцев, привезенных сюда в качестве рабов или по вольному найму, дни и ночи работали в этом городе, воздвигая дворцы, дома и мечети, выкладывая деревянными торцами огромную площадь и улицы возле ханского дворца, украшая общественные здания и жилища татарской знати, в которые по трубам проводили воду из Волги.

В результате этих усилий на ровной, как стол, местности вырос обнесенный земляным валом город с двухсоттысячным населением. По свидетельству путешественников-арабов, он был так велик, что за день его нельзя было объехать на лошади. В нем было много дворцов, выстроенных из голубого камня – гранита – и из разноцветного мрамора либо сплошь выложенных синими, желтыми или красными изразцами с золотой отделкой. Красотой и богатством украшения выделялись также здания монетного двора, общественных бань, арсенала, оружейных мастерских, мавзолеев и медресе<sup>43</sup>. Было здесь несколько десятков великолепных мечетей с тонкими минаретами, взлетающими к небу, как пламенная молитва фанатика-дerviша. Были пять православных церквей, католический костел, храмы буддийские, конфуцианские, браминские, шаманские и всех прочих существующих в Азии религий.

Это было полное смешение всех мыслимых архитектурных стилей и форм, где русское стояло рядом с египетским, а китайское – с византийским или мавританским. Но вся эта хаотическая смесь создавала городу какое-то свое собственное, оригинальное и отнюдь не отталкивающее лицо. Некоторые восточные историки, побывавшие в Сарай-Берке, называют его одним из красивейших городов их времени.

Однако, несмотря на это, Старый Сарай, являвшийся крупным торговым и ремесленным центром, долго еще сохранял свое значение, и несколько ханов, следующих за Берке, предпочитали держать свою ставку там. Только Узбек, пятьдесят лет спустя, окончательно перенес столицу Золотой Орды в Сарай-Берке, обязанный ему своим блестящим завершением.

Расцвет этого города обуславливался также его географическим положением: через него шли все важнейшие пути караванной торговли Европы с Азией.

Сюда стекались пряности из Индии, ковры из Персии, меха из Сибири, парча и пурпур из Византии, хлеб из Киевщины, сукна из Фландрии, драгоценная утварь из Венеции, оружие

---

<sup>43</sup> *Медресе* – мусульманские училища высшего порядка, куда поступали юноши, уже окончившие низшую школу. Кроме духовных наук, тут преподавали и общеобразовательные.

из Дамаска, тропические фрукты из Египта, виноград из Крыма, вина из Франции, Венгрии и Грузии.

Европейским купцам не нужно было больше ездить в Китай за шелками – их можно было всегда купить на рынках Сарая, где каждый находил к тому же спрос на свои собственные товары. Сарай-Берке сделался как бы центральным базаром Европы и Азии. Генуэзские, венецианские, византийские, русские, китайские, еврейские, армянские и прочие купцы имели тут собственные караван-сарай, то есть обнесенные высокими стенами кварталы, где находились их жилища, склады, постоянные дворы и рынки. В Сарае-Берке можно было встретить торговца любой национальности и купить все, что угодно, начиная с прекрасной восточной рабыни и кончая лучшими шампанскими винами.

Богатство города, помимо торговли, постоянно умножалось продуктами грабежа и поступающей дани. Десятую часть достояния всех покоренных татарами стран и народов всасывала в себя Орда.

Сами татары вырабатывали очень немного товаров, не отличавшихся к тому же ни богатством выбора, ни мастерством производства. Войлок, кожи, шорные изделия, грубые шерстяные ткани, примитивная керамика, оружие и кумыс – вот все то, что они умели производить своими руками и чем, собственно, ограничивались их потребности воинов и кочевников.

Богатство ордынца измерялось главным образом количеством его коней. У каждого рядового воина их было не меньше двух, у начальников, даже невысоких, они исчислялись табунами. Великолепная татарская лошадь, резвая и выносливая, давала кочевнику почти все, что ему было нужно: еду, питье, жилище, средство передвижения, залог победы над врагом и возможность грабежа. Излишки своего конского поголовья Орда продавала в Индию.

Конечно, Сарай производил множество всевозможных товаров и изделий отличного качества, поступавших как на внутренний, так и на внешний рынок. Но все это делалось руками огромного количества ремесленников-рабов, которых татары тщательно отбирали в покоренных ими землях и отправляли в Орду. Среди них было немало людей исключительно высокого мастерства. Так, например, русский золотых дел мастер и резчик по кости, Кузьма, из Сарая был специально вызван в монгольскую столицу Каракорум, где сделал императору Гуюк-хану трон из слоновой кости и золота, долго изумлявший всех непревзойденной тонкостью своей работы.

Труд искусных умельцев в Орде хорошо оплачивался, обычно все они быстро выкупались из рабства, имели в Сарае свои дома и достигали благосостояния, иногда, по-видимому, значительного. По свидетельству католического прелата Плато Карпини – главы посольства, которое папа Иннокентий Четвертый отправил к Гуюк-хану, – этот самый русский мастер Кузьма, находившийся в то время в Каракоруме, приютил у себя и более месяца содержал на свой счет папское посольство, ожидавшее приема у императора.

Простых ремесленников селили в Сарае отдельными кварталами, распределяя их по отраслям мастерства и вовсе не считаясь с национальностью. Были отдельные кварталы и улицы кузнецов, оружейников, шерстобитов, кожевников, медников, гончаров, ткачей, резчиков и других. В каждом из таких ремесленных центров были свои торговые ряды, кроме того, в городе имелась огромная площадь для общих базаров.

Дома более зажиточных людей и знати были выстроены из камня, жилища ремесленников – из самана и глины. По мере удаления от центральной части столицы к ее окраинам улицы становились все уже и грязнее, дома лепились все теснее друг к другу. Садов в Сарае не было вообще, он был совершенно лишен каких-либо признаков зелени. Посреди города находился большой, искусственно сделанный пруд, но вода в нем была загрязнена и для питья не годилась. За исключением высшей знати, имевшей водопроводы, все население города вынуждено было питьевую воду возить из Волги или покупать на улицах у водовозов.

Татары медленно и с трудом привыкали к оседлой городской жизни. Едва лишь наступало тепло, все монгольское население города, включая и самого великого хана, выкочевывало в юрты, шатры и кибитки, которые по обоим берегам Волги покрывали все видимое глазу пространство вокруг столицы. В течение целого лета огромный город казался наполовину вымершим, и только лишь с наступлением осенних холодов кочевники постепенно возвращались в свои дома, да и то не все: многие оставались зимовать в юртах, по ту сторону городского вала.

Привычка к походным условиям жизни была у татар так сильна, что некоторые ханы, включая и Батыея, на зиму приказывали в одном из залов своего дворца устанавливать шатер, в котором и проводили большую часть времени.

## Глава 19

*А пошлины ему, Феогносту-митрополиту, платить не надобе, ни подвод, ни кормов, никаких дар ни почестия не воздавать никому. А земель его, ни вод, ни огородов, ни садов, ни мельниц, ни людей его никто да не заимает, ни истомы творит, ни возьмет у них ничего. И кто того не соблюдет, смерти да побоится. А ты, Феогност-митрополит, за нас молитвы Богу воздавай.*

*Царица Тайдула, из ярлыка, данного ею митрополиту Феогносту в 1351 г.*

По прибытии в Сарай княжич Святослав прежде всего отправился в русский квартал, разыскал там брянского купца Зернова, с которым Тит Мстиславич вел кое-какие торговые дела, и при его содействии в тот же день нашел вполне приличное помещение для себя и своих людей.

Это был небольшой каменный дом в средней части города, с двориком и сараями, в которых удалось разместить слуг и лошадей. Сам Святослав Титович и сопровождавший его пожилой сын боярский Степан Колемин вместе с привезенными дарами поместились в двух низких, но просторных горницах дома. Их убранство неприятзательному козельскому княжичу показалось даже роскошным: полы и стены почти сплошь были закрыты пестрыми коврами, на широких и низких диванах лежало множество шелковых подушек, а на стоявших по углам резных деревянных этажерках была расставлена узорчатая керамика, бронзовые светильники и малахитовые безделушки. Круглые полированные столы возвышались над полом едва на четверть – за ними ели, сидя на подушках, прямо на полу, поджав под себя ноги.

Но что в зимнюю пору было едва ли не самым важным – в одной из горниц имелось отличное отопление: это была сложенная из камня печь, от которой дым и горячий воздух проходили по широкому глиняному дымоходу вдоль внутренних стен. Только лишь при виде татарского топлива Святослав брезгливо поморщился: дрова тут стоили чрезвычайно дорого и почти все дома отапливались аргалом<sup>44</sup>.

Помывшись в бане у купца Зернова и отоспавшись после утомительного путешествия, княжич приделся и отправился к местному православному епископу, чтобы завязать полезное знакомство, а заодно разузнать кое-что о характере хана Узбека, придворных порядках и приближенных к хану лицах, посредничеством которых можно было бы воспользоваться. О цели своего приезда он решил до поры до времени распространяться как можно меньше.

Владыка Даниил, епископ сарайский и подольский, был еще нестарый человек, высокого роста и представительной наружности. Его пронизательные, светящиеся умом глаза, казалось, просматривали собеседника насквозь. Он был ставленником великого князя Московского, Ивана Даниловича, а последний умел подбирать людей, особенно для таких ответственных

---

<sup>44</sup> *Аргал* – кизяк, плитки из высушенного навоза.

мест, как ханская ставка, куда все соперничающие русские князья приезжали с жалобами друг на друга, а чаще всего на самого Ивана Даниловича. При том неизменном уважении, которым пользовалось у татар русское духовенство, сарайский епископ в глазах хана имел порядочный вес и часто своими силами мог защитить в Орде интересы московского князя. Если же случай того требовал, он своевременно оповещал Москву.

Епископ принял княжича несколько настороженно: он знал, что русские князья в Орду зря не приезжают. Однако, когда Святослав, назвавши себя, подошел под благословение, почтительно поцеловал ему руку и от имени отца своего просил принять в дар массивную золотую чашу для сарайской епархиальной церкви, владыка смягчился, а из дальнейшего разговора понял, что это сравнительно мелкий проситель, не имеющий никакого отношения к московским делам. Он благосклонно вступил в беседу с козельским княжичем и несколькими ловко поставленными вопросами прижал его к стене: Святославу стало ясно, что нужно или развязывать язык, или стяжать недоверие владыки и лишиться себя его возможного содействия. Почти без колебания он избрал первое.

Рассказав о цели своего приезда, карачевские дела он осветил, разумеется, по-своему: о духовной грамоте князя Мстислава Михайловича не обмолвился и словом, а просто сказал, что ввиду тяжелой болезни большого князя его брат, Тит Мстиславич, как следующий по старшинству, заранее желает оформить у хана свои права наследия, дабы избежать смуты и усобицы, если кто-нибудь из младших князей вздумает эти права оспаривать. Владыку Даниила, которого дела окраинных княжеств интересовали весьма мало, это объяснение вполне удовлетворило. Он в свою очередь осветил Святославу положение дел в Орде и дал ему несколько полезных советов.

Возвратившись домой, Святослав Титович глубоко задумался. От епископа он узнал, что получить у хана прием будет очень трудно, ибо раздраженный нескончаемыми распрями северных князей, то и дело приезжающих в Орду с жалобами и доносами друг на друга, Узбек последнее время никого из русских на глаза к себе не пускал. В подтверждение этого владыка сослался на пример тверского княжича Федора Александровича, который уже более двух месяцев жил в Сарае, тщетно домогаясь приема.

Но сидеть, ожидая у моря погоды, было нельзя. Святослав отлично понимал, что в его миссии быстрота является залогом успеха: если умрет Пантелеймон Мстиславич и до хана дойдет весть о том, что в Карачеве мирно княжит его сын Василий, дело заговорщиков будет обречено на провал. Надо было добраться до Узбека теперь же, во что бы то ни стало, а для этого необходимо было заручиться помощью влиятельных лиц.

Прежде всего следовало добиться приема у хатуни и путем подарков постараться склонить ее на свою сторону. Святослав знал, что хан Узбек женат на дочери византийского императора Андроника, и был уверен, что именно с нею ему придется иметь дело. К его большому удивлению, владыка Даниил сказал, что никакого влияния на хана она не имеет и что в особой милости у него молодая, недавно взятая им жена Тайдула. Но к ней тоже нужно было найти какой-то подход. По словам епископа, особым расположением хана пользовались темники<sup>45</sup> Абдулай и Киндык. Последнего сейчас в Сарае не было, и княжич решил начать с Абдулая.

На следующий день Святослав отправился к нему в сопровождении сына боярского Колемина, хорошо говорившего по-татарски, и двух слуг, несших подарки.

Абдулай жил неподалеку от ханского дворца, в красивом, мавританского стиля доме, который и по внешности, и по внутреннему убранству тоже смело можно было назвать дворцом. Но старый воин, всю жизнь проведенный в походах, в глубине души не очень радовался этому великолепию. Задумчиво бродя по обширным, неизвестно для чего нужным залам своего дворца и с опаской переставляя ноги, разъезжающиеся на скользком паркете, он с грустью

---

<sup>45</sup> *Темник* – командир десяти тысячного отряда, тумена.

думал о прелести войлочного шатра, где все так привычно и удобно, где каждая вещь всегда находится под рукой. Но что поделаешь? Великий хан желает, чтобы татарские князья, его приближенные, жили теперь во дворцах, а воля великого хана – это воля Аллаха...

Русского княжича Абдулай принял сразу, по долгой практике зная, что подобные посетители не являются с пустыми руками.

В большой, сплошь убранный дорогами коврами комнате, куда его провели, Святослав увидел пожилого одноглазого татарина, сидящего, поджав ноги, на низком диване. Приложив руку ко лбу и сердцу, княжич поклонился Абдулаю и сказал несколько слов стоявшему сзади Колемину. Последний выступил вперед и, в свою очередь низко поклонившись, перевел по-татарски, что сын козельского князя Святослав, находясь в Орде, счел своим долгом лично приветствовать столь славного баатура<sup>46</sup>, как эмир Абдулай, о воинской доблести и мудрости которого знает вся Русь.

Добродушно кивнув головой, татарин указал гостю на стопку подушек, лежавшую рядом, и сказал на довольно сносном русском языке:

– Садись, князь. Я не раз бывал на Руси и немного знаю ваш язык. Хорошо ли доехал ты?

Святослав ответил, что доехал он вполне благополучно, и сделал знак слугам, стоявшим у двери. Те подошли и с низкими поклонами положили к ногам Абдулая дамасскую саблю в драгоценных ножнах и пачку в сорок бобровых шкурок. Единственный глаз татарина заискрился удовольствием. Почти не обратив внимания на меха, он взял саблю, вынул ее из ножен и с видом знатока внимательно осмотрел клинок. Потом осмотрел и ножны и, поцокав языком, промолвил:

– Спасибо, князь. Ты не мог сделать лучшего подарка старому воину. Садись же и поведай, что привело тебя к нам? – Затем он громко крикнул что-то по-татарски, и через минуту двое слуг внесли и расставили на круглом столе достархан<sup>47</sup>: кумыс в серебряном кувшине, варенные в меду фрукты, финики, орехи и другие сласти.

Абдулай сам налил княжичу кумыса, и Святослав, мастерски скрывая свое отвращение, бережно принял кубок и осушил его до дна. Он знал, что тут недопустимы никакие вольности: кумыс считался у татар священным напитком, отказаться от него значило смертельно оскорбить хозяина, а непочтительно о нем отозвавшись или пролив, хотя бы нечаянно, на землю, можно было поплатиться головой.

Выполнив сей неприятный долг и закусив кусочком рахат-лукума, Святослав вкратце рассказал о цели своего приезда и выразил надежду, что «достолавный эмир, верную службу и мудрые советы которого по справедливости столь высоко ценит великий хан» поможет ему в этом деле.

Абдулай задумался, поглаживая пальцами свои жидкие висячие усы. Он не хотел обманывать Святослава или обещать ему то, чего не сможет исполнить, ибо, как всякий татарин, по натуре был глубоко честен. Правда, эта татарская честность носила несколько своеобразный характер и потому ускользнула от внимания русских летописцев, бывших к тому же далеко не беспристрастными судьями. Для них татарин был прежде всего поработителем родины, «поганым», и для его описания существовала только одна краска: черная.

Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что самый беззастенчивый и жестокий грабеж во время военных и карательных действий был у ордынцев вполне обычным явлением. С их точки зрения, это и было то, ради чего воюет воин. Это была законная плата за тяжелую службу и смертельный риск его ремесла, ибо никакого иного вознаграждения он не получал. Но в то же время воровство, мошенничество, обман в торговой сделке и даже простая ложь были в Орде почти неизвестны. За бесчестный поступок, даже вполне обычный и широко практику-

---

<sup>46</sup> *Баатур, богадур, батырь* – витязь, богатырь.

<sup>47</sup> *Достархан* – угощение, сладости.

емый среди других народов, татарина ожидала беспощадная казнь. Честность была, пожалуй, самой сильной чертой татарского характера, – она прошла через века и сохранилась до наших дней. В дореволюционное время каждая приволжская рабочая артель, отправляясь на заработки, старалась включить в свой состав какого-либо татарина, чтобы доверить ему денежную и хозяйственную часть: его национальность служила гарантией того, что ни одна копейка не пропадет и никто не будет обижен.

Ордынцы любили подарки, но хорошо понимали, что даются они не от наплыва душевных чувств, а что в обмен потребуется какая-то услуга. И, обещав оказать ее, татарин, по мере сил и возможностей, старался свое обещание выполнить. Поэтому Абдулай после довольно долгого раздумья сказал:

– Плохое время ты выбрал. Великий хан Узбек, да живет он тысячу лет, сильно гневен на русских князей. Трудно будет устроить, чтобы он тебя принял. Я это сделаю, но нужен подходящий случай, и обманывать тебя не хочу: ждать придется, может быть, долго. Хану я хорошо о тебе скажу. Только смотри: великий хан, да продлит Аллах его драгоценные дни, справедлив, и, если твое дело правое, обиженным от него не уйдешь. А коли ты с обманом и неправдой пришел, пеняй потом на себя.

Святослав рассыпался в благодарностях и заверил, что дело его никакого обмана в себе не таит. Затем сказал, что отец его, князь козельский, много слышавший о непревзойденной красоте и мудрости хатуни Тайдулы, прислал ей поклон и подарки, которые теперь же нужно передать по назначению. Абдулай понимающе улыбнулся.

– Ну, это легче сделать, – сказал он. – Хатунь Тайдула, да сохранит Аллах красоту ее на долгие годы, любит русских и любит подарки. Ты будешь извещен о дне, когда она пожелает тебя принять.

С витиеватыми выражениями благодарности и щедрыми пожеланиями всех милостей Аллаха Святослав простился с темником. После этого разговора настроение его заметно повысилось.

«Один пособник уже есть, – с удовлетворением думал он, – и дело мое, кажись, налаживается. Худо только, ежели ждать придется долго... Ну, ничего, впереди еще Тайдула. Коли придусь ей по душе, она небось сумеет дело ускорить. Абдулай-то еще когда свой случай найдет, а она, поди, всякую ночь тот случай имеет!»

В ожидании приема у Тайдулы Святослав Титович верхом, а иногда и пешком прогуливался по городу, дивясь его величине и с любопытством приглядываясь к окружающему. Самым большим городом, какой он до сего времени видел, был Смоленск – теперь он казался ему жалкой деревней в сравнении с Сараем. Все для него было тут ново, все поражало своей необычностью.

За исключением церквей, он никогда не видел ни одной каменной постройки, а здесь не было ни одной деревянной. В Козельске даже появление какого-нибудь заезжего поляка было событием, а тут на улицах и площадях, кроме татар и русских, сотнями толкались арабы, греки, персы, китайцы, половцы и бог весть кто еще, и никто тому нимало не дивился. Он никогда не мыслил, что вода представляет собой какую-то ценность, а здесь ее возили по городу в огромных глиняных кувшинах и продавали за деньги. И притом возили не на лошадях, а на верблюдах. Святослав их никогда прежде не видел и потому к первому же подошел вплотную, чтобы рассмотреть забавного уroda поближе. Очевидно, этот осмотр затянулся дольше, чем требовали правила верблюжьего приличия, ибо флегматичное животное, пожевав губами, пустило вдруг в княжича ловко нацеленный плевок, после которого прогулку пришлось прекратить и идти мыться и переодеваться.

Но самым интересным были огромные базары, где люди говорили на множестве языков, но все же как-то сговаривались и понимали друг друга. А о товарах уж и говорить нечего: Святослав в жизни своей не видел и сотой доли того, что было тут выставлено. Он часами ходил по

рядом, рассматривал изумительной выделки индийскую парчу, оружие, выкованное лучшими мастерами Востока, замечательные венецианские доспехи, делающие воина совершенно неуязвимым, стеклянную и золотую посуду тончайшей художественной работы, великолепные персидские ковры, драгоценные украшения и безделушки и множество иных вещей, назначения которых он иногда и не знал. Кое-что щупал руками, даже торговался, но не покупал ничего: был прижимист, в отца.

Так прошло дней десять. Святослав начал уже беспокоиться, не обманул ли его Абдулай, когда наконец от имени последнего явился нукер<sup>48</sup> с извещением, что хатунь Тайдула примет русского княжича завтра, за час до полудня. Он пояснил, что прием состоится в ханском дворце, куда надлежит войти через боковой, восточный вход, предъявив начальнику караула серебряную пайцзу<sup>49</sup>, которую тут же вручил Святославу.

На следующий день, немного раньше назначенного часа, Святослав Титович, одетый во все самое лучшее, сверкающий золотым шитьем, в сопровождении своего переводчика и слуг с подарками находился уже в покоях Тайдулы.

Комната, где его оставил битакчи<sup>50</sup>, поразила княжича своим великолепием. В отличие от всего, что он до сей поры видел в богатых татарских домах, стены ее вместо ковров были сплошь покрыты бирюзового цвета мозаикой со сложнейшим серебряным узором. Сводчатый потолок был темно-голубого цвета, и с него свисала на серебряной цепи своеобразная люстра, составленная из семи масляных светильников, сделанных из полупрозрачного опалового стекла с голубой и серебряной росписью. На светлом паркетном полу, который был инкрустирован перламутром, перед каждым из двух стоящих здесь диванов лежало по шкуре белого медведя.

Убранство комнаты дополняли разбросанные по полу высокие шелковые подушки, служившие сиденьями, выложенный слоновой костью, полированный столик орехового дерева и несколько таких же этажерок, уставленных драгоценными вещицами. Святослав собирался их как следует рассмотреть, но не успел, ибо в этот миг появился битакчи и торжественно объявил, что лучезарная хатунь Тайдула, на которой неизменно почивает милость Аллаха, сейчас осчастливит своим появлением тех, кто достоин высокой чести ее увидеть.

С этими словами битакчи широко распахнул двери и, сделав шаг в сторону, сложился почти вдвое в почтительном поклоне. В сопровождении двух богато одетых пожилых монголок в комнату вошла совсем молодая, высокая и стройная женщина, в которой лишь слегка косою разрез больших и лучистых глаз да угольно-черные волосы изобличали татарку. Тонкие, круто взлетающие брови, безукоризненной формы нос, маленький, изящно очерченный рот и все остальные черты ее юного лица, почти не тронутого белилами и румянами, гармонично складывались в такое чарующее целое, что сразу становилось понятным, почему ею пленился суровый пятидесятилетний хан, никогда не знавший недостатка в прекраснейших женщинах.

Одета она была в расшитый серебром голубовато-серый китайский халатик, из-под которого виднелись вишневого шелка шальвары и серебряные туфельки на высоких голубых каблуках. Вместо «бокки» – громоздкого головного убора знатных татарских женщин – на ней была низкая бархатная шапочка, расшитая жемчугом и украшенная пером серебристой цапли. Драгоценностей на ней, вопреки обычаю, тоже было немного: два-три кольца с крупными самоцветами, жемчужные серьги да золотой браслет в виде змеи, обвивающий ее левую руку.

С красотой внешности у Тайдулы сочеталась красота души, и поработанная татарами Русь ей многим обязана. При хане Узбеке она еще не играла заметной политической роли,

---

<sup>48</sup> *Нукер* – дружинник, служилый дворянин в Орде.

<sup>49</sup> *Пайцза* – серебряная, золотая или бронзовая пластинка с выгравированной на ней подписью. Служила как бы охранной грамотой или пропуском.

<sup>50</sup> *Битакчи* – дворцовый чиновник, придворный.

но, когда два года спустя Узбек умер, Тайдула сделалась главной женой его сына, хана Джанибека, на которого приобрела заметное влияние. Она всегда с симпатией относилась к русскому народу, а после того, как московский митрополит Алексей чудесным образом вернул ей потерянное зрение, превратилась в неизменную и пламенную заступницу за русских. И если ее мужа даже русские летописи, далеко не снисходительные к татарам, нарекли Джанибеком Добрым, то в этом заслуга Тайдулы.

Джанибек сам по себе отнюдь не был добрым: с татарами, и в том числе со своими родными братьями, он расправлялся с отменной жестокостью. Но благодаря Тайдуле в течение пятнадцатилетнего царствования Джанибека, а потом и двух его сыновей, Бардибека и Науруза, при которых она сохранила свое влияние на государственные дела, Русь, по словам летописцев, «дышала свободно» и ни один русский князь не был казнен.

Особенное покровительство оказывала она русской Церкви и православному духовенству. Из семи дошедших до нас ханских ярлыков, расширяющих права и привилегии русской Церкви, три выданы лично ею, а четвертый – ханом Бардибеком, несомненно по ее ходатайству. Последние годы жизни она почти безвыездно жила в городе Туле<sup>51</sup>, окруженная русским духовенством, и весьма возможно, что втайне приняла православие.

Увидя вошедшую хатунь, Святослав собирался отвесить низкий восточный поклон, но вместо этого, то ли пораженный ее красотой, то ли решив, что маслом кашу не испортишь, – он почти неожиданно для самого себя, повалился на колени и поцеловал пол у ее ног, как это делали перед членами ханской семьи татары.

– Встань, князь, – сказала Тайдула по-татарски, – встань и скажи, что привело тебя ко мне?

Колемин сейчас же перевел ее слова. Когда Святослав поднялся и взглянул на ханшу, она уже сидела на диване, подобрав под себя ноги.

Путаясь в словах и сбиваясь, оробевший княжич кое-как объяснил, что приехал в Орду по делу своего отца, князя козельского, и, так как дело это очень спешное, он просит прекраснейшую и мудрую хатунь помочь своим влиянием, чтобы великий хан принял его возможно скорей. Потом, вспомнив вдруг, что не с этого следовало начинать, добавил, что отец его, много наслышанный о ее несравненных достоинствах, шлет ей низкий поклон и скромные подарки, которые он счастлив лично положить к ее ногам.

С этими словами он обернулся к слугам, и те, приблизившись к дивану и преклонив колени, положили перед ханшей две дюжины драгоценных шкурок черной с проседью лисы и открытый ларец из слоновой кости, в котором лежало ожерелье из крупных розовых жемчужин и две золотые застежки, украшенные рубинами.

Вопреки ожиданию Святослава, Тайдула не проявила особого восторга при виде этих дорогих подарков. С таким видом, словно делает это скорее из вежливости, чем из любопытства, она вынула из ларца ожерелье, немного полюбовалась игрой жемчужин и положила его обратно. Затем на мгновение погрузила свои тонкие пальцы с посеребренными ногтями в груды лежавших перед нею мехов и сказала:

– Передай мою благодарность и ответный поклон твоему почтенному отцу, да продлит Аллах его дни. Я не сомневаюсь в том, что милостивый и справедливый хан, наш повелитель, исполнит его просьбу. Но какое влияние может оказать слабая женщина на того, чья государственная мудрость сияет над нами как солнце? Поверь, что тот день и час, когда великий хан тебя примет, будет наиболее угоден Аллаху. Я же со своей стороны могу лишь желать, чтобы это случилось скорее.

Задав Святославу еще два-три незначительных вопроса, Тайдула поднялась и отпустила его довольно холодным кивком головы. Отвешивая поклоны и бормоча пожелания, княжич

---

<sup>51</sup> По просьбе Тайдулы хан Джанибек дал ей город Тулу в качестве личного удела.

выпятился за дверь, чувствуя, что его подарки пропали даром и что он не произвел здесь выгодного впечатления.

В этом он не ошибся. Едва за ним закрылась дверь, на прекрасное лицо ханши напозла брезгливая улыбка. Судя по тем князьям, которых она видела до сих пор, у нее сложилось мнение, что русские – это красивые, сильные и мужественные люди, не роняющие своего достоинства даже перед лицом грозного хана Узбека. А этот невзрачный рыжий человек, униженно пресмыкавшийся перед нею, был так на них непохож!

– Не знаю, каков его отец, – сказала хатунь своим приближенным, – но сын мне совсем не нравится. И помощи моей просил он едва ли для доброго дела. Уберите это, – добавила она, небрежно поведя головой в сторону подарков, и быстро вышла из комнаты.

## Глава 20

*Дошедшу же до Орды, князь Юрий Московский и беззаконий проклятый татарин Кавгадий начаша вадити на великаго князя Михаила царю Озбяку. И веле царь судити его с Юрьем, они же оболгаше его, и судии рекоша: достоин есть Михаил смерти.*

*Тверская летопись*

Для княжича Святослава потекли нудные дни ожидания. Прошел январь, а никаких перемен в его положении не было. Через несколько дней после приема у Тайдулы он снова был у Абдулая, на которого возлагал теперь все свои надежды. Но ответ эмира был малоутешительный: подходящего случая говорить с ханом у него еще не было и надо ждать.

В начале февраля, обуреваемый нетерпением и тревогой, княжич опять отправился к Абдулаю и, думая, что, может быть, мало ему дал, прихватил с собой золотой кубок и богато оправленный кинжал. Татарин с благодушным видом принял подарки, но снова ответил, что надо ждать. А когда разочарованный Святослав принялся настаивать, ссылаясь на важность и спешность своего дела, Абдулай невозмутимо ответил:

– Я думал, что ты благоразумнее, князь. Ты приехал по важному делу – зачем же так спешишь провалить его? Я знаю, что великий хан сейчас гневен, потому и жду. Но коли ты того хочешь, завтра же скажу ему о тебе. Только на себя пеняй, ежели вместо приема хан прикажет тебе убираться из Орды.

Разумеется, Святослав этого не захотел и больше не надоедал Абдулаю, поняв, что нужно запастись терпением.

Чтобы убить медленно тянувшееся время, он с утра до вечера бродил по городу, но шумные базары центра ему прискучили, и он стал посещать более отдаленные кварталы, с любопытством приглядываясь к особенностям местной жизни.

Его сильно удивляла праздность, которой тут предавались мужчины. Татарин считал, что его дело – война, и почти все хозяйственные и домашние работы лежали в Орде на рабах и на женщинах. Однако в положении последних не было заметно приниженности, обычной для других мусульманских стран. Женщина здесь не закрывала своего лица чадрой и не вынуждена была прятаться от посторонних: она пользовалась полной свободой и в правах была равна мужчине. В решении семейных и родовых дел ее голос нередко получал перевес.

В заседаниях курултая<sup>52</sup>, как нам известно из многих сохранившихся документов, ханские жены принимали участие наравне со своими мужьями. Бывали случаи, когда женщина стояла во главе государства. Так, например, на императорском престоле в Каракоруме после

---

<sup>52</sup> *Курултай* – верховный совет ханов и татарской знати, созываемый иногда для решения особо важных государственных и династических дел.

смерти Куинэ<sup>53</sup>, внука Чингисхана, в течение нескольких лет находилась императрица Огюль-Гаймиш. В царствование малолетнего хана Улагчи, как уже было упомянуто, Золотой Ордой правила вдова Батыя, Баракчина. В семидесятых годах четырнадцатого столетия в Сарае чеканила свою монету Тулюбек-ханум.

Не раз заходил Святослав и в кварталы ремесленников – рабов. Собственно, многие из них уже не являлись рабами: рабство у татар не было наследственным и сын раба, рожденный в Орде, становился свободным человеком. Если он был хорошим ремесленником, мог оставаться в городе и работать за свой собственный счет, платя установленный налог. Если он ничего не умел делать и не обнаруживал желаний стать воином, ему давали землю и кое-какую помощь, превращая его в «сабанчи», то есть полукрепостного крестьянина.

Рабыня, на которой женился татарин, немедленно получала свободу. Это право распространялось и на простую наложницу, если она становилась матерью, ибо, по татарскому закону, в этом случае она автоматически превращалась в законную жену отца своего ребенка. В силу такого положения незаконнорожденных детей в Орде не существовало.

Пленников, захваченных во время войн и набегов, татары пригоняли в Орду и здесь прежде всего отсортировывали хороших ремесленников. Их первые два-три года держали под крепким караулом и заставляли работать, причем весь доход от их подневольного труда шел в пользу хана и государства. Потом их обычно переводили на своего рода оброк, то есть предоставляли им жить и работать самостоятельно, выплачивая в ханскую казну определенную сумму деньгами или произведениями своего мастерства. В этот период строгого наблюдения за ними уже не было, бежать не составляло особого труда, но на это отваживались весьма немногие: без специального пропуска иностранцу было почти немислимо выбраться из Орды, а в случае поимки беглого раба ожидала жестокая казнь.

Что касается остальных пленных, то частично их раздавали воинам для домашних услуг, а всех прочих продавали в рабство в другие страны, главным образом в Египет.

Святослав с некоторыми русскими ремесленниками вступал в беседы и расспрашивал о их житье, но ответы получал довольно разноречивые. Многие жаловались на тяжелую жизнь и умоляли помочь им отсюда вырваться, другие говорили, что жить и тут можно, а некоторые искусные умельцы в Орде преуспевали и своим положением были довольны. Однако почти все испытывали тоску по родине и по мере возможности копили средства в надежде когда-нибудь выкупиться. На жестокое обращение жалоб почти не было.

Однажды в русском торговом квартале, покупая что-то у купца Зернова, княжич столкнулся у прилавка с высоким и статным мужчиной лет двадцати трех. Руеые волосы и голубые глаза сразу изобличали в нем соотечественника, а богатое одеяние и барственные повадки не оставляли сомнений в том, что он принадлежит к высшей знати. Еще раньше чем Зернов их познакомил, Святослав догадался, что это и есть тверской княжич Федор, о котором говорил ему епископ.

Это нечаянное знакомство сперва вызвало в нем скрытую досаду: как всякий человек, сознающий, что творит подлое дело, он старался держаться в тени и избегать встреч, благодаря которым на Руси могла открыться его некрасивая роль. Но раз уж факт совершился, делать было нечего. К тому же веселый и добродушный тверич произвел на Святослава приятное впечатление и вдобавок оказался ему человеком недалеким.

От Зернова они вышли вместе, и Святослав Титович, живший поблизости, пригласил к себе тверского княжича, на что последний охотно согласился, ибо тоже изнывал в Орде от бесплодного ожидания и смертельной скуки.

---

<sup>53</sup> *Куинэ* – имя, которое принял Гуюк-хан, вступивши на монгольский императорский престол.

В скором времени они уже сидели у горячей печки, около круглого татарского стола, поднятого слугами Святослава на нормальную высоту. На столе стояла большая сулея старого грузинского вина и блюдо с жареной бараниной.

– Не обессудь, князь, – сказал Святослав. – Ежели бы ты к нам в Козельск пожаловал, я бы тебя не так принимал. Но эти басурманы и есть толком не умеют. Чай, сам знаешь, кроме проклятой кобылятины да баранины, трудно здесь и сыскать что-нибудь. Впрочем, вино у них доброе.

Федор Александрович поспешил заверить, что столь приятная встреча для него дороже всяких угощений, и приналег на вино и баранину, обнаружив изрядный аппетит и весьма общительный характер.

Завязалась беседа. Святослав, не собираясь вдаваться в подробности, сказал гостю, что приехал в Орду по поручению отца, которому по старшинству надлежит получить ярлык на большое княжение в Карачеве после умирающего князя Пантелеймона Мстиславича. Но, к его удивлению, тверской княжич оказался гораздо осведомленнее, чем он предполагал.

– погоди, Святослав Титович, – перебил он, – да ведь у князя Пантелеймона был сын Василей. Сказывали у нас, что последние годы он-то и правил княжеством вместо хворого отца своего. Встречал я кое-кого из карачевцев – они на него не нахвалятся. Неужто помер он?

– Жив он, чего ему сделается? – с неудовольствием ответил Святослав. – Только по духовной грамоте деда моего, Мстислава Михайловича, после князя Пантелеймона отцу моему надлежит в Карачеве княжить, – соврал он.

– Ну коли так, дело иное. Только думается мне, что, ежели народ княжича Василея столь крепко любит, – не обойдется у вас без усобицы.

– Какая может быть усобица, коли у родителя моего будет Узбеков ярлык на княжение?

– Э, брат, не думай! Вон у нас с Москвой как раз через эти самые ханские ярлыки более тридцати годов свара идет, да какая! Сколько княжьих голов уже в ней слетело, а конца еще и не видно!

– Расскажи, Федор Александрович, что у вас там творится, – попросил Святослав, обрадованный возможностью отвести разговор подальше от карачевских дел. – До нас слухи разные доходят, а чему верить – иной раз и не знаем. А наиглавное – с чего это пошла промеж вас столь лютая вражда?

– Ну, коли все рассказывать, так нам и седмицы не хватит, – промолвил Федор, – а вкратке изволь, ежели хочешь... Чай, ведомо тебе, что, начиная с прапрадеда моего, Всеволода Юрьевича, прозванного Большим Гнездом, великое княжение все время в нашем роду было. Промеж собой у нас, вестимо, кое-какие распри из-за старшинства случались, но из сторонних князей ни один к великому княжению тянуться не дерзал. В году от сотворения мира шесть тысяч восемьсот тринадцатом<sup>54</sup> вступил на тверское княжение дед мой Михайло Ярославич и, как водится, поехал в Орду, к хану Тохте за ярлыком. Только глядь, а там уже московский князишка Юрий Данилович торчит и тоже ярлык на великое княжение просит! А Тохта и рад: кто, говорит, больше заплатит, тому и дам ярлык! Ну, у Москвы в ту пору кишка еще была тонка, и ярлык на великое княжение получил мой дед, хотя и недешево это ему стало.

– Известное дело, – продолжал Федор, отхлебнувши вина, – дед на Москву распалился изрядно. Еще бы! Он самым могучим был на Руси государем, кроме Твери, володел также великим княжеством Владимирским, ему покорились Великий Новгород, Псков и иные земли. Уже его не князем, а царем повсюду начали величать, и вдруг на тебе, какая-то Москва с ним тягаться вздумала! И главное дело, воротившись из Орды несолоно хлебавши, Юрий Данилович не унялся, а зараз же почал новгородцев супротив Твери наущать. Михайло Ярославич пождал год, думая, что московский князь образумится, а потом собрал рать и повел ее на

---

<sup>54</sup> 1305 г. христианской эры. До Петра Первого летосчисление на Руси велось от сотворения мира.

Москву. Самого города он, правда, не взял, ибо оказался он гораздо укреплен, но все же московские земли поразорил и страху на москвичей нагнал. Запросил Юрий Данилович миру, но малое время спустя снова принялся за старое, будто ничего и не было. Дед еще года два терпел, а потом вдругораз на Москву пошел. На сей раз покарал он Юрия сильнее: огнем и мечом прошел по его землям и многих людей в полон увел.

На том Москва будто смирилась, и несколько лет все было тихо. Но когда умер хан Тохта и Михайло Ярославич поехал в Орду выправлять ярлык у нового хана, Узбека, Юрий Данилович уговорил новгородцев прогнать тверского наместника и посадил в Новгороде брата своего, Афанасия. Воротившись из Орды с ярлыком, дед того Афоньку из Новгорода, вестимо, прогнал и новгородцев добре поучил. Однако смута там продолжалась, и Михайло Ярославич довел до хана о бесчинствах московского князя.

– А хан все время руку Твери держал? – спросил Святослав.

– Вестимо так, ежели Михайлу Ярославича сразу же великим князем утвердил! Мало того: сам ему наказывал московским князьям потачки не давать. Но вот ты послушай, как дальше-то дело обернулось: вызвал, значит, Узбек Юрия Даниловича в Сарай на расправу и два года о нем ни слуху ни духу не было. Все уже думали, что хан его до самой смерти в Орде продержит, а вдруг возвращается Юрий Данилович женатый на Узбековой сестре Кончаке, с ярлыком на великое княжение и с татарским войском!

Михайло Ярославич аж обомлел. Но, не желая подвергать русские земли разору от великого княжения хотел отступить добром. И все же Юрий с московской ратью и с татарами пошел на Тверь. Тогда дед со всею силою своей выступил им навстречу и под селом Бартеневом разбил их в прах. Был взят огромный полон, сама Кончака и брат Юрия, Борис Данилович, попали в наши руки. Татар тверичи хотели перебить, но Михайло Ярославич того не допустил.

Ну, ладно, – может, все это и обошлось бы, да на нашу беду, покуда переговаривались о мире, в Твери умерла от простуды жена Юрия, Кончака, во крещении нареченная Агафьей. И бессовестный пес Юрий тотчас наклепал хану, что его сестру уморили зельем по приказу тверского князя. Узбек их обоих вызвал на суд. Опричь убивства Кончаки, Юрий Данилович обвинил деда в сокрытии собранной для хана дани. Показывал против него также темник Кавгадый, бывший при татарском войске у Юрия. И по их лживым наговорам Узбек приказал Михайлу Ярославича казнить смертью.

– Я о том слышал, – промолвил Святослав. – Только у нас сказывали, будто дед твой добром сойти с великого княжения никак не хотел, и за то пошел на него московский князь с татарами.

– Не верь тому, Святослав Титович! Мыслимое ли дело, чтобы тверской князь Узбековой воле не подчинился? Ведь это значило одному со всею Ордой воевать и всю землю свою отдать на разорение.

– Тако же и я мыслю. Ну, сказывай, однако, что дальше-то было?

– По смерти деда великим князем остался Юрий Данилович, а тверской стол занял старший мой дядя, Дмитрий Михайлович. Сидел он в Твери тихо, и с Москвой у него был мир. В ту пору даже женился другой мой дядя, Константин Михайлович, на дочке Юрия Даниловича, Софье. Так прошло года два, и вдруг нежданно-негаданно Москва поднялась на нас войной за то будто бы, что Дмитрий Михайлович домогался в Орде ярлыка на великое княжение. Тверь к войне не была готова, и дяде пришлось просить мира. Он обязался великого княжения не искать и при этом же случае передал Юрию Даниловичу две тысячи серебряных рублей<sup>55</sup> дани, собранной Тверью для хана.

<sup>55</sup> Рубль – тогда полгривны, гривна, рубленая пополам.

Потом невдолге свеи<sup>56</sup> напали на Новгород, и Юрий Данилович с войском отправился туда. Свеев он побил и тогда же на реке Неве построил супротив них город Орешек<sup>57</sup>, но со всеми этими делами задержался там надолго и те две тысячи рублей так Узбеку и не отдал. Уж не знаю, то ли случая не имел, то ли утаить их мылил. Сведаль об этом дядя Дмитрий Михайлович и не утерпел: за все содеянное нам зло такая у него ненависть к Юрию была, что поехал он в Орду и довел хану об утайке тех денег Узбек его обласкал и дал ему ярлык на великое княжение. Но два года спустя вернулся из похода князь Юрий и, понятное дело, тотчас поехал к хану обеляться.

В году шесть тысяч восемьсот тридцать третьем<sup>58</sup> Узбек призвал их обоих на суд. На том суде, впервой близко встретившись с Юрием, коего он справедливо почитал убивцем своего отца, Дмитрий Михайлович не стерпел и тут же, в Сарае, снес ему голову саблей. И за это Узбек повелел казнить его лютой смертью.

– Да, много бед вам Москва наделала, – сказал Святослав, наполняя кубки вином. – Промочи горло, Федор Александрович, да сказывай, что потом было?

– Эх, брат, и вспоминать тошно!.. Узбек после этого все же дал ярлык на великое княжение отцу моему, Александру Михайловичу А московский стол занял брат Юрия, Иван Данилович, коего не зря Калитой прозвали: он из-за денег али из-за клочка земли кому хочешь горло перервет! Из зависти он моего родителя возненавидел черною ненавистью. Не знаю уж, чего он хану наплел, но только не минуло и двух лет, как явился в Тверь двоюродный брат Узбеков, царевич Чол-хан<sup>59</sup>, с большим отрядом татар. Он выгнал всю нашу семью из дворца и поселился в нем сам. Пошел слух, что он в Твери навсегда останется княжить. Его татары начали так обижать и грабить народ, что вскоре не стало никакого терпения. Отец, понимая, чем это пахнет, старался не допустить мятежа, но тверичи его не послушали и восстали. Самого Чол-хана посекали в куски и кинули в огонь, а всех татар, кои не успели бежать, перебили.

Что же, думаешь ты, сделал тогда змей Калита? Поскакал в Орду и упробил царя Узбека дать ему пятьдесят тысяч татарского войска, чтобы самолично покарать тверичей! Узбек дал, и московский князь с теми татарами разорил Тверь и иные города наши, а всю землю Тверскую пожег и пограбил. За такое усердие хан дал этому иуде ярлык на великое княжение, а мы с отцом бежали во Псков. Псковичи приняли родителя как своего законного князя, а на тверской стол сел дядя Константин. Только этот выродок во всем был покороен Калите и даже ходил с ним вместе на Псков, супротив родного своего брата.

Ну вот, – продолжал княжич после минутного молчания, – отец во Пскове сидел тихо и Москву ничем не тревожил. Но кровопивец Калита и там его не оставил: он потребовал у Пскова, чтобы выдал ему своего князя. Псковичи отца моего любили и выдать его не схотели. Тогда Иван Данилович, который уже и попов успел оседлать, заставил митрополита Феогноста отлучить весь Псков от Церкви, а сам выслал на нас сильную рать. Родитель мой – человек большого сердца: он порешил ехать в Орду и отдаться в руки хана, чтобы не лилася из-за него русская кровь. Однако псковичи, сведав о том, удержали его силой и поклялись защищать до конца. Отцу совесть не позволила принять такую жертву. Он тайно покинул город вместе со мной – мы бежали в Литву, и тем Псков был спасен от разорения московским войском.

Через полтора года с помощью великого князя литовского, Гедимины, который доводится нам родичем, мы возвратились во Псков, и отец там княжил боле пяти лет. Тем временем гнев хана Узбека поостыл, и назад тому года три отец послал меня в Орду выведать: не допустит ли его хан обратно в Тверь? Узбек мне ответил: «Пускай твой отец сам явится сюда с повин-

---

<sup>56</sup> *Свеи* – шведы.

<sup>57</sup> *Орешек* – впоследствии Шлиссельбург.

<sup>58</sup> В 1325 г христианской эры.

<sup>59</sup> По русским летописям Щелкан.

ной головой, а я что схочу, то с ним и сделаю». И отец не побоялся приехать. Хану такое бесстрашие пришлось по душе, и он возвратил ему Тверь, дозволив именоваться великим князем Тверским. Вестимо, Иван Данилович остался великим князем Московским и всех прочих собранных им земель, но такая уж у него подлая натура: тотчас снова почал клепать на родителя моего, коего минувшим годом Узбек уже вызывал на допрос в Орду. Однако он легко оправдался во всем, и хан отпустил его с миром. Ныне же Калита снова довел до Узбека ложь, будто отец мой мутит новгородцев и подбивает их передаться Гедимину. И видать, хан тому веру дал, ибо вот уже три месяца минуло, как я приехал в Сарай с отцовыми оправданиями, а Узбек меня до сей поры на глаза к себе не допускает.

– Экая нам незадача, – промолвил Святослав. – Я вот тоже никак приема добиться не могу.

– Да тебе что? Твое дело такое, что можно и обождать. А у нас, брат, головы на кону стоят.

– Неужто, мыслишь ты, снова до того дойдет?

– Все может случиться. Видать, московский упырь не успокоится, покуда весь род наш не переведет. Сила у него теперь большая. К хану он блином масляным в рот лезет, а хан ему верит во всем.

С этими словами тверской княжич поднялся и стал прощаться. Святослав, понимая, что он расстроен своими воспоминаниями, его не удерживал.

\* \* \*

В рассказе княжича Федора Александровича преувеличений не было. Все это исторические факты, из которых сам собой напрашивается вывод, что московские князья-собиратели, борясь с соседями за свое возвышение, были весьма неразборчивы в средствах. Кроме четырех великих князей тверских, по их наветам казненных ханом Узбеком, на их совести лежит также смерть троих рязанских великих князей: Константина Романовича, обманом захваченного и убитого в Москве в 1306 году, и двух следующих – Василия Константиновича и Ивана Ярославича, которые одновременно были казнены в Орде по проискам Ивана Калиты и его брата Юрия<sup>60</sup>.

Едва начавшая возвышаться Москва особенно жестокую борьбу вела с Тверью, за владельцами которой было неоспоримое право на старшинство и на великое княжение над Русью. И мнения всех серьезных русских историков сходятся на том, что в этой борьбе тверские князья были в нравственном отношении много выше московских и что именно потому они оказались побежденными. Таковым же было, несомненно, общественное мнение тогдашней Руси. Это видно хотя бы из того, что тверской князь Михаил Александрович, погибший по вине московского князя, был православной Церковью причислен к лику святых мучеников.

Но трудно нам, далеким потомкам, осуждать первых московских князей за их действия, которые, конечно, лишены какой-либо этики. Трудно, ибо эти действия оправданы всем дальнейшим ходом истории, и их конечным результатом явилось создание величайшей в мире империи. Раздробленную на сотни враждующих княжеств удельно-феодальную Русь<sup>61</sup> нельзя было объединить, надевши белые перчатки. Это можно было сделать, пожалуй, только так, как сделали московские князья: не боясь пачкать свои руки ни в грязи, ни в крови, не задумываясь над этической стороной своих поступков и пуская в ход все средства, какие им предоставлял случай.

Что же, значит, цель оправдывает средства? В политике, к сожалению, да. Это мы наблюдаем на протяжении всей истории человечества, и не подлежит никакому сомнению, что госу-

---

<sup>60</sup> См. хотя бы Никоновскую, или Патриаршую, летопись под годами 1306, 1308 и 1327.

<sup>61</sup> В период наибольшей раздробленности на Руси было около 360 княжеств.

дарственный деятель, не связывающий себя вопросами этики, всегда имеет преимущество над своим более щепетильным противником. И если неэтичные методы, им применяемые, несут благо его стране и народу, суд истории и потомков его не только оправдывает, но и возносит на пьедестал. Можно это положение одобрять или порицать, но, независимо от оценки, факты не перестают быть фактами.

Впрочем, вернее всего Иван Калита о таких отвлеченных материях, как суд истории и благо потомков, вовсе не думал. Он просто был трудолюбивым, цепким и эгоистичным хозяином, по сегодняшней терминологии – «кулаком» государственного масштаба. С точки зрения чистой этики и морали он был, конечно, явно отрицательной личностью. Но оттого, что именно такая отрицательная личность на соответствующем этапе истории оказалась во главе Московского княжества, оно смогло в дальнейшем превратиться в великую Российскую империю, и результаты оказались положительными.

Кроме того, не следует забывать, что каждое событие можно рассматривать под различными углами зрения. Кажется, что может быть гнуснее поступка Калиты, который во главе татарского войска пришел разорять Тверскую землю за восстание тверичей против татарского сатрапа? Но если бы он этого не сделал, татары пришли бы сами, подвергнув разорению не только Тверское княжество, но и все другие, лежавшие на их пути. В этом свете гнусный поступок принимает вид подвига, которого Калита не смог бы совершить, если бы придавал значение вопросам этики.

## Глава 21

*Хан Узбек ревностно исповедовал ислам, отличался умом, красивой внешностью и статной фигурой. Под его властью Орда достигла высшего могущества и расцвета.  
Ал-Бирзали (XIV в.)*

Только в начале марта настал вожделенный для Святослава миг, когда наконец Абдулай известил его, что через три дня хан Узбек принимает прибывших из Египта послов, после чего назначен прием и ему.

Эти три дня прошли для княжича в лихорадочной деятельности, сменившей сонное равнодушие, которое давно им овладело. Он бегал к Абдулаю и другим сведущим лицам, с которыми успел свести знакомство, вызная все мелочи татарского придворного этикета и того, как надлежит разговаривать с ханом. Что говорить Узбеку по существу своего дела, он уже давно обдумал во всех подробностях.

В назначенный день и час разодетый козельский княжич в сопровождении четырех слуг, нагруженных подарками, без которых к хану являться не полагалось, подошел вместе с Абдулаем к ханскому дворцу. Он уже не раз любовался этим великолепным зданием, окруженным высокими стенами из голубого гранита. Величественный портал его, легкие круглые башни и огромный купол, венчающий центральную часть дворца, были сплошь покрыты бело-голубой мозаикой и арабесками с преобладанием тех же цветов. На вершине купола ослепительно сиял освещенный солнцем золотой полумесяц, видимый отовсюду за много верст.

На мраморных ступенях, ведущих к главному входу, по обе стороны стояли ханские тургауды<sup>62</sup>, в чешуйчатых стальных латах и шишаках, вооруженные круглыми щитами и длинными копьями с привешенными к ним красными конскими хвостами.

Абдулай сказал несколько слов вышедшему навстречу начальнику стражи, на что последний ответил почтительным поклоном. Два воина-великана, стоявшие по бокам входа с обна-

---

<sup>62</sup> *Тургауды* – гвардейцы, телохранители.

женными кривыми мечами в руках, по его знаку распахнули двустворчатую, окованную серебром дверь и пропустили Святослава и его спутников внутрь дворца.

Здесь к ним подошел векиль<sup>63</sup> и сказал, чтобы все следовали за ним. Проведя посетителей через ряд помещений, убранных почти со сказочной роскошью, он остановился перед закрытой дверью и, обернувшись к Святославу, предупредил, чтобы тот был готов предстать перед «солнцем мира», великим ханом Узбеком. Это означало, что хан находится в соседнем зале и что с этой минуты нужно неукоснительно следовать установленному ритуалу. Святослав уже знал его назубок. Он, творя про себя молитву, отстегнул саблю и передал ее векилю. Последний распахнул двери, и княжич, склонив голову и высоко поднимая ноги, шагнул через порог: наступить на него» значило оскорбить достоинство хана и пасть под мечами стоявших у двери тургаудов.

Старые очистительные обряды, обязательные при приближении иноверца к ханскому престолу, после принятия Ордой магометанства сохранили лишь силу традиции и были значительно упрощены. Вместо окуривания дымом при входе в приемный зал две пожилые татарки покадили на Святослава и его слуг благовонным дымом из небольших золотых кадилниц. Взамен очистительных костров его провели между двумя чисто символическими огнями, горевшими на треножниках по сторонам ковровой дорожки, которая вела от двери к подножию трона.

Подняв голову, что можно было сделать, только пройдя эти два испытания, Святослав увидел в глубине зала хана Узбека, сидящего под пурпурным балдахинном, на высоком черном троне, инкрустированном слоновою костью, с подлокотниками в виде двух золотых драконов. Сзади стояло боевое знамя Чингисхана: три укрепленных на древке перекладины с висящими на них девятью хвостами тибетских яков. По сторонам трона на нескольких ведущих к нему ступенях, покрытых коврами, сидело человек пятнадцать ханских родственников и приближенных. Вдоль обеих боковых стен зала неподвижно стояли тургауды в боевых доспехах и с копьями в руках.

Шагах в пяти от трона на расстоянии сажени друг от друга были укреплены два копьа, между которыми протягивалась веревка, свитая из конского волоса. Под нею должен был пройти всякий приближающийся к хану иностранец, символизируя этим свою покорность. Для лиц особо высокопоставленных, если хан к ним благоволил, ее протягивали настолько высоко, что можно было пройти, лишь слегка нагнув голову. Чем скромнее был ранг посетителя, тем ниже натягивалась веревка, так что иным приходилось проползать под нею на четвереньках. Зацепить ее головой было равносильно оскорблению ханского достоинства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Святославу ее протянули не высоко, но и не слишком низко, так, что можно было пройти снизу, согнувшись в поясице. Но из боязни задеть веревку он скорчился под нею в три погибели, что вызвало легкую усмешку на лице Узбека. Однако княжич ее не увидел, ибо в этот момент, согласно обычаю, от исполнения которого лишь очень немногих освобождали по личному повелению хана, он встал на колени и, склонившись, поцеловал пол у подножия трона. В таком положении нужно было оставаться, пока хан не произнесет своего слова.

– Подними голову и говори, – выждав несколько секунд, сказал Узбек по-татарски. Это значило, что в продолжении дальнейшего разговора надо было оставаться на коленях. Позволение говорить стоя считалось уже великой честью, и только лишь самых больших князей хан приглашал садиться, если желал показать им свое особое благоволение.

Едва лишь стоявший сбоку толмач перевел слова Узбека, Святослав распрямылся и глянул вперед. Перед ним сидел на троне крупный мужчина величественной осанки в остроко-нечной тюбетейке и в темно-зеленом халате, расшитом золотом и драгоценными камнями.

<sup>63</sup> *Векиль* – дворецкий, дворцовый смотритель.

Его лицо, красивое в молодости, теперь обрюзгло и пожелтело, в недлинных опущенных усах серебрилась густая седина.

После Батая Узбек был самым выдающимся из золотоордынских ханов – в его царствование Орда находилась в зените своего могущества и расцвета. Это был жестокий, но умный монарх, умевший держать всех в повиновении и установить образцовый порядок на территории своей огромной разноплеменной империи. Он много заботился о расширении торговли, благоустройстве и строительстве городов, в особенности Сарая, блестяще организовал службу связи между подвластными ему землями, но главное свое внимание обращал на область внешних сношений и сумел высоко поднять международный престиж Золотой Орды.

Путем ряда удачно заключенных браков он породнился с византийским императорским домом, с египетским халифом и с другими крупными монархами своего времени. В Каире его именем была названа одна из главных площадей; китайский император Тогон-Тэмур отдал за него свою дочь Баялынь и перед ним открыто заискивал; в Европе и в Азии все чутко прислушивались к его голосу.

Все это хорошо знал стоявший перед ним на коленях маленький козельский княжич, у которого внезапно слова застряли в горле при мысли о том, что одного движения бровей этого грозного властелина будет достаточно, чтобы смести его с лица земли. Лишь предельным напряжением воли он подавил свое волнение и деревянным голосом произнес заранее заученные слова:

– Здрав будь, всемилостивейший повелитель наш, да продлит Аллах твою драгоценную жизнь на тысячу лет! Тебе, великому хану Узбеку, сыну Тогрул-хана, сына Менгу-Темура, внука славного джехангира Бату-хана и праправнука покорителя вселенной, великого Чингиса, тебе, солнцу нашему, отец мой, князь Тит Козельский, низкий поклон шлет и по малости достатка своего бьет тебе челом недостойными нашими подарками!

С этими словами Святослав снова поклонился в землю, а его слуги положили к ногам хана два сорока собольих и два сорока бобровых мехов, кованое золотое блюдо и на нем, в маленьком хрустальном ларце, редкий по красоте изумруд величиной с голубиное яйцо. На остальные подарки хан глянул равнодушно, но при виде последнего невольно подался вперед. Всем было известно, что изумруды являются слабостью Узбека, а такой даже ему нечасто случалось видеть.

– Откуда у вас этот камень? – спросил он, не отводя глаз от драгоценности.

– Этот смарагд добыт в горах Зобара, на берегу Черного моря, – ответил княжич, – и в нашем роду наследуется он более двухсот лет, со времен предка моего, черниговского великого князя Олега Святославича, который получил его за женою своею, румейской<sup>64</sup> царевной Феофанией. Дивный самоцвет сей рядом с иными смарагдами подобен тебе, пресветлый и могучий хан, среди других владык земных. И он более пристал твоему величию, нежели нам, твоим ничтожнейшим рабам.

– Встань, – милостиво сказал Узбек. – О твоём отце я знаю, что он мне верный слуга. Говори, в чем челобитье его?

Святослав поднялся с колен, торжествуя в душе: изумруд сделал свое дело – благосклонные слова хана не оставляли в том никаких сомнений. И окрепшим голосом он промолвил:

– Тебе ведомо, всемилостивый хан, что Карачев есть стольный город всей нашей земли и что ныне княжит там старшой брат родителя моего, Пантелей Мстиславич. Но он стар и одержим смертельным недугом, жить ему осталось считанные дни. Так вот, дабы после его кончины не приключилось смуты и усобицы в земле нашей, отец мой, о тишине края и о пользе твоей радея, челом тебе, повелителю нашему, бьет: по смерти князя Пантелея Мстиславича дал бы ты ярлык на большое княжение в Карачеве ему, Титу Мстиславичу, понеже его есть право и

---

<sup>64</sup> *Румом*, или Румейским царством, называли тогда на Руси Византийскую империю.

старшинство. А всем прочим князьям земли нашей повелел бы ты его, как государя своего, чтить и из воли его не выходить.

– А есть ли сыновья у князя Пантелея? – спросил Узбек.

– Есть один сын, по имени Василий. Но он крепко пьет, а от того в разуме стал нетверд и ко княжению неспособен, хотя бы и стал его домогаться. Только по милости Божьей карачевский стол наследуется у нас от брата к брату а не от отца к сыну, ибо такова была воля первого князя земли нашей, Мстислава Михайловича. Сам нынешний князь Пантелей также княжение принял от своего старшего брата Святослава.

– Да будет так, – сказал Узбек, немного подумав. – Я дам ярлык твоему отцу. Жду от него, что будет мне верен и что смуты в своей земле не допустит. А теперь можешь идти!

Бормоча благодарности, кланяясь и пятясь задом, ликующий Святослав покинул приемный зал. Его дело было сделано. Через несколько дней, получив ханский ярлык и пайцзу на свободный выезд из Орды, он тронулся в обратный путь.

## Глава 22

*Почто губим Русьскую землю, сами на ся вражду деюще?  
Повесть временных лет*

По причине весенней распутицы и большого разлива рек Святослав, выехавший из Орды в середине марта, добрался до Козельска только к концу мая. Но на задержки в пути он не очень досадовал: теперь все было в порядке – ханский ярлык бережно хранился у него на груди. То и дело проверяя, цел ли он, и чувствуя под пальцами приятный хруст сухого бычьего пузыря, в который был из предосторожности завернут драгоценный документ, – Святослав мечтою улета в карачевский дворец, поелику он уже не козельский княжич, как все еще думают, а будущий великий князь земли Карачевской! Ради этого стоило вынести все невзгоды утомительно долгого путешествия и все сарайские унижения. Впрочем, о них никто и знать не будет, утешал он себя.

В первом же русском поселении, лежавшем на его пути, Святослав узнал о смерти Пантелеймона Мстиславича и о том, что в Карачеве княжит Василий.

«Ничто, – злорадно подумал он, – недолго ты, гордыбака, там покняжишь! Ужо теперь выкинем тебя оттуда в Елец. Небось еще нам накланяешься!»

\* \* \*

Тит Мстиславич встретил сына со всеми внешними проявлениями родительских чувств, но, узнав о полном успехе его миссии, к удивлению Святослава, особой радости не проявил. Все эти месяцы в глубине его сознания назойливо и тихо, как мышь, работала совесть, не давая ему покоя и непрерывно воскрешая в памяти грозные слова отца: «Аще же кто волю мою преступит, да падет на того мое проклятие навеки и пусть не со мною одним, а со всем родом нашим готовится стать перед Богом». Под конец Тит Мстиславич до того извелся, что, сам себе страшась в том признаться, уже в глубине души желал, чтобы сын возвратился из Орды без ярлыка.

Однако дело было сделано, и ханский ярлык, который с гордостью вручил ему сияющий Святослав, теперь находился в его руках. Ярлык, отдающий ему вождеденное княжество Карачевское и вместе с тем бесповоротно навлекающий на него проклятие отца. Отступить было слишком поздно.

Стараясь ни о чем больше не думать и утешая себя тем, что такова, видно, была воля Божья, он сейчас же отправил гонцов к звенигородскому князю и к боярину Шестаку, прося их без промедления прибыть в Козельск.

Шестак приехал через неделю и, узнав об успехе Святослава, пришел в восторг, от которого, казалось, вовсе опьянел. Докучливыми и неумными проявлениями своей радости он совсем допек князя Тита за те несколько дней, которые прошли в ожидании Андрея Мстиславича. Но наконец приехал и он. Тем же вечером в трапезной козельского князя за столом снова сидели четверо собеседников, которые совещались тут девять месяцев тому назад.

Святослав обстоятельно поведал о своем пребывании в Сарае и о разговоре с великим ханом Узбеком, умолчав о пережитых унижениях и приукрашив, наоборот, все выгодные для себя стороны дела. Два или три раза он повторил, что Узбек сразу вспомнил Тита Мстиславича и отзывался о нем с благоволением, называя верным своим слугой и достойнейшим из русских князей. Набивая цену своему отцу, он многозначительно поглядывал на князя Андрея, но последний, казалось, был этим очень доволен и лишь сочувственно кивал головой, слушая слова племянника.

Действительно, все складывалось именно так, как хотел Андрей Мстиславич, и сейчас он окончательно уверился в том, что ведет беспроигрышную игру. От Василия он отделался руками козельских князей, причем сделал это так ловко, что сам остался совершенно в стороне. Если бы даже Узбек не дал ярлыка Титу Мстиславичу и признал права Василия, его, князя Андрея, ни в чем обвинить было бы нельзя: он по своей доброй воле поцеловал крест законному князю и всегда был ему покорен.

С другой стороны, хорошо зная горячий нрав Василия, он был уверен, что последний с ханской волей не посчитается и добром Титу большого княжения не уступит. Стало быть, ему придется либо сложить голову в Орде, либо бежать, когда придет сюда татарское войско наводить порядок. Иными словами, из игры он так или иначе выйдет и на карачевский стол сядет Тит Мстиславич.

Но последнему и в голову не приходило, что всем этим делом он целиком отдал и себя и сына своего Святослава в руки князя Андрея. Будучи родственником и другом Гедимины, Андрей Мстиславич хорошо знал, что литовцы готовятся к захвату этого края. Если им это удастся, ни Тита Мстиславича, ни сына его Гедимин на княжении не оставит, как явно татарских ставленников, при помощи хана отнявших карачевский стол у законного князя. И единственным кандидатом на большое княжение будет именно он, Андрей Мстиславич.

Если же литовцы почему-либо отложат или проиграют войну и княжества эти останутся в подчинении у Золотой Орды, он тоже ничего не теряет: на этот случай в его руках находится духовная грамота Мстислава Михайловича. При ее помощи ничего не стоит доказать хану Узбеку, что козельские князья его обманули и незаконно получили ярлык на княжение в Карачеве. Всем известно, что Узбек в таких случаях бывает беспощаден. Правда, грамота доказывает права Василия, но ведь он ими воспользоваться уже не сможет, ибо, если и останется жив, будет находиться в бегах и в опале у хана. Следовательно, карачевский стол будет отдан ему, Андрею Мстиславичу.

Таким образом, сплетенная им паутина, казалось, при любых обстоятельствах обеспечивала ему не только большое княжение, но и переход в его руки всех удельных княжеств Карачевской земли, что и являлось конечной целью его воцелений.

Выслушав рассказ сидевшего рядом Святослава, он одобрительно приобнял его рукой и, слегка прижимая к себе, сказал:

– Ну, молодец ты, братанич! Не зря я советовал тебя, а не кого иного в Орду послать: знал, что дело наше в надежных руках будет. Ловко ты царя Узбека вокруг пальца обвел!

– Истину говоришь, князь! – поддержал и Шестак. – Молод наш новый княжич карачевский, а разумом мудр. Его усердием недолго Васька на большом столе посидел! – с хохотом добавил он.

– Покуда еще сидит, – мрачно сказал Тит Мстиславич, – и добром едва ли с него сойдет. Смеяться рано, боярин. Гляди, не пришлось бы плакать.

– Плакать придется Василею, – ответил Шестак. – Наше дело теперь правое, и супротив ханского ярлыка на Руси никто не выстоит. В случае чего татары ему мигом мозги прочистят!

– Хоть оно и так, да ведь татары-то не во дворе у нас стоят, как у Василя дружина. Покуда они сюда дойдут, он нас всех повоюет!

– Небось не посмеет! А коли и пустит в дело войско, это ему не надолго поможет: подойдут татары, заберут его в Орду на расправу, и все одно сядешь ты князем в Карачеве.

– Эк тебе дались татары, Иван Андреич! – в сердцах сказал князь Тит. – Татар звать – это уж последнее дело: ведь они все земли наши пограбят. На такое можно решиться, только ежели одни с Василием не сладим, когда ничего иного уже не остается. Стало быть, надобно сперва самим за него браться!

– Ну и возьмемся! Коли начали говеть, неужто скажем теперь, что, не поевши мяса, силы нету до церкви дойти?

– Не то говоришь ты, боярин! Взяться можно по-разному. С чего начинать-то будем? Не идти же на него, здорово живешь, войной?

– Послать в Карачев гонца и объявить ему ханскую волю, – вставил Святослав. – Коли схочет на рожон лезть, пусть первый начинает войну. А может статься, у него хватит ума подобру с нами поладить: ведь лучше в Ельце княжить, нежели в Орде голову сложить.

Предложение княжича всем показалось разумным, но именно потому оно испугало Андрея Мстиславича, до сих пор не принимавшего участия в споре. Мирное окончание дела нарушало все его планы, ибо в этом случае Василий остался бы чист перед ханом. Поэтому он поспешил сказать:

– Не дело говоришь, Святослав. Ведь это все одно, что отдать себя в руки Василя. У него наготове добрая дружина, с которою он, узнав о ярлыке, тотчас пойдет на нас. Покуда мы соберем людей, он захватит наши вотчины, посадит в них своих наместников, а сам, не будь дурак, поскачет в Орду и скажет хану, что на него, на большого князя, восстали удельные и он, защищая порядок в своей земле, должен был смирить их оружием...

– А ярлык? – перебил Святослав.

– Что ярлык? Он скажет Узбеку, что того ярлыка и в глаза не видывал, а разговорам о нем веры не дал, ибо стол свой занимал по закону, дань хану посылал исправно и никакой вины за собою не знал. Смекаешь, как дело-то может тогда обернуться?

– То истина, – сказал Шестак. – Надобно иначе деять. И не упреждать Василя о ярлыке, а на людях сунуть его в тот ярлык носом, дабы не мог после отбрехиваться, что, мол, не знал ханской воли.

– Это непросто сделать, – промолвил Святослав. – Поедешь к нему в Карачев с ярлыком, обратно, может, и ног не унесешь. А обычному гонцу такого дела доверить нельзя: купит его Василей али убьет и опять же скажет, что никакого ярлыка отродясь не видывал, а сам тот ярлык изничтожит.

– Ни в Карачев ехать, ни гонцов посылать негоже, – сказал князь Андрей после небольшого раздумья, – и о ханском ярлыке Василий до поры знать ничего не должен. Надо его добром сюда залучить – тут разговаривать с ним будет куда сподручней.

– Золотые слова твои, Андрей Мстиславич! – воскликнул Шестак. – Так и надобно сделать. Коли он ни о чем догадываться не будет – приедет сюда без дружины, да и ввалится как сом в вершу! Тут мы ему при народе прочитаем Узбеков ярлык и попросим честью убираться из Карачева в Елец. А коли не схочет, схватим его и в железах свезем в Орду!

– Зачем везти в Орду? – сказал князь Андрей. – Ежели он супротив ханской воли пойдет, мы и сами покарать его по праву можем.

– Да уж из рук выпускать не стоит, – промолвил Святослав.

– Вестимо, тут разговаривать с ним было бы легче, – сказал Тит Мстиславич, – да ведь как заманишь его в Козельск, чтобы он ничего не учуял?

– А его и заманивать нет нужды, – ответил Андрей. – Он сам сюда явится, по своей охоте.

– Отколь тебе это ведомо?

– Был у нас разговор. И он мне сказал, что приедет в Козельск, чтобы первым почтить тебя, как старшего родича.

Тита Мстиславича эти слова ожгли, как пощечина.

– Почтить меня приедет как старшего, а я, как Иуда, предать его должен? – глухо вымолвил он.

– Что за слова, брат дорогой, – брезгливо сказал Андрей Мстиславич. – Почто ему тебя не почтить, коли он уже тебе, своему дяде, на шею сел? Теперь ему это на руку. К тому же не одно лишь почтение у него на уме: такоже мыслит он при этом случае крестоцелование твое принять.

– А твое нет?

– Я уж целовал ему крест в Карачеве, – спокойно ответил князь Андрей.

– Как же это? – не веря ушам, спросил Тит Мстиславич. – И теперь ты свое крестоцелование готов порушить, словно бы ничего не было?

– Нимало. Я целовал ему крест на верность, доколе он остается законным князем карачевским. А ныне законный князь наш ты, а не он.

– Ну и хитер ты, Андрей! Не пойму только, зачем было душой кривить и крест целовать, коли он тебя не понуждал?

– Ежели бы я того не сделал, духовная родителя нашего и посейчас была бы в его руках.

– А где она теперь, эта духовная?

– У Василя ее больше нет, – уклончиво ответил Андрей Мстиславич.

– Когда же думал он в Козельск быть? – после довольно длинной паузы спросил князь Тит.

– Сказывал, как наступит лето. Но понеже к его приезду мы должны загодя приготовиться, лучше бы тебе самому день назначить.

– Как же это сделать?

– Оповести, что по хворости сам не можешь поехать в Карачев и просишь его прибыть в Козельск, дабы принять тут крестоцелование твое. И укажи день.

– Не бывать тому! – крикнул Тит Мстиславич. – Не стану я ловить его на крест святой, как рыбу на червяка! Что хочешь другое придумывай, а этому не бывать!

– Эк ты, братец, горяч! Ну, изволь другое: позовем его на семейный совет. И у тебя, и у меня-де сыны повыросли, надобно что-то им дать и о судьбе их с большим князем сообща подумать. А поелику спинная хворь тебе сесть на коня либо в повозку не дозволяет, просим мы собрать тот совет в городе Козельске.

– Ну, это уже лучше. А на когда звать-то его?

– Погоди. Сегодня у нас восьмое июня. На то, чтобы здесь все урядить, как пристало, положим месяц, а лучше полтора. Стало быть, можно звать его на двадцать третье июля – память святого мученика Трофима. Этот день у меня счастливый.

– Ладно, так и порешим. На этих же днях пошлю в Карачев гонца. А как готовиться-то будем?

– Наиглавное, людей надобно побольше собрать да вооружить их добро, – сказал Шестак, – чтобы Василя отсель не вырвался.

– Зачем нам много людей? – возразил Святослав. – Что он, на семейный совет, детям на смех, дружину с собой приведет? Небось приедет только со стремянным да со слугами, сам-десять, не более.

– А вдруг почует неладное да приведет сотен пять воев, как бы для того, чтобы князя Тита почтить? Тогда не мы, а он здесь хозяином будет, ежели мы без войска окажемся.

– Вот и не надо, чтобы он неладное почуял. А коли мы начнем в Козельске людей собирать, он о том враз сведает и тогда уже наверное приведет с собою не пять сотен, а целую рать!

– Стало быть, в большой тайности надобно войско собирать, – настаивал Шестак. – Я одно знаю: Василея нельзя отсюда живым выпустить, сколько бы воев с ним ни пришло!

– А я знаю другое, боярин, – еле скрывая бешенство, сказал Тит Мстиславич, которому этот разговор переворачивал душу. – Что с головы Василея здесь и волос не упадет, хотя бы он даже один приехал! Я не убивец и не тать! Коли не поладим добром, готов встретиться с ним в честном бою, но, заманив обманом, зарезать его в доме моем никому не позволю. И ты это крепко заруби на носу!

– Кто тебе говорит про убийство, Тит Мстиславич? – пошел на попятный Шестак. – А взять его нужно, ибо, ежели мы его отсель выпустим, он всю нашу землю кровью зальет!

– Никакого душепродавства здесь не допущу, – упрямо сказал князь Тит. – Мое согласие есть лишь на то, чтобы зазвать его сюда и тут поговорить с ним начистоту. Коли добром поладим, то и слава Создателю. А ежели упрется он, пусть возвращается в Карачев и будем воевать. Все одно с ханским ярлыком мы его одолеем.

– Эх, Тит Мстиславич! Ну а ежели он сам, заместо того чтобы ворочаться в Карачев и видя, что мы тут без защиты, велит нас всех повязать? Ведь для этого ему много людей не надобно, а уж сотню дружинников он при себе всегда иметь будет, хотя бы для чести. Неужто, к примеру, ты сам, сделавшись великим князем, сочтешь себе приличным на княжеский съезд с десятком слуг явиться?

Тит Мстиславич на минуту задумался. Потом сказал:

– Наверяд ли он сделает такое, как ты говоришь, коли мы первые не нападём. Все же в нем кровь черниговских князей течет. Однако на этот случай сотни две воев и мы можем наготове держать.

– Как бы для почетной его встречи, – добавил Святослав.

Князь Андрей, не любивший открыто высказываться по столь острым вопросам, во время этого спора хранил молчание, ожидая, что дело и без него примет нужный ему оборот. Конечно, убийство Василия именно в Козельске было ему особенно выгодно, но он сразу понял, что подстрекать к этому Тита Мстиславича бесполезно и опасно. В конце концов ему было важно, чтобы дело не закончилось полюбовно, а зная горячий нрав племянника, он не сомневался в том, что сумеет вызвать ссору, которая погубит Василия в глазах хана, а может быть, даже позволит тут же отделаться от него, якобы в порядке вынужденной самозащиты. Прикинув все это в уме, он примирительно сказал:

– Мыслью я, что брат мой дело говорит: нет нужды идти на крайности. А чтобы Василей не мог взять нас голыми руками, двух сотен козельских воев за глаза достанет. Сверх того и мне будет прилично прихватить с собою человек пятьдесят. Однако следует предразуметь, что Василей своего стола добром не уступит и что промеж нас учнется война. Стало быть, должны мы не мешкая начать сбор войска, и делать это надобно так, чтобы в Карачеве до срока не всполошились. В Козельске пока можно готовить лошадей и оружие, а людей собирать у меня в Звенигороде. Коли мы эти полтора месяца зря не потеряем, к Спасову дню сможем выставить против Василея рать в две-три тысячи человек. А за сим заслоном вскорости и еще столько соберем.

– С этим согласен, – сказал Тит Мстиславич. – Однако же будем Бога молить, чтобы дело обошлось миром, и Василея зря ярить не станем. Ежели надобно будет, я ему и Козельское княжество дам, а ты себе возьмешь Елецкое.

– Сохрани тебя Господь от этого, брат! – воскликнул Андрей Мстиславич, встревоженный не столько судьбой Козельского княжества, сколько возможностью мирного исхода. – Он это за слабость нашу сочтет и враз тебя за глотку ухватит. Нет уж, что вырешено сообща, на том и надобно стоять твердо!

– Там видно будет, – буркнул князь Тит. – Зря я, вестимо, ничего такого не скажу. Но ежели для общего мира потребуется...

– Наипаче всего потребуется, – перебил Андрей Мстиславич, – чтобы ты крепко помнил, что волею великого хана ты теперь государь земли Карачевской и что слабость тебе не к лицу!

– Ладно, оставим это, – устало сказал Тит Мстиславич. – Стало быть, о главном мы договорились. Сей час милости прошу закусить, а за трапезой побеседуем о прочем.

## Глава 23

*Князя бойся и чти всею силою своей, несть бо страх сей пагуба для души, но паче научишься от того и Бога бояться. Небрежение же ко властем – небрежение о самом Боге.*

*Из «Изборника» великого князя Святослава Всеволодовича, 1076 г.*

Страхнув с себя тяжелые наледи, давно уж расправились широкие лапы елей, разорвала зимние оковы звонкая Сеежить, и красавица Карачевская земля сбросила со своих пышных плеч горностаевую шубу. Прилетела веселая колдунья Весна, солнечным гребнем расчесала красавице кудри, щедро вплела в них зеленые ленты, украсила ее грудь цветами – отошла чуть назад, подивилась на мастерство свое и улетела красить другие земли. И вот уже животворящее солнце жарко целует свою вечно юную любовницу.

Потемневшие роци снова налились птичьим гомоном, в болотах ликующим кряканьем славили жизнь дикие утки, и на сочные приозерья вышли из лесу отощавшие лоси. Каждая былинка жадно впивала в себя ласку солнца, всякое дыхание спешило воспользоваться расточительной щедростью матери-земли.

С первыми победами весны люди тоже оборвали свое вынужденное зимнее безделье и из темных, прокопченных изб вышли во дворы и в поля. Вскоре окрестности сел и деревень запестрели темными узорами пашен и нежно-зелеными коврами озимых всходов. По подсохшим дорогам потянулись телеги, в кузницах застучали звонкие молоты, из огородов и садов потекли веселые девичьи песни. Каждый радостно творил привычное дело, дышал полной грудью и как умел славил тепло и Бога.

Тихо и спокойно было в Карачевском княжестве. Кругом кипели удельно-поместные страсти, шла борьба честолюбий и алчности, князья воевали друг с другом, но этот лесной край продолжал жить своею мирной жизнью, не ведая о том, что и его готова захлестнуть кровавая петля междоусобий.

Менее всего помышлял о такой возможности князь Василий. Если вначале он и опасался каких-либо враждебных действий со стороны своих удельных князей, то теперь, когда наиболее опасный момент благополучно миновал и все, как ему казалось, обтерпелись, он перестал о том думать.

С наступлением тепла он с головой ушел в дела управления и, проводя в жизнь намеченные планы, находился почти в непрерывных разъездах. Он неожиданно появлялся в самых отдаленных и глухих деревнях, беседовал с крестьянами, узнавал их нужды, укреплял слабые хозяйства, а где требовалось, вершил суд и расправу.

Он создал также несколько общин из новоселов, которым охотно предоставлял землю и оказывал щедрую помощь. Народу к нему приходило много, особенно из Смоленщины и из Брянщины, где смердам жилось хуже всего. В конце концов это переселение приняло столь широкие размеры, что Василий сам вынужден был ограничивать его, опасаясь осложнений с соседями.

Впрочем, самого беспокойного из них, князя Глеба Святославича, крепко связывали свои собственные заботы: последнее время он уже не покидал своего кремля, ибо теперь все население княжества вело с ним почти открытую войну. Придерживаясь своего первоначального решения, Василий в дела Брянска не вмешивался, но зорко следил за всем, что там происходит.

Однажды, возвратившись из дальней поездки и попарившись в бане, он сидел с Никитой в трапезной, когда ему доложили, что прибыл гонец из Козельска. Василий его принял тотчас и, узнав, что дядья приглашают его на семейный совет, нисколько не удивился. Подобные съезды князей карачевского дома и прежде бывали не раз, всегда способствуя укреплению доброго согласия между ними. Сейчас такая встреча была особенно нужной, ибо она могла окончательно рассеять тень недоброжелательности и недоверия князей друг к другу.

– Дяде моему, князю Титу Мстиславичу, поклон передай и скажи, что на двадцать третье июля в Козельск беспременно буду, – сказал он, отпуская гонца.

– Ну вот и слава Богу, – промолвил он, когда они остались вдвоем с Никитой. – Я и без того в Козельск собирался, а так оно еще и лучше выходит: по крайности знаю уже, что прием мне будет оказан добрый, поелику они меня сами к себе зовут.

– Примут-то, может, и хорошо, а вот как проводят?

– А проводят еще лучше. Дабы в устройстве земли нашей они мне палок в колеса не совали, надобно наладить с ними добрый мир. На том съезде я их по шерстке поглажу, младшим сынам их выделю приличные вотчины, – глядишь, и уразумеют, что я им вовсе не ворог.

– Давай-то Бог, – с сомнением в голосе промолвил Никита.

– Ты что? Али опасение какое имеешь?

– Коли спрашиваешь, скажу: не нравится мне все это дело.

– Какое дело?

– Да вот этот семейный совет.

– Почто так?

– Не верю я, князь, твоим дядьям.

– Я и сам им не верил, думал, не пойдут добром под мою руку. Ан видишь, – смирились. Никто и слова вперекор не молвил, как принимал я большое княжение.

– Вот это и худо. Ежели бы они тогда заартачились, как того ожидать следовало, было бы все понятно. А так похоже, что затевали они что-то супротив тебя, да то ли сговориться не успели, то ли не все у них готово было, когда преставился князь Пантелей Мстиславич. И может статься, все эти месяцы они тебе покорность выказывали лишь затем, чтобы глаза отвести и тем временем свой подвох без помехи закончить.

– Блажишь ты, Никита! Ну сам рассуди: что они теперь могут сделать, хоть бы и хотели? Коли думали княжение у меня оспаривать, время у них упущено, я уже давно княжу. Ежели теперь удумали меня согнать, сами знают, что руки коротки. Войска собрать они не могут без того, чтобы мы тотчас о том не сведали. Чего же бояться-то?

– Не знаю, Василей Пантелеич, а вот душа у меня неспокойна. Ведь когда по осени ездил я к ним гонцом, по всему было видно, что сговор они вели и что-то у них затевалось. Да и после того... Шестак-то сколько разов уже в Козельск мотался? И сейчас тоже он там сидит.

– Пускай сидит. Здесь воздух чище будет.

– Оно так, да все же примечательно, что как раз в это время и гонца к тебе из Козельска прислали. Похоже, что перед этим снова они сговаривались.

– То вельми понятно: коли они меня на семейный совет зовут, как им было о том промеж собою не договориться?

– А Шестак здесь при чем?

– Э, дался тебе Шестак! Он исстари друг Титу Мстиславичу.

– Вот эта дружба к добру и не приведет. Послушай совета моего, Василей Пантелеич: под каким-либо случаем отложи эту поездку в Козельск. Повременим малость да приглядимся. Может, и сведаем что о их замыслах.

– Еще чего! Коли мое слово им сказано, я его не порушу.

– Ну тогда по крайности прихвати с собою сотен пять воев.

– Да ты никак рехнулся! На семейный совет с войском приду! После этого надо мною не только все родичи, а и дети малые потешаться станут. Выпей-ка лучше вот эту чарку, авось у тебя от головы оттянет!

– Эх, Василей Пантелеич! Дай-то Бог, чтобы я ошибался, а не ты!

\* \* \*

После этого разговора прошло больше месяца, но ничто не нарушало мирного течения жизни Карачевской земли. Василий все это время был поглощен своими делами и по поводу предстоящей поездки нимало не тревожился, лишь изредка посмеиваясь над опасениями Никиты.

Видя, что это бесполезно, Никита их высказывать вслух перестал, но недоброе предчувствие его не покидало. Он зорко присматривался ко всему окружающему, прислушивался к разговорам бояр и даже на свой собственный страх установил тайное наблюдение за Козельском, заслав туда пару надежных людей. Но все было совершенно спокойно, и ничего подозрительного заметить ему не удалось. Даже Шестак, за которым Никита следил особенно бдительно, больше не покидал Карачева и ни с кем из посторонних людей не сносился.

Не удовлетворившись этим, Никита поделился своими опасениями с воеводой Алтуховым, в преданности которого Василию он не сомневался. Алтухов считал, что какой-либо злой умысел или западня тут весьма маловероятны, но, внимательно выслушав все доводы Никиты, все же согласился, что некоторые меры предосторожности принять следует, и притом втайне от Василия, чтобы не рисковать его запретом, в котором можно было не сомневаться.

Наконец приблизился день отъезда. Василий решил взять с собою, в качестве свиты, боярина Тютина, воеводу Алтухова, детей боярских Лукина и Софонова и, разумеется, Никиту. Последнему было поручено также составить отряд из тридцати дружинников для сопровождения.

– Дозволь, княже, хотя бы сотню взять, – снова попробовал настаивать Никита.

– Опять ты за свое! Уже было тебе не однажды сказано: не стану я людей смешить!

– Какой тут смех? Тебе, как великому князю, даже приличествует много людей при себе иметь.

– Бери тридцать человек и разговор кончен!

Скрепя сердце Никита повиновался, но людей и коней для этой поездки подобрал с особой тщательностью. В состав конвоя вошли отборнейшие дружинники, в том числе Лаврушка, с которым Никита долго беседовал отдельно.

Утром двадцать второго июля все было готово к отъезду, когда Никита доложил князю, что воевода Алтухов занемог и просит освободить его от поездки.

– Что с ним такое? – с неудовольствием спросил Василий.

– Должно, вчера, после бани, прохватило его ветром, – ответил Никита. – Поясницу свело, никак на коня сесть не может.

– Ладно, пускай вместо него живо собирается второй воевода, Гринёв!

Перед тем как выйти во двор, Василий, уже готовый в путь, подумал вдруг, что, в связи с предстоящим назавтра крестоцелованием Тита Мстиславича, не мешает прихватить с собою духовную грамоту деда. Он быстро прошел в свою опочивальню и, подойдя к божнице, открыл кипарисовый ларец. Но последний был пуст.

Не веря глазам, князь сунул в ларец руку, тщательно обшарил все углы, потом поднял его и потряс над полом. Никаких сомнений не оставалось: духовная Мстислава Михайловича исчезла.

– Тишка! – крикнул Василий сдавленным от страшного гнева голосом.

Постельничий, находившийся в соседней горнице, не замедлил появиться перед князем.

– Где грамота, что тут лежала?

– Не ведаю, пресветлый князь, – запинаясь, ответил Тишка, побледневший при одном взгляде на пылающее бешенством лицо Василия. – Еще покойный родитель твой запретил мне к этому ларю касаться. Я никогда и близко до него не подходил.

– Позвать дворецкого!

Через минуту в сопровождении Тишки в опочивальню вошел взволнованный Федор Иванович, которому постельничий по дороге успел сообщить, в чем дело.

– Куда девалась грамота из этого ларца? – грозно спросил Василий.

– Не ведаю, батюшка-князь, – ответил старик. – Я к ней николи не осмелился бы и притронуться.

– Все вы святые! – крикнул Василий. – А грамота сама, что ли, улетела?! Опричь меня, только вы двое сюда вхожи, ваш, стало быть, и ответ! Коли сей же миг не сыщется пропажа, обоим велю головы снять!

– В животах наших ты волен, княже, – с достоинством ответил Федор Иванович. – С детских лет и я, и Тихон служим твоему роду честно, и не чаяли мы дожить до того, что ты худое на нас помыслишь.

– Прости меня, старик, – несколько успокоившись, сказал Василий, – ни на тебя, ни на Тишку я и в мыслях не имел. Лишь о недогляде вашем речь моя была. И грамоту эту надобно сыскать, чего бы то ни стоило. Как мыслишь ты, кто мог совершить такое подлое дело?

– Ума не приложу, княже. Ведь не то что в опочивальню твою, а и в смежные горницы, окромя тебя да Никиты Гаврилыча, почитай, никто не заходит.

– Ну, о Никите Гаврилыче тут и разговору быть не может! Припомните оба, не захаживал ли сюда еще кто?

– А ты, княже, когда в последний раз тую грамоту в руки брал?

– Невдолге после кончины батюшкиной, – немного подумав, ответил Василий, – так, должно, в половине ноября.

– Стало быть, тому уже месяцев восемь, как ее унести могли. А может, ты запомнил? Не доставал ты ее, часом, в тот день, когда звенигородский князь тебе крест целовал?

В мозгу Василия молнией мелькнуло подозрение на князя Андрея: ведь это он пожелал целовать крест не в крестовой палате, а перед лицом архангела, в опочивальне! Но, вспомнив все обстоятельства дела, Василий тотчас отбросил эту мысль. В опочивальне было тогда много народа, – все вместе вошли, и все вместе вышли, – Андрей Мстиславич один тут не оставался и в тот же час уехал. Да и зачем ему эта грамота, коли он по своей доброй воле крест поцеловал и его, Василия, право признал полностью и при многих свидетелях? Нет, это не он сделал!

– Я в тот день грамоты не вынимал, – ответил Василий, – и была ли она в ларце, не знаю. Может, и прежде ее унесли. Припомните добро, не входил ли кто в опочивальню до того или после?

– В светлое Христово Воскресенье отец Аверкий захаживал, святой водой кропить, – подумав, сказал Федор Иванович.

– Ну, это не к делу! А не был ли еще кто?

– Воевода Алтухов, Семен Никитич, снова наведывался, тебя искать. Только в ту пору я сам был в опочивальне.

– Хотя бы и не был, на Алтухова помыслить нельзя. Значит, кто-то еще сюда лазил, и притом в тайности.

– Вспоминается мне, – нерешительно сказал Тишка, – кажись, недавно до приезда князя Андрея Мстиславича отлучился я как-то по нужде из опочивальни, а когда воротился, в ту самую минуту отдедова боярин Шестак выходил.

– Шестак! – воскликнул Василий. – Что же ты сразу о том не сказал?

– Запомню я, всесветлый князь. Только вот сейчас, как стал думать, так и всплыло в памяти.

– А в руках у боярина в ту пору ты ничего не приметил?

– Ничего не было, батюшка, в том крест целовать готов!

– Ты хоть спросил его, что он в моей опочивальне делал?

– Спросил. Ответствовал, что тебя ищет.

– Покличь-ка сюда Никиту Гаврилыча!

Тишка бегом кинулся исполнять приказание и сейчас же возвратился в сопровождении Никиты, который ожидал на крыльце выхода князя.

– Никита, – сказал Василий, – сыщи немедля боярина Шестака и приведи сюда! Да ежели он станет вилять либо упираться, бери его силой!

– Будет исполнено, княже, – ответил Никита и быстро вышел из горницы.

В ожидании Шестака Василий зашагал по опочивальне, снова наливаясь безудержным гневом. Что грамоту украл именно Шестак, у него не было теперь никаких сомнений. Шестак его ненавидел, он старался настроить против него удельных князей, он посылал к ним каких-то таинственных ночных гонцов. Зачем своровал он эту грамоту сейчас, когда Василий уже княжит, – о том надобно подумать... Не для того ли, чтобы потомков его лишить права на княжение? От такой гадины всего можно ждать! «Ну, погоди, козлиная борода, ты у меня еще пожалеешь, что на свет народился!» – подытожил он все эти мысли как раз в тот момент, когда в опочивальню вошел боярин Шестак, довольно невежливо подталкиваемый сзади Никитой.

Шестак, когда к нему явился княжий стремянный и почти силой повел во дворец, в первую минуту порядком струсил. Но по дороге взбодрил себя мыслями о том, что Василий княжит последний день и так или иначе песня его спета. Что именно стало известно князю, боярин не знал, но решил отрицать все начисто и прикинуться оскорбленной невинностью. В соответствии с этим решением, едва переступив порог опочивальни, он обиженным тоном заявил:

– С каких это пор твои слуги, князь, начали карачевских бояр хватать? Такого еще, кажись, не было на Руси!

Василий с яростью взглянул на Шестака. Перед ним, вспыхившись, но с животным страхом в глазах, стоял маленький ничтожный человек, не по заслугам занимающий в стране самое завидное положение, стяжавший огромные богатства и все же с легким сердцем готовый предать своего государя, залить родную землю кровью и совершить любую подлость. И с таким еще церемониться!

– Не бывало? – со злой усмешкой переспросил он. – А еще не то будет: карачевский боярин повиснет на воротах, ежели не возвратит грамоту, лежавшую вот в этом ларце, и не скажет, зачем он ее оттуда своровал?

– Да ты что, князь? – побледнев, но выдерживая взятый тон, промолвил Шестак. – Какая грамота? Да я после смерти родителя твоего и близко тут не бывал!

– Тишка! – крикнул Василий. – Видал ты нынешней зимой, как боярин из моей опочивальни выходил?

– Видал, пресветлый князь!

– Что теперь скажешь, боярин?

– Скажу, что врет твой холоп либо кем научен! – закричал Шестак. – Может, сам он ту грамоту украл, а на меня валит! А ты по холопскому навету бояр хватаешь и смертью им грозишь! Да за такое поношение чести моей я к самому великому хану...

Шестак не успел кончить: шагнув вперед, Василий схватил его за бороду и затряс так, что голова боярина ходуном пошла в его крепкой руке.

– Молчи, гнида! Это у тебя-то честь?! Да я тебя, допрежь чем повесить, велю с хомутом на шею по всему Карачеву провести! Сказывай, где грамота, собачий сын!

– Богом клянусь, не брал я ее, – прохрипел Шестак, от наглости которого не осталось и следа.

– Врешь, ворюга!

– Крест поцелую, что чист я в этом!

– Тебе ничто и на кресте солгать! Коли не сам украл, говори – кто это сделал? Без тебя тут все одно не обошлось!

В помутившемся от страха мозгу Шестака мелькнула мысль – рассказать все и тем спасти свою шкуру. Но он сейчас же сообразил, что, если Василий не заподозрит главного и поедет в Козельск, он оттуда едва ли вернется. Что бы там ни говорил князь Тит, а уж Андрей Мстиславич и Святослав о том позаботятся! И потому надобно стоять на своем и лишь постараться избежать петли сегодня.

– Смилуйся, Василий Пантелеич, – захныкал он. – За что это ты на верного слугу своего? Спасением души моей клянусь: ничего я о том не ведаю!

– Ишь как запел, иуда! – брезгливо сказал Василий, выпуская боярскую бороду. – Куда вся спесь подевалась! Только не верю я твоим клятвам. Сейчас мне недосуг, а вот ворочусь из Козельска, и мы с тобой еще потолкуем! Коли сам не развяжешь язык, я тебе его развязать сумею! Кликни двух воев, Никита, – добавил он. – В железа боярина и в подвал! Да караулить крепко, чтобы не сбег!

Через минуту в опочивальню вошли два дружинника, одним из которых был Лаврушка. Вот уж не чаял он, что выпадет ему счастье самолично вести в тюрьму грозного боярина, заклятого врага их деревни! Приблизившись к Шестаку и тронув его за плечо, он с усмешкой сказал:

– Ну что ж, пойдём, боярин, в твои новые хоромы! – А когда они очутились в коридоре, добавил: – Да пошевеливайся, ржый черт, нам с тобою мулындаться неколи!

\* \* \*

– Все ли в сборе? – спросил Василий у Никиты, когда увели Шестака.

– Давно тебя во дворе ожидают, князь.

– Ну, значит, немедля в путь! И так немало времени утеряли.

– Василей Пантелеич! – воскликнул Никита. – Неужели и теперь упорствовать будешь и не велишь с нами поболее людей взять?

– А что такое случилось, чтобы я свой наказ менял?

– Как что случилось? Ужели мыслишь ты, что Шестак для себя ту грамоту украл? Ни малого сомнения нет, что у них сообщка какая-то измена задумана!

На этот раз Василий почувствовал, что опасения Никиты имеют достаточно оснований. Но когда нервы его бывали взвинчены, как сейчас, он неспособен был действовать осмотрительно и менее, чем когда-либо, желал показаться трусом.

– Глупости все это, – резко сказал он. – А хоть бы и затевали они что, – не боюсь я их! Едем!

– С тремя десятками людей?

– Да!

– Василей Пантелеич...

– Я сказал! – крикнул Василий. – А еще станешь ныть – и этих велью тут оставить! – И, не глядя на сокрушенно умолкнувшего Никиту, он быстрыми шагами вышел из горницы.

## Глава 24

*Того же лета 6847 (1339) убиен бысть князь Андреи Мстиславичь от своего братанича Василья Пантелеева сына, месяца нуля в 23 день.*

*Владимирская летопись*

Двадцать третьего июля в Козельске все было готово ко встрече карачевского князя. Тит Мстиславич, последние дни находившийся в совсем подавленном настроении, почти ни во что не вмешивался, предоставив действовать своим сыновьям. Впрочем, цепляясь за слабую надежду на мирный исход переговоров, он настрого приказал, чтобы Василий был встречен с подобающим почетом и не мог заметить ничего похожего на расставленную ему западню.

Посоветовавшись с Андреем Мстиславичем, княжичи Святослав и Иван решили сотню пеших воинов, вооруженных копьями и мечами, поставить на княжьем дворе, как бы для торжественной встречи гостя. В момент въезда Василия они должны были построиться двумя рядами от ворот к крыльцу, а потом, во время совещания князей, разойтись, но оставаться тут же, ожидая дальнейших приказаний. На заднем дворе, в конюшнях и овинах, стояла сотня оседланных лошадей, и частью при них, частью в смежных помещениях находилось еще сто воинов, которым настрого было приказано до поры не высовываться наружу. Там же были размещены пятьдесят конных дружинников звенигородского князя, прибывшего накануне в сопровождении небольшой свиты и обоих сыновей.

Никому не было известно, когда именно приедет Василий Пантелеймонович, а потому к десяти часам утра, на всякий случай, все были уже на своих местах. Но проходил час за часом, одетые в доспехи воины изнывали от зноя, а карачевский князь не появлялся.

Наконец, около двух часов дня, с наблюдательной вышки сообщили, что со стороны Карачева показалась группа всадников. Вокруг княжеских хором все пришло в движение, забегали княжичи, расставляя людей и отдавая последние распоряжения. Через несколько минут сотня обливающихся потом воинов, сверкая на солнце начищенными шлемами и остриями копий, вытянулась через двор двумя длинными шеренгами. Едва только, по команде Святослава Титовича, стены этого живого коридора выровнялись и неподвижно застыли на месте, в настежь открытые ворота шагом въехал небольшой отряд карачевского князя.

Впереди всех, блистая богатством наряда, ехал Василий Пантелеймонович. На нем был расшитый золотом малиновый, с перехватом, кафтан, темно-синие шаровары, узорчатые сафьяновые сапоги со слегка загнутыми кверху носками и низкая соболья шапка. На груди сверкала драгоценная овальная панагия с эмалевым изображением архангела Михаила, а на поясе висела кривая сабля, богато изукрашенная золотом и самоцветами.

Его аргамак Садко тоже был убран нарядно: под отделанное золотом и слоновой костью седло был положен темно-зеленый, расшитый бисером чепрак с бахромой; уздечка и оголовье сверкали золотом, а массивная шейная цепь, составленная из золотых щитков и крупных аметистов, дополняла убранство коня.

Сзади ехала небольшая свита, тоже богато одетая, и наконец на статных гнедых конях следовал отряд дружинников, – молодец к молодцу, все в одинаковых темно-зеленых кафтанах и при саблях.

При виде этого великолепия княжич Святослав посерел от зависти, но несколько утешился, пересчитав приезжих.

– Всего тридцать пять человек, – шепнул он стоявшему рядом брату, – и притом без доспехов, с одними саблями. В случае чего ни один отсюда не уйдет!

Подъехав к крыльцу, Василий спешил и обнял по очереди вышедших навстречу дядей, а потом и всех двоюродных братьев. Несмотря на внешние проявления радушия, он сразу почувствовал в приеме какую-то странную натянутость. Тит Мстиславич был необычно суетлив и явно растерян, княжичи глядели исподлобья, и только лишь Андрей Мстиславич был, по обыкновению, благостно-спокоен, явно стараясь преувеличенной сердечностью прикрыть общую неловкость.

Когда после обмена приветствиями князя вошли в хоромы, Никита, который умышленно задержался возле своих людей, мрачно оглядел двор.

«Ежели тут сотня вооруженных до зубов воев поставлена открыто, почитай, не менее того по разным углам попрыгано», – подумал он. Подозвав боярского сына Лукина и Лаврушку, он тихо сказал им:

– Коней не расседывать и держать у крыльца, а ежели кто станет приставать, скажете, что такова воля нашего князя, который тотчас после совещания мыслит ехать в обрат. Зорко поглядывайте по сторонам и, коли кто попытается закрыть ворота, того не допускайте. Ну а во всем прочем действуйте, как у нас было говорено. Я, Гринёв и Софонов будем неотлучно при князе, а ты, Лукин, оставайся снаружи и в случае чего пришлешь ко мне Лаврушку. Ну, с Богом! – С этими словами Никита подтянул саблю и отправился догонять Василия.

Козельские и карачевские дружинники разошлись между тем по двору и вступили в оживленные разговоры. Лукин, как бы прогуливаясь, обошел двор, прощупал взглядом все закоулки, но ничего подозрительного не заметил. Когда он заканчивал круг, из дома вышел княжич Святослав и, увидя, что гости поставили своих коней прямо у крыльца, понял, что им сделано важное упущение: лошадей следовало, конечно, отослать подальше, а это было невозможно, ибо в конюшнях и на заднем дворе карачевские коневоды сразу обнаружили бы засаду. С минуту подумав, княжич подозвал одного из своих дружинников, вполголоса отдал ему какое-то распоряжение и возвратился в хоромы.

Дружинник послонялся немного по двору, кое с кем перемолвился словом, а потом, будто невзначай, подошел к воротам и начал было закрывать их. Но не спуставший с него глаз Лукин загородил ему дорогу.

– Почто ворота зачинаешь? – насмешливо спросил он. – Али опасаясь, что войско ваше со двора утечет?

– А тебе что? – огрызнулся дружинник. – Велено мне, вот и зачинаю!

– Кем это велено?

– А хотя бы княжичем нашим.

– Покуда здесь находится князь наш и государь земли Карачевской, его воля тут всех выше. А от него не было приказу ворота зачинять!

Дружинник замялся в явной нерешимости. Видя это, Лукин примирительно добавил:

– Для вашей же пользы говорю. Сейчас поглядишь, как нам открытые ворота спонадобятся.

Действительно, через несколько минут во двор въехала телега с лежавшей на ней сорокаведерной бочкой.

– Эй, ребята! – крикнул Лукин. – Князь Василей Пантелеич жалует вас бочкой горелки! Скатывай ее наземь и угощайся, кто в Бога верует!

Козельцы не заставили себя уговаривать, и скоро ковши с крепкой водкой заходили по рукам. Когда часа через пол княжич Святослав, заслышав снаружи пение и крики, вышел на крыльцо, он в первый момент едва не задохнулся от гнева. Но, узнавши, в чем дело, и заметив, что карачевские дружинники тоже вдребезги пьяны, не только успокоился, но и обрадовался.

«Эк ладно все обернулось, – подумал он. – Карачевцы перепились, кажись, все до единого, и теперь мы с Василием что схотим, то и сделаем. Сам пособил нам своею бочкой!»

Постояв на крыльце и с поощрительным видом полюбовавшись идущей во дворе гульбой, Святослав Титович снова ушел в хоромы.

\* \* \*

Василия и его спутников между тем провели в трапезную, где их встретила хозяйка, княгиня Дарья Александровна, – женщина лет пятидесяти, слегка располневшая, но моложавая. Лицо ее было бледно, и в глазах, казалось, застыл испуг. Когда же Василий, почтительно поздоровавшись с тетушкой, поднес ей драгоценную застезжку и пару серег с крупными брильянтами, она, пролепетав несколько слов благодарности, залилась вдруг слезами и, сославшись на сильное недомогание, покинула трапезную. Наступившее неловкое молчание нарушил Андрей Мстиславич.

– Сестрице со вчерашнего дня неможется, – сказал он, – только и поднялась с постели, чтобы тебя достойно принять, братанич дорогой! Да вот, видать, от жары сомлела.

– Ну, стоило ли, – пробормотал Василий, который за всем этим начал чувствовать что-то неладное, – я ведь человек свой...

– Ты уж извини ее, Василей Пантелеич, – деревянным голосом сказал князь Тит. – Мы уж тогда сами, без хозяйки... Сделай милость, выпей да закуси с дороги, а о делах после потолкуем.

Слуги наполнили кубки, однако никто не пил, ожидая слова хозяина. Ему следовало поднять здравицу за Василия Пантелеймоновича как за старшего из князей, но ввиду предстоящего разговора Тит Мстиславич не находил в себе силы на подобное лицемерие и мрачно молчал.

– Ну что ж, выпьем за дорогих гостей, – наконец выдавил он, – за то, чтобы все дела промеж нас решались миром и цвела бы наша родная земля.

Услышав эту здравицу, карачевцы недоуменно переглянулись, а лицо Василия сразу нахмурилось. Но он сейчас же взял себя в руки и первым осушил свой кубок. Все остальные последовали его примеру. Слуги снова наполнили чарки, но беседа не налаживалась, и к закускам почти никто не притрагивался.

– Что ж, давайте говорить о делах, – сказал наконец Василий, которому надоело это томление. – Времени у нас мало, я хочу засветло в обрат выехать.

Карачевцы ожидали, что Тит Мстиславич станет уговаривать их князя остаться на ночлег, но в нарушение всех обычаев гостеприимства он этого не сделал, а лишь сказал, ни на кого не глядя:

– Ну, коли так, можно и о делах... – И приказал слугам убрать со стола и больше не возвращаться.

Вскоре в трапезной, кроме Василия и четверых его дворян, остались князь Мстиславичи, человек шесть их приближенных, звенигородский архимандрит Зосима и пятеро княжичей. Из последних выделялся саженым ростом и богатырским сложением двадцатилетний Федор Звенигородский. Младший брат его, Иван, совсем еще юноша, тоже был высок и крепок, тогда как из троих козельских княжичей только младший, Федор, обладал выше среднего ростом и приятной внешностью.

За стол сели все старшие, остальные разместились на боковых лавках, а кто и стоя. Никита, давно понявший, что здесь назревает что-то весьма серьезное, стал вместе с Софоновым за спиной Василия, по бокам которого сидели боярин Тютин и воевода Гринёв, а прямо напротив, через стол, – князь Андрей Мстиславич.

– Ну, начнем, – сказал Василий, после того как все заняли свои места и архимандрит прочел краткую молитву. – Коли я правильно понял, наиболее всего тебя, Тит Мстиславич, и тебя, Андрей Мстиславич, заботит судьба молодых сыновей ваших. Всем ведомо, что по обычаю каждый удельный князь сам печется о детях своих и устраивает их, как может, на землях своего княжества. А посему мог бы я вам сказать, что не моя это печаль и не мое дело. Однако думаю и скажу иное: желая быть вам добрым родичем, а также блюдя волю деда моего, завещавшего нам жить меж собою дружно и без раздоров, готов я от себя выделить младшим княжичам вашим добрые вотчины, дабы всякий из них володел своим городом. Ивану твоему, Тит Мстиславич, полагаю дать город Серпейск с уездом, а Ивану Звенигородскому – город Кромы. Вотчичи<sup>65</sup> ваши по отцам наследуют Козельск и Звенигород, стало быть, из возрастных остается еще Федор Козельский. И его не забуду. Жду, что невдолге будут у меня новые земли, а коли то не сбудется, дам ему город Лихвин. С тем каждый из сынов ваших будет не простым вотчинником, а князем, как подобает всякому отпрыску высокого рода нашего. Однако же, как разумеется то из духовной грамоты князя Мстислава Михайловича, которая для нас всех есть нерушимый закон, все эти новые княжества остаются частями единой Карачевской земли и их князья не выходят из воли общего государя – великого князя Карачевского. Мыслю, что такое решение всем вам будет по сердцу и закрепит промеж нас доброе согласие. А ежели имеются у вас еще какие пожелания, готов их выслушать.

Можно было ожидать, что беспримерная щедрость Василия вызовет со стороны молодых князей и их отцов поток благодарностей. Однако вместо них последовало гробовое молчание. Тит Мстиславич, совершенно уничтоженный царским великодушием преданного им племянника, сидел растерянный и бледный. Но все глаза были устремлены на него, а среди приближенных Василия все явственнее слышался ропот возмущения. Молчать дальше было невозможно, и князь Тит с таким чувством, словно бросается в бездонную пропасть, забормотал:

– На добром слове тебе спасибо, Василей Пантелеич. Нам бы, вестимо, лучшего и желать нечего... Только, видишь ты, какое тут дело... Все, брат, по-иному теперь оборачивается. Кабы раньше я о тебе правильно понимал, не бывать бы этому... Ну а теперь уже дело сделано, и хоть и сам не рад...

– Какое дело, Тит Мстиславич? – недоуменно спросил Василий. – О чем говоришь ты, Христос с тобой?

– Воля хана Узбека... Сам разумеешь, Василей Пантелеич, супротив его воли не пойдешь...

– При чем здесь хан Узбек? – начиная догадываться, крикнул Василий. – Что за околёсицу плетешь ты, Тит Мстиславич? Сказывай все толком!

– Принеси сюда ярлык, Святослав, – упавшим голосом сказал князь Тит.

Княжич Святослав быстро вышел в соседнюю горницу и, сейчас же возвратившись, со злорадной улыбкой положил на стол перед Василием развернутый пергамент с алою ханской тамгой<sup>66</sup>.

Бледный, но сохраняющий полное самообладание Василий внимательно прочел документ с начала до конца, потом встал и с презрением взглянул на сжавшегося в комок козельского князя.

– Знал я твое естество, Тит Мстиславич, – медленно, чтобы подавить бушевавшее в груди бешенство, сказал он, – но не думал все же, что жадность да зависть доведут тебя до такого... Торг совершил ты важный: и меня, и совесть свою продал татарам, стяжав за то ханскую милость, а заодно и отцово проклятье!

<sup>65</sup> *Вотчич* – старший сын, наследник.

<sup>66</sup> *Тамга* – в данном случае печать.

– Не бывать тому! – крикнул Никита, становясь рядом с Василием. – Вся земля наша за тебя встанет, Василий Пантелеич! Мы тебя в обиду никому не дадим!

– В том сомнения не имею, – сказал Василий, – но кровью народной не хочу я приправлять кашу, которую князья заварили! В деле этом есть и иные пути. Но допрежь всего желаю я знать, кто здесь изменник мне, а кто друг. Что скажешь ты, Андрей Мстиславич?

– А что тут говорить? – ответил князь Андрей, обеспокоенный тем, что Василий не выходит из рамок благоразумия. – Ханская воля для нас закон. Да и по старшинству Тит Мстиславич среди нас первый, стало быть, ему и княжить в Карачеве.

– И это говоришь ты, по своей доброй воле крест мне целовавший?

– А ты припомни, как дело-то было: я крест целовал из воли твоей не выходить, доколе ты останешься большим князем в Карачеве, и своего крестоцелования я не порушил. А ныне, велеием хана, большой князь наш не ты, а Тит Мстиславич!

– Теперь разумею! – воскликнул Василий. – Целуя мне крест, ты знал уже, что для меня яма вырыта! И другое мне ясно: рыл ее князь Тит, а ты ему указывал! И тем временем, без сомнения, ему самому яму готовил!

– Богом тебя прошу, братанич, – окрепшим голосом сказал Тит Мстиславич, – давай любовью это дело покончим! Как на духу тебе говорю: коли мог бы я сделанное воротить, иного и не желал бы. Но уже не воротишь! Выбирай себе любой удел – хоть Елец, хоть Козельск, а то и оба вместе. И во всем тебе полную волю дам – не старшим, а равным тебе буду!

– Эх, Тит Мстиславич, жалко мне тебя, ибо вижу: не ведал ты, что творил, и сам попал в сети иуды! Однако милости от тебя принимать не хочу, ибо мое принадлежит мне по праву и от того права я не отступлюсь! Не знаю, чем вы хана Узбека обманули, но я самолично поеду в Орду и обман тот на чистую воду выведу!

Эти слова окончательно убедили князя Андрея, что дело принимает совсем нежелательный для него оборот. Вопреки его расчетам, Василий держал себя в руках и не допускал ничего могущего навлечь на него гнев хана. Пусть даже в Орде он потерпит неудачу и Узбек оставит княжение за Титом, все равно это рушило весь его, Андрея Мстиславича, план: показать Узбеку духовную грамоту отца он уже не сможет, ибо это значило бы возвратить карачевский стол Василию. А без помощи этой грамоты невозможно будет свалить Тита Мстиславича... Нет, надо во что бы то ни стало вызвать Василия на какое-либо безрассудство, могущее опорочить его в глазах хана, или все погибло! Придя к такому решению, князь Андрей вызывающе сказал:

– Это не мы обманули Узбека, а ты собираешься его обмануть! В том, что князь Тит есть старший в роду нашем, никакого обману нет, потому хан и дал ему ярлык. Что же, езжай теперь в Орду и скажи Узбеку, что у тебя глаза краше, чем у Тита Мстиславича, и потому, дескать, тебе пристало быть большим князем!

– Зачем говорить о глазах? – сказал Василий, бледнея от возмущения, но все еще сдерживаясь. – Я ему лучше о своих правах скажу.

– Говорить о правах мало, их надобно доказать! А чем ты их доказывать станешь?

– Допрежь всего духовной грамотой великого князя Мстислава Михайловича, которую все вы добро знаете.

– А где она у тебя, эта грамота? Покажь ее нам, может, и мы тогда в твои права уверуем!

Василий внезапно понял все до конца, и рассудок его помутился от бешенства. Сдавленным голосом он крикнул:

– Так вот о каком вещем сне твоём Шестак гонцов посылал! Не всякий вор додумается татьбу<sup>67</sup> совершить во время крестоцелования! И Бог еще тебя, святотатца, терпит?! Но ты вот

<sup>67</sup> *Татьба* – воровство.

что запомни: пособник твой уже сидит у меня, закованный, в подвале и завтра же, как ворочусь в Карачев, велю его повесить! А после придет и твой черед!

– Ты сперва воротись в Карачев, а потом уже нас вешай! Забыл, видно, что не мы в твоих руках, а ты в наших! Вязать его! – вскакивая, крикнул Андрей Мстиславич. – Зови сюда людей, Святослав!

Святослав Титович кинулся к двери, но воевода Гринёв успел поймать его за руку и рванул так, что щедушный княжич отлетел к противоположной стене. Одновременно Федор Звенигородский бросился сбоку на Василия. Но Никита, бывший все время начеку, страшным ударом кулака в лицо опрокинул великана навзничь.

– Вижу, что мы в западне, – крикнул Василий, – и может, живыми отсель не выйдем! Но суд над тобою, гадина, я совершить успею!

Мгновенно он выхватил саблю, и князь Андрей Мстиславич рухнул на пол с головой, рассеченной надвое. На секунду все остолбенели, потрясенные случившимся. Все, кроме Никиты.

– К лошадям! – крикнул он. – Выбегай с другими во двор, Василей Пантелеич, а я этих попрдержу, коли будет надобно.

– Без тебя со двора не выеду! – бросил Василий, выскакивая с Гринёвым и Софоновым из трапезной. Кое-кто ринулся было им вдогонку, но загородивший собою выход Никита выхватил саблю, а Тит Мстиславич крикнул страшным голосом:

– Довольно крови! Всем оставаться на месте!

Княжич Святослав начал горячо возражать отцу, но, что именно говорил он, Никита не слышал, ибо, воспользовавшись заминкой, поспешил вслед за Василием и на крыльцо выбежал почти одновременно с ним.

На дворе дым стоял коромыслом, и на первый взгляд казалось, что тут не сыскать трезвого человека. Однако это было не так: карачевские дружинники, как им наказывал Никита, усердно угощали козельцев, но сами пили мало и лишь прикидывались пьяными. Увидев своего князя, с обнаженной саблей выбежавшего на крыльцо, все они мгновенно вскочили на ноги, и, прежде чем хмельные козельцы успели что-либо понять, весь небольшой отряд Василия был уже на лошадях и мчался по направлению к воротам.

– Не выпускать их! – крикнул княжич Святослав, выбегая из дома. – Они звенигородского князя убили! Запереть ворота и схватить всех!

Трое или четверо козельских дружинников, менее пьяных, чем остальные, кинулись наперерез, к воротам, но было уже поздно: налетевшие всадники сбили их с ног и, вырвавшись на улицу, во весь опор понеслись через посад к карачевскому шляху.

– Конную сотню в погоню! Чтобы ни один живым не ушел! – услышал сзади Никита, последним проскакывая в ворота.

Без помехи миновав окраину Козельска, отряд понесся по левому берегу Жиздры. Проскакав с версту, Василий обернулся и сразу увидел погоню: человек полтораста всадников, которые, несомненно, воспользовались более короткой дорогой, внезапно появились не сзади, а сбоку, из-за бугра, с явным намерением прижать беглецов к реке.

Дорога до ближайшего брода, который находился отсюда верстах в двух, шла по открытой местности, и только по ту сторону Жиздры начинался густой лес, изрезанный глубокими оврагами. Там уйти от преследования было уже не столь трудно, и теперь все зависело от того, кто раньше успеет доскакать до переправы.

Отдохнувшие кони летели как ветер, но вскоре Василию стало очевидно, что козельцы успеют перерезать им путь и что придется принять неравный бой в самых невыгодных условиях, имея за спиной обрывистый берег реки, исключая возможность отступления. Он уже начал выбирать глазами наиболее подходящее для сражения место, как вдруг заметил, что через брод, до которого теперь оставалось не более полуверсты, движется большой отряд всадников. Их было не менее пяти сотен, ибо хвост колонны еще терялся в лесу, по ту сторону

Жиздры, а голова уже выстраивалась в боевой порядок в каких-нибудь трехстах шагах. От нее отделился всадник в блестящих доспехах и поскакал навстречу карачевскому отряду.

– И тут засада! – крикнул Василий, круто осаживая коня. – Ну что ж! Живыми не дадимся!

– Воля твоя, князь, а я с таким противником драться не стану, – усмехаясь, сказал Никита.

– Не станешь?! – воскликнул Василий, не веря своим ушам. – От тебя ли я это слышу?

– Вестимо, от меня! А ты погляди хорошенько вперед, так, может, и сам биться не сходишь!

Василий глянул на приближающегося всадника в доспехах и, к несказанному удивлению своему, узнал в нем воеводу Алтухова.

– Так это наши! – радостно воскликнул он. – Каким чудом ты здесь, Семен Никитич, да еще с войском?

– Чуя недоброе, сговорились мы с Никитой Гаврилычем, что выступлю я следом за вами с шестью сотнями воев и обожду в этом лесу, что дальше-то будет. И вижу, не зря мы это удумали!

– Спаси Христос вас обоих! Кабы не это, никто из нас сегодня живым бы не был. Уже окружали нас козельские воры!

– Видал я, потому и вышел из лесу вам навстречу. Теперь у них сразу весь пыл пропал, – усмехнулся Алтухов, показывая рукой на козельскую сотню, которая карьером уходила в сторону города. – Что же стряслось в Козельске-то с вами?

Василий в коротких словах посвятил воеводу во все происшедшее. Алтухов был потрясен его рассказом.

– Господи, что же будет-то теперь? – промолвил он. – А к ярлыку ихнему ты хорошо ли присмотрелся? Может, это обман был, чтобы ты им добром Карачев оставил, а сам на удел пошел?

– Нет, ярлык будто правильный. Ханская тамга на месте, и, видать, писано в Орде.

– Коли есть какое сомнение, можно поглядеть, – сказал стоявший сбоку Софонов, запустив руку за пазуху. – Вот он, ярлык-то! Я, как выбегали из трапезной, прихватил его, для всякого случая, со стола!

## Глава 25

Невеселым было возвращение Василия. Едва приехав в Карачев, он затворился в своих покоях, настрого приказав слугам никого не впускать. События, которые на него обрушились, были столь неожиданны и грозны, что следовало их всесторонне обдумать и принять необходимые решения. Василий хорошо понимал, что от правильности этих решений будет зависеть не только его личная жизнь, но и судьба всего княжества, находящегося теперь на пороге братоубийственной войны, а может быть, и нового татарского нашествия.

При мысли о том, что все это случилось злою волею одного лишь человека, ибо остальные были только его пособниками, Василий вскакивал и начинал метаться по горнице. Он ни минуты не жалел о том, что убил звенигородского князя, опутавшего всех паутиной лжи и подлости, хладнокровно готовившегося предать своих родичей и принести в жертву своему честолюбию тысячи чужих жизней. Однако, будучи убежденным, что Андрей Мстиславич вполне заслужил свою участь, Василий в то же время сознавал, что смерть его весьма осложнила общее положение.

Для него теперь не оставалось никакой надежды восстановить свои права мирным путем. Что же делать? Отстаивать их силою оружия? Конечно, народ его поддержит и, если бы дело касалось только карачевских удельных князей, привести их к повиновению было бы нетрудно.

Но ведь теперь на него ополчатся две грозные силы, против которых он будет беспомощен: гнев золотоордынского хана и месть могущественной литовской родни князя Андрея. Если он, Василий, не уйдет из Карачева, хан Узбек, по первому требованию Тита Мстиславича, пришлет сюда татарское войско, которое разорит дотла этот мирный край, а половину уцелевшего населения угонит в рабство. Если же Тит к татарам почему-либо не обратится, нагрянут литовцы, уже стоящие на самых рубежах Черниговской земли и ожидающие лишь случая захватить ее, как совсем недавно захватили они земли Минскую, Полоцкую, Витебскую и иные исконно русские области. Ему, рядовому князю, воевать с такими противниками, как хан Узбек или великий князь Гедимин, значило бы зря губить свой народ.

Да и личное его положение было, по существу, безнадежно: узнав о происшедшем в Козельске, хан тотчас вызовет его в Орду и велит казнить, как казнил уже за неповиновение многих русских князей. Ведь он не поверит тому, что Василий сам собирался ехать в Сарай и был вынужден применить оружие лишь в порядке самозащиты. Нет, Узбек будет основываться на фактах, а эти факты хану представят в таком виде: когда ему, Василию, объявили ханскую волю, он ей подчиниться не захотел, в ярости убил звенигородского князя, а у Тита Мстиславича отобрал ярлык на княжение! И половины этого было бы достаточно для того, чтобы Узбек предал его лютой смерти.

Не поехать, по вызову хана, в Орду и скрыться где-либо в другом княжестве? Невозможно: ни один князь не станет рисковать головой, укрывая ослушника ханской воли. Да и трудно спрятаться на Руси столь заметной величине, как большой князь земли Карачевской... Отыскать и доставить его в Орду Узбек, несомненно, поручит своему любимцу, великому князю Ивану Даниловичу, а уж этот постарается не за страх, а за совесть, во-первых, угождая хану, а во-вторых, чтобы, пользуясь случаем, наложить руку и на Карачевское княжество.

Значит, оставаться на Руси равносильно неминуемой смерти. Избежать ее можно, лишь укрывшись в таком месте, до которого ханская рука не дотянется и где дали бы ему прибежище до благоприятного поворота в его судьбе. Но где найти подобное место? Литва и Польша исключаются, ибо там он попадет в руки Гедимины, который или сам с ним расправится, или выдаст его хану Узбеку. Не подходят и западные страны, путь в которые лежит через Литву. О странах восточных и говорить нечего: чтобы добраться до любой из них, нужно пересечь всю Золотую Орду, где без ханской пайцзы сразу будешь схвачен и отправлен в Сарай.

Выходит, что укрыться от Узбека негде, а сопротивляться ему ничтожными силами Карачевского княжества – бессмысленно. Значит, остается одно: не дожидаясь вызова, поехать в Орду самому и отдаться на милость хана. Свою жизнь он этим едва ли спасет, но Карачевская земля избежит разорения, убоицы или захвата ее московским князем.

После бессонной ночи и целого дня мучительных раздумий Василий остановился на этом решении и велел позвать к себе Никиту и воеводу Алтухова. Оба не замедлили явиться на зов.

– Ну вот, – сказал Василий после обмена приветствиями, – поразмыслил я крепко обо всем и вижу, что нет у меня иного пути, кроме как в Сарай, к хану Узбеку. Лучше добром и по своей воле туда явиться, нежели быть привезенным в железáх.

– Да ведь это все одно, что самому себя жизни лишиться! – воскликнул Никита.

– На все воля Божья, – ответил Василий.

– Волею Божьей дерево растет, – сказал Алтухов, – а человеку от Бога положено жить своим разумом. И я мыслю тако же, как Никита Гаврилыч: ехать тебе в Орду – это верная гибель. Аль не помнишь ты, как Узбек расправился с братом твоим двоюродным, с князем Александром Новосильским? Всем ведомо: вина на нем была не столь уж великая и сам он явился к хану с повинной. И не глядя на то, Узбек повелел привязать его к четырем коням и разорвать на части. А твое дело много хуже, и никакое покаяние тебя от лютой казни не спасет.

– Пусть меня не спасет, зато землю нашу уберезет от разорения. А мне, как я ни прикидывал, – конец один!

– Ну, это как знать! – сказал Никита. – За тебя весь народ наш подымется, как один человек.

– Напрасной гибели народу своему не хочу. Ну что мы одни супротив всей Орды сделаем?

– Вестимо, воевать с ханом негоже, – заметил Алтухов, – однако и без войны можно так обернуться, что и землю нашу не разорят, да и ты, Василей Пантелеич, цел останешься.

– Коли я отсюда добром выеду и сядет в Карачеве Тит Мстиславич, землю нашу никто зорить не станет. Только лучше уж мне прямо в Орду ехать, поелику все иные пути мне заказаны.

– Почто заказаны? – спросил Никита.

Василий пояснил, почему нельзя ему ехать ни на восток, ни на запад, ни тем паче оставаться где-либо на Руси.

– Думал и я о том, – сказал Алтухов, – только, сдастся мне, не все страны ты перебрал. Есть одна, где можешь ты найти надежное убежище, и путь туда будет безопасен.

– Где же отыскал ты такую страну? – с сомнением в голосе спросил Василий.

– За Каменным Поясом<sup>68</sup>, – пояснил воевода. – Я о Белой Орде говорю.

– Та же татарва, – сказал Никита. – Оттуда Василея Пантелеича прямо к Узбеку и свезут.

– Не свезут, а примут как дорогого гостя, когда узнают, что он туда приехал по вражде с Узбеком. Видать, не знаешь ты, что у них ныне творится.

– Не знаю, – честно признался Никита. – Думал я, что Белая Орда – это как бы золотоордынский удел и что тамошний хан лишь подручный Узбека.

– Так прежде и было. Только мало-помалу белоордынские ханы стали набирать все больше воли, а нынешний хан, Мубарек, и вовсе отказался почитать Узбека старшим. Узбек послал войско и, захватив расплохом его стольный город Сыгнак, посадил там сына своего Тинибека. А Мубарек перенес ставку далеко на полночь, кажись, к реке Джаику<sup>69</sup> и собирает там силы против Узбека. У белых ордынцев с золотыми вражда насмерть, и они Василея Пантелеича николи не выдадут. Он там безопаснее, чем где-либо, будет. И почти весь путь туда лежит по русским землям.

– Все это истина, – раздумчиво промолвил Василий. – Только больно уж это далекий край... Ставку свою хан Мубарек ныне держит в городе Чамга-Туре<sup>70</sup>, у самого Тобола. Это отсюда, почитай, верст с три тысячи будет.

– Ну и что? За два – два с половиной месяца не слишком и спеша доедешь. Как раз до начала холодов успеешь.

– Да я не к тому, что ехать долго. Край уж больно неведомый, люди чужие... От отчизны своей там буду начисто отрезан. Отсюда даже и важная весть туда, может, за целый год не дойдет!

– Не думай так, Василей Пантелеич! Белоордынские ханы в оба глаза следят за Золотою Ордой и за Русью, дабы своего случая не упустить. С Хорезмом, Персией и Китаем идет у них большая караванная торговля. Там всегда знают, что на свете делается. Ну а в случае чего особо важного, гонцов к тебе будем посылать.

– К тому же не век тебе там оставаться, – добавил Никита. – Узбеку уже под шестьдесят, небось долго не проживет. А к новому хану первым явишься, и обратно Карачев твоим будет.

– Ну что ж, – сказал Василий после небольшого раздумья, – иного выхода, видать, нету. Коли надобно выбирать промеж Белой Ордой и лютой смертью, думать долго не приходится. Собирай меня в путь, Никита, послезавтра поутру выеду.

– Никак без меня хочешь ехать? – с упреком в голосе промолвил Никита.

---

<sup>68</sup> *Каменным Поясом* в старину назывался Уральский хребет.

<sup>69</sup> *Джаик* – река Урал, Яик.

<sup>70</sup> *Чамга-Тура* – искаженное татарское название Чингиз-Тура, – это нынешний город Тюмень.

– Почто стану отрывать тебя от родной земли и увозить невесть куда, отколе, может, и возврату нам не будет?

– Эх, Василий Пантелеич, как мог ты помыслить, что я тебя в беде покину? Куда ты, туда и я... Опричь тебя, у меня все одно никого на свете нет.

– Ну, коли так, спаси тебя Христос, друг, – сказал Василий, обнимая Никиту. – С тобою вдвоем не так страшна и чужбина.

– Кабы не семья, и я бы с тобою поехал, – промолвил Алтухов. – Но людей-то лучше с собою брать поменьше, и о том, куда едешь ты, кроме нас троих, никто знать не должен. Какой путь мыслишь ты избрать?

– Надобно ехать так, чтобы миновать большие города и вместе с тем чтобы было покороче. Стало быть, отсюда сперва на Пронск, потом на Муром, а там на Волгу и Вятскую землю. Так всё лесами и поедем.

– Добро. Здесь станем говорить, что ты поехал в Пронск, сестрицу проведать, а оттуда, мол, мыслишь повернуть на Орду, чтобы спробовать обелиться перед царем Узбеком. Эдак до Пронска тебе можно ехать открыто, ни от кого не таясь, ну а дальше уже надобно будет вести путь в тайности и в случае каких встреч называться чужим именем.

При дальнейшем обсуждении было решено, что до Пронска Василий возьмет с собой Лаврушку и еще двух-трех дружинников, а дальше будет продолжать путь вдвоем с Никитой.

Сборы в дорогу были недолги. Ввиду дальности и трудности пути ехать следовало налегке, не обременяя себя лишним грузом и вьючными лошадьми. Золото и драгоценности, которые брал с собой Василий, обеспечивали возможность по приезде на место приобрести все, что потребуется, так что с собой решили взять лишь оружие и самое необходимое из одежды.

К обеду следующего дня все приготовления были закончены. О делах управления разговоров почти не было, так как предполагалось, что вскоре в Карачев явится князь Тит. Василий лишь наказал своим приближенным, чтобы никакого противления Титу Мстиславичу не делали и все бы ему пока повиновались как законному государю. Свое личное имущество, а также часть обстановки дворца, наиболее дорогую по воспоминаниям, он велел упаковать и отправить обозом в Пронск, Елене.

Хотя об этом и не говорилось открыто, но все понимали, что Василий покидает свое княжество надолго, может быть навсегда, а потому большинство старых слуг и многие дружинники выразили желание перейти пока на службу к Елене Пантелеймоновне и к ее мужу. Подумав немного, князь согласился на это и разрешил им следовать в Пронск с обозом.

Покончив с делами, Василий взял с собою Никиту и отправился к Аннушке. Последнее время они нечасто виделись: поняв, что ему надо порвать с прошлым и жениться на Ольге Муромской, Василий, хоть и оттягивал свое сватовство, все же старался бывать в Кашаевке пореже, чтобы и себе и Аннушке дать время постепенно отвыкнуть друг от друга. В отношении себя он в этом, пожалуй, преуспел. Находясь всегда на людях, будучи увлечен делами управления, он и в самом деле стал мало думать об Аннушке, утратил к ней остроту чувства, хотя и вспоминал ее с теплотой и нежностью. Она же, любя Василия больше, чем когда-либо, но понимая неизбежность разлуки, старалась не быть для любимого обузой и не выдавать ему своего горя.

Вкратце рассказав пораженной ужасом Аннушке о событиях последних дней, Василий сообщил ей, что наутро покидает Карачев и пришел проститься, быть может, навсегда.

– Васенька, ужели ж покинешь ты свое княжение? Ужели всех нас покинешь? – с трудом веря страшной действительности, промолвила наконец Аннушка. – Куда же поедешь ты отсель?

– Далеко еду, Аннушка, в чужие края... Какое уж тут княжение! Сейчас жизнь свою надобно спасать от проклятого хана, а дальше – что Бог даст. Может, и вернусь сюда, коли Узбек раньше меня помрет.

– И ты один поедешь?

– С Никитой. Не хочет он меня оставить.

– Кто ж хочет оставить тебя, солнышко наше? Коль дозволил бы ты, почитай, весь народ наш, до последнего человека, за тобой бы пошел!

– Ежели бы в том была польза народу, я бы его тоже никогда не оставил. Только и уезжаю потому, что надобно от земли нашей беду отвести и людей от татарской расправы избавить.

– Васенька, – помолчав, сказала Аннушка, – а как же теперь с этим-то будет... ну, с женитьбой твоей на княжне Ольге Юрьевне?

– Где там помышлять о женитьбе! Как могу я связать себя семьей, коли сам не ведаю, что завтра со мною будет? Да и кто ныне пойдет за меня, за изгоя бездомного, у которого смерть за плечами стоит?

– Князь мой светлый! – воскликнула Аннушка, опускаясь на колени и охватывая Василия руками. – Знаю, неровня я тебе и женою твоей стать не мыслю. Но всею моею любовью великой тебя заклинаю: дозвожь с тобою ехать, хоть служанкой твоей, хоть последней рабой! Все невзгоды пути, всю горечь разлуки с родною землей, самую смерть с тобою разделю с радостью и, умирая, буду Господа славить за посланное мне счастье! Васенька! Васенька! – И Аннушка разразилась бурными рыданиями.

– Что ты, Христос с тобой, ласточка! – растроганно промолвил Василий, поднимая ее и нежно целуя залитые слезами глаза. – Думаешь, мне легко с тобою расставаться? Но сама ты помысли, как могу взять тебя с собою, коли не ведаю, куда ведет меня злая судьба? Ждут меня долгие скитания по глухим лесам, многие опасности, быть может, погоня. Один я от нее уйду и опасность одолею, ну а с тобою мы оба погибнем. Не плачь, зоренька, Бог милостив: авось еще встретимся!

– Нет, родной, нет, любимый мой, – сквозь слезы прошептала Аннушка, вся прикинув к нему, – чуется мое сердце: не увижу больше тебя... Разлучит нас судьба навеки.

Два часа спустя Василий в последний раз обнял Аннушку и, с трудом оторвав ее от себя, почти выбежал на крыльцо. Внизу уже ожидал Никита, держа в поводу княжеского коня. Пока они не скрылись за воротами, Аннушка крестила их вслед торопливыми движениями руки, потом пошатнулась и без чувств упала на пол.

\* \* \*

Вечером того же дня Василий созвал на прощальный ужин всех приближенных и служилых дворян. В большой трапезной карачевского дворца их собралось более ста человек. Все знали уже о событиях, случившихся в Козельске, и о том, что князь их покидает, быть может, навсегда, а потому в начале трапезы за столами царило общее уныние. Однако по мере того как слуги приносили из страпной все новые блюда, а из княжеских погребов потекли в трапезную самые старые и дорогие вина, настроение у всех стало подниматься и сразу приняло воинственный характер.

Гости умоляли Василия не покидать княжения и силою оружия отстаивать свои права. Хватаясь за сабли, они клялись положить головы за своего князя и воевать за него с кем угодно. Кто-то предложил не мешкая поднять дружину и скакать в Козельск, чтобы «научить уму-разуму старого вора Тита Мстиславича и его щенков». Почти все присутствующие с восторгом откликнулись на это предложение, и Василию стоило немалого труда унять разбушевавшиеся страсти.

Убедив негодующих людей в том, что всякое насилие теперь пойдет ему, князю, только на вред, он честью их обязал не выступать против князя Тита и не нарушать мира в Карачевской земле.

В конце трапезы Василий оделил всех приглашенных богатыми подарками, дал воеводам денег для раздачи младшим дружинникам, не забыл и дворцовую челядь, а затем простился со своими дворянами, трижды целуясь с каждым.

## Глава 26

Ранним утром двадцать седьмого июля 1339 года князь Василий Пантелеймонович в сопровождении Никиты вышел на крыльцо карачевского дворца. Оба были в дорожном облачении и при саблях. Идущий сзади отрок нес их луки и колчаны со стрелами.

Двор был полон воев и челяди, собравшейся, чтобы проводить своего господина, а прямо напротив крыльца стояла конная сотня в походном снаряжении и со выюками. Она должна была сопровождать Василия до Пронска, ибо накануне вечером по общему настоянию старшин князь согласился взять с собою часть дружинников, которые выразили желание перейти на службу к пронским князьям. Эта мера предосторожности была нелишней, так как о предстоящей поездке Василия знали все, и, если слухи о ней дошли до Козельска, по дороге можно было ожидать засады и нападения.

Поздоровавшись со стоящими на крыльце воеводами и боярскими детьми, получившими дозволение проводить его до первого ночлега, Василий сказал несколько приветливых слов столпившимся во дворе людям, которые в ответ разразились громкими криками. В них перемешались горькое сожаление, и добрые напутствия, и надежды на скорое возвращение князя, но громче всего звучали угрозы по адресу его врагов.

Василий, бледный и взволнованный, медленно обвел глазами толпу и обширный двор, мысленно прощаясь со всем, что его окружало с детства, и стараясь навсегда запечатлеть в памяти каждое лицо, каждый предмет. Потом молча поклонился народу в землю, быстро сошел с крыльца и вскочил на поданного ему коня. Вся свита последовала его примеру.

– Ничего не забыл ты, княже? – спросил воевода Алтухов. – Коли так, будем выезжать?

– Обожди, – сказал Василий, – осталось одно дело, которое я доселева откладывал, дабы свершить его в этот час и при всем народе. Привести сюда боярина Шестака!

Никита сделал знак Лаврушке, и последний, соскочив с коня и придерживая рукой саблю, бегом скрылся за углом дворца. Через несколько минут Шестак, который просидел все эти дни в подвале и ничего не знал о случившемся, был выведен во двор и поставлен перед Василием. Глаза его с опасливым недоумением оглядывали сидящего на коне князя, готовый к выезду отряд и толпившуюся вокруг, взволнованную челядь. По всему было видно, что произошло нечто чрезвычайное, но что именно? Как угадать это и как держать себя с Василием?

Впрочем, Шестаку не пришлось долго ломать над этим голову.

– Ну вот, боярин, радуйся: твоя взяла, – с еле уловимой насмешкой в голосе промолвил Василий. – Как видишь, покидаю свою вотчину, а на карачевский стол твоим и князя Андрея радением сядет ныне новый государь, Тит Мстиславич. Чай, теперь ты доволен?

Бурная радость родилась в груди Шестака и, почти не таясь, выглянула из его маленьких, припухших глаз.

«Стало быть, испугался хана и обмяк наш умник, – подумал он. – Великое княжение добром отдает Титу, а сам небось выезжает на удел!»

Боярин был настолько уверен в правильности своей догадки, что вмиг приосанился и лицо его снова приняло обычное, важно-самодовольное выражение.

– Вот так-то оно лучше, Василей Пантелеич, – наставительным тоном сказал он. – Хвалю за то, что признал ты старшинство князя Тита Мстиславича и добром уступил ему набольший стол. Уж он княжить сумеет по старине и бояр своих сажать в подвал не станет! Одначе ежели все обошлось миром и по-хорошему, – об этом тоже поминать больше не будем!!

– Ну спасибо на добром слове, боярин! А я, признаться, даже твоего гнева страшился. Только уж ты меня до конца уважь, поведай, не видал ли еще каких-либо вещей снов дружок твой, Андрей Мстиславич?

– А о том ты лучше у него самого спроси.

– Да вот жаль не догадался этого прежде сделать, а теперь уже поздно: наемдни ссек я ему в Козельске голову.

– Господа побойся, княже! Нешто таким шутят? – побледнев и начиная дрожать, пробормотал Шестак, сообразивший наконец, что дело прошло вовсе не так гладко, как ему представилось.

– Мне шутить недосуг, боярин: как видишь, тороплюсь в дальний путь. Тебя же, поелику ты столь много для этого потрудился, оставляю здесь встречать нового князя. Заодно передашь ему самолично ханский ярлык, который мы по, завезли из Козельска. А чтобы ты Тита Мстиславича, как по заслугам твоим подobaет, первым увидел, мы тебя пристроим повыше... Повесить его на воротах, – громко сказал он, обращаясь к окружающим, – да не снимать до прибытия князя Тита.

Несколько дюжих дружинников разом подхватили отчаянно кричавшего и вырывавшегося Шестака и поволокли его к воротам. Не прошло и пяти минут, как тело его, подтянутое под самую стреху проездной башни, судорожно подернувшись, повисло над въездом в карачевский кремль.

Василий, уже выехавший из ворот, придержал коня и оглянулся на покачивающийся в воздухе труп боярина, к груди которого был приколот развернутый пергамент с алою тамгой великого хана Узбека.

– Ну вот, Тит Мстиславич, – промолвил он, – для твоего иудина княжения вывеску я оставляю самую подходящую... А грядущее известно одному Господу.

С этими словами он повернул коня и, став в голове своего небольшого отряда, не оборачиваясь больше, начал спускаться с кремлевского холма.

\* \* \*

В прохладной и пахнувшей сухими травами келье Покровского монастыря, вздыхая и скорбя о безвременной гибели боголюбивого князя Андрея Мстиславича, еще недавно отписавшего монастырю пятьсот четей пахоты, монах-летописец в эти дни записал:

«В лето 6847 уьен бысть князь Звенигородский Андрей Мъстиславичъ, от своего брата танича, от Пантелеева сына, от окааннаго Василиа, месяца июля в 23, на память святого мученика Трофима»<sup>71</sup>.

Перечитав написанное и подумав немного, монах тщательно выскоблил слово «Звенигородский» и вписал вместо него «Козельский».

«Так хотел Господь, – подумал инок, присыпав написанное сухим песком и свертывая рукопись. – Не довелось благодетелю нашему в Козельске покняжить, однако царевой волей был он уже козельским князем».

---

<sup>71</sup> Текст Троицкой летописи.

## Часть третья Изгнанник

### Глава 27

Тяжко было на душе у Василия. Так тяжело, что не радовали его ни погожий день, ни яркое солнце, живительным теплом своим наводнившее зеленые просторы Карачевской земли. Земли, которая еще считала его, Василия, своим хозяином и государем, верила в его правду и ждала от него справедливого и мудрого устройства. А он проезжает по ней, быть может, в последний раз, отправляясь в далекое изгнание.

Мысли эти так мучили Василия, что он, не глядя по сторонам и не замечая прелестей окружающей природы, то и дело понукал своего жеребца, и к полудню, покрыв уже более сорока верст, отряд его выехал на пологий берег речки Злыни, которая пересекала дорогу на половине пути от Карачева до рубежей соседнего, Новосильского княжества, принадлежавшего потомкам князя Симеона Михайловича, старшего брата Мстислава Карачевского<sup>72</sup>. Здесь надо было сделать привал, чтобы дать отдых притомившимся лошадям.

Поблизости находилось большое село Злынь, в котором все думали остановиться, но Василий неожиданно этому воспротивился. Всего неделю тому назад он приезжал сюда как князь и властодержец, выспросив о нуждах крестьян, обещал им широкую помощь, – предстать теперь перед ними бесправным и бессильным изгоем было выше его сил. Проехав еще несколько верст по берегу реки, отряд остановился в зеленой низине, у подножья одного из четырех могильных курганов, насыпанных здесь неизвестно каким и когда исчезнувшим народом.

Выслав дозорцев в сторону ближайшего леса и поставив наблюдателя на вершине кургана, воевода Алтухов позволил дружинникам расседлать коней и отдыхать. Пока кашевары разводили костры и в нескольких железных котлах варили пшеничную кашу с салом, остальные воины, сбросив с себя оружие и доспехи, с наслаждением растянулись на прохладной траве, а некоторые побежали к речке, чтобы напиться и освежить головы студеной водой.

Вскоре из-под крутого глинистого берега послышались возбужденные голоса, и оттуда появилось несколько дружинников, с трудом тащивших наверх сильно загнутый костяной бивень аршина в четыре длиной.

– Гляди, ребята, чего мы под кручей нашли! – крикнул один из них. – Там берег, видать, обвалился, и эдакая прорва костей наружу выперла! Вот то, братцы мои, кости так кости! Одна башка, почитай, с целую корову будет!

Человек двадцать поднялись с места и отправились к реке взглянуть на интересную находку. Действительно, благодаря береговому оползнию здесь обнаружился почти целый скелет огромного, никому не ведомого животного.

– Экое чудище, – промолвил Лаврушка, находившийся в числе любопытных. – И где же это такие водятся?

– Нигде они не водятся, и николи их на свете не было, – поучительно сказал пожилой дружинник, стоявший рядом. – Таких костяков, да и иных еще пострашнее, в этом месте находят немало. А понаделал их дьявол. Он, нечистый дух, как сведал о том, что Господь Бог сотворил на земле всякую живность, давай и себе то же пробовать, в преисподней. И, знамо дело, норовил, чтобы его скоты покрупней да пострашнее Божьих-то тварей вышли. Вот в разных местах земли искал он подходящую глину и лепил невесть каких зверей и скотов, только ни

---

<sup>72</sup> От Новосильских пошли ныне угасшие роды князей Воротынских и Одоевских.

кубля у него не получилось! Самую-то тварь задуманную он хотя и производил, а вот жизни ей дать никак не мог. Так и пооставались под землей все его изделия, коими в гордыне своей тщился он затмить Господнюю славу.

– Вот страсти были бы, ежели удалось бы нечистому расплодить по земле таких тварей, – сказал Лаврушка, опасливо притрагиваясь носком сапога к огромному желто-коричневому ребру. – Какого же это скота он здесь мастерил?

– По всему видать, что хотел он сделать огромную корову, только роги ей зачем-то не на голову, а в рот воткнул. В этих краях еще иную чертовщину находят, тоже под стать этой, но роги у ее прямо на носу посажены, один позади другого<sup>73</sup>.

– Экая диковина! – изумился кто-то из молодых воинов. – До какого только озорства не додумается нечистая сила!

– На озорство да на затеи дьявол горазд, а истинного уменя нет: не его твари, а Господни заселили землю.

– А я, братцы, иное слышал, – вмешался в разговор третий дружинник. – Баял у нас на деревне один бывалый старик, что перед потопом велел Господь Ной выстроить ковчег в триста локтей и собрать туды со всей земли по семи пар чистых да по паре нечистых скотов. Вот и почал Ной с сыновьями ловить всякую живность, и такие ему диковинные твари в чужих землях стали попадаться, коих он николи и во сне не видывал! Поди угадай, чистая она али нечистая? А у Ноя делов невпроворот, и надобно с ними поспешать, чтобы самому не утопнуть. Вот он и рассудил: всех неведомых ему зверей брать, на такой случай, по семи пар. «Эдак, думает, я не промахнусь: коли та животина окажется чистая, вот и ладно, а коли нечистая, шесть лишних пар утопить недолго».

Так, значит, и сделал. Вот отплыли. Только вскорости видит Ной – на ковчеге столько всякого зверья понапахато, что людям хоть в воду сигай! Возроптал тут Ной на Бога: «Пошто ты, Господи, не велел мне ковчег попросторнее выстроить? И вот через это теперь всем нам крышка, и людям, и тварям!» А Господь ему в ответ: «А ты зачем, – говорит, – старый гриб, меня не послушал и всякой нечисти по семи пар нахватал? Зараз вали всех лишних в воду!» Взялись тут Ной и сыны его за рогатины и давай спихивать долой самую крупную животину. А та не дается, жить-то ведь и ей хочется! Такое поднялось, не приведи Господи! Где уж тут разбираться что к чему да отсчитывать по шести пар? Самых огромных и самых охальных скотов поперли с ковчеге всех подряд, да и дело с концом! Пошли они прямо на дно, затянуло их илом, вот теперь, значит, их костяки кое-где и попадаются. А на земле ныне таких тварей нету, ибо Ной вгорячах всех их перетопил и ни одной пары на приплод не оставил.

– Не может того быть, – возразил пожилой дружинник. – Ведь ежели бы Ной эдаких зверей по семи пар с собою брал, ему бы надо ладить ковчег не в триста локтей, а в триста сажен, а то и поболее.

– Локоть локтю рознь. Коли Ной эдакую скотиняку мог живьем словить, локоть у него наверняка был не короче сажени!

– От ученых греков ведомо, что зверь этот зовется мамутом, – сказал Василий, тоже подошедший взглянуть на диковину. – Говорят, в далекие времена, когда и людей тут, почитай, не было, много их жило по здешним лесам. После они в наших краях повывелись, ну а в полуденных странах им подобные есть еще и теперь. Так что, видать, тварь эта в Ноевом хозяйстве все же была и с ковчеге ее не сбросили.

Нарастающий конский топот оборвал разговор и заставил всех повернуть головы в сторону дороги. По ней во весь мах приближались к кургану два покрытых пылью всадника. Когда, подскакав вплотную, они разом осадили коней и спрыгнули на землю, Василий с удивлением узнал в одном из них боярского сына Дмитрия Шабанова.

<sup>73</sup> В районе реки Злыни нередко обнаруживались кости мамонтов и их современников – шерстистых носорогов.

– Будь здоров на многие лета, батюшка-князь Василей Пантелеевич, – промолвил он, кланясь в пояс. – Насилу настигли мы тебя!

– Будь здоров и ты, Дмитрий Романович, – ответил Василий. – Какая нужда заставила тебя за мною гнаться?

– Дошло до нас в Брянске, что дядя твой, Тит Мстиславич, выправил у хана ярлык на карачевский стол и что ты свое княжение покидаешь. Так вот, сведав о том, снова собрался у нас народ, и порешили мы вдругораз бить тебе челом: чтобы ты князю Титу в крайности Карачев оставил, а сам бы шел к нам княжить. Знаем мы, что дружина твоя тебя не покинет, и, коли придешь ты к Брянску хотя бы с малым войском, Глеба Святославича в тот же час скинем. Он и так уже еле держится, и воев при нем вовсе мало осталось. А после, ежели пожелаешь, мы тебе супротив твоих карачевских воров пособим!

– Спаси Бог тебя и весь народ брянский на добром слове, – ответил Василий после короткого раздумья. – За честь и за любовь злом вам платить не хочу и потому челобитную вашу не приму. Великие беды навлек бы я на Брянщину, коли бы ее принял. Может, вам не вся правда ведома, так я тебе сам скажу: своею рукою казнил я за измену звенигородского князя, велел повесить и пособника его, боярина Шестака. Тита Мстиславича пожалел, ибо по всему видать, что те двое его опутали и сам он не рад, что ввязался в это воровское дело. Словом, выходит, что пошел я супротив ханской воли, и Узбек мне того не простит. Вот ты и разумеи: ежели приму я вашу челобитную, Глеб Святославич немедля отправится с жалобой в Орду, и хан с превеликой охотой даст ему татарское войско, которое разорит и разграбит вашу землю за то, что согнали своего князя и призвали меня, ханского слушника. Ни на Брянщину, ни на свою вотчину навлекать такого лиха не хочу, потому и покидаю добром эти края.

– Неужто ничего нельзя сделать, Василей Пантелеевич? Ведь вся земля наша тебя князем хочет!

– Я ей в том не отказываю, но надобно переждать. Узбек уже стар и хвор, не сегодня завтра он помереть может. По всему видать, что после него на царство сядет его сын Джанибек, а он, говорят, не в отца: добр и милостив. Не теряя часу, явлюся к нему с повинной, и пусть даже он мне Карачева не вернет, – буду просить у него брянский стол. Также и вы, не упуская времени, посылайте к нему выборных людей и бейте челом о том же. Господь милостив, авось и недолго нам ждать придется.

– Экое нам злосчастье, княже! И надо же было твоим дядьям к хану соваться! Обождали бы чуток, перешел бы ты на княжение в Брянск, и всем было бы любо. А теперь, гляди, какая каша заварилась!

– Эх, Дмитрий Романович, беда не хлеб – ее на свете для всех достает. Сейчас лишь о том надобно думать, как бы хуже не сделать.

– Что же, Василей Пантелеевич, коли иначе нельзя, станем на том, что ты сказал. Будем ожидать смерти Узбека. Глеба Святославича мы к тому времени все одно скинем и иного князя к себе не примем. Скажи только, куда ты теперь путь держишь и где мы сыскать тебя можем, ежели надобно будет гонца к тебе послать с какой-либо важной вестью?

Взяв Шабанова под руку, Василий отвел его на несколько шагов в сторону и, понизив голос, сказал:

– Тебе, Дмитрий Романович, верю и тайну эту открою: буду я в Белой Орде, у хана Мубарека. Он с Золотою Ордой во вражде, и там меня Узбек едва ли достанет. Только на Руси знать о том никто, опричь тебя и воеводы Алтухова, не должен, особливо сейчас, покуда я до места не доехал, а хан Узбек малость не поостыл. Зря ты ко мне вестников не гоняй, а, ежели случится какой-либо большой поворот в наших делах, тебе теперь ведомо, где меня искать. Может, и я тебе оттуда какую весть подам.

– За доверие спаси тебя Христос, княже, – я его не обману. Только едва ли сохранишь ты тайну, коли с таким отрядом пойдешь за Каменный Пояс.

– Нет, все эти люди со мною идут лишь до Пронска. Там малость погощу у сестры, а дальше поеду вдвоем с Никитой Толбугиным. Ты, чай, его по Брянску хорошо знаешь.

– Как не знать! Это спутник надежный, он один целого десятка стоит. А мне не дозволишь, Василий Пантелеевич, проводить тебя до ночлега?

– Сделай милость! Вот сейчас перекусим, отдохнут маленько кони, да и тронем дальше. На берегу Оки заночуем, а в обрат тебе будут попутчики: тут многие меня лишь на один перегон сопровождают.

После обеда жара сильно давала себя знать. Ехали, не горяча лошадей, и к заходу солнца, сделав верст тридцать, остановились на левом берегу неширокой в этом месте Оки, чуть ниже впадения в нее реки Зуши.

Пока слуги разбивали ему походный шатер, Василий отстегнул саблю и, сбросив кафтан, подошел к краю невысокого обрыва, спускающегося к реке. В подернутой рябью воде отражалось пламя заката, под нависшими ветвями прибрежных ив сгущались вечерние тени. В неподвижном, еще горячем воздухе весело суетилась мошкара, за нею гонялись проворные стрижи, внизу плескались и гоготали купающиеся дружинники. Как хорош этот полный покоя и мира вечер, последний вечер на родной земле! Василий глянул на противоположный берег Оки, и в темной полосе расстелившегося там леса ему почудилось что-то чужое и мрачное. За рекою уже начинались земли Новосильского княжества.

В эту ночь Василий почти не сомкнул глаз. Он еще не покинул родину, а уже томительная тоска по ней глодала его сердце. Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, он принялся всесторонне обдумывать предстоящее ему путешествие и старался представить себе, как сложится его жизнь на чужбине. А едва за Окою порозовело небо, он поднял своих людей и приказал начать переправу.

В этом месте правый берег Оки был лесист и безлюден, нигде не виднелось ни жилья, ни возделанных полей. Это было к лучшему: новосильский князь Степан Александрович доводился звенигородскому князю зятем и ожидать от него хорошего приема не приходилось. По землям его княжества надо было ехать около двухсот верст, которые Василий рассчитывал покрыть в четыре дневных перехода, минуя обжитые места. Это было нетрудно: в Новосильском княжестве городов было мало и все они лежали в стороне от прямого пути на Пронск. Василий не раз ездил этой дорогой и знал ее хорошо. Вначале она шла глухими лесами, а далее пустынными берегами реки Непрядвы и верховьями Дона, через дикое Куликово поле.

Еще не взошло солнце, когда Василий Пантелеймонович, простившись с остающимися, вскочил на коня и направил его в прохладную, курящуюся утренней дымкой воду Оки. Воевода Алтухов, Шабанов и другие дворяне, провожавшие своего князя, стоя у брода, долго еще глядели вслед уходящим. И лишь когда последнего дружинника поглотила на том берегу лесная заросль, они повернули коней и медленно тронулись в сторону Карачева.

## Глава 28

*В лето 6605 (1097) приидоша князи рускни в Любеч на строение мира и сице к собе глаголаше: почто губим землю русскую, сами на ся рать деюще, а половци землю нашу зорят? Да имемся отныне во един ум и сердце, и блюдем землю нашу, и каждый да держит во потомство отчизну свою. И на том целоваша крест честной.*

*Никоновская летопись*

Княжество Пронское, раскинувшееся по сторонам реки Прони и ее протока Рановы, было невелико по занимаемой площади, но довольно густо населено. Природа здесь была щедрa и милостива к человеку, а потому он крепко держался за свое место, невзирая на то

что Пронская земля издавна служила ареной кровавых междоусобий и постоянных набегов степных кочевников.

Степь, служившая для Руси источником большинства бед и опасностей, вклинилась тут длинным языком в русский лесной массив, а потому все грабительские набеги половцев, а позже завоевательные походы монголов шли обычно этим путем, через Рязанскую и Пронскую земли. Таким образом, уже на заре нашей истории возникла необходимость в сооружении здесь надежных оборонительных пунктов, одним из которых и явился город Пронск, построенный в начале XI века, а позже превращенный черниговскими князьями в очень сильную крепость, которая должна была охранять северо-восточные окраины великого княжества Черниговского, простиравшегося в ту пору от Днепра до Волги.

Пользуясь случаем, стоит сказать несколько слов об этом княжестве, которое в XII веке было на Руси явно преобладающим как по величине и по количеству городов, так и по значению, что сейчас мало кому известно, так как наши казенные историки об этом распространяться избегали, всегда и во всем отдавая предпочтение княжеству Киевскому. Это естественно, ибо русская история строилась почти исключительно на киевских летописях и документах, которые были далеко не беспристрастны по отношению к Чернигову и к его князьям – главным соперникам князей киевских.

В 1097 году на Любечском съезде, где произошёл передел княжеских владений, за черниговскими князьями, помимо их основной вотчины, были потомственно закреплены также земли Новгород-Северская, Муромо-Рязанская и Вятская. Таким образом, применительно к позднейшей карте России, в состав этого княжества вошли целиком губернии: Черниговская, Орловская, Курская, Воронежская и Калужская и частично – Московская, Владимирская, Нижегородская, Смоленская, Могилевская, Харьковская и Полтавская. Кроме того, ему принадлежала весьма важная для всей Руси колония Тмутаракань, лежавшая на берегах Черного и Азовского морей и охватывавшая нынешний Таманский полуостров, Северный Кавказ и восточную часть Крыма с городом Корчевом<sup>74</sup>. Русские обосновались там очень давно, по некоторым данным еще в конце VIII столетия, а в середине девятого уже вели оттуда водную торговлю с Византией и с народами Кавказа, а также пользовались Тмутараканью как превосходной военно-морской базой. В XI столетии эта область сделалась уделом Черниговского княжества<sup>75</sup>.

Правда, последнее в таком объеме просуществовало недолго: уже в ближайшие десятилетия от него отделилась Рязанская область (сделавшаяся самостоятельным княжеством), северная часть Вятской земли<sup>76</sup> обособилась под властью суздальских князей, и Тмутаракань была захвачена половцами. Но и после этого Черниговское княжество сохраняло свое первенствующее на Руси значение, и его князья до самого татарского нашествия фактически распоряжались Киевом и великокняжеским столом.

Следует отметить, что истинным создателем этого обширного государства, охватывавшего всю центральную часть Руси, был черниговский князь Олег Святославич, которому русская история дает весьма отрицательную и далекую от объективности оценку. Причину этого понять нетрудно: он неоднократно и не без успеха воевал с Киевом, а вся его характери-

---

<sup>74</sup> *Корчев* – нынешняя Керчь, древняя Пантикапея.

<sup>75</sup> По-видимому, эта «Тмутараканская Русь» приняла христианство задолго до Киевской Руси, ибо уже в 867 г. (за 121 г. до киевского крещения) вселенский патриарх Фотий особым посланием сообщает другим восточным патриархам о крещении Руси. Никаких географических указаний мы в этом послании не находим, но приблизительно с этого же времени в списке подведомственных Византии епархий появляется Тмутараканская.

<sup>76</sup> Под *Вятской землей* тут подразумевается не нынешняя Вятская область, а территория, которая в древности была заселена славянским племенем вятичей, – это примерно позднейшие губернии Орловская, Калужская, Тульская, Московская и Владимирская.

стика построена нашими историками именно на киевских письменных источниках и летописях, крайне к нему недоброжелательных.

Автор «Слова о полку Игореве», как известно, киевлянин, явно враждебный Олегу, иронически величает его «Гориславичем» и указывает на него как на главного виновника всех междоусобных войн того времени, который «мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял», отчего будто бы:

Век человеческий скоротился,  
А по Русской земле  
Редко пахарь покрикивал,  
Но часто вороны граяли,  
Трупы меж собою деля.

Летописец тоже не жалеет для него черной краски, изображая заносчивым и себялюбивым гордецом и честолюбцем, который постоянно бунтовал против законности, разорял Русскую землю с помощью «поганных» половцев и был истинным бичом Божиим для всей Руси.

Трудно не усомниться в справедливости этой оценки, особенно если мы вспомним, что дошедшая до нас древнекиевская летопись, так называемая Несторовская, была подвергнута специальной переработке, согласно указаниям великого князя Владимира Мономаха, с которым больше всего враждовал и воевал Олег Святославич. Это с полной несомненностью установил и блестяще доказал в конце прошлого столетия известный русский ученый, академик А.А.Шахматов.

Другой ученый-историк, академик Б.Д.Греков, в своем капитальном труде «Киевская Русь» тоже подробно пишет о том, что, вступив на великое княжение, Мономах передал киевскую летопись из Печерского монастыря в Михайловский Выдубецкий, построенный его отцом, и поручил игумену Сильвестру переделать эту летопись наново, что Сильвестр и выполнил, руководствуясь указаниями и пожеланиями великого князя. После этого старый текст летописи, написанный печерским монахом Нестором, был уничтожен, а игумен Сильвестр получил епископскую кафедру в городе Переяславле.

Академик Греков прямо называет Владимира Мономаха заказчиком этой «обновленной» летописи и подчеркивает, что она была составлена в нужном ему духе: он стремился к возвеличению своей, киевской династии и к ее непрерываемому главенству на Руси – в этих целях ему было нужно принизить в общественном мнении своих соперников, самым серьезным из которых был черниговский князь Олег Святославич. В нашей русской практике это, по-видимому, первый случай, когда историческая правда или какая-то ее часть была сознательно принесена в жертву политическому расчету. Позже это не раз повторялось и наконец вошло в своего рода обычай. В итоге можно смело утверждать, что в угоду тем или иным лицам, общественным группировкам и политическим тенденциям наша отечественная история оказалась в значительной степени искаженной и фальсифицированной, как, впрочем, и история почти всех других народов.

Однако для людей, посвятивших себя серьезному изучению прошлого, не все такие подтасовки проходят незамеченными, ибо они часто противоречат другим, не подлежащим сомнению фактам, что иной раз и позволяет в какой-то мере восстановить истину.

Так обстоит дело и в данном случае. Тот же покладистый игумен Сильвестр, хотя и старался в угоду киевскому князю представить в самом невыгодном освещении князя черниговского, все же сохранил в летописи весьма любопытное и важное свидетельство: во время шедшей тогда длительной междоусобной войны многие подвластные Киеву города не желали поднимать оружия против Олега Святославича и при его приближении гостеприимно открывали ему ворота, выражая полную покорность. Так, например, когда объединенная рать под-

властных Киеву князей во главе с Владимиром Мономахом вынудила Олега уйти из Чернигова, он сейчас же нашел прибежище в чужом городе Стародубе, где все население его энергично поддержало. Затем ему без всякого сопротивления сдались неприятельские города Муром, Суздаль, Ростов и другие. Таким образом, Олег, располагавший незначительным войском, в короткий срок превратился из преследуемого беглеца в полного хозяина всей северной Руси. И современный историк-исследователь не без удивления отмечает: «Характерно, что нигде горожане не оказывали Олегу сопротивления и всюду сели его наместники, собирающие для него дань»<sup>77</sup>.

Действительно, есть чему удивляться, если верить той характеристике, которую дает Олегу Святославичу киевский летописец: как это против столь ненавистного князя, разорявшего Русскую землю вместе с половцами, народ нигде не желал поднимать оружия и явно предпочитал его своим собственным князьям? Но если верить не летописцу, а фактам, то следует заключить как раз обратное: что Олег Святославич был на Руси весьма популярен и ему открыто симпатизировало население даже тех княжеств, которые принадлежали к враждебной коалиции.

И если внимательно изучить касающиеся его исторические материалы и предания, очистив их от голословной предвзятости, такое отношение к нему народа делается понятным, ибо перед нами встанет образ умного и дальновидного государственного мужа, славного воина и, видимо, исключительно обаятельного человека. Приписываемая ему гордыня, может быть, имела место в отношении враждовавших с ним князей, но в то же время в действиях его хорошо заметны великодушие и благородство.

Войны, которые он вел, отнюдь не были продиктованы корыстью или честолюбием. Являясь жертвой вопиющей несправедливости и будучи обездоленным старшими родичами, Олег Святославич только защищал свои законные права и одновременно боролся против пагубной для Руси системы наследования, установившейся в потомстве Ярослава Мудрого.

В силу этой системы вся Русь рассматривалась как совместное достояние княжеской семьи, старший член которой сидел в Киеве и назывался великим князем, а остальные, в порядке старшинства, княжили в следующих по богатству и значению городах: Новгороде, Чернигове, Переяславле, Смоленске, Владимире-Волынском, Ростове, Муроме и т.д. Когда умирал кто-нибудь из старших князей, его место занимал следующий по старшинству, а все остальные передвигались из города в город, на одну иерархическую ступень ближе к Киеву, причем старшинство и наследование шло не от отца к сыну, а от брата к брату, и от последнего из братьев к старшему племяннику.

При такой постановке ни один князь не считал нужным как следует заботиться о благоустройстве своего временного княжества, которое через короткий срок достанется кому-то другому и ни в коем случае не закрепится в его прямом потомстве. Подобный порядок имел и другой, весьма существенный недостаток: князья при жизни своей не имели возможности законным образом обеспечить будущее своих сыновей и старались сделать это обходными путями или силой. Вдобавок, когда род Рюрика сильно разросся, установление общей линии старшинства стало очень нелегким и спорным делом. На почве этой путаницы возникали и множились распри и злоупотребления, которые приводили к бесчисленным междоусобным войнам, разорявшим страну.

Вот что, в общих чертах, произошло тогда в Киеве: Ярослав Мудрый, умирая, завещал великокняжеский стол своему старшему сыну Изяславу, который не пользовался любовью киевлян. При первом же удобном случае киевское вече «указало ему от себя путь». Он уехал в Польшу, но через несколько месяцев возвратился оттуда с польским войском и снова овладел Киевом. Однако вскоре киевляне выгнали его вторично, а на великое княжение призвали его

---

<sup>77</sup> См. «Очерки истории СССР». Изд. Академии наук. Т. «IX–XIII вв.». С. 397.

следующего по старшинству брата, всеми любимого черниговского князя Святослава. Когда последний через несколько лет умер, великим князем, с помощью поляков, снова сделался Изяслав Ярославич.

В отместку своему брату Святославу он немедленно объявил всех его сыновей, и в том числе Олега, «изгоями», лишенными права занимать княжеские столы и участвовать в общей линии наследования. Получилось так, что сыну только что умершего великого князя не оказалось места на Руси, которой он к тому же успел со славою послужить: командуя русской ратью, посланной в помощь польскому королю Болеславу Смелому, Олег одержал блестящие победы над его врагами – немцами и чехами, занял всю Чехию и взял с побежденных крупную дань.

Старший брат Олега, Глеб Святославич, княживший в Новгороде, был предательски убит по приказу Изяслава, который посадил на его место своего сына Святополка. Велено было убить и Олега, но он успел бежать в Тмутаракань, где нашел надежное убежище.

Через два года, заключив союз с другими князьями-изгоями и с одним из половецких ханов, он собрал рать и повел ее на Киев.

Этот союз с половцами киевский летописец вменяет Олегу как небывалое преступление. Однако в нем не было ничего необычного: Олег Святославич был не первым и не последним из русских князей, пользовавшихся военной помощью половцев. И чаще всех ею пользовались именно киевские князья. Кроме того, следует обратить внимание на то, что противник Олега, великий князь Изяслав, будучи изгнанным из Киева, возвратился туда с помощью поляков; изгнанный вторично, пытался заключить союз с немцами, а когда в этом не преуспел, просил помощи у папы Григория VII, обещая в случае успеха обратить Русь в католичество и признать верховную власть Рима! Неужели киевскому летописцу Сильвестру все это казалось менее предосудительным, чем временный и ни к чему не обязывающий союз с половцами?

Правда, половцы в ту пору часто нападали на русские земли, но абсолютными и постоянными врагами Руси они отнюдь не были. Короткие войны сменялись здесь длительными периодами вполне добрососедских отношений. Между русскими и половцами всегда шла оживленная и взаимовыгодная торговля, которая, в силу особого и строго соблюдавшегося договора, не прекращалась даже во время военных действий. Многие русские князья были связаны с различными половецкими ханами узами дружбы и даже родства. Смешанные русско-половецкие браки были заурядным явлением, и русский народ недаром в шутку называл половцев «сватами».

Из бесчисленного количества примеров, которые можно было бы привести, ограничимся следующими: Святополк – сын того же князя Изяслава – был женат на дочери хана Тугоркана; на половчанке женился и сын Олега – Святослав; прославленный князь Мстислав Удалой был женат на Хорасане, дочери половецкого хана Котяна, на другой дочери которого женился венгерский король Стефан V; великий князь Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха, вторым браком тоже был женат на половчанке; на дочери половецкого хана Аэпы был женат великий князь Юрий Долгорукий, брат которого Андрей женился на внучке хана Тугоркана; князь Андрей Боголюбский по матери был половцем и, кроме своего христианского имени, носил и половецкое – Китан. Отец Александра Невского, великий князь Ярослав Всеволодович, первым браком был женат на половчанке<sup>78</sup>. Сам герой «Слова о полку Игореве», северский князь Игорь Святославич, по рождению был полуполовцем и воспетую в этом произведении войну вел со своим близким родственником, ханом Кончаком, на дочери которого потом женил своего старшего сына Владимира.

В свете всех этих фактов можно утверждать, что союз русского князя с половцами был явлением вполне нормальным и менее предосудительным, чем союз с поляками, немцами или венграми.

---

<sup>78</sup> Александр Невский был его сыном от третьего брака, с рязанской княжной Феодосией Игоревной.

Однако возвратимся к походу Олега Святославича на Киев. Узнав о его приближении, великий князь Изяслав выслал навстречу большое войско, которое в первом же сражении было наголову разбито. Характерно, что Олег не стал его преследовать и не пошел на Киев, которым мог бы легко овладеть: он ограничился тем, что сел на княжение в Чернигове, считая его своим по праву, и военные действия сейчас же прекратил.

Через некоторое время Изяслав собрал огромное войско и врасплох напал на Чернигов. Олег с дружиной находился вне города, но сейчас же поспешил на выручку своей осажденной столицы. В разгоревшемся сражении великий князь Изяслав был убит, но победа все же осталась за киевлянами. Олег снова вынужден был бежать в Тмутаракань, а на киевский стол сел другой его дядя, Всеволод Ярославич, столь же враждебный Святославичам, как и его старший брат, но предпочитавший действовать не силой, а коварством. Он убедил византийского императора в том, что из Тмутаракани готовится набег на Константинополь, после чего подкупил нескольких тмутараканских бояр, которые предательски схватили Олега и передали его хазарам. Последние уже были в курсе дела: они отвезли князя в Византию и выдали императору Алексею Комнину, который повелел сослать его на остров Родос.

Полагая, что избавился от Олега навсегда, великий князь Всеволод отдал Чернигов своему сыну Владимиру Мономаху, а в Тмутаракань отправил посадником киевского боярина Ратибора, которого, однако, очень скоро выгнали оттуда два молодых владимирово-волинских изгоя. Но и они прокняжили там недолго: три года спустя неожиданно-негаданно вновь появился на Руси Олег Святославич. Его родосское пленение закончилось тем, что он женился на византийской княжне Феофании Музилон, и теперь сам император Алексей ему покровительствовал. Такую резкую перемену в его судьбе трудно объяснить чем-либо, кроме его выдающихся личных качеств.

Тмутаракань приняла его с радостью. Он ограничился тем, что повелел казнить четырех изменников, выдавших его хазарам, а сидевших в Корчеве князей с миром отпустил на все четыре стороны.

Очевидно, связанный каким-то обещанием, данным византийскому императору, Олег мирно княжил в Тмутаракани одиннадцать лет, пока был жив великий князь Всеволод Ярославич. Но как только он умер и великокняжеский стол занял Святополк Изяславич, Олег сейчас же выступил в поход и направился к Чернигову, где княжил в это время Владимир Мономах. Последнему пришлось бежать из города, так как черниговцы защищать его не пожелали и с радостью открыли ворота Олегу Святославичу, которого всегда считали своим законным князем.

По жалобе Мономаха великий князь вызвал Олега в Киев, «на земский суд». Никаких судов, а тем паче земских, над князьями никогда на Руси не бывало, а потому Олег, вероятно, заподозривший западню, приехать отказался и высокомерно ответил: «Несть мене лепо судити епископу, ли игуменам, ли смердам»<sup>79</sup>, – на основании чего летописец, а вслед за ним историки приписали ему гордыню, невыносимо строптивый характер и бунтарство против законности.

После этого Святополк Изяславич собрал громадную рать и, выступив, совместно со всеми подчиненными Киеву князьями, против Олега, заставил его покинуть Чернигов. То, что произошло дальше, уже известно читателю: с небольшим войском Олег пошел походом по северным русским землям, где все города подряд без сопротивления открывали ему ворота.

Война продолжалась еще год. Согласно летописи, киевские князья нанесли Олегу ряд поражений и вынудили его в 1097 году явиться для мирных переговоров в город Любеч, на общий съезд русских князей. Однако в правдивости киевской летописи тут приходится сильно усомниться: едва ли Олег приехал в Любеч в качестве побежденного. Результаты съезда заставляют думать как раз обратное, ибо на нем полностью восторжествовала та государ-

---

<sup>79</sup> «Не подобает судить меня епископу, игуменам и смердам».

ственно-политическая идея, за которую боролся Олег, и в территориальном отношении выигравшим тоже оказался только он: нелепая и пагубная система наследования была отменена и съезд постановил, что впредь каждый княжеский род будет пожизненно и потомственно владеть своей вотчиной, на правах нормальной преемственности; Олегу Святославичу и его роду, помимо Черниговского княжества, Новгород-Северской земли и Тмутаракани, достались земли Муромо-Рязанская и Вятская, то есть огромные области, раньше принадлежавшие киевскому князю.

Тут совершенно очевидно, что фактически Олег продиктовал съезду свою волю и получил сполна все, на что претендовал<sup>80</sup>, а это было бы, разумеется, невозможно, если бы победа была на стороне киевских князей и они чувствовали под собою твердую почву. Остается думать, что эта часть летописи по указаниям Владимира Мономаха была совершенно искажена Сильвестром, который превратил поражения киевских князей в их победы. Такая перетасовка фактов обещала пройти гладко, ибо киевская летопись подверглась переделке через двадцать лет после Любечского съезда, когда уже ни Олега Святославича, ни первоначального летописца Нестора не было в живых<sup>81</sup>.

\* \* \*

После Любечского съезда Олег Святославич больше ни в каких распрях и войнах участия не принимал, а последние восемнадцать лет жизни целиком посвятил заботам о благоустройстве своего огромного княжества, которое оставил наследникам в цветущем состоянии. Его потомки не только считались, но и были в действительности самыми богатыми на Руси князьями<sup>82</sup>. Из того, что народ их любил и неизменно поддерживал, можно заключить, что и подданным их жилось неплохо.

Два сына Олега Святославича – Всеволод и Игорь<sup>83</sup> последовательно занимали великокняжеский стол в Киеве, так же как его внук, правнук и праправнук – последний черниговский князь, святой Михаил. Эти князья на Киев уже смотрели почти как на придаток к своему княжеству. Получив киевский стол, они не рвали связи с Черниговом, часто там и оставались, называя себя великими князьями черниговскими и киевскими.

В 1127 году младший брат Олега, Ярослав Святославич, воспользовавшись удачно для него сложившимися обстоятельствами, утвердил за собой и своим потомством Муромо-Рязанскую землю, образовав из нее самостоятельное княжество. При его сыновьях оно разделилось на три удела: Муромский, Рязанский и Пронский. Они сейчас же вступили в ожесточенные войны друг с другом и с соседним княжеством Суздальским, которое было гораздо более крепким и потому вскоре совершенно подчинило их своему влиянию.

Только перед самым татарским нашествием первому великому князю рязанскому, Юрию Игоревичу, удалось избавиться от этой суздальской опеки и объединить под своей властью все три удела. Он значительно расширил пределы Рязанского княжества на восток за счет соседней мордвы, построил несколько новых городов и хорошо наладил хозяйственную жизнь своего государства. Однако этот расцвет был недолгим: в 1237 году на Рязань обрушились пол-

---

<sup>80</sup> По всем действиям Олега Святославича видно с предельной ясностью, что великого княжения в Киеве он не домогался, а боролся лишь за свои права на Черниговское княжество.

<sup>81</sup> Летописец Нестор умер в 1114 г., а Олег Святославич в 1115 г. Владимир Мономах стал великим князем в 1113 г. Переделка киевской летописи шла в 1116–1118 гг.

<sup>82</sup> В Ипатьевской летописи под 1146 г. мы находим любопытное и достаточно подробное описание дворового хозяйства одного из сыновей Олега, путивльского удельного князя Святослава. У него было 700 человек челяди, тысяча выездных коней и полторы тысячи кобылиц, на гумнах стояло 900 стогов сена, в погребях 500 бочек меда и 80 корчаг вина; домашняя церковь вся была в серебре и золоте, а в амбарах и подвалах товаров и добра всякого столько, «иже бе невозможно двинуться».

<sup>83</sup> Этот князь, Игорь Ольгович, православной Церковью причислен к лику святых.

чища Батыея, в неравной борьбе с которыми геройски пал никем из соседей не поддержанный князь Юрий Игоревич и с ним еще семеро князей, членов его семьи. Города Рязань, Муром, Пронск и почти все другие были обращены в прах и пепел, а земля Рязанская залита кровью и разграблена.

Князю Ингварю Ингваревичу, единственному оставшемуся в живых, стоило огромных трудов частично восстановить разрушенные города и немного оживить опустевший край. Свою столицу он перенес из Старой Рязани в менее пострадавший Переяславль Рязанский – древний город, стоявший при впадении реки Трубежа в Оку, там, где находится нынешняя Рязань.

Муромское княжество к этому времени приобрело полную независимость, хотя и находилось под влиянием Москвы, а Пронское, пострадавшее больше всех, в течение нескольких десятков лет было в подчинении у Рязани. Но едва лишь пронские князья отстроили и укрепили свой город, они отложились от Рязани, которая, разумеется, примириться с этим не захотела. Начались непрерывные усобицы, затянувшиеся на долгие годы. Борьба велась с переменным успехом, причем рязанские князья считали Пронск своим уделом, а пронские почитали себя совершенно независимыми.

В конце тридцатых годов XIV столетия отношения здесь были особенно натянутыми. Рязанский князь Иван Иванович, прозванный Коротополом, был человеком завистливым и корыстным, – всеми правдами и неправдами он хотел господствовать в Пронске и наложить руку на его богатства.

А их было немало. Пронское княжество было густо населено, сравнительно благоустроено, богато лесом и пушниной, хлебом и медом, скотом и железом, которое выплавляли здесь по берегам рек, из болотной руды. Местные умельцы сами варили хорошую сталь и делали из нее сельскохозяйственные орудия и оружие. Все это позволяло Пронску вести оживленную и прибыльную торговлю с другими русскими княжествами и с Золотой Ордой.

Коротопол все это хорошо знал и мысленно подсчитывал, сколь много пополнилась бы такими прибылями его собственная казна. Но прибрать к рукам эти богатства было не так легко: Пронское княжество, по величине уступавшее Рязанскому в несколько раз, являлось тем не менее очень серьезным противником. Укрепления его столицы были почти неприступны, а войско довольно многочисленно и отлично вооружено. Кроме того, пронских князей поддерживала Москва, отнюдь не заинтересованная в усилении Рязани.

Князь Александр Михайлович Пронский, хотя и был уже в преклонных летах, отличался мужественным и энергичным характером, во всем у него царил образцовый порядок. Под стать ему были и три его взрослых сына. Над всеми потугами Коротопола они лишь посмеивались и всегда были готовы не только отразить нападение, но и возвратить удар.

## Глава 29

*Пронск играл большую роль в защите Рязанской земли от «поля». Для его постройки было выбрано место, представляющее собой значительное естественное укрепление.*

*А.Монгайт. «Рязанская земля»*

В Пронске караульная служба была поставлена отлично, в чем сразу же убедился князь Василий, благополучно прибывший сюда на исходе пятого дня пути. Едва только голова его отряда показалась из лесу и передовые всадники увидели в полуверсте от себя бревенчатые стены города, который стоял на плоской вершине возвышенности, круто спадающей к берегу реки Прони, – со сторожевой башни понеслись гулкие и частые удары колокола. В ту же минуту мост через крепостной ров был поднят, ворота затворены, а по стенам забегали люди, занимая свои боевые посты у бойниц.

– Добро налажено, – пробормотал Никита, опытным взглядом отмечая согласованность всех этих действий и с уважением поглядывая на неприступные стены. – Таких врасплох не застанешь и голыми руками не возьмешь!

– Им инако нельзя, – заметил Василий, уже не раз тут бывавший. – Пронское княжество – лакомый кусок и для Рязани, и для Москвы. Тут только оплошай малость, и сразу тебе кто-нибудь на шею сядет.

Когда приблизились ко рву шагов на сто, с башни над воротами раздался громкий оклик:

– Кто едет?

– Князь Василей Карачевский со своими людьми! – крикнул в ответ Никита.

Не прошло и пяти минут, как подъемный мост был снова опущен, ворота распахнулись настежь, и Василий во главе своего отряда въехал в город.

Благодаря условиям местности Пронск не был похож на другие русские города. На узкой, продолговатой возвышенности, с двух сторон ограниченной крутыми, обрывистыми склонами, а с третьей – глубокими оврагами, могла поместиться только городская крепость, обнесенная массивными стенами из наполненных землею бревенчатых городниц. Эти стены тянулись по самому краю обрывов и оврагов, что делало город практически неприступным, но в то же время не оставляло места для его роста.

Со стороны главных ворот подступы к Пронску не имели естественных преград, но здесь вдоль его стены был выкопан широкий и глубокий ров, через который перекидывался подъемный мост. Внутри крепостных стен едва помещались княжеский и боярские дворы, две церкви, оружейные мастерские, склады всевозможных припасов, помещения дружины и десятка два частных домов, принадлежавших богатым купцам и начальным людям. Для торгового и ремесленного посада места не оставалось, лишь с внешней стороны рва, по обеим сторонам подъездной дороги, тянулось десятка четыре изб, образующих нечто вроде улицы, ведущей к городским воротам. Еще несколько лачуг кое-как нашли себе место под стенами, на уступах кручи, в основном же посад принял тут форму отдельных селений, разбросанных на небольшом расстоянии от города, в промежутках между окружающими его оврагами. В сторону ближайшего и самого крупного из этих поселков, в котором обитал главным образом торговый люд, из крепости, через боковые ворота, вела узкая, извилистая дорога, проложенная по склонам и по дну оврагов.

Третьи ворота выходили на крутой откос, спускавшийся к реке. В городе не было воды, ее надо было доставлять наверх из Прони, и это обстоятельство было ахиллесовой пятой крепости, ибо в случае длительной осады приводило ее к необходимости сдачи. Правда, в последние годы князь Александр Михайлович в значительной мере устранил эту опасность, соорудив в городе крупные водохранилища, вмещавшие большой запас питьевой воды, которая всегда обновлялась простым и остроумным способом: каждый житель, приносивший или привозивший себе воду, обязан был вылить ее в одно из этих водохранилищ, а себе мог взять такое же количество из другого, наполненного раньше.

Когда Василий въехал на обширный княжеский двор, здесь несколько молодых дружинников с азартом играли в рюхи<sup>84</sup>. Белобрысый крепыш в длинной голубой рубахе с засученными рукавами только что мастерским ударом выбил целиком «гадюку», которая считалась одной из самых трудных фигур, и теперь, гордо подбоченясь, ожидал, когда ему перебросят палку для повторного удара. За игрой, зубоскаля, наблюдала кучка княжеской челяди, закончившей дневные дела и высypавшей на двор подышать вечерней прохладой. Чуть поодаль пожилой конюх с нерусским лицом вываживал великолепного вороного коня, покрытого легкой попоной и, видимо, недавно расседланного.

---

<sup>84</sup> *Рюхи* – древняя русская игра, ныне известная под названием городков.

При виде князя Василия, которого тут многие знали, все сняли шапки, дружинники прекратили игру, а кто-то из холопов стремглав кинулся в хоромы, чтобы оповестить хозяев о прибытии такого гостя.

Приветливо поздоровавшись с людьми и крикнув игрокам, чтобы продолжали, Василий спешил к крыльцу как раз в тот момент, когда на нем появился его зять, княжич Василий Александрович. Они обнялись, но не успели еще и слова друг другу промолвить, как на крыльцо, совершенно забыв о своем достоинстве замужней женщины и княгини, выбежала раскрасневшаяся и сияющая Елена Пантелеймоновна. Она была так же хороша и свежа, как прежде, но все же и Василий и Никита сразу заметили в ней перемену. Она больше не казалась девочкой, и теперь назвать ее по старой памяти княжной было бы столь же трудно, как год тому назад княгиней.

– Как можно так бегать, Аленушка! – с укором в голосе сказал княжич жене, радостно обнимавшей в это время Василия. – Ноне ты не токмо за себя отвечаешь.

– Вот оно что! – воскликнул Василий, выпуская сестру из объятий. – Дождались-таки! Когда же будет-то наследник ваш?

– Не столь еще скоро, – ответил Василий Александрович, ласково поглядев на жену, которая в тот миг здоровалась с Никитой. – Мыслим, что к Рождеству Христову пошлет нам Господь эту радость.

Продолжая разговаривать, все вошли в хоромы и направились в предназначенные гостям покои. Зная царящие здесь патриархальные обычаи, Василий прежде всего хотел приветствовать старого князя, но княжич сказал:

– Батюшка всего час как воротился из поездки и прилег отдохнуть. Ты сейчас правь, что тебе надобно. Может, с дороги переоблачиться хочешь, а то и в баньку сходи, она сегодня топится. А как совсем смеркнется, будем вечерять, вот тогда в трапезной родителя и почишь. Он в обиде не будет.

Незадолго до ужина все взрослые члены княжеской семьи собрались в одной из гостиных горниц в ожидании выхода князя Александра Михайловича. Семейство его было не очень многочисленно. Из трех княжичей муж Елены, Василий, был младшим. Старший, Ярослав Александрович, высокий и сутулый мужчина нездорового вида, находился тут же вместе со своей женой Софьей Константиновной. Средний, Иван, отсутствовал. Он был вдов, но в горнице вскоре появился высокий и красивый юноша – его старший сын Олег. Несмотря на свои пятнадцать лет, он непринужденно поздоровался с Василием и в разговоре держал себя как взрослый<sup>85</sup>.

Когда все были в сборе, в горницу вошел высокий и крепкий старик величавой осанки, с орлиным носом и волнистой, холеной бородой, в которой черный цвет еще преобладал над сединой. Это был князь Александр Михайлович. При его появлении все встали с мест, а Василий двинулся к нему навстречу со словами приветствия. Но старый князь сам направился прямо к гостю и сжал его в объятьях.

– Ну, будь здоров и добро пожаловать, Василий Пантелеевич, дорогой, – промолвил он. – Вельми рад тебя видеть в Пронске. И прошу помнить: ты здесь не в гостях, а дома, в своей семье.

– Спаси тебя Христос за радушие и за ласку твою, Александр Михайлович, – ответил Василий. – И не будь на меня в обиде за то, что тотчас по приезде не явился почтить тебя, как должно. Хотел это сделать, да сказали мне, что ты почиваешь.

– Полно, братец! Это я перед тобою виноват, что не вышел тебя встретить как подобает. Ты ведь не княжич теперь, а большой князь и государь земли Карачевской. И притом такой

---

<sup>85</sup> Олег Иванович одиннадцать лет спустя сделался великим князем Рязанским и, удержавшись на этом шатком престоле более полувека, покончил с местными усобицами и блестяще организовал свое государство.

государь, у которого и нам, старикам, есть чему поучиться. Много лестного доводится нам о тебе слышать.

– На добром слове тебе спасибо, Александр Михайлович, – с волнением в голосе сказал Василий, – а похвалы твоей едва ли я достоин. Когда узнаешь ты всю правду, может, и держать меня в Пронске не счочешь... Не государь я боле карачевский, а ханский опальник и изгой.

Кругом раздались возгласы изумления и ужаса. Елена с побелевшим сразу лицом устремила к брату, но князь Александр остановил ее властным движением руки.

– Трудно поверить тому, что ты молвил, Василий Пантелеевич, – строго сказал он, – однако думаю, что так шутить над нами ты себе не позволишь. Садись же и поведай толком, что там у вас приключилось?

Повинуясь его желанию, Василий рассказал присутствующим о карачевских и козельских событиях. Он старался быть кратким и не вдаваться в малосущественные подробности, но все же рассказ его длился более получаса и только два-три раза был прерван короткими вопросами пронского князя. Когда Василий кончил и умолк, в горнице с минуту царило общее молчание.

– Да, дела, – промолвил наконец Александр Михайлович. – Беда свалилась на тебя великая, но вижу, что вины твоей во всем этом нет и чести своей ты нигде не порушил. Дядю твоего, Андрея Мстиславича, я знавал хорошо и мыслю, что получил он заслуженное. А что ты ушел из Карачева добром и не поднял на князя Тита оружия – в том вижу мудрость твою: все одно царь Узбек тебя бы сломил, а с тем вместе и всю землю твою предал бы огню и разграблению... Что же думаешь ты теперь делать?

– Еще сам не ведаю, – уклончиво ответил Василий. – Коли позволишь, у вас погощу немного дней, а там поеду в Суздаль либо во Владимир. А после, может, и в чужие страны подамся, дабы обождать там Узбековой смерти.

– Бог даст, ждать тебе долго не придется, из Орды идут слухи, что недужит он все сильней. У меня оставайся, вестимо, сколько сам пожелаешь. Только помни, что через Пронск лежит дорога из Орды на Москву и тут татарва всякого звания то и дело туда-сюда мотается. Здесь тебя легко могут сыскать и схватить. О том же, куда тебе лучше ехать, подумаем после, а сейчас прошу в трапезную. За вечерю продолжим нашу беседу – в этом поганом деле я еще не все уразумел.

\* \* \*

Следующие три дня промелькнули для Василия столь же быстро, как пролетают последние часы приговоренного к казни. Много за эти дни было переговорено с пронскими князьями, а еще того больше с Еленой.

Все сходились на том, что Василию оставаться на Руси нельзя, а ехать в Орду, полагаясь на милость хана Узбека, это все равно что добровольно положить голову на плаху. Зять советовал ему пробираться в Свейскую землю<sup>86</sup>, путь куда, через Великий Новгород, был нетруден; княжич Ярослав считал, что лучше всего ехать в Царьград, где единоверный князь и хороший воин мог рассчитывать на милость и покровительство императора Андроника; князь Александр Михайлович своего мнения не высказывал, видимо, имея на то какие-то свои соображения.

Василий никого из них не хотел посвящать в свои истинные намерения, и отнюдь не потому, что им не доверял. В этом вопросе им руководило чувство врожденного благородства: зная, что не только княжение, но и жизнь пронского князя и его сыновей зависит от хана Узбека, он не желал излишней откровенностью ставить их в положение своих пособников.

---

<sup>86</sup> *Свейской землей* на Руси называлась Швеция.

Поэтому он ограничился обещанием поразмыслить над полученными советами и только лишь сестре своей, с глазу на глаз, признался, что им уже принято твердое решение ехать за Каменный Пояс, к белоордынскому хану.

Елена сперва пришла в ужас: ведь это те же татары, как можно им доверяться? Сегодня они во вражде с Узбеком, а завтра помирятся и отведут к нему Василия на аркане. Но, выслушав доводы брата, она в конце концов согласилась с тем, что из всех возможностей он выбрал лучшую. И даже начала сама торопить его с отъездом: ей все казалось, что вот-вот нагрянут сюда ордынцы и схватят Василия. Конечно, подобная опасность была еще далека, ибо весть о разыгравшихся в Козельске событиях за столь короткий срок никак не могла дойти до ушей хана Узбека. Однако Василий тоже считал, что ему следует торопиться, хотя и по иной причине: впереди лежал далекий и трудный путь – надо было успеть совершить его до зимы, столь суровой в тех диких северных краях, по которым предстояло ехать.

Нелегко переступить последний рубеж, за которым уже не увидишь родного лица, а вся прошлая, привычная жизнь превратится в перевернутую страницу книги, от которой трудно ожидать счастливого конца... Ночь после разговора с сестрой Василий провел почти без сна, а за утренним завтраком хмуро, но решительно объявил, что на следующий день покидает Пронск.

– Ну что же, – промолвил старый князь, – тебе виднее. Куда едешь, о том не спрашиваю: так оно будет лучше и для тебя, и для меня. Сам ведаешь, при хане Узбеке головы русских князей не очень крепко держатся на плечах. Однако, коли нужна тебе в чем-либо моя помощь – говори. Сделаю все, как для родного сына.

– Спаси тебя Господь, Александр Михайлович, – ответил Василий. – Мне ничего не надобно. Только вот дружинников, со мною приехавших, да и тех, что еще подъедут, будь ласков, прикажи принять к себе на службу. Это всё люди испытанные, и тебе они будут весьма полезны.

– Не только приму их всех, но еще сочту, что это ты мне услужил, а не я тебе. Нам добрые вои и верные люди всегда надобны. Будем все же уповать на то, что не навеки они здесь останутся, а вскорости возвратятся к тебе в Карачев, где, даст Бог, восстановишь ты законные свои права. Ну, а сейчас, не обессудь, должен тебя покинуть: сегодня у нас вторник, а в этот день седмицы я всегда самолично вершу суд над моими подданными, кои приговоры своих господ и старост считают несправедливыми либо просто хотят идти судиться ко мне. Коли любопытно тебе сие видеть, велю и для тебя на крыльце кресло поставить.

– Сделай такую милость, княже. Рад буду у тебя поучиться. Я своих людей тоже иной раз сам судил, но только так, от случая к случаю, и особого дня для того не имел. А ты как судишь – по своим уложениям али по ромейскому судебнику?

– Ну, по ромейскому судебнику пусть судят те, у кого людей слишком много, – усмехнулся Александр Михайлович. – Ведь у греков, тако же как у латынян и у немцев, за всякую безделицу вешают, секут головы либо четвертуют, а уж кто отделался отрезанным носом или усеченной рукой, тот может почитать себя удачником. На нас греки глядят сверху вниз, да только, брат, шалишь: я уж лучше без их учености проживу, но подданных своих ни изничтожать, ни увечить не стану! Суд вершу по «Правде Русской», сложенной Ярославом Мудрым, да по «Уложению» князя Владимира Мономаха, а еще того боле – по собственному своему разумению. И за всю свою жизнь, благодарение Господу, ни одного человека смертию не казнил. Батогов и то даю нечасто. Ну да пойдем, сейчас сам увидишь.

## Глава 30

*Бог ста в сборе с Богом, посреде же Бог и рассудит, есть бо судить крепок, праведен и терпелив. Богови единому есть опраляти и осуждати. «Мерило праведное», сборник XIV в.*

Выйдя с князем Пронским на крыльцо, Василий увидел посреди него крытый узорчатой парчой аналой, на котором лежали распятие и два пожелтевших свитка пергамента. За аналоем стоял пожилой инок в черной рясе, а внизу, во дворе, толпилось человек тридцать всякого звания людей, пришедших искать княжьего суда.

Александр Михайлович приложился ко кресту, принял благословение монаха и опустился в стоявшее тут же деревянное кресло с высокой остроконечной спинкой. Василий, во всем последовав его примеру, сел рядом, в другое кресло, поспешно принесенное слугами.

– Ну, начнем с Богом, – негромко промолвил старый князь. – Кто там первый, выходи вперед!

Внизу поднялась легкая толкотня, и четыре человека, вполголоса препираясь между собой, одновременно подошли к нижней ступени крыльца и отвесили земные поклоны.

– Все четверо по одному делу? – спросил князь.

– Нет, батюшка-князь, – бойко ответил стоявший впереди других мужчина в одежде купца, – у меня дело от них особое.

– Почто же они вместе с тобою вышли?

– Бают, что первыми пришли, княже. Да ведь я человек торговый, а они простые смерды. Могут и обождать!

– Перед Богом и перед судом все одинаковы, – строго сказал Александр Михайлович. – Осади-ка назад и за гордыню свою после всех прочих подойдешь. Экая, подумаешь, птица – торговый человек! Ну а вы с каким делом? – обратился он к стоявшим перед ним крестьянам.

– Елашинские мы, твоя княжеская милость, – начал дюжий мужик, лучше других одетый. – То исть я, значит, из Елашинской общины, а энти, – ткнул он рукой в сторону двух стоящих рядом парней, – рязанские новоселы, что прошлым годом ты возле нас испоместил. Так вот, невдавне увели они у меня из клетки овцу, и я их поймал с поличным. За ту татьбу староста наш присудил им идти ко мне в кабалу на полгода. Только они, тати, с таким приговором никак не согласны: староста ваш, бают, своим мирволит – пойдем на суд до самого князя. Ну вот, стало быть, и пришли.

– Так было дело? – спросил князь у парней.

– Точно, пресветлый князь, – ответил один из них, – бес попутал, овцу у него мы совсем было свели. Да ведь он ее в обрат отнял, еще и наклал нам, сколько душа его восхотела. Вот мне, погляди, два зуба вышиб! И рази ж такое видано: овечкой его мы так и не попользовались, побои от него претерпели, да еще и в кабалу к ему идти на полгода! Смилуйся, отец наш, молви твое справедливое слово!

– Кабала на вас не столь за самую овцу наложена, сколь за богопротивное действие ваше, за татьбу и за попрание закона, – строго сказал князь. – По-вашему, что же, коли попался тать, расплатился за краденое, как на торгу, да и пошел себе восвосяси?

– Непомерно много полгода за овечку-то, батюшка-князь! К тому же и побои лютые мы приняли от сего человека.

– Ладно, проверим. Прочитай, отец Митрофан, что в уложениях о татьбе скота сказано.

Монах неторопливо развернул один из свитков, что-то шепча, поводит по строчкам коричневым пальцем и вслух прочел:

– «Аще кто крадет скот во хлеве или в клети, то, ежели будет он один, платить ему три гривны и тридцать кун<sup>87</sup>. А буде татей много, то всем платить по три гривны и тридцать кун». Так прописано в «Правде Русской», – добавил отец Митрофан, свертывая пергамент.

– Погляди еще в Мономаховом «Уложении», – сказал князь.

– «Аще кто украдет овцу или теля, пять телят даст в тельца место, а в овцы место четыре овцы отдаст за овчя», – прочитал монах, развернув другой свиток.

– Можете отдать по четыре овцы этому человеку? – спросил воров Александр Михайлович.

– Откеда нам взять, твоя княжеская милость? Были бы у нас свои овечки, нешто полезли бы мы чужую красть?

– Стало быть, это не про вас писано. А ежели можете уплатить каждый по три гривны и тридцать кун, кабалу с вас сниму.

– Помилосердствуй, князь-батюшка! Да ведь за такие деньги десяток овец купить можно! К тому же и побил он нас изрядно!

– Побил он вас за дело. Разве вот зубы тебе напрасно вышиб. Ты что, противился ему, когда он тебя поймал?

– Где там, батюшка-князь! Ты погляди, какой он, бугай, здоровый! Смирненно терпел я побои, боясь, что инако он меня до смерти ухайдакает.

– Почто же ты ему в этом разе зубы вышиб? – спросил князь у елашинского мужика.

– Дюже взлютовал я на них, твоя княжеская милость! Зубов его лишать я, вестимо, намерения не имел и хлебыснул его по рылу не боле как в полсвиста. А он из хлипких оказался, вот у его зубы-то и повypали. Только после того я его больше не бил, а поучил малость второго татя, да и свел их обоих к старосте.

– Кажись, твое учение они крепко запомнили, – заметил Александр Михайлович, одобрительно оглядывая литые плечи и здоровенные ручищи крестьянина. – Как звать тебя?

– Трофим, Иванов сын Лепёхин, батюшка-князь.

– Так вот, Трофим, что ты поучил татей, это неплохо и пойдет им на пользу. Одначе, ежели они не сопротивлялись, увечить их было невозможно, а выбиение зубов – это есть увечье, и ты за него в ответе. А ну, отец Митрофан, поищи там про зубы.

Монах порылся в списках и прочел:

– «Аще кто выбьет другому зуб и люди кровь видят у во рте у него, то двенадцать гривен в казну, а за зуб гривну». Тако сказано в «Уложении» князя великого Володимера Всеволодовича.

– Стало быть, так, – сказал князь, минутку подумав, – двенадцать гривен в казну с тебя, Трофим, не беру, ибо бил ты людей не из озорства, а учил татей, кои залезли в твою клеть. Но за два выбитых зуба должен ты этому новоселу уплатить две гривны. Он же тебе повинен за овцу три гривны и тридцать кун, сиречь за ним гривна и тридцать кун. Как звать-то тебя, тать беззубый?

– Анисим, Захаров сын Лаптев, пресветлый князь!

– Можешь ты, Анисим, уплатить Трофиму Лепехину одну гривну и тридцать кун?

– Энто авось наскребу, батюшка-князь.

– Ежели наскребешь, кабалы на тебя нет. Только гляди: коли вдругораз в татьбе попадешься, велю бить батогами и выселю в обрат на Рязанщину. Мне здесь татей не надобно. Ну а ты, – обратился он к другому вору, – поелику тебе с зубами не столь посчастливилось, должен Трофиму Лепехину уплатить сполна три гривны и тридцать кун. Можешь?

– Где мне эдакие деньги собрать, пресветлый князь!

<sup>87</sup> Гривна в XIV в. делилась на 50 мелких монет, называвшихся кунами, или резанами.

– Стало быть, пойдешь на полгода в кабалу к Трофиму, как староста тебе присудил. Запиши, отец Митрофан.

– Одну гривну и тридцать кун и я бы дал, – почесав в затылке, промолвил парень.

– Коли дашь, кабалы тебе всего четыре месяца, – сказал князь. – Ну, ваше дело кончено, ступайте все трое. Кто там следует? Выходи вперед!

Из толпы выступили и земно поклонились князю двое: один – высокий и плотный мужчина лет сорока, с бородою во всю грудь, в синей поддевке тонкого заморского сукна; другой – небольшого роста жилистый мужик – казался постарше и был одет по-деревенски.

– Кто такие и с чем пришли? – спросил Александр Михайлович.

– Я торговый человек, Лука, сын Трифонов Аникеев, – ответил первый, – а энто со мною Степка Хмыкин, зверовщик. Не единожды покупал я у него пушнину, и люди знают, – всегда платил ему по совести и сполна. Тако же было и в последний раз, назад тому месяца три. А ноне он до меня привязался: плати, дескать, вдругораз, ты мне не всё заплатил. Я его и Богом усовещаю и гоню, а он все свое! Ну чего с им исделаешь? Вот и порешили суды идтить, чтобы рассудила нас твоя княжеская милость.

– А ты что скажешь, Степан? – обратился князь к зверовщику.

– Креста на ем нет, на разбойнике, батюшка-князь! Что я не впервой ему меха продаю, это точно. Одрова́ принес я ему для пробы десятков бобров, он заплатил и цену дал хорошую. Малость погодя взял я ведмеда – он и тую шкуру у меня купил и заплатил снова по-божески. Ну, думаю, Аникеев купец совестливый, с им дела вести можно. Вот, значит, нонешней весной всю добычу свою я к нему и отволок. Окромя бобров, была там славная чернобурка, куниц много и иное. Ударили по рукам на двадцати двух гривнах серебром. Только дает он мне двенадцать гривен, а с остатными просит две либо три седмицы обождать: сейчас, мол, самое время скупать пушнину и ему для того вся наличность надобна. Ну что же, говорю, можно и обождать, раз такое дело. Эдак прошло уже месяца два, встречаемся с ним на торгу. Ну, пытаю его, отдаешь должок, Лука Трифонов? А он будто диву дается – какой, мол, должок? Да десять гривен серебра, говорю, что ты мне за пушнину недодал. «Окстись, – бает, – я тебе двадцать две гривны отвалил сполна, ты, должно, запомятовал». Я его усовещать, а он прочь меня гонит да еще и прибить грозится...

– Врет он и не боится Господа, – перебил купец. – Одним разом уплатил я ему все двадцать две гривны и ни куны больше не должен!

– А при сделке, что же, у вас ни единого видока<sup>88</sup> не было? – спросил князь.

– Никого и не было, – сказал Аникеев. – Поелику дело у нас шло на наличный расчет, нам видоки были вовсе без надобности. Вот ты теперь и смекай, твоя княжеская милость: ну рази б он мне без видоков на десять гривен поверил? Да ни в жисть.

Довод был веский, и князь сурово поглядел на Хмыкина.

– Сдается мне, что купец правду говорит, – сказал он. – Ты в продаже не новичок, порядки тебе ведомы. Сумневаюсь, чтобы ты свой товар в долг отдал без видоков либо без записи.

– Не хотел я о том говорить, батюшка-князь, ибо оно теперя без пользы будет, поелику тех людей уже не допросишь, – нерешительно ответил зверовщик. – Были у нас два видока: отец и сын Примаковы, также зверовщики, кои в ту самую пору подошли со своей пушниной и слышали, как мы с Лукою ладились. И как только он от своего долга зачал отпираться, я ему о тех видоках тотчас напомнил. А он бает: «Вот и видать, что ты вовсе сдурел. Никого при нас в ту пору не было, и я тебе с глазу на глаз заплатил двадцать две гривны». Ну, думаю, обожди, я Примаковых зараз сыщу, и ты у меня не отвертишься: они греха на душу не возьмут.

<sup>88</sup> *Видок*, или видец, – свидетель.

И вот узнаю, что дён за десять до того оба они, и отец и сын, в Оке утопли. А он, значит, Лука Аникеев-то, о том сведал да и смекнул, что теперя от своего должка отпихнуться можно...

– Вали на покойников, они в глаза не наплюют, – усмехнулся купец. – Видишь, твоя княжеская милость, на какой кривой козе он тебя объехать хочет?

– Покуда вижу только, что один из вас двоих врет. Может, и ты. Его рассказ тоже вельми на истину похож. Готов ты на своей правде крест целовать?

– Готов, твоя княжеская милость!

– А ты, зверовщик?

– Вестимо, готов, батюшка-князь! Бог мою правду видит и меня громом не поразит.

– Значит, уже не мне, а Господу один из вас дерзает солгать. Пусть же сам Господь и укажет нам, кто из вас лжец и святотатец. Поставь их, отец Митрофан, на суд Божий.

В средние века, в тех случаях, когда ни одна из тяжущихся сторон не могла представить достаточных доказательств или свидетелей своей правоты, испытание так называемым судом Божиим применялось повсюду, и в том числе на Руси. Формы этого суда бывали весьма разнообразными, начиная с простого жребия и кончая поединком тяжущихся лиц. В западных странах, в соответствии с общей жестокостью обычаев и приемов судопроизводства, широко применялись испытания огнем, каленым железом, кипятком и т.п. Во всех этих случаях правым признавали того, кто дольше и мужественнее выдерживал соответствующую пытку. На Руси, где до проникновения западных влияний нравы отличались большей гуманностью, обычно применялись не столь варварские формы испытаний или же судебный поединок – так называемое «поле». Впрочем, против последнего решительно протестовала православная Церковь.

Следует отметить, что, в отличие от западноевропейских стран, смертельный исход такого поединка на Руси сурово осуждался и властями, и общественным мнением. Победителя в этом случае, конечно, не преследовали, формально он был прав, но его открыто порицали за излишнюю жестокость и даже ограничивали в правах иска: если побежденный противник оставался жив, иск победителя удовлетворялся полностью, в случае же смертельного исхода ему разрешалось взять только оружие и доспехи убитого.

Сам поединок, которому всегда предшествовало крестоцелование обоих тяжущихся, проводился в условиях полного равенства, под наблюдением представителей власти и особых «поручников», то есть своего рода секундантов каждой из сторон. К «полю» мог быть привлечен всякий, независимо от звания, возраста и пола, – отказаться не мог никто, ибо отказ был равносителен признанию своей неправоты и проигрышу дела. Но старики, женщины, калеки и лица духовного звания могли выставить за себя наемного бойца или добровольца, что, однако, давало право сделать то же самое и другой стороне.

Посмотрим теперь, как осуществлялась идея Божьего суда в Пронске.

Выслушав распоряжение князя, отец Митрофан велел тяжущимся подняться на крыльцо и каждого из них заставил поцеловать крест на своей правде. Затем поставил их по бокам аналоя лицом друг к другу и приказал обоим поднять вытянутые руки над головой.

– Кто из вас двоих первым руки опустит, тот и есть обманщик, – сказал он, – ибо правдивому и невинному ангелы Божьи руки поддержат, о чем и надлежит всем нам молить Господа.

Все истово перекрестились, а князь добавил:

– А виновника, коего нам Всевышний укажет, мы после того людским судом осудим. Ну а пока чей там черед? Выходи!

К подножию крыльца подошла сразу кучка людей. Среди них находились две еще нестарых женщины, воин и человек пять ремесленников. У одного из них была перевязана рука, у другого не хватало половины бороды, лица остальных были украшены кровоподтеками. Поглядев на них сверху, князь Пронский усмехнулся и вполголоса сказал Василию:

– Тут все и без распытаний понятно: передрались по пьяному делу и теперь каждый мнит себя без вины пострадавшим. Опричь казны, в этой тяжбе едва ли кто выиграет.

Александр Михайлович оказался прав. Из бестолковых показаний, жалоб и взаимобвинений участников потасовки минут через десять выяснилось приблизительно следующее: один из ремесленников, повздорив на улице с женой соседа, схватил ее за волосы и стал трепать. На ее крик прибежал муж и вырвал обидчику полбороды. В завязавшейся драке приняли участие ближайшие соседи. Проходивший мимо воин хотел разнять дерущихся, но один из них огрел его по голове палкой. Воин выхватил меч и ранил обидчика в руку – несильно, судя по тому, что пострадавший находился тут же, перед князем, и кричал громче всех. В дальнейшем, действуя мечом плашмя, воину удалось было разогнать драчунов, но тут прибежала жена одного из них и, имея, вероятно, основания полагать, что всю эту катавасию затеял спьяна ее муж, принялась бить его кочергой. Пример мужественной женщины вдохновил остальных бойцов, и драка разгорелась с новой силой.

Теперь каждый из пострадавших обвинял всех остальных и требовал себе мзды за полученные повреждения и за поруганную честь. После недолгих и бесплодных попыток разобраться, кто прав, а кто виноват, князь махнул рукой и промолвил:

– Ну, хватит! Вижу, что все вы хороши. Стало быть, всякий получил по заслугам и за обиду искать тут некому. А вот за буянство на улице каждый заплатит в казну пенью соразмерно учиненному бесчинству. Ищи, отче Митрофан, в уложениях, какие пени за деяния сии положены?

Пока монах просматривал свитки, отчеркивая ногтем подходящие к случаю статьи, Василий, сидевший почти рядом с аналоем, поглядел на стоящих перед Божьим судом. Прошло не более получаса, как они подняли руки, но купец уже заметно сдавал: лицо его побагровело, лоб покрылся испариной, а гнущиеся в локтях руки дрожали от напряжения. Зато зверовщик, казалось, чувствовал себя отменно и с усмешкой презрения глядел прямо в лицо своего противника.

– Повинись лучше, Лука, – сказал он вполголоса, – тебе больше как полчаса все одно не выдюжить, а я эдак хоть до ночи простою! Видать, поп правду баял, что невинному ангелы Господни пособляют руки держать. Зря ты себя мучаешь: Бога не переборешь!

Купец ничего не ответил, только отвернул в сторону лицо, и руки его затряслись сильнее. Отец Митрофан отыскал между тем в уложениях все, что было нужно, и теперь нараспев вычитывал:

– «Аще что попхнёт муж мужа либо к себе, либо от себя, либо по лицу ударит, а видока два выйдут, то три гривны в казну и гривну за обиду».

– За обиду, как сказано, никому, – промолвил князь, – а по три гривны пени взять с каждого, опричь мужа, за жену свою вступившегося, и воина, который тщился водворить порядок.

– А кто же за увечье мое заплатит?! – воскликнул ремесленник с перевязанной рукой. – Нешто, коли он воин, дозволено ему на улице людей рубать?

Князь вопросительно посмотрел на отца Митрофана, и тот сейчас же прочел:

– «Аще кто кому порвет бороду или ударит батоном, либо чашею, либо жердию, а люди видят, то пени двенадцать гривен. А кто не стерпев того ударит мечом, то вины ему в том нет».

– Слышал? – обратился князь к перевязанному. – Вины на воине нет, ибо ты первый его жердию ударил. А с тебя выходит не три гривны, а двенадцать гривен пени. За пораненную руку твою половину тебе прощаю, а шесть гривен будешь платить целый год, по полгривны в месяц.

– А мне, князь-батюшка, кто заплатит за сором? – выступила вперед одна из женщин. – Ведь меня при людях отгаскал за волосы энтот аспид, – ткнула она пальцем в сторону мужика с оборванной бородой.

– За это самое твой человек уже мне бороду порвал, – угрюмо промолвил последний. – Слыхала, что чернец-то вычитывал? Моя борода двенадцать гривен стоит. Это небось дороже твоих волосьев!

– Ее муж бороду тебе оборвал за дело, – внушительно сказал князь, – и он за то не в ответе: свою жену он защищать обязан перед Богом. А ты за бесчестье заплатишь ей, сколько положено по закону. Читай, отче.

– «Аще кто пошибает боярскую дочь или жену, за сором ей пять гривен золота, а меньших бояр – одну гривну золота, а городских людей – три гривны серебра, а сельской женке одну гривну и столько же пени в княжью казну», – прочитал монах.

– Стало быть, окромя трех гривен пени, заплатишь ей за бесчестье гривну серебром, – сказал князь. – Запиши кому что, отец Митрофан, да отпусти их.

– Еще одно взысканье надлежит сделать, княже, – сказал монах. – В уставе князя Ярослава Володимировича сказано: «Аще жена мужа бьет, – в церковную казну три гривны пени». А тут перед нами стоит лихая женка, коя на людях мужа своего, от Бога ей данного, кочергою была.

– Истина, – промолвил князь. – Кто из вас муж этой бабы? Ты? Заплатишь три гривны пени в церковную казну.

– Помилуй, всесветлый князь! Меня били, мне же за то и пеню платить?

– Вестимо, тебе! Чтобы не позволял бабе себя бить. Не жена мужа, а муж жену учить должен. Тако во Святом Писании сказано. Ну а теперь ступайте все с Богом, да глядите у меня: кто вдругораз в озорстве попадетя, тому уже двойная пеня будет.

Прежде чем вызвать следующих, Александр Михайлович поглядел в сторону анаоя. Исход Божьего суда был уже совершенно очевиден: Хмыкин стоял, высоко подняв руки, на лице его не было заметно следов особого напряжения. Аникеев, наоборот, весь взмок, на висках его вздулись синие жилы, нижняя губа отвисла, а ладони трясущихся рук опустились уже до уровня ушей. Было видно, что силы его подошли к концу.

– Ну как, торговый человек? – спросил князь. – Будешь пыжиться, доколе сердце лопнет, али довольно? Может, теперь врать станешь, что Господь Бог ошибается, на тебя указючи?

– Каюсь, батюшка-князь, милостивец! – прохрипел купец, разом роняя руки и падая на колени. – Омрачил мне разум нечистый, толкнул меня, проклятый, на плутовство!

– Стало быть, не ты, а нечистый всему виновник? Ну, ин ладно, ты с него и взыскивай, а я уж, не обессудь, с тебя взыщу: за плутовство свое уплатишь зверовщику не десять, а двадцать гривен, да двадцать гривен пени в казну, да еще двадцать на церковь. А за то, что дерзнул ты на лжи крест целовать, на торговой площади в день большого торга, чтобы всем в пример и в назидание было, получишь двадцать батогах.

– Смилуйся, батюшка, не вели меня батогами казнить! В жизни больше никого обманывать не стану!

– Ты, может, обманывать и не схочешь, ан нечистый к тебе вдругораз подъедет? Видать, он тебя умеет обхаживать. Мнится мне, что с батогами дело будет надежней. Покуда в яму его, – сказал князь стоявшим у крыльца дружинникам. Те сейчас же подхватили и увели с собою хнычущего купца.

Далее следовало еще несколько дел о сравнительно мелких кражах и различных формах оскорбления личности, каравшихся денежной пеней. На тех, кто не мог ее уплатить, князь накладывал временную кабалу, иными словами – заставлял эту пеню отработать.

Самым серьезным из рассмотренных в этот день преступлений оказалось дело о прелюбодеянии посадского кузнеца с черницей. Разбирать в нем, собственно, было нечего: виновных застали с поличным, на монашку отцами Церкви уже наложена была суровая епитимья. Оставалось лишь покарать ее соблазнителя, но тут возникло затруднение: Ярослав Мудрый, «аще кто сблудит с черницею», налагал сорок гривен пени, а внук его, Владимир Мономах,

под давлением высшего духовенства (в ту пору почти сплошь греческого) постановил за это преступление «урезать виновному носа».

Александр Михайлович своих подданных никогда не увечил, а заплатить сорок гривен кузнец явно не мог, так что существующими уложениями в этом случае нельзя было воспользоваться. Немного подумав, князь постановил:

– Во искупление богомерзкого блуда своего пойдешь на четыре года в монастырскую кабалу. Вестимо, не в женский монастырь, – добавил он, – ино при твоих повадках ты из кабалы и через сорок лет не выйдешь!

\* \* \*

– Вот ты теперь и разумеи, – сказал старый князь Василию, когда последняя тяжба была рассмотрена и они шли в трапезную полдничать. – Если бы я сегодня, к примеру, суд вершил по греческим либо латинским законам, двоих мне не минулось бы сжечь на костре, еще одного или двух казнить иными видами смерти, да отрубить с полдюжины рук, да несколько языков и носов урезать. Прикинь – сколько бы это осталось вдов, сирот да ни к чему, кроме попрошайничества и воровства, не способных калек! А какие на них грехи, ты сам видел.

## Глава 31

*Знает и зверь, где укрываться, егда взыде солнце, птица найдет дом, а  
горлица гнездо свое... Лучшие уповати на Бога, нежели на человека, ведает  
бо Господь, как прекормити и спасти тварь свою.*

*Киевский патерик, XIII в.*

На утро следующего дня Василий и Никита были готовы в путь. Пока в трапезной пили «посошок» и шло прощание отъезжающих с остающимися, Лаврушка, тоже одетый по-походному, подвел к крыльцу трех оседланных лошадей. Поясним, для кого предназначалась третья.

Узнав о предстоящем отъезде своего князя, Лаврушка накануне вечером явился к нему и чуть не со слезами на глазах просил позволения ехать с ним дальше.

– Не могу взять тебя, – ответил Василий. – Ужели ты сам не разумеешь: я ухожу от ханского мщения. Надобно мне до времени так схорониться, чтобы и следов по мне не нашлось, а в таком деле всякий лишний человек не помощь, а помеха. К тому же сам я не ведаю, где и как окончится мой путь. У тебя дома осталась молодая жена – почто бросишь ее на волю случая, коли нет в том ни малой надобности?

– А что с женой моей исделается? Хозяйство у нас доброе, запас есть во всем, – она без меня хоть и год проживет, не зная ни в чем нужды. А я бы тебе в пути услужал, да и сабля моя, поди, не раз бы сгодилась. Ты мне живот спас и человеком меня сделал, батюшка Василей Пантелеич! И коли что худое теперь с тобою стрясется, совесть меня иссушит за то, что я беды твоей не разделил.

– На добром желании тебе спасибо, – сказал Василий, тронутый преданностью дружинника, – но все же решения своего не перемену. Ворочайся, братец, в Карачев и ожидай меня. Мне и там верные люди надобны.

Лаврушка ушел, подавленный и опечаленный. Однако судьба неожиданно послала ему сильного пособника: поздно вечером, оставшись в последний раз наедине с братом, Елена Пантелеймоновна стала упрашивать его, чтобы, кроме Никиты, взял с собою хоть десяток надежных людей.

– Поедешь ты неведомыми землями, – говорила она, – где не только татар можешь повстречать, но также диких башкирцев, мордву, черемису и иных никому не покорных языч-

ников. Муромские и суздальские леса, сказывают, полны разбойников и беглых лихих людей. Сгибнете вы вдвоем с Никитой, а десяток воинов – это все же сила.

– Супротив разбойников и шалыганов это, может, и сила, да от них, Бог даст, мы и сами отобьемся, коли случится. Никита один десятерых стоит. Черемису же и башкирцев мы объедем Вятской землей, а там издавна власть наша, русская. Не страшись, Аленушка, путь мой не столь уж опасен, потому и не хочу тащить за собой лишних людей. С ними лишь труднее мне будет скрытно проехать.

– Ну хоть одного человека возьми! А как приедешь на место, тотчас пошли его ко мне с вестью, что жив ты и ничего худого с тобою в пути не приключилось. Без этого я себе никогда покоя не найду.

– Одного, пожалуй, можно взять, – согласился Василий. – Но вестника того ты ранее будущего лета не жди: в холода и в распутицу он по тем местам в обрат не проедет.

Немного успокоив Елену и простившись с нею до утра, Василий вышел во двор и, позвав Лаврушку, сказал ему:

– Слушай, Лаврушка: еду я в чужие, неведомые края, а куда, о том знать на Руси никто не должен. Путь будет опасен и долог – ранее как через год ты домой не воротись. Если тебя это не страшит и за Настю свою ты спокоен, тогда наутро готовься. Поедешь со мной до конца.

– Спаси тебя Христос, княже, – ответил обрадованный воин. – С тобою куды хошь поеду без страха и с радостью. И никому лишнего слова не пророню.

\* \* \*

Когда, простившись со всеми Пронскими, Василий в последний раз обнял сестру, она сняла с себя небольшую иконку архангела Михаила, вставленную в золотой медальон, и, благословив ею брата, повесила ему на шею.

– Семейный образ наш ты теперь мне оставляешь, – сказала она, – возьми же с собою хоть этот, в точности большому подобный. Его сам патриарх в Царьграде освятил. Да сохранит тебя от всех бед и напастей святой архангел, заступник и покровитель рода нашего!

Затем, подозвав к себе Никиту, она сказала ему:

– Сбереги нам князя, Никитушка! Он не только мне, а всей земле нашей дорог и надобен. Знаю некорыстную верность твою, знаю, что по душе не слуга ты ему, а брат. Потому я и с тобою хочу проститься как с братом.

Перекрестив преклонившего колени витязя, она надела ему на шею золотой крестик, а потом обняла и крепко поцеловала в губы.

– Да сохранит тебя Господь, солнышко наше, – еле владея собой, промолвил Никита, целуя ее руки. – А за Василея Пантелеича будь спокойна: верну его тебе живым и здоровым либо сам николи не вернусь!

## Глава 32

*Приидохом же от Переславля Рязанского к верховию Дона, и не бе видети тамо ни града, ни села, пусто же все и не населено, нигде бо видети человека, точию пустыни велия и зверей множество: козы, лоси, волци, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы орлы, гуси, лебеди, жарвы и прочая...*

*«Хождение Пименово в Царьград», XIV в.*

Из Пронска путники тронулись по московскому шляху, но, отъехав от города с десятков верст, свернули по проселку на восток и часа два спустя уже переправились через неширокую реку Истью, протекавшую по рязанско-пронскому рубежу.

Земли Рязанского княжества, где Василия многие знали, решено было пересечь в кратчайшем направлении, пользуясь глухими лесными дорогами и минуя населенные места. Это можно было сделать, почти не отклоняясь от прямого пути на Муром.

Выехав без всяких осложнений к истокам реки Раны и все время держась ее левого берега, Василий и его спутники так же благополучно добрались до Оки, переправились через нее между Переяславлем и Рязанью и на заходе солнца, покрыв в этот день около сотни верст, достигли берега реки Пры, отделяющей Рязанское княжество от Мещерского края.

Вдоль низменных берегов Пры густой и темный лес тут и там раздавался в стороны, уступая место топким, поросшим камышами болотам, из которых, при приближении всадников, тяжело поднимались стаи ожиревших гусей и уток. Сырая, травянистая почва мягко пружинила под копытами лошадей, а над красноватыми водами реки и болот, в неподвижном воздухе висели тучи гнуса. Остановиться тут было немислимо, и путники проехали еще версты четыре вдоль берега, пока не нашли небольшой, поросшей березняком возвышенности, круто обрывающейся к реке. Здесь было сухо, комаров сдувало легким, тянувшим поверху ветерком, и место вполне подходило для ночлега.

Через полчаса стреноженные кони уже паслись на низкой прибрежной луговине, а их хозяева, помывшись, сидели вокруг костра, поджаривая на вертеле жирного гуся, застреленного по пути Никитой.

Над почерневшей рекой быстро сгущались сумраки ночи. В наливающимися тьмою и тайной болотах блаженно стонали мириады лягушек, да через равные промежутки времени, перекрывая лягушечьи голоса, где-то поблизости утробно ревела выпь. В небе одна за другою, зажигались далекие звезды и, казалось, мерцая, спускались на землю: вон сколько их уже носится быстрыми светлячками над утонувшей во мраке низиной! Неслышными, неторопливыми шагами приближалась величавая, но скромная красавица – русская ночь – и вот уже подошла к усталым путникам вплотную...

Некоторое время у костра все сидели в задумчивости. Лаврушка, менее других чувствительный к чарам природы, первым нарушил молчание.

– А что, Никита Гаврилыч, – спросил он, не решаясь обратиться к князю, – долог ли будет путь наш по Мещерской стороне?

– Коли возьмем отсюда прямо на Муром, – ответил Никита, – за один день ее миную. До реки Гуся тут будет верст пятьдесят, да там, вверх по Колпи, до муромского рубежа набегит еще тридцать. Ночевать завтра будем уже на Муромской земле.

– Стало быть, невелика она, эта Мещера?

– Не столь она и мала, да мы лишь самый уголок ее захватим. Потерявши день, могли бы ее и вовсе стороной объехать, да ни к чему нам это: мещеряки народ смиренный.

– А кто они такие, энти мещеряки? Намедни я видел двоих в Пронске: по обличью будто на татар похожи, а говорят промеж собою по-нашему.

– Они, как и мордва, народ чудского корня, но, спокон веку живя в соседстве с русскими, и сами совсем было обрусели. Однако со времен Батыева нашествия их земли позавхватывали татарские князья, и мещеряки помалу стали перенимать татарский обычай.

– А какой они веры?

– Да кто в какую горазд. Много есть среди них православных христиан, иные от татар ислам приняли, а кое-кто еще пребывает в древнем своем язычестве. Поганства у них и досе немало. К примеру, покойников своих они в гробы не ложат, а закапывают сидячими. Баб и девок при этом к похоронам и поминкам не допускают. Жен каждый норовит иметь побольше, в этом не отстают от прочих и православные: эти на одной бабе женятся у нашего попа, а на

других у своего шамана. Им иначе нельзя: народ они землеробный, а обычай у них таков, что мужику работать в поле зазорно. Вот, значит, жены у них вроде батраков. У кого побольше земли, тому, знамо дело, и жен надобно иметь много.

– Ну а мужики что же у них робят? Али на боку полеживают?

– Нет, не скажи. Народ работающий. В поле-то мещеряк только указывает да на баб покривает, ну а топором, к примеру, орудует ловко и в домашнем хозяйстве делает все, что требуется. Избы и деревни у них очень даже справные.

– А ты отколе все это знаешь, Никита Гаврилыч? Нешто бывал в ихних краях?

– Случилось. Еще когда служил я брянскому князю Дмитрию Святославичу, однава посылал он меня гонцом в Мещерский Городец<sup>89</sup>, к главному князю ихнему, Бахмету Гусейновичу.

– Пошто имя-то у него басурманское? Татарин он, что ли?

– Из татар. У мещеряков прежде были свои князья, но татарские мурзы и беки их попербили и после того долго резались промеж собою за Мещерский край. Лет сорок тому назад всех одолел ширинский князь Бахмет и крепко сел в Мещерском Городце. Вот к нему-то я и ездил.

– Неужто и посейчас он жив?

– Нет, умер давно. Ныне над Мещерою княжит сын его, Беклемиш.

– Он уже не Беклемиш, а Михайло, – вставил князь, до сих пор не принимавший участия в разговоре. – Муромский владыка Василий уговорил его принять православную веру. Сам князь Василий Ярославич крестным отцом был. Оженился же тот Беклемиш-Михайло на княжне Стародубской, так что вскорости род князей Мещерских станет русским. Да и всех соседей своих чужеплеменных вберет в себя помаленьку матушка-Русь, как многих уже вобрала. Вот, к примеру, в этих местах прежде обитали народы: меря, весь, мурома, голядь и иные. Пришешь сюда, славяне, предки наши, никого из них не убивали и слишком не утесняли, как то делали, да и поныне делают немцы в литовских и в славянских землях. А где теперь все эти народы? Без насильности и понуждения все целиком растворились в русском море, уже и память о них забывается. Тако же само невольге будет с мещерою и с мордвой.

– Ну, мордва-то больше к татарам клонится, – заметил Никита.

– Не сама она клонится, а гнет татарский ее клонит. Мордовские земли лежат по самому краю Дикого поля, всего ближе к Орде, ну татарские князья и понарезали там себе улусов<sup>90</sup>.

– Стало быть, у мордвы тоже своих князей нет? – спросил Лаврушка.

– Не у всей. Мордва делится на два племени: те, что живут ближе к нам, зовутся эрзя, а ближе к Орде – то мокша. У каждого из тех племен свой язык и свои обычаи. По виду эрзяка от русского, почитай, и не отличишь, ну а мокша уже иная: ей, видать, половцы да татары изрядно своей крови подбавили. И у эрзи досе есть свои князья, а мокшу еще в прошлом веке покорил ордынский князь Елортай Темиров, и с той поры ею правят его потомки. Мокша, вестимо, отатарилась. Бабы у них, к примеру, ходят в штанах и в чалмах, мужики тоже одеваются по-татарски. А эрзя не то: она больше от нас перенимает, нежели от татар.

– А вера у эрзи тоже наша?

– Есть среди них православные, но не столь много, как у мещеры. Мордва еще крепка в своем язычестве. Богов у них много, но выше всех они почитают одного, который будто бы живет под землею и посылает людям урожай. Как зовется тот бог, я запомнил, но один чернец, долго живший среди мордвы, мне сказывал, что перед посевами яровых и озимых каждый мордовский хозяин выносит в поле какую-либо снедь и закапывает ее в землю, чтобы

---

<sup>89</sup> *Мещерский Городец* – столица Мещерского края, позже город Касимов.

<sup>90</sup> От этих, некогда утвердившихся в Мордовской земле, татарских князьков происходит несколько княжеских фамилий, например: Баюшевы, Мансыревы, Янгальчевы и другие, которых некоторые считают коренными мордовскими родами.

этого урожайного бога задобрить. И те, что приняли нашу или татарскую веру, все одно от сего обычая не отступаются, хоть ты с них голову снимай.

– А сквозь черемису мы тоже поедем? – спросил Лаврушка, подбрасывая в костер сухих сучьев.

– Нет, черемису и болгар мы пообедем Вятской землей, – ответил Василий. – Путь наш от этого чуток удлинится, но будет много спокойней: черемиса народ дикий, она еще толком не умеет и землю пахать, а промышляет больше охотой да разбоем. В Булгарии же легко повстречаться с ордынскими отрядами. Ну а вятичей давно уже покорили новгородцы. Там поставлены русские города, татары туда не суются, так что поедем все одно как по своим землям.

В продолжение этого разговора Никита не забывал время от времени поворачивать над огнем вертел. Наконец гусь подрумянился со всех сторон и стал источать столь дразнящее голодные желудки благоухание, что даже любознательный Лаврушка, собиравшийся расспросить князя о вятичах, вместо очередного вопроса неожиданно для себя самого сказал:

– А ведь пора его есть, не то пережарится!

– Дело, – согласился Василий. – Ну что же, давайте вечерять да и спать. Путь назавтра предстоит трудный, и выехать надобно чем свет.

Пока Никита резал на куски гуся, Лаврушка проворно открыл одну из переметных сум, извлек из нее баклагу с водкой, хлеб и кое-какую снедь, захваченную из Пронска.

Проголодавшиеся путники плотно поужинали и, подбросив в костер побольше дров, тут же заснули на разостланных конских пополах, подмостив под головы седла.

\* \* \*

С рассветом тронувшись в путь, Василий, Никита и Лаврушка много часов пробирались узкими лесными тропами, а то и просто чащобой, стараясь по солнцу держать направление на север, где верстах в тридцати от места ночлега им надо было выйти на довольно крупную реку Нарму.

Этот дикий угол Мещерского края представлял собою обширную, покрытую вековым лесом низину, изобилующую небольшими озерами, речками и болотами. В дождливую пору здесь мог бы проехать только человек, отлично знакомый с местностью. Но, к счастью для наших путников, давно уже стояла сушь, и они, хотя и вынуждены были поминутно объезжать предательские топи и иные препятствия, все же благополучно продвигались вперед и к полдню выехали на берег Нармы. В этом месте она была довольно широка и полноводна, что указывало на близость ее впадения в реку Гусь.

Теперь уже не было опасности сбиться с пути. Повеселевшие путники после двухчасового отдыха двинулись дальше, все время придерживаясь правого берега Нармы, а потом Гуся. Объехав стороной большое озеро с ютившимся на его берегу мещерским селением, часа через три они выехали к устью реки Колпи. Василий знал, что она, не меняя направления, течет с севера на юг и что вдоль ее берега идет дорога из Мещерского Городца во Владимир, перекрещиваясь где-то с московско-муромским шляхом. Дальнейший путь до Муром, таким образом, не представлял особых затруднений, и на закате солнца притомившиеся всадники, проехав еще верст двадцать, остановились на ночлег в лесной деревишке, находившейся уже в пределах Муромского княжества.

Прежде чем въехать на постоялый двор, уместившийся вместе с избою и службами, под сенью одного исполинского дуба и отмеченный, по обычаю того времени, конским черепом вместо вывески, Василий придержал коня и обернулся к своим спутникам.

– Запомните крепко, – сказал он, – отныне для всех, с кем бы ни довелось нам повстречаться, будь то татары или русские, я не князь, а карачевский боярин Василий Романович Снежин. Имею вотчину под Мосальском и ныне еду вместе с вами в Вятскую землю по своим

делаю. Ну, умер, что ли, там мой бездетный брат, и мне надлежит принимать наследие. Коли о чем ином станут вас выпрашивать, держите языки за зубами и ответствуйте только, что господин, мол, ваш человек крутой и лишней болтовни не любит. А на людях величайте меня боярином либо Василием Романовичем.

Хозяин постоялого двора, благообразный мужик лет пятидесяти, видимо, настолько отвык от посетителей, что даже не старался скрыть своего удивления при виде въезжающих во двор гостей. Однако в избе было чисто, в погребке нашелся крепкий стоялый мед, а пока усталые путники мылись у колодца, поливая друг друга из деревянного ведра, хозяйка успела приготовить им превосходную яичницу с салом.

На следующее утро, перед тем как пуститься в дальнейший путь, Василий бросил на стол золотой татарский динар и спросил остолбеневшего при виде такой щедрости хозяина:

– А что, старик, далече ли отсюда до Мурома?

– Это смотря как ехать, боярин. Есть две дороги, большая и малая. Вверх по Колпи, отсюда часа два пешего ходу, будет развилка. Коли отсюда поедешь ты прямо – верст через тридцать выедешь на муромский шлях, а там до Мурома набежит еще верст семьдесят. Но можно взять от развилки по малой дороге, вправо. По ей ты будешь ехать целый день самой что ни есть глухоманью, а к заходу солнца выедешь прямо к Спасову монастырю, в семи верстах от Мурома.

– Сколько же верст будет туда по малой дороге?

– По ей версты не считаны, боярин. Мерила ведьма клюкой, да махнула рукой. Только будет та дорога много короче шляха.

– А далее, от монастыря, куда она ведет?

– Чуток не доезжая монастыря, перекрестится она с муромским шляхом и дале пойдет напрямик на реку Клязьму, а отсюда берегом на город Стародуб.

– Стало быть, она нам и дальше сгодится. А легко ли сбиться с пути, коли мы тою малой дорогой поедим?

– Сбиться мудрено: дорога одна, без развилков. Как раз на полпути до монастыря будет озеро с красной водой, а дале – горелый лес. Токмо лучше бы вы малой дорогой не ехали.

– Почто так?

– Пошаливают там лихие люди... Потому тою дорогою вот уже два года, почитай, никто не ездит.

– Ну, коли так, можно и шляхом поехать, – сказал Василий. – Крюк невелик, а нам не к спеху. Оставайся здоров, хозяин!

– Прощевай, боярин, спаси тебя Господь за щедрость твою, – кланяясь в пояс, ответил мужик.

## Глава 33

*Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас.*

*Евангелие от Матвея*

Выехав из деревни, всадники пустили лошадей крупной рысью и менее чем через час добрались до того места, где дорога раздваивалась. Здесь ехавший впереди Василий, не останавливаясь, свернул вправо и погнал коня по узкой, заросшей травой и мелким кустарником дороге, видимо, давно уже не езженной.

– погоди, княже! – догоняя его, крикнул удивленный Никита. – Ты никак ошибся: на шлях нам надлежало прямо держать. А это та самая неезженная тропа, от которой остерегал нас хозяин.

– Не ошибся я, – усмехнувшись, ответил Василий, – а рассудил, что лучше нам по этой, по малой дороге ехать.

– Почто по малой? Али не сказал ты сам старику, что шляхом поедешь?

– Сказал с умыслом: коли кто вздумает нас искать, пусть ищет по шляху либо в Муроме, а мы поедем лесною дорогой и, не заезжая в Муром, от Спасова монастыря возьмем прямо на Стародуб.

– Оно неплохо, путь наш туда и лежит. Да вот не нарваться бы нам тут на разбойников.

– Ежели этой дорогой два года люди не ездят, небось и разбойники отсюда давно убрались. Кого им тут грабить? Мнится мне, что на шляхе с ними куда легче повстречаться.

– Пожалуй, твоя правда, Василей Пантелеич. Может статься, что хозяин постоянного двора нас не с добрым умыслом на шлях направлял. Мне что-то сразу его рожа не приглянулась: больно уж благолепен, индо чуток на покойного Андрея Мстиславича смахивает...

Углубившись в сырую чащу леса, дорога, стиснутая с обеих сторон вековыми деревьями, шла, почти не петляя, по ровной местности и порою была так узка, что ехать по ней можно было только гуськом. Под темными сводами разлапистых ветвей было мрачно и жутко, но предположения Василия полностью оправдались: за целый день они не встретили никого, кроме одинокого медведя, лакомившегося ежевикой на берегу небольшого озера с красновато-желтой водой. Он беспечно шумел в кустах и так увлекся своим занятием, что не заметил всадников, подъехавших к нему почти вплотную. Когда же Лаврушка пронзительно свистнул и заулюлюкал, мишка истошно рывкнул и с такой быстротой пустился наутек, смешно подкидывая задом и оставляя на земле вещественные следы своего испуга, что путники разразились дружным хохотом.

Вскоре за красным озером начался горелый лес, по которому всадники ехали около часу. Затем тропа, подобно узкой расщелине, снова врезалась в темный массив огромных сосен и елей и наконец, когда солнце уже было близко к закату, вывела путников на широкую, хорошо наезженную дорогу.

– Не иначе как муромский шлях, – сказал Василий, останавливая своего коня. – Кажись, хозяин постоянного двора нам ни в чем не солгал, стало быть, отсель направо, в семи верстах стоит Муром, а впереди сейчас будет Спасов монастырь. Там заночуем, а с рассветом тронемся дальше, на Стародуб. – С этими словами он переехал через шлях и снова углубился в чащу леса по неширокой, но хорошо проторенной дороге, которая, несомненно, вела к монастырю.

– Эх, жаль, не распытали мы, что это за монастырь, – промолвил Никита, поравнявшись с Василием. – Ведь коли тут женская обитель, нас ночевать туда едва ли пустят, а харчи свои мы прикончили. Не пришлось бы спать в лесу, на голодное брюхо.

– Не сомневайся, это мужская обитель. Я о ней от карачевских попов немало слышал, ибо на Руси она из самых древних. Ее основал, говорят, лет триста тому назад сам святой Глеб Володимирович, первый князь муромский.

– Почто же она не в городе стоит?

– Она в городе и стояла, да после Батыева нашествия, когда Муром был сожжен, уцелевшие иноки ушли в лес и воздвигли здесь новый монастырь. Позже, когда город чуток отстроился, часть клира вернулась туда и приступила к становлению нового храма и монастырского подворья. Строили долго, а когда труд их близился уже к концу, случился пожар, и все пришлось начинать сызнова. И вдругораз все, что было сделано, огонь истребил, а сейчас строят в третий раз. Вот почему Спасов монастырь и доселе остается в лесу. В народе он вельми чтим, ибо хранится тут чудотворный образ святого Глеба, исцеляющий немало немощных.

– Ну, немощи всякие бывают. Иных, пожалуй, и чудом не исцелишь.

– По мне, человека не чудо, а вера его исцеляет, – после небольшой паузы сказал Василий. – Вот, к примеру, годов пять назад был я в Серпухове, и показывали мне там здорового мужика. Запомнил я, что с ним приключилось, деревом его придавило, что ли, только

отняли у него ноги, и пролежал он, как колода, немало лет. И попы его пользовали, и знахари, к святым мощам и к иконам чудотворным возили его, только все втуне. Наконец кто-то сказал ему про целящий многие немощи образ святого Глеба в Спасовой обители, и как-то вдруг уверовал он, что тут его спасение. «Я тоже Глеб, – говорит, – и мой святой меня не оставит. Везите меня к нему!» Ну, привезли его сюда, в Спасов монастырь. Прислушал он вечерню, приложился к чудотворной иконе; после тут схимник один – святой жизни старец – возложил на него руки, только ничто не помогает. Тогда тот калека давай просить игумена: «Оставь меня на ночь одного в церкви! Хочу я помолиться своему святому, а уж утром везите меня в обрат».

Ну, поклали его под образом святого Глеба и ушли все. А на рассвете вышел игумен из своей кельи и глазам не верит: стоит тот безногий мужик возле монастырской поварни и дрова колет. Будто никакой хвори и не было! Пристали тут к нему иноки: что, мол, да как, чего ты в церкви делал и не было ли тебе какого видения? А он говорит: «Никакого мне видения не было, а, как все из храма ушли, помолился я горячо своему святому, встал да и пошел. Я, говорит, и наперед знал, что так будет». Вот ты мне теперь и скажи: что это было – чудо или же просто силою своей веры он хворь переборол?

– И так, и так чудо, Василей Пантелеич, – задумчиво промолвил Никита. – А откуда оно произошло, от иконы ли, от веры ли того человека, – сказать трудно... скорее всего от веры.

– Вот и я тако же мыслю. Коли бы он сумневался, не помогла бы ему и чудотворная икона. А с крепкою верою, помолишь он даже в пустом месте, скажем, в лесу, под березой, равно получил бы исцеление, ибо чудотворная сила в самом человеке, сиречь в вере его таится.

– Так, по-твоему, икона в этом деле ништо?

– Э, нет, брат! Коли человек в чудотворную суть иконы верит, сила его веры в свое исцеление гораздо умножается. Возле такой святыни молитва его обращается как бы в пламень незримый и летит прямо к престолу Господнему! Я сказал: под березой тоже чудо возможно, но подле иконы свершиться ему стократ легче. Потому исцеления немощных почти всегда и случаются возле особо чтимых икон, а не под березами.

За этими разговорами путники шагом проехали версты полторы, как вдруг из-за поворота дороги, огибавшей в этом месте пологий, заросший ельником холм, до них явственно донеслись какие-то крики и шум.

– Никак впереди дерутся? – недоуменно промолвил Василий, придерживая коня. – Чего бы это такое могло тут быть?

– Может, кого грабят разбойники? – прислушиваясь, сказал Никита. – Мне будто бы женский крик почудился.

– А ну, вперед! Только тихо. Допрежь чем ввязываться, поглядим из-за поворота, что там стряслось.

Держась самого края дороги, уже потемневшего в вечерних сумерках, они проехали еще шагов двести. Звуки ударов, топот конских ног и отрывистые выкрики слышались теперь совершенно отчетливо, не оставляя сомнений в том, что здесь происходит вооруженная схватка. Доехав до поворота, Василий внезапно осадил коня и знаком руки остановил своих спутников. Шагах в тридцати, там, где дорога пересекала небольшую поляну, он увидел богато убранный возок, запряженный тройкой рослых, серых в яблоках лошадей. В возке, тесно прижавшись друг к другу, сидели две закутанные в шали женщины, лиц которых нельзя было разглядеть. На облучке, запрокинувшись на спину, неподвижно лежал возница с намотанными на руки вожжами, а вокруг пять или шесть всадников в кафтанах военного покроя отчаянно отбивались саблями от двух десятков нападающих, которых по одежде можно было принять за татар. Один из последних, крупный мужчина в кожаных татарских латах и в шлеме, не принимая непосредственного участия в схватке, стоял на откосе холма и время от времени что-то выкрикивал. Возле возка, на поляне уже лежало несколько неподвижных тел.

– Татары на наших напали, – шепнул Василий стоявшему рядом Никите. – Их не столь много, и, ежели мы врасплох ударим с тыла, они побегут!

– Истина, княже, – тихо ответил Никита. – Только допрежь чем на них ударить, не худо было бы достать стрелюю вон того дьявола, что примостился на бугре. Он у них, кажись, верховодит. Его я беру на себя, а вы с Лаврушкой цельте двух других. А потом уже в сабли! – С этими словами Никита вытащил из-за спины своего «перуна» и наложил на тетиву боевую стрелу. Василий и Лаврушка молча последовали его примеру.

Почти одновременно воздух прорезали три стрелы. Стоявший на косогоре всадник, взмахнув руками, опрокинулся на круп своего коня, возле возка повалились наземь двое других. В ту же секунду, бросив луки и выхватив сабли, Василий и его спутники налетели на растерявшихся разбойников, рубя направо и налево. При виде неожиданной подмоги воины, оборонявшие возок, разом приободрились, и в каких-нибудь две минуты исход сражения был решен: нападавшие, оставив на поляне с десяток трупов, обратились в бегство и мгновенно исчезли в лесных зарослях.

Вложив саблю в ножны, Василий обернулся к повозке, находившейся от него в нескольких шагах. Теперь он разглядел, что одна из сидевших там женщин была молода и красива, другой на вид было лет пятьдесят. Обе смотрели прямо на него, вполголоса обмениваясь отрывистыми словами, а потому Василию не оставалось ничего иного, как направить к ним своего коня. Но не проехал он и половины разделявшего их расстояния, как к нему приблизился один из всадников, защищавших возок, – чернородый мужчина средних лет, в богато расшитом кафтане.

– Не ведаю, как величать тебя, добрый человек, – с поклоном сказал он, – но кто бы ни был ты, видно, сам Господь направил сюда тебя и твоих товарищей. Кабы не вы, не отбиться бы нам от проклятых разбойников! Молви, за кого нам надобно Бога молить?

– Бога ты просто возблагодари за то, что не оставил всех нас своею милостью, – ответил Василий, – а звать меня Василием Романовичем Снежиным. Я Карачевского княжества боярин и здесь случился проездом, со стремянным своим и со слугою. Скажи и ты, с кем Господь привел меня встретиться?

– Я муромский воевода Порошин, а в возке...

– Чтой-то ты разговорился так, Афанасий Никитич? – раздался вдруг властный голос старшей из женщин. – Проси боярина сюда пожаловать, я сама его поблагодарить желаю.

– Слушаюсь, матушка Евдокия Даниловна, – живо откликнулся воевода. – Прошу, боярин!.. Княгиня наша с княжною, – шепнул он Василию, подъезжая с ним к возку.

Услышав последние слова муромского воеводы, Василий в первый момент окаменел от удивления и молча впился глазами в лицо той, которая при иных обстоятельствах должна была сделаться его женою. Однако, заметив, что старая княгиня начинает хмуриться, он быстро овладел собой и, соскочив с коня, низко поклонился женщинам.

– Ну, боярин, спаси тебя Христос за подмогу и за доблесть твою, – промолвила княгиня. – Помыслить страшно, что стало бы со мною и с дочкой моею, кабы не подоспел ты столь вовремя! Ежели не ослышалась я, Василием Романовичем тебя звать?

– Истинно, княгиня. Радуюсь я, что привел меня Господь послужить тебе и княжне. А в том, что пособил я твоим людям отбиться от татар, заслуга невелика: всякий честный человек то самое сделал бы.

– Ну-ну, вижу, ты скромник. Только то не татары были, а поганая мордва. Спокон веку их шайки на наши окраинные земли нападают, но такого охальства, чтобы под самым Муромом на княжий возок наскочить, еще николи не бывало! Беспременно надобно теперь князю Юрию Ярославичу с войском пойти за Оку, поучить эту погань уму-разуму!

– Не осуди за любопытство мое, княгиня: как случилось, что, на ночь глядя, оказались вы с княжною здесь, в лесу, со столь малой охраной? – спросил Василий.

– Да ведь Спасов день сегодня, монастырский праздник! Всякий год в шестое августа выезжаем мы в обитель, вот и ныне приехали. Князь-то сразу после обедни в Муром вернулся, ну а мы остались до вечера. Кто же мог помыслить, что приключится такое?

– Ежели сей обычай ваш всем ведом, мыслю я, что мордовские разбойники оказались здесь не случайно. Не мешало бы дознаться – кто их послал сюда и зачем?

– А вот сейчас спробуем узнать, – промолвил воевода Порошин. – Может, тут среди них хоть один живой сыщется. – С этими словами он принялся обходить лежащие на земле тела мордовцев. Их вожак был убит наповал: стрела Никиты пронзила его насквозь, выйдя на четверть между лопаток. Большинство других тоже были мертвы, но двое оказались лишь ранеными. Склонившись над одним из них, воевода сказал:

– А ну, идол, коли хочешь в живых остаться, развязывай язык! Поведай нам, кто вы такие, кто вас привел и почто напали вы на княжий возок?

Раненый, не мигая, тупо глядел на воеводу, не произнося ни слова. Думая, что он не понимает по-русски, Порошин задал ему те же вопросы по-татарски, но снова не получил ответа. Тогда он вытащил саблю и приставил ее острие к горлу пленника.

– Ну, будешь говорить? – спросил он, слегка нажимая на рукоять.

– погоди, бачка боярин, я скажу! – прохрипел раненый, почувствовав, что клинок впи-  
вается ему в шею.

– Вот так бы и сразу! Говори.

– Мы люди князя Баюша... А привел нас сюда его меньшей сын, Гаюн.

– Вот этот, что лежит простреленный?

– Он, бачка боярин.

– А знали вы, на кого нападаете?

– Знали, бачка...

– Что же вы, собаки, женщин хотели поубивать?

– Как можно, бачка боярин? Убивать не хотели. Гаюн велел княжну живой взять.

– Княжну! А на что она ему?

– Того не знаю, бачка... Красивый девка, княжна... А может, он выкуп за нее хотел взять.

Больше спрашивать было не о чем. Приказав одному из дружинников скакать в монастырь и сказать монахам, чтобы пришли подобрать убитых и раненых, Порошин снова подошел к возку. Его разговор с пленником здесь все слышали от слова до слова, так что повторять не было надобности.

– Царица небесная! – с негодованием воскликнула княгиня. – Я-то мыслила, что они на нас по неведенью наскочили, а это что же выходит? Какой-то поганый нехристь чуть не у ворот Спасова монастыря засаду ставит, чтобы захватить дочь муромского князя! И беспреречно бы захватил, не подоспей ты ко времени, Василий Романыч! Эдак вскорости из хором на улицу с оглядками выходить придется!

– Да, видать, соседство у вас беспокойное, – сказал Василий и покосился на княжну. Она была бледна и в продолжение этих разговоров не промолвила еще ни слова, но Василий несколько раз ловил на себе ее пристальный взгляд, выражение которого трудно было определить в быстро сгущающихся сумерках.

– Ты никак заснул, Афанасий Никитич? – обратилась княгиня к воеводе. – Али станем тут ожидать, доколе они вдругораз нагрянут? Сей же час в Муром!

– Слушаюсь, матушка-княгиня! Только опасаться уж нечего: небось те, что живыми ушли, чешут теперь по лесу, что твои зайцы!

– Все одно, не ночевать же тут.

Порошин отдал нужные распоряжения и сам вскочил на коня. На облучок повозки, вместо убитого кучера, сел один из дружинников и, разобрав вожжи, зацокал на лошадей.

– Ну, прощай, княгиня, и ты, княжна, – промолвил Василий, тоже успевший сесть на коня. – Счастливой вам дороги, а мой путь в другую сторону.

– Да ты что, батюшка? Али в Муром не заедешь? – с удивлением спросила княгиня.

– Поспешать мне надобно в Стародуб, княгиня, и далее на полночь<sup>91</sup>. Путь наш неблизок, а осень не за горами.

– И слышать того не хочу, боярин! Как это можно: ты нас от полона либо от смерти спас и теперь мыслишь уехать, не давши князю поблагодарить тебя? Да он мне в жизни не простит, коли я тебя отпущу!

– Видит Бог, княгиня...

– Бог-то видит, да вот ты не видишь! Может, разбойники снова впереди засели, чтобы дело свое довершить, а ты нас одних покинешь? Не ждала я от тебя такого, право, не ждала!

– Ну, коли так, еду, княгиня, – после небольшого колебания сказал Василий и тронул плетью своего коня.

## Глава 34

*Того же лета князь Юрий Ярославич Муромский обновил град свой, отчину свою Муром, запустевший от давна. И поставил двор свой во граде, такоже и бояре его, и вельможи, и купцы, и черныя люди изоставиши дворы свои и святыя церкви обновиши и украсиши иконами и книгами.*  
*Патриаршая летопись*

Едва ли сыщется на Руси хоть десяток городов, которые по древности могли бы потягаться с Муромом. Точное время его возникновения неизвестно, но, во всяком случае, существовал он еще до призвания Рюрика.

Раскопки археологов показали, что еще в доисторические времена в этих местах кочевали охотники за мамонтами, оставившие по себе многочисленные следы в виде всевозможных каменных орудий, костей убитых ими животных и т.п. Позже обитало тут чудское племя мурома, от которого и получило свое название городище, служившее этому племени столицей.

О муроме, как о народе, в истории не осталось почти никаких сведений. Когда она исчезла и когда появились тут первые славяне, неизвестно. Можно лишь указать, что с X века мурома – как некая этнографическая единица, сохранившая какие-то признаки обособленности, – уже не упоминается ни в одном письменном источнике. Очевидно, к этому времени она полностью растворилась в славянской массе, а город Муром сделался центром образовавшегося тут русского княжества, подчиненного Киеву.

Распределяя русские земли между своими многочисленными сыновьями, Владимир Святой отдал Муромское княжество Глебу, тоже причисленному православной Церковью к лику святых. Как известно, Глеб Владимирович в 1015 году был убит своим братом, Святополком Окаянным, после чего в Муроме сидели киевские наместники, но в конце того же XI века он перешел во владение черниговского князя Олега Святославича, который отдал Муромскую и Рязанскую земли своему брату Ярославу, чьи потомки с той поры там и княжили.

При татарском нашествии героически сопротивлявшийся Муром в 1239 году был выжжен дотла и почти все его защитники перебиты. По преданию, лишь небольшое число жителей города, выведенных монахами Спасского монастыря через потайной ход, спаслось в окрестных лесах.

Едва успев немного отстроиться, в 1281 году, во время очередной междоусобицы, Муром был разрушен князем Андреем Городецким, а то, что уцелело от этого разрушения, через семь лет снова было сожжено татарами. С тех пор несколько десятков лет город находился в полном

<sup>91</sup> *Полночь* – север, полдень – юг.

запустении, некогда обширная торговля его замерла, и муромский край одичал. Большая часть населения, укрывшись в дремучих лесах, промышляла охотой, рыбной ловлей, бортничеством, а то и просто разбоем. С этого именно времени муромские леса приобретают свою громкую разбойную славу, широко отразившуюся в русском народном эпосе.

Во второй четверти XIV века старшим из муромских князей был Василий Ярославич. По характеру и привычкам он полностью соответствовал своему одичавшему народу: жил в невзрачных и темных хоромах, хуже, чем иной боярский сын; рано овдовев, вел беспорядочный образ жизни и, кроме охоты, мало чем интересовался. О восстановлении лежавшего в развалинах Мурома он не заботился, считая, что все равно его кто-нибудь снова разрушит, и делами земли своей занимался мало. При всем том был он добр и миролюбив, усобиц ни с кем не заводил, и в Муромском княжестве при нем почти открыто распоряжались московские князья.

Положение дел начало меняться, когда в Муром приехал младший брат князя, Юрий Ярославич. Это был деятельный, умный и напористый человек, немало поездивший по чужим землям и многому научившийся. Видя, что брат имеет к тому охоту, Василий Ярославич с радостью предоставил ему заниматься делами управления, и муромским князем стал фактически Юрий.

Года за два до описываемых здесь событий Василия Ярославича, бывшего уже в годах, помял на охоте медведь. Поначалу все как будто обошлось, князь отлежался, но потом начал чувствовать слабость в ногах, и вскоре они отнялись совершенно.

Когда все попытки вылечить князя на месте оказались бесплодными, он приказал возить себя по святым местам в чаянье обрести где-нибудь исцеление. Святынь на Руси было множество, и Василий Ярославич в Муром возвращался редко и ненадолго. Последнее же время жил он безвыездно в Киево-Печерском монастыре, где почувствовал себя лучше и решил дожидаться полного выздоровления.

Помаленьку все стали забывать о его брэнном существовании, и муромским князем вся Русь считала Юрия Ярославича. О старшем брате его летописец вспомнил лишь в 1345 году, коротко отметив: «Преставися князь Василей Ярославич Муромский».

Юрий Ярославич исподволь стал восстанавливать жизнеспособность и благосостояние Муромского княжества. Работа перед ним лежала громадная, средств почти не было, и в первые годы особых перемен не замечалось. Однако постепенно, заботами князя, люди начали возвращаться из лесов, вокруг давно заброшенных деревень вновь зазеленели посевы, кое-как отстроенные ремесленные слободы наполнились умельцами, стала оживать торговля, и в руки Юрия Ярославича потекли деньги, позволяющие приступить к обновлению города.

Чтобы труды его не пропали даром, князь Юрий решил начать с того, чем обычно постройку городов заканчивали: с возведения крепостных стен. В течение нескольких лет он окружил полуразрушенный Муром мощными укреплениями, превратив его в одну из сильнейших крепостей северной Руси, и только после этого приступил к восстановлению самого города.

К моменту приезда сюда Василия Пантелеймоновича работы эти находились в самом разгаре, а полностью закончились они лишь десять лет спустя. Однако и теперь Муром имел уже внушительный вид. Он стоял на левом, высоком берегу Оки и был окружен широким земляным валом, поверх которого на несколько сажен высились двойные дубовые стены, усиленные многими проездными и глухими башнями.

При возведении муромских укреплений князь Юрий Ярославич ввел ряд новых усовершенствований. Главным недостатком древнерусских крепостных стен являлась ненадежность их связи: они составлялись из «городниц» – бревенчатых клетей, приставленных друг к другу и заполненных землей. Если осаждающим удавалось выбить несколько бревен из такой клетки, она рассыпалась вся под давлением находившейся внутри земли, открывая в стене широкий

проход. Не раз бывало и так, что при отражении приступа одна из городниц разваливалась сама под тяжестью скопившихся на ней защитников.

При укреплении Мурома Юрий Ярославич применил новую систему, совершенно устранившую эту опасность: здесь городницы были органически связаны друг с другом и вся стена представляла собой не цепь отдельных звеньев, а нечто похожее на сплошной бревенчатый коридор, наполненный землей.

К укрепленной части города, имевшей форму неправильного четырехугольника, общей площадью около девяти десятин, вплотную примыкал обширный посад, делившийся на концы и улицы. Чуть в сторону от него, ближе к реке, тянулись слободы ремесленников. Одна из них была населена исключительно мережниками, изготавливавшими рыболовные снасти и сети.

Помимо ремесленных изделий, Муром вел торговлю мехами, рыбой, медом, воском и иными продуктами сельского хозяйства, постепенно снова превращаясь в крупный торговый узел. Местные святые также способствовали росту общего благосостояния, привлекая сюда много паломников. Однако следует отметить, что религиозное значение Мурома заметно пошло на убыль после того, как муромцы, обвинив своего епископа, Василия, в нечистой жизни, изгнали его из города и он перенес епископскую кафедру в Рязань.

\* \* \*

Князь Юрий Ярославич, высокий и худощавый мужчина, с небольшой тщательно подстриженной бородкой и пронзительными серыми глазами, выглядел значительно моложе своей преждевременно располневшей и слегка обрюзгшей супруги. Выслушав ее рассказ о случившемся, он принял Василия радушно и не поскупился на выражения благодарности. Трудно было сомневаться, что безукоризненно вежливым словам его и манерам не хватает чисто русской простоты и сердечности. Чувствовалось, что князь знает себе цену и всегда помнит о расстоянии, отделяющем его, Рюриковича, от простых смертных. Это так не вязалось с обычной простотой в обращении всех известных Василию русских князей, что в первую минуту он удивился и насторожился. Но вскоре этой черте характера муромского князя нашлось объяснение: из дальнейшего разговора выяснилось, что Юрий Ярославич в молодости провел несколько лет в Царьграде и, очевидно, до известной степени впитал в себя дух, господствовавший при дворе императора Андроника.

Впрочем, это не помешало ему остаться тем, чем создала его русская природа: весьма способным и очень наблюдательным человеком. К тому же он по своему времени был широко образован, говорил на нескольких языках, отлично знал историю европейских народов, начиная с самых ее истоков, и беседа с ним была увлекательна и интересна. В этом Василий убедился вполне, когда два часа спустя, помывшись в бане и приведя себя в порядок, он сидел за ужином в кругу княжеской семьи и нескольких муромских бояр.

Отвечая на вопросы гостя, а отчасти и по собственному почину, князь рассказывал много занимательного о жизни Византии и других стран, в которых ему довелось побывать. Но как ни старался Василий удерживать разговор в этой плоскости, он вскоре перекинулся в ту область, которой карачевскому князю менее всего хотелось касаться.

– Скажи-ка, боярин, – спросил вдруг Юрий Ярославич, – ведомо ли тебе о том, что намеренно приключилось у вас в Карачеве?

– Это ты о чем, князь? – весь насторожившись, но сохраняя полное самообладание, осведомился Василий, до сих пор не знавший, дошли ли до Муромы вести о козельских событиях.

– Тому дня три сказывали мне, что князья ваши перессорились меж собой на семейном съезде и будто карачевский князь Василий Пантелеевич дяде своему, князю звенигородскому, срубил голову. Ужели ты, из той страны едучи, ничего о том не слыхал?

– Когда выезжал я из дому, все у нас было тихо, – ответил Василий, заранее обдумавший, что отвечать на подобные вопросы, – а слух, о котором ты говоришь, настиг меня уже в Рязани, где задержался я по своим делам. Только я тому слуху большой веры не даю. Непохоже, чтобы такое у нас могло приключиться.

– И все же, видать, приключилось. Нам довели о том люди верные.

– Что же именно говорили они?

– Сказывали, что у князей Карачевской земли со смерти Пантелея Мстиславича велась супря<sup>92</sup> о старшинстве и о правах на большое княжение. И вот будто в последних днях июля съехались они в Козельске, и там все это случилось.

– Ежели что подобное и стряслось, то причины тому, без сомнения, были иные, – сказал Василий. – О том, что на двадцать третье июля князя наши должны были съехаться в Козельске, все мы давно знали. Но только ни о каких спорах о старшинстве я не слыхал. Да и какие могли быть споры? Василий Пантелеевич по праву занял отцов стол и княжит уже целый год. Когда заступал он на большое княжение, дядья его и слова вперекор не молвили и из воли его николи не выходили. Андрей же Мстиславич безо всякого к тому понуждения сам приехал в Карачев и крест братаничу целовал, – я это своими глазами видел. Так что, воля твоя, Юрий Ярославич, а тут что-то другое. Да и в Рязани о том иной слух ходил.

– Каков же был тот слух?

– Сказывали, что не супря о старшинстве, а измена удельных была всему причиной. Василий-де Пантелеич, не опасаясь ничего худого, приехал в Козельск с малым числом людей, а там дядья его хотели схватить. Отбиваясь от этих воров, он будто и зарубил Андрея Мстиславича. Только не дуже я этим рассказням верю. Может, какая размолвка и вышла промеж князей, а людская молва ее стократ раздула.

– Дыму без огня не бывает, – сказал Юрий Ярославич, пристально глядя на Василия, который спокойно выдержал этот взгляд. – Ну а говорили в Рязани, что после было?

– Говорили, будто князь Василий со своими людьми от крамольников все же отбился и из Козельска ускакал. А вскорости после того поехал в Орду, чтобы оправдаться перед ханом.

– В чем же ему оправдываться, ежели дело было так, как ты сказал? Нешто он не вправе был свой живот защищать?

– То не я, а молва говорит, Юрий Ярославич. А я сказал тебе, что той молве не очень верю. Может, никуда он не поехал, а может, и вовсе ничего такого не было.

Князь Юрий еле приметно улыбнулся в свою византийскую бородку и ничего не ответил. Замолчал и Василий, чувствовавший, что его собеседник знает больше того, что сказал.

– Ох, Господи, несчастье-то какое! – промолвила княгиня, прерывая молчание. – Ведь коли вправду такое случилось, царь Узбек может Василия Пантелеевича и вовсе согнать с карачевского стола.

«Вишь, где у тебя болит!» – подумал, внутренне усмехаясь, Василий и поглядел на княжну. Она сидела подле матери, потупив голову, но было заметно, что из всего разговора не упустила ни слова. Как бы почувствовав на себе взгляд Василия, она подняла глаза, и взоры их встретились. Чуть-чуть улыбнувшись и порозовев, она сейчас же снова потупилась и принялась нервно теребить бахрому скатерти.

«Хороша, – подумал Василий, незаметно любуясь породистыми чертами ее лица и нежным румянцем щек, юную свежесть которых особенно выгодно оттеняла оправа волнистых темных волос. – Только вот неживая какая-то... Я еще и голоса ее не слыхал. Напугалась разбойников, что ли? Или при родителях боится рот раскрыть?»

Но он не угадал. В те времена девушки на Руси пользовались гораздо большей свободой, чем два-три века спустя, и не жили затворницами. Причиной молчания княжны было

<sup>92</sup> Супря – распря, тязба.

скорее желание приглядеться к новому человеку, появление которого было столь неожиданно и необычно. И когда все встали из-за стола, а Василий, улучив удобный момент, приблизился к ней, она, очевидно, поняв, что рискует показаться ему смешной или неблагодарной, а может быть, повинувшись иному, ей самой неясному чувству, преодолела свое смущение и первой обратилась к нему:

– Не суди меня, боярин, за то, что до сего часу не поблагодарила тебя за спасение мое. Там, в лесу, с перепугу слова на ум не шли, а после ты был занят беседой с батюшкой. Прими же хоть теперь великую благодарность мою и верь, что услуги твоей я до смерти не забуду!

– Полно, Ольга Юрьевна, стоит ли о том говорить! Поелику сей случай не имел худых следствий, я сам за него благодарен судьбе: иначе я бы тебя, может, никогда не увидел.

Княжна опустила глаза, и щеки ее порозовели, что заставило Василия подосадовать на себя: ведь для нее он только заезжий боярин и его любезность могла показаться ей слишком смелой. Однако, бросив быстрый взгляд по сторонам и убедившись, что слов Василия никто, кроме нее, не слышал, Ольга Юрьевна лишь спросила после небольшой паузы:

– Почто же ты, проезжая под самым Муромом, да еще к ночи, не хотел в город заехать?

– Да ведь в город заехать – непременно два-три дня потеряешь, а я тороплюсь. Потому и мыслил заночевать в Спасовом монастыре, а с зарею дальше двигаться.

– Куда же ты эдак торопишься?

– Еду я далеко на полночь, в самый конец Вятской земли, путь туда труден и долог. А надо успеть до больших холодов в обрат вернуться.

– Небось семья тебя дожидается?

– Нет у меня никого, княжна. Живу один, бобылем.

Тонкие брови девушки чуть заметно шевельнулись. Казалось, ее удивил ответ Василия. Медленно, как бы думая о чем-то другом, она промолвила:

– Коли так, хоть не столь тяжко ты на меня посетуешь за то, что нечаянно причинила тебе задержку...

– Помилосердствуй, княжна! Чтобы послужить тебе, я не то что одного дня – целой жизни не пожалел бы! И горюю лишь о том, что неотложное дело принудит меня завтра с тобою проститься и продолжать мой путь.

– Уже завтра? – вырвалось у княжны. – Стало быть, на город наш и не глянешь?

– Утром объеду его на коне, а там и в путь-дорогу. Чай, город не столь велик, чтобы за полдня его не обсмотреть?

– Город-то не велик и пока не вельми пригляден, но примечательное в нем есть, особенно новые стены и башни. Батюшка говорит, – таких еще не было на Руси. Ты человек ратный, ужели упустишь случай все это своими глазами зреть?

– Что делать, Ольга Юрьевна! До обеда все, что успею, обсмотрю, а уж остальное на возвратном пути, коли Бог даст.

Лицо княжны выразило явную досаду. Она слегка закусила губу, но, видя, что к ним направляется боярин Порошин, быстро подняла на Василия свои чарующие, темные как ночь глаза и промолвила, понижая голос:

– Ежели в давешних словах твоих, боярин, кроме простой учтивости, была хоть капля правды, не уезжай завтра из Мурома. Мне хотелось бы распытать тебя кое о чем...

– Коли так, остаюсь, княжна, доколе тебе буду надобен, – с поклоном ответил Василий, сам в глубине души удивляясь своей неожиданной уступчивости.

\* \* \*

Придя в отведенные им покои и укладываясь спать, Никита, весь вечер внимательно наблюдавший за Василием, спросил:

– Завтра с утра выезжаем, княже, али попозже?

– Завтра не едем, – был короткий ответ.

– А когда же?

– Там видно будет.

– Вот те на! – притворно удивился Никита. – Никак ты боле не торопишься за Каменный Пояс?

– Небось успеем еще насидеться за Каменным Поясом, – с раздражением ответил Василий. – Али ты не знаешь того, что князь Юрий Ярославич недавно укрепил Муром наново и что столь гораздых, как тут, оборонных хитростей на всей Руси не увидишь? Ужели упустим случай все это добре обсмотреть только того ради, чтобы лишнюю седмицу промаяться в Мубарековой орде?

– Ну, коли так, тогда конешно... – понимающе усмехнулся Никита, погасив светец и натягивая на себя покрывало.

## Глава 35

На следующий день, поднявшись, по обычаю своего века, на рассвете, Василий в сопровождении Никиты, Лаврушки и одного из муромских боярских детей выехал с княжьего двора, чтобы поглядеть на город. Проезжая по узким улицам, среди которых почти не было прямых, он с любопытством присматривался к окружающему и всюду видел кипучую деятельность князя Юрия Ярославича.

Старый Муром был непригляден. Тесно скученные избы его смотрели, без всякого порядка, в разные стороны, всюду виднелись пожарища и развалины, а жилища людей были сложены как бы наспех, частью из свежих, частью из обгорелых бревен. Кое-где попадались и простые землянки, с низенькими крышами, обильно поросшими травой. Но среди всего этого шла напряженная стройка.

Тут и там ватаги людей, под зычные окрики десятских, крючьями растаскивали полуобгорелые остовы старых построек и расчищали места для новых. Из лесу возили свежие, пахнущие смолой бревна и для подсушки складывали их на пустырях клетями. Местами артели плотников возводили новые, добротные срубы, конопатили их мхом и паклей, пилили доски, покрывали тесом крутые крыши. И за всей этой слаженной суетой из-под развалин старого отовсюду уже проглядывали черты нового Мурома, продуманно распланированного и по-хозяйски крепко утверждающегося на этой, столько раз политой русской кровью земле.

В некоторых частях города, особенно в его центре, новое уже явно преобладало над старым. Тут высились две красивые церкви, заканчивалось постройкой монастырское подворье, давно был обжит новый княжеский дворец; вокруг него, соперничая друг с другом в затейливой резьбе оконных ставен и наличников, стояли обновленные хоромы бояр и дома служилых людей.

Необозримый лесной океан, раскинувшийся вокруг, являлся единственным поставщиком строительных материалов, что предопределяло весь облик города: и дворец, и простые избы, и хоромы, и церкви – все было сложено из толстых сосновых и дубовых бревен, не успевших еще потемнеть от времени.

Осмотрев самый город, Василий поехал в посад. До него еще не дошли руки строителей, и все здесь дремало в обветшалой старине и запущенности. Через покосившиеся деревянные тыны, из буйно заросших палисадников свешивались пышные ветви черемух; на базарной площади шел вялый будничный торг; по пыльным и кривым улицам изредка громыхали телеги, мальчишки играли в бабки и в чилика, да кое-где, в никогда не просыхающих лужах, блаженно похрюкивая, нежились ленивые свиньи.

Наибольший интерес представляли стены и оборонные сооружения города, но именно потому Василий не стал их теперь осматривать, решив сделать это после обеда или на следующий день, когда времени будет больше. А сейчас он спешил возвратиться во дворец, надеясь за завтраком увидеть Ольгу Юрьевну.

По природе своей Василий был человеком увлекающимся и, конечно, не мог остаться равнодушным к красоте муромской княжны. Это чувство усугублялось необычностью их встречи и всей сложившейся обстановки. Согласившись отложить свой отъезд, он не сомневался в том, что Ольга задержала его с целью расспросить о князе Карачевском, которого ей прочили в мужья. Но, припоминая ее вчерашние взгляды и смущение, Василий, как человек опытный в подобных делах, отлично отдавал себе отчет и в другом: что боярин Снежин тоже произвел на нее заметное впечатление. Таким образом, в предстоящих встречах и разговорах на его долю выпадал поистине неповторимый жребий: выступать в роли своего собственного соперника.

За завтраком Василия ждало разочарование: ни княгиня, ни княжна к столу не вышли и трапеза прошла в обществе князя и нескольких его приближенных. Юрий Ярославич сегодня держал себя проще, но все время наводил разговор на карачевские события, и Василию приходилось постоянно быть начеку, чтобы в чем-либо не проговориться. Поэтому он был весьма рад, когда завтрак окончился и князь, сославшись на дела, ушел, предварительно поручив гостя попечениям воеводы Порошина. Последний повел его осматривать княжескую усадьбу и конюшни, в которых оказалось немало превосходных лошадей. По выходе оттуда Порошина куда-то позвал дворецкий, и Василий с чувством облегчения остался наконец один.

До обеда он протомился, бродя по усадьбе, несколько раз обошел сад, посидел там на скамейке, с которой открывался широкий вид на Оку, навевался и в хоромы, но княжны Ольги так и не встретил.

Увидел он ее только за обедом. Она была бледна и рассеянна, что Василий отметил с удовлетворением, как признаки явно для него благоприятные. В общем разговоре княжна, как и накануне, никакого участия не принимала, лишь коротко ответив на два-три ничего не значащих вопроса, которые умудрился задать ей Василий, в порядке застольной беседы. Однако в продолжение обеда, поглядывая на нее украдкой, он заметил, что она пристально смотрит на него, когда ей кажется, что никто этого не видит, и сейчас же опускает глаза, как только взгляды их встречаются. Наконец князь поднялся из-за стола, все последовали его примеру и, помолвившись, начали расходиться из трапезной. Воспользовавшись общим движением, Василию удалось подойти к княжне, когда поблизости никого не было. Ему даже показалось, что она ждала этого и умышленно отошла в сторону от других.

– Ожидаю приказаний твоих, Ольга Юрьевна, – сказал он. – Коли желаешь о чем говорить со мной, укажи не мешкая место и час. Ведь мне уезжать нужно.

– Али не сказал ты вчера вечером, что останешься в Муроме, доколе мне надобен будешь?

– Так ведь, к великому горю моему, надобен я тебе буду для единого только разговора. Почто же тогда с этим делом медлить?

– Может, не для единого только разговора... а для двух либо трех, – чуть улыбнувшись, промолвила княжна. – Коли ты не слишком жалеешь, что обещал мне ожидать их.

– Не жалею, Ольга Юрьевна, хотя видит Бог, сколь надобно мне спешить. Когда же и где будет первый из тех разговоров?

– Сегодня мне нельзя, – немного подумав, ответила Ольга, – а завтра, сразу после обеда, буду в саду.

– Только завтра? – разочарованно протянул Василий. Княжна ничего не успела ответить, ибо в этот момент к ним подошел князь Юрий Ярославич.

– О чем беседуете, коли не тайна? – с искренним или деланным благодушием спросил он.

– Да вот княжна выпрашивала меня о Карачевской земле и о наших князьях, – не сморгнув ответил Василий. При этом Ольга метнула на него быстрый удивленный взгляд и сейчас же потупилась, а князь, который и сам не сомневался в том, что дочь его попытается выведать у карачевского боярина все, что возможно, о Василии Пантелеймоновиче, спросил:

– О чем же именно спрашивала ты, дочка?

– Спросила я, батюшка, велик ли город Карачев или наш Муром больше?

– Ну и что же ответил тебе боярин?

– Не успел я еще ответить, как ты подошел, Юрий Ярославич, – вмешался Василий, выручая не знавшую что говорить княжну.

– Коли так, ответь нам двоим. Мне оно тоже любопытно.

– Нелегко это сделать, княже. Видел я сегодня Муром старый, но видел и то, каким будет он новый. Великое и славное дело вершишь ты, Юрий Ярославич!

– Да мы о Муроме знаем, – улыбнулся князь, – ты нам о Карачеве скажи.

– Карачев город старый, но сложен он крепко. От разрушений и от больших пожаров нашим князьям Господь пособил его уберечь. По себе он не вельми меньше Мурома, но ремесленные слободы у нас далеко не столь обширны, а укрепления с муромскими и не сравнить. Я ваши стены да башни только со стороны видел, но и того достаёт, чтоб это уразуметь. Весьма изрядно укрепил ты свой город, княже!

– Что наши стены лучше, это Карачеву не в укор, – сказал Юрий Ярославич, в душе польщенный отзывом Василия. – На Руси лишь немногие города такие имеют. Ты их беспрерывно осмотри поближе, Василий Романович, они того стоят.

– Не премину, князь. Как раз хотел просить на то твоего дозволения.

– Помилуй, какое еще дозволение! Гляди все, что хочешь. Уж с Карачевом-то мы воевать николи не будем: промеж нас три другие княжества лежат и делить нам нечего.

– Мыслю я, что, будь мы даже соседями, и тогда жили бы в любви и в мире. Карачевские князья до усобиц не охотники, да и ты, видать, тоже. К тому ж о тебе, Юрий Ярославич, не раз доводилось мне слышать речи вельми уважительные как от нынешнего князя нашего, так и от покойного Пантелея Мстиславича.

– Верь, боярин, тако же и я о них всегда говорил и думал. Да и родня мне как-никак карачевские князья, хотя и далекая.

– Ну, коли на то пошло, все русские князья друг дружке сродни: каждый ведет свой род от нурмана Рюрика, призванного новгородцами на княжение.

– Нет, с карачевскими наше родство много ближе: общим предком у нас был черниговский князь Святослав, внук Владимира Святого. Их род идет от сына его Олега, а наш, муромский, от Ярослава. Но вот ты Рюрика сейчас нурманом назвал и попал пальцем в небо. Хотя вины твоей в такой оплошке нет: за полтысячи лет темноты и разных неурядиц истина у нас забылась либо перемешалась со сказками, и ныне на Руси многие стали ложно толковать наше далекое прошлое. Ну и о Рюрике тож наплели небылиц.

– Кем же он был, коли не нурманом? – спросил удивленный Василий.

– Был он чистым славянином.

– Как же это так? Будь ласков, растолкуй мне это, Юрий Ярославич! С превеликой охотой и пользой тебя послушаю.

– Изволь, если хочешь. Только рассказ мой будет долог, стоять притомимся. Пойдем-ка лучше в мою рабочую горницу, там сядем и побеседуем. А ты, дочка, ступай к себе, отдыхай. Все, что я стану Василию Романовичу сказывать, тебе уже ведомо.

## Глава 36

*Имах Гостомысл четыре сына и три дочери. Сынове же его ово на войнах избъени, ово в дому измроша, и не остана ни единому им сыну, а дочери выданы быша суседним князям в жены. И бысть Гостомыслу и людям о сем печаль тяжка, и принесе жертвы и моли Боги о наследии...*

*И спяче ему одинажды о полудни, виде сон, яко из чрева средние дочери его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли... И рекоша весчуны: от сынов ея имать наследити ему и земля угобзится княжением его. И все радовахуся о сем, Гостомысл же, видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от словян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги, просити князя. И приидоша по смерти Гостомысла Рюрик с двумя братья и роды ею.*

*Иоакимовская летопись*

Рабочая горница муромского князя была невелика, но она сразу поразила Василия своим убранством. Здесь на стенах почти не было видно оружия, драгоценных блюд и охотничьих трофеев, которыми обычно украшались покои русской знати. Вместо этого всюду были развешаны иконы старинного письма, с ликами русских святых, причем, рассмотрев их поближе, Василий заметил, что тут собраны лишь те, которые принадлежат к княжескому роду<sup>93</sup>. Вперемежку с иконами висели нарисованные на досках изображения различных храмов, а также несколько карт и таблиц, вырисованных чернью и киноварью на желтых листах пергамента.

Вдоль одной из стен тянулись полки из мореного дуба. На верхней были расставлены золотые, серебряные и глиняные сосуды; на нижних лежали книги, тетради и перевитые шнурами свитки пергамента. Немало их лежало и на рабочем столе князя, крытом зеленой скатертью. Убранство комнаты дополняли два ковровых дивана и несколько резных деревянных кресел с вышитыми шелком подушками. По всему было заметно, что хозяин этой горницы более всего интересуется русской стариной.

Разъяснив значение некоторых предметов и карт, заинтересовавших Василия, князь Юрий Ярославич усадил гостя, велел отроку принести из погреба холодного меду и начал:

– Так вот, послушай о князе Рюрике... Прежде и я, как ты, мыслил его варягом и верил, что наш русский княжеский род идет от нурманского корня. Чай, и тебя учили, что в древние времена новгородские славяне, передравшись промеж собой, призвали на княжение варяга Рюрика, который приплыл из-за моря с двумя братьями, с великой дружиной и со всем племенем своим, звавшимся русью. И будто те наезжие варяги навели в Новгороде порядок, а земля наша от них стала зваться Русью.

И вот позже, когда стал я глубже вникать в прошлое нашей земли, взяло меня сомнение: ужели же и вправду так было?

Ты, верно, слышал, что до призвания Рюрика правил в Новгороде Гостомысл. Еще при отце его, князе Буриное, новгородских славян повоевали нурманы, пограбили их города, а на народ наложили непосильную дань. Иго их было столь тяжким, что терпеть его не стало сил. Гостомысл поднял людей на мятеж и след долгой и трудной войны прогнал за море тех нурманов. Все это нам вточию ведомо, ибо запись о том осталась в новгородской летописи. Как согласишь ты, можно ли дать веру тому, что Гостомысл, ничего не жалевший для освобождения своей земли от нурманского гнета, потерявший в этой войне двух сыновей, после того сам бы

---

<sup>93</sup> Из Рюрикова рода православной Церковью причислены к лику святых 35 князей и 13 княгинь.

научил новгородцев призвать к себе нурманского князя, еще и с дружиной, и со всем племенем своим? Помилуй, да ведь это все одно было бы, что погубить начисто дело своей жизни и по доброй воле сызнова сунуть голову в нурманское ярмо!

Гостомыслу в ту пору было уже за восемьдесят, может статья, от старости он выжил из ума. Но ведь дело-то решало новгородское вече, и оно бы николи не дало своего согласия на эдакую дурость. Однако мы знаем, что согласилось и призвало на княжение Рюрика, который немедля приехал и вокняжился в Новгороде. Из того явствует, что там ни его самого, ни великой дружины его никто не боялся, – видать, для новгородцев он был не чужак, а свой, сиречь нурманом он не был. И не токмо в летописаниях, но и в самой бытности новгородской, да и Киевской Руси можно тому сыскать немало подтверждений.

Прими на миг, что и вправду в славянских землях сели нурманские князья, у кормила власти повсеместно стали пришлые с этими князьями знатные нурманы, суд над славянами почали вершить судьи, не разумеющие славянской речи, начальными людьми в войско поставили многих иноплеменников да еще, на додачу, в Новгородскую землю вселилось целое нурманское племя – племя, породившее всех этих князей, вельмож, судей и воевод и потому мнящее себя много повыше славян. Что бы это получилось?

Допрежь всего понадобилась бы целая рать толмачей, дабы правители и народ могли разуместь друг друга. Толмач стал бы на Руси первым мздоимцем, лицом видным и важным, ибо без его помощи невозможно было бы ступить шагу. А меж тем в наших древних летописях, где многократно поминаются всякие служилые и подсобные люди, как-то: бояре, воеводы, судьи, тиуны, гриди и прочая, – о толмачах нет ничего и даже самого слова такого не сыщешь! Стало быть, никаких толмачей вовсе и не было, ибо язык у всех был един.

Опречь того, промеж славянами и нурманами приключалось бы несчетное множество неразумений, обид, злочиний, драк и побоищ. Вестимо, бывали бы супротив нурманской власти и мятежи – новгородцы-то спокон веку славились буйным и непокорным нравом, да и варяги были, как известно, не лучше. В Новгороде о том должны бы остаться многие предания и записи. А где они? Я сам бывал в Новгороде, обшарил все старые монастыри и со всех, кои там хранятся, летописей и древних сказов заказал сделать себе полные списки<sup>94</sup>, – вон они лежат у меня на полках. Все это я прочел от первого слова до последнего и не единого случая там не сыскал. А всякие вечевые драки новгородцев промеж собою и даже мелкие их перекоры описаны вельми словообильно.

Есть, правда, в летописи о мятеже Вадима Храброго, но то была борьба за княжеский стол, а не народное возмущение против нурманской власти. Гораздое множество новгородцев взяло тогда сторону Рюрика, он легко одолел Вадима и казнил его смертью.

И вот еще несуразица: нурманы в ту пору письмо уже знали, как же могло случиться, что на Руси не осталось ни единой грамоты, ни единой строки, писанной их языком? Да что говорить о писаниях! Даже изустная речь новгородцев не вобрала в себя никакого нурманского слова. А ведь там, где два разноязычных народа тесно сожительствуют, беспременно в язык одного вплетаются словечки другого. Вот, к примеру, с татарами мы хотя и не перемешались, а все же слов татарских нахватали немало. Ныне уже мало кто и помнит, что такие всеобычные слова наши, как «богатырь», «хозяин», «сундук», «базар», «кафтан», «чертог», «чердак», «караул», «зипун», «армяк», «чурбан», «куча», «канавка», «кусок», «шатер», – все взяты нами от татар. Это я тебе назвал первые, какие на ум пришли, а коли поискать, так их наберутся многие сотни, а может, и тысячи.

Орда от нас далеко, и во вседневной жизни нашей мы с татарами нечасто встречаемся, а все же у нас почти каждый мужик хоть малую толику по-татарски знает, и, коли ему приспичит, он сумеет с татариним сговориться. Почему же так случилось, что новгородцы, посадивши

---

<sup>94</sup> В старинном русском языке *списками* назывались копии.

к себе на шею целое варяжское племя, не заимели и не запомнили ни единого нурманского слова? А только лишь потому, что эти пришельцы никакими нурманами не были и речь их была новгородцам столь же понятна, как и своя. Инако говоря, были они славянами.

Племя, пришедшее с Рюриком, наши летописцы называют русью. Однако такого племени ни в нурманских, ни в свейских землях николи не бывало. Жили там свеи, урмане, готы, даны и иные, но никакой русью отродясь и не пахло. А вот в древних румейских хартиях, которые я в Царьграде своими глазами видел, русами называют славян. Такое же говорят и арабские ученые мужи, указывая, что те славяне-русы еще задолго до Рюрика жили по нижнему Дону и по Волге. Стало быть, не из нурманских краев, а оттуда вышло племя русь, от которого получила свое имя и вся наша земля.

Вот и еще одно тому утверждение: в вифлиотеке ромейского василевса Андроника попала мне древняя рукопись, писанная, как думают, епископом Захарием в Сирийской земле, лет еще за триста до жизни князя Рюрика<sup>95</sup>. Описывая известные ему народы, тот епископ повествует, будто меж Сурожским морем<sup>96</sup> и рекою Доном жило племя женщин-амазонок. Пишет он, что были они вельми храбры, лихо ездили на конях, а чтобы при стрельбе из лука не мешала им правая грудь, они ее с детства выжигали каленым железом. Жили те амазонки без мужчин, а для продолжения рода своего в положенные сроки ездили они общаться с соседним народом – русами, от которых имели потомство, из коего оставляли жить токмо девочек. Что до самих амазонок, может, то и сказки, хотя нечто похожее, видать, было, ибо о них поминают многие ученые мужи древности. Ну, а про русов писавший никак не солгал, ибо после него и иные многие свидетельствуют, что русское племя обитало в тех же местах.

– Как же могло случиться, что Рюрик в Новгород из-за моря приплыл, ежели племя его жило близ реки Дона? – спросил Василий.

– О том скажу дале, а допрежь того хочу кончить с вымыслом о нурманах. В чем его корень? Ужели ошиблись наши первые летописцы? Я так споначалу и подумал, а после, разобравшись в деле, уразумел, что получилось иное: люди, ныне живущие, их не стали истинно понимать. Суть здесь в том, что с ходом времени слово «варяг» приняло инакий смысл. Ныне под этим разумеют токмо нурманов да свеев, а во времена оных предков наших варягами звали всех, чьи земли выходили к Варяжскому морю<sup>97</sup>. Думается мне, что еще того раньше говорили не «варяг», а «моряг» либо «моряга», что означало «человек с моря». Новгородские летописцы того времени именовали варягами не токмо нурманов и свеев, но также немцев, боров, эстов, данов, поморских славян и даже англоу. Коли желаешь в том убедиться, вон, возьми у меня любую новгородскую летопись и погляди. Ну а первый киевский летописец Нестор, тот и самих новгородцев, ничтоже сумняшеся, сделал варягами.

– Ужели возможно? – усомнился Василий.

Вместо ответа Юрий Ярославич поднялся с места, достал с полки объемистую тетрадь, сшитую из листов тонкого пергамента, и развернул ее на одной из первых страниц.

– Вот труд печерского черноризца Нестора, почитаемый основой наших познаний о прошлом Руси, называется он «Повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля». О призывании варяжских князей тут писано такое: «В год 6379<sup>98</sup> реша новгородци: поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву. И идоша за море к варягам, к руси. Те варязи бо звахуся русью, яко другие зовуться свеи, другие же урмане, англяне, готы, – тако и эти». Заметь себе, Василий Романович, Нестор говорит ясно: варягами звались многие народы, некую часть которых он тут, для примера, перечислил. И поелику он пишет, что русь – это одно, а свеи и урмане

<sup>95</sup> Это рукопись так называемого «псевдо-Захарии», написанная неизвестным сирийским автором в 555 г.

<sup>96</sup> *Сурожским морем* в средние века называлось Азовское.

<sup>97</sup> *Варяжским морем* называлось Балтийское.

<sup>98</sup> По современному календарю год 871.

– другое, как можно было обратить русь в урманское племя?! Воистину для того надобна темнота либо дурость. Ну вот, а чуть пониже Нестор пишет: «И от тех варягов прозвася Руская земля. Новгородци же, то люди от рода варяжска, а прежде беше словяне». Видишь: стоило только новгородцам призвать к себе заморских князей, как киевский летописец и их самих обратил в варягов! Разумеешь ли теперь, что варяг и нурман вовсе не одно и то же и что варяжское племя русь поистине было славянским?

– Вестимо, разумею, Юрий Ярославич! Спаси тебя Бог за то, что открыл ты мне столь давнюю истину. Поведай только, почто новгородцам так люб показался Рюрик? Или был он уже чем-либо прославлен?

– Изволь, расскажу и это. Давай только глотки промочим, – сказал князь, наливая гостю чашку душистого малинового меда. Себе он налил лишь малую стопку, ибо в еде и в питье был весьма умерен. – Токмо чтобы к тому подойти, придется мне начать издалече, с того, что было в наших землях задолго до Рюрика. Надо тебе сказать, что киевский летописец Нестор вельми скупо повестил о нашей древности либо ее не знал<sup>99</sup>. Он лишь походя упомянул, что славянский народ пошел от рода Иафетова, а засим, ничего не сказав о многих прошедших веках, сразу же перечислил, какие знал, славянские племена и где они обитали перед призванием варягов. Из старых киевских князей он помянул только Кия, братьев его Щека и Хорива да сестру их Лыбедь. Самое же повествование свое ведет от первых князей Рюриковичей.

В Новгороде было иное. Летописание там началось раньше, и первым летописцем новгородским был епископ Иоаким, муж ученый, который жил в одно время со святым Владимиром, крестителем Руси, сиречь лет за сто до Нестора. Он собрал купно и записал все, что тогда ведомо было о славянах и о прошлом Новгородской земли. И коли верить ему, то народ славянский был еще до рождения Христа и уже тогда имел своих князей, предков далеких новгородского Гостомысла.

Были будто бы в незапамятные времена два могучих князя, Славен и Скиф, братья родные, которые повоевали все земли по Дунаю и по берегу Понта, как называлось тогда Русское море<sup>100</sup>. После того Скиф со своим племенем осел в Таврии и в землях промеж Днепром и Волгой, а Славен, оставивши на Дунае князем своего сына Бастарна, сам пошел на полночь и, дойдя до берегов Варяжского моря и Ильмень-озера, поставил там великий город Славянск. Может, то и есть Новгород, только я мыслю иное: Славянск, должно быть, позже сгорел либо вороги его разрушили, и на его месте, а то вблизи, выстроили славяне другой город, который потому и был назван Новымгородом. След того, повествует Иоаким, много сотен лет княжили там потомки Славена, имена коих уже забыты. Но лет за четыреста до Гостомысла сидел будто в Новгороде князь Вандал из того же славного рода.

Вестимо, все эти старые сказы надобно понимать инако: не князья такие были, а народы: славяне, скифы, бастарны и вандалы, или венедалы, коих также зовут венедами. Однако то, что пишет Иоаким далее, уже похоже на истину: у Вандала было три сына, Избор, Столпосвет и Владимир, меж которыми отец поделил все свои земли. Но первые два невдолге умерли, и Владимир остался единым князем этой земли. Женат он был на Адвинде, женщине варяжского рода, славной своею красою и мудростью. И вот сдается мне, что, беря от этой княжеской четы, всему, о чем дальше повествует Иоаким, уже можно верить.

По смерти Владимира, пишет он, княжили в Новгороде его потомки, из коих в девятом колене был Буривой, отец Гостомысла. Родился он не боле как за сто лет до призвания Рюрика, и о его деяниях уже достоверно было известно Иоакиму. В княжение Буривой нурманы почали непрестанно нападать на Новгородскую землю, и вся его жизнь прошла в войнах с ними. Пона-

---

<sup>99</sup> Первый русский историк В.Н.Татищев, современник Петра Великого, открывший Иоакимовскую летопись, по поводу этого пишет: «Нестор преподобный, по всему видно, что не очень учен был и потому недостаточно мог об истине судить, но за его добротный к отечеству труд вечной похвалы и благодарения достоин».

<sup>100</sup> *Русским морем* называлось Черное море.

чалу он побеждал и отгонял врагов, но в конце претерпел от них поражение на реке Кимени, потерял все свое войско и бежал в землю карельской чуди, где недолге и умер. Нурманы же овладели Новгородом и покорили себе славянский народ. Как я уже сказывал, побил их и прогнал за море Гостомysl. А на берегу для заслоны построил крепкий город, который назвал Выбором, по имени старшего своего сына, павшего в битве на этом самом месте<sup>101</sup>.

Повествует Иоаким, что за доблесть, мудрость и правду свою Гостомysl был вельми любим новгородцами и столь же чтим соседями. Княжил он долго, и, коль скоро прогнал нурманов, во всей его земле настали мир и тишина. Кому же лучше знать истину: новгородскому ли епископу, по времени стоявшему не столь далеко от тех событий, или же монаху Нестору, который два века спустя писал в далеком Киеве такое... – Князь полистал тетрадь и, найдя нужное ему место, прочел: – «Изгнаша новгородци варягов за море и почаша сами собою володети. И не бе средь них правды, и встал род на род, и быша у них усобица великая, и почаша сами с собою воевати»... Так вот, по Нестору выходит, что новгородцы решили призвать варяжских князей, чтобы те пресекли у них усобицы и дали порядок. А вот что говорит об этом призвании Иоаким, который вещает, что ни малого беспорядка, ни усобиц в Новгороде не было:

У Гостомysла было четыре сына и три дочери. Сыновья все поумирили и потомства не оставили, а дочери были выданы за соседних князей. И когда почуял Гостомysl близость смерти, стал он думать, кому передать княжение? Вестимо, он понимал, что, если еще при жизни своей этого дела не урядит, начнется усобица и вновь придет в упадок Новгородская земля.

И вот, когда размышлял он об этом, привиделся ему сон: будто из чрева средней его дочери Умилы выросло великое дерево, сенью своей покрывшее и плодами напитавшее всю славянскую землю. И волхвы, коих созвал Гостомysl, так ему растолковали этот вещий сон: надлежит княжить в Новгороде сыновьям Умилы, и потомство ее принесет славу и процветание славянскому народу. Вот тогда и послали новгородцы послов своих к варягам-руси, понеже за их князем была Умила... Так разумеешь теперь, кого призвали новгородцы к себе на княжение? Не нурманских князей, исконных врагов Руси, а внуков родных и наследников старого своего князя Гостомysла, род которого, через потомство Рюрика, и доселева правит Русью.

– Вельми дивно и славно все, что поведал ты, Юрий Ярославич! – воскликнул восхищенный Василий. – Стало быть, род наш чуть не со времен Христа над славянами княжит!

– Наш род? – удивился князь Юрий. – А мне и невдомек было, что ты тоже Рюрикова рода, Василий Романович.

– Да нет, Юрий Ярославич, что ты! – спохватился Василий. – Я хотел сказать: род князей наших, русских, а не мой. Сам же я роду невысокого... Ну а другие внуки у Гостомysла были? – поспешил он направить разговор в прежнее русло.

– Сколь ведомо, был еще один, от старшей его дочери Пребраны, это и есть тот самый Вадим, по прозванию Храбрый, что тщился отнять у Рюрика новгородский стол. И не знаю, истинно оно или нет, но слышал я от одного старика в Новгороде, что святая Ольга, жена Рюрикова сына Игоря, была дочерью Вадима.

– А сам Рюрик на ком был женат?

– Жен у него было несколько. Но матерью Игоря была Ефанда, дочь урманского князя. Ее брат Олег княжил на Руси после Рюрика, поелику, когда он умер, Игорь был еще малолеток.

– А о сынах Гостомysла осталась ли какая память?

– Старшего, как я тебе сказывал, звали Выбор. О других, почитай, ничего не ведомо. Но есть одно вероятие: в те самые годы жил на Руси некий князь Бравлин. Это был славный воин, о котором ведомо, что со своей дружиной спускался он по рекам в Русское море и воевал берега Ромейской державы. В Царьграде имя его помнят, и в книгах у них записано, что однажды

<sup>101</sup> Нынешний город Выборг.

пограбил он большой ромейский город Амастриду и иные. Так вот, думается мне, что этот Бравлин был одним из сыновей Гостомысла.

– Столь дивно мне это, что я бы тебя без конца распытывал, Юрий Ярославич. Однако надобно и честь знать, чай, тебе время дорого. Еще мне поведай только – где же обитало во времена Гостомысла племя русь, допрежь чем пришло с Рюриком в Новгородскую землю?

– Народ русов, некогда живший близ Волги и Дона, еще задолго до Гостомысла поделился на многие племена, кои разбрелись в разные стороны. Те, что осели на Днепре и его притоках, стали зваться полянами, радимичами и вятичами, на полночь от них сели кривичи, на заход солнца – дулебы и дреговичи, но были и такие, что дошли до берегов Варяжского моря, где издавна обитало много иных славянских племен. Были тут полабы, бодричи, лужичи, лютичи, велетичи, кошубы, запеняне, хажак и еще немало им сродных. Не токмо варяжское поморье, но и все земли по рекам Одрину и Лабе<sup>102</sup> были тогда славянскими. Вот погляди, – сказал князь, подводя Василия к одной из висевших на стене карт, – весь этот край был заселен славянами. Эвон сколько они тут городов настроили: Велиград, Зверин, Гомбор, Любица, Ростов, Ратибор, Свиноустье, Щецин, Рюрик, Старгород, Колобрег, Весимир, Столпы, Гданск, Браний Бор, Берлынь...<sup>103</sup> Это лишь важные, а мелких и не перечать.

Если бы все эти народы-братья были едины, их не осилил бы никакой враг. Но единства и дружбы промеж ними не было, и потому их, всех порознь, повоевали немцы, – как и нас, по тому самому, повоевали татары. Наша доля горька, ну а им и того хуже. Коли мы исправно платим дань, татары нам не слишком докучают, немцы же, дабы очистить для себя чужие земли, истребляли там людей без жалости, а кто уцелел, тех обращали в рабство... Ну, да не о том сейчас речь. Гляди сюда, – снова указал он на карту. – Видишь остров, что почти прилепился к берегу Поморья? Это Ругин, либо Руяна<sup>104</sup>. Сюда-то и добралась малая часть русов, не забывшая своего древнего имени, – немцы их прозвали рутенами, а славяне зовут русинами, либо ругами.

Осели они тут крепко, были зело храбры, набрали силы и вскорости сделались первыми среди соседствующих с ними славянских племен. Выучившись мореходству, стали делать дерзкие морские набеги и собрали на своем острове несметные богатства. Как видишь, по повадкам спутать их с нурманскими викингами было немудрено, а верягами, как уже было говорено, в Новгороде звали и тех, и этих, и многих еще.

Надобно еще сказать, что в делах веры эти русы стояли в голове всего славянского язычества и их стольный город Аркона был для славян то же, что для папистов Рим. Там зиждилось великое капище, в котором стоял золотой идол с мечом в руке, бог войны Световит, особо чтимый во всех славянских землях. Дабы поклониться ему и послушать прорицания его жрецов, шли туда не только ближние славяне, но также чехи, моравы, сербы, ляхи, дулебы и иные. И от того еще гораздо множились богатства острова Ругина.

Вот туда-то новгородцы и послали своих послов, ибо Дион, муж Гостомысловой дочери Умилы, княжил над теми русами. Внявши их челобитию, он отпустил с ними своих сыновей Рюрика, Синеуса и Трувора с большой дружиной и с семьями тех дружинников. А что в Новгород выселилось все их племя, это, вестимо, сказки, – ведь были они народом вельми множественным, да и почто им было покидать насиженное и столь удобное место? Оставаясь на своем острове, они еще долго держали в страхе всех соседей и одни из всех тамошних славян не поддались немцам. Только уже много позже, в те примерно годы, когда княжил на Руси Андрей Юрьевич Боголюбский, напали на них расплохом даны, пограбили все их богатства, разорили

---

<sup>102</sup> Нынешние реки Одер и Эльба.

<sup>103</sup> Немцы переименовали эти города соответственно в Мекленбург, Шверин, Гамбург, Любек, Росток, Ратцебург, Свинемюнде, Штетин, Рерих, Штаргард, Кольберг, Висмар, Штольп, Данциг, Бранденбург и Берлин.

<sup>104</sup> Нынешний остров Рюген.

город Аркону и увезли золотого идола Световита. С того случая сила этих варягов-русов была уже не та, что прежде, однако, приняв от данов христианскую веру и платя им дань, они еще полтора века держали на острове свое государство, и правили там свои князья. И лишь вот теперь, в наши дни, покорили их немцы<sup>105</sup>. Вот тебе и весь сказ.

– Прими великую благодарность мою, Юрий Ярославич, за все то новое, что ты мне поведал, – с чувством промолвил Василий. – Всегда хотелось мне поболее узнать о нашей старине, да негде и не от кого было. Разве ныне человека с твоими познаниями часто встретишь! Воистину исполать тебе, княже! Ужели же ты не запишешь все это для памяти и науки потомству нашему?

– Записал я и это, и еще многое, что с помощью Божьей довелось мне узнать. Сумнительно только, что писания мои дойдут до далекого потомства. Сам ведаешь, в какое время мы живем. Вот хотя бы Муром наш три раза дотла был выжжен за последние сто лет, и еще не раз его выжгут. Доколе не сбросим мы татарского ярма и не поставим на Руси единого, крепкого хозяина, который положит конец усобицам, нет и не будет на всей нашей земле тихого и надежного угла.

– То истина, княже! Только сдается мне, что не за горами уже тот светлый час, когда отчизна наша будет единой и свободной!

## Глава 37

*Где черт сам не сладит, туда бабу пошлет.  
Русская народная поговорка*

Все утро следующего дня Василий посвятил осмотру муромских укреплений. Но мысли его были рассеянны, и он с трудом дождался обеда.

В трапезной ему и словом не удалось перемолвиться с княжной. Казалось, она избегала его и за столом даже ни разу не взглянула в его сторону. Эта нарочитая холодность, несомненно, обескуражила бы человека, плохо разбирающегося в особенностях женской души, но Василий, правильно разгадавший состояние девушки, только улыбнулся.

«Ну, боярин Снежин, кажись, твоя берет, – подумал он. – Не иначе как Ольга загодя тщится себя укрепить, боясь, что ослабнет при встрече нашей в саду».

Через полчаса после того, как закончился обед и все разошлась отдыхать по своим горницам, Василий спустился в сад. Почти безотчетно он направился прямо к тому месту, откуда смотрел вчера на Оку, и еще издали увидел Ольгу. Она сидела на той же скамейке, в тени густого дерева, устремив взор на расстилавшиеся за рекою лесные дали. В нескольких шагах от нее, на траве расположились две девушки, казалось, всецело поглощенные вышиванием.

– Любуешься рекою, княжна? – спросил Василий, бесшумно приблизившись сбоку. – Я тоже вчера глядел отсюда на всю эту благодать и наглядеться не мог.

При звуке его голоса Ольга вздрогнула от неожиданности, и вся кровь внезапно сбежала с ее лица.

– Ах, это ты, Василий Романович! – воскликнула она, быстро оборачиваясь. – Как испугал ты меня!

– Ужели я столь страховиден?

– Не то, боярин... Уж больно неслышно ты подошел.

– Прости, Ольга Юрьевна. Залюбовался тобою издали и подходил тихо, как к святыне подходят.

---

<sup>105</sup> В 1325 г. остров Ругин с его славянскими обитателями был присоединен к германской провинции Померании (бывшее славянское Поморье).

– Не кощунствуй, Василий Романович, – тихо сказала Ольга, потупив глаза. Нежные краски снова заиграли на ее лице.

– Я не кощунствую, Ольга Юрьевна. Ужели есть грех в том, чтобы воздать смиренное поклонение лучшему из творений Божьих?

Княжна сделала слабую попытку принять строгий и непрístupный вид, но вместо этого лицо ее отразило беспомощность и смятение. Не сводивший с нее глаз Василий почувствовал, что она и желает и страшится того, что он и дальше поведет разговор в этом направлении. Но все же он счел за лучшее пока ограничиться этим и потому, не ожидая ответа Ольги, добавил:

– Однако о чем же ты желала распытать меня?

– Я чаю, тебе, Василий Романович, Карачевская земля добре ведома? – не сразу ответила княжна, с усилием выводя свою мысль из овладевшего ею сладкого оцепенения.

– Вестимо, ведома, Ольга Юрьевна! Ведь я в ней родился и всю жизнь свою прожил. Спрашивай – все, что пожелаешь, тебе расскажу.

– О многом мне знать хочется... Сам разумеешь, боярин, ведь я Юрия Ярославича дочка, – промолвила Ольга с улыбкой, от которой Василия бросило в жар. – Только батюшку больше минувшее влечет, а мне любо нынешнее. Поездить по Руси и повидать все своими глазами мне моя женская доля не позволит, ну вот и расспрашиваю обо всем заезжих людей... Обскажи мне, к примеру, каков собой город Карачев и какие есть еще города в вашей земле?

В течение десяти или пятнадцати минут Василий честно описывал Ольге Карачев и иные города своего княжества, не вдаваясь, впрочем, в излишние подробности, ибо он хорошо понимал, что они, в сущности, мало интересуют его собеседницу и что этот вопрос служит только подходом к тому, что интересует ее в действительности.

– А какие князья княжили в Карачеве допрежь Василия Пантелеевича и кто у него есть из живых сродственников? – спросила Ольга, успевшая придумать этот второй вопрос, пока Василий отвечал ей на первый.

Василий ответил и на это, перечислив всех членов своего рода, начиная с Мстислава Михайловича, в нескольких словах охарактеризовал каждого из них и указал – кто где княжил или княжит.

– Ну а нынешний князь ваш, – помолчав, спросила Ольга, – он как? Сказывали у нас, что народ его крепко любит и что князь он хороший. Истинно ли это?

Василий не сразу ответил. Расхваливать себя, даже находясь под чужой личиной, ему было неловко. Хулить тоже не годилось, ибо это прежде всего снизило бы в его собственных глазах значение той победы, которую он, как боярин Снежин, хотел одержать над князем Карачевским. Поэтому он ответил:

– Народ его, кажись, и впрямь любит. А оправдает он ту любовь народную или нет, покуда сказать трудно: ведь он еще и года не прокняжил.

– А тебе самому как мнится: умен Василий Пантелеевич? Видна ли в нем мудрость и сила истинного правителя?

– Экие ты вопросы задаешь мне, княжна! – с еле скрытой досадой ответил Василий. – Одно могу сказать: видать, что старается он княжить разумно и по справедливости, а что с того получится, только Богу ведомо. Особой же какой мудрости я в нашем князе не приметил. Князь как князь, и только!

– Почто же тогда брянский народ его к себе на княжение зовет? Чай, ты об этом слыхал? Ведь плохого князя никто звать не станет.

– Да кто тебе говорит, что он плох? Вот нынешний брянский князь, Глеб Святославич, тот и вправду плох. Что же тут диковинного, что брянцы на его место зовут кого ни есть иного?

– По всему видать, боярин, не слишком ты жалуешь князя Василия Пантелеевича, – помолчав, сказала Ольга. – Почто так?

– Не то, Ольга Юрьевна. Ты пойми: я в Карачевском княжестве воевода, человек ратный, и только. Мое дело дружина да война. В хитростях же управления, устройства земли и прочих – что я смыслю, чтобы своего государя судить?

– Ладно, Василий Романович, коли так, поведай мне о том, что тебе, как воеводе, виднее, чем кому иному: силен ли ваш князь в ратном деле? Мыслишь ли ты, что из него будет добрый полководец?

– Ну что я тебе на это скажу, коли я его в большом деле не видел? – с неудовольствием ответил Василий. – Ведь, почитай, с самого его рождения у Карачевского княжества ни с кем настоящей войны не было. Да и что он так тебе дался, Ольга Юрьевна? Нешто ты с ним воевать собираешься?

– Ты вот шутишь, боярин. А коли хочешь, я тебе скажу, к чему все мои расспросы: вижу я, что судьба открывает перед князем Василием Пантелеевичем великие возможности. И любопытно мне знать, таков ли он человек, чтобы тех возможностей не упустить?

– Какие же такие возможности? – спросил заинтересованный Василий.

– Вот хотят его брянцы к себе на княжение. Коли он сумеет с Глебом Святославичем сладить, в его руках уже будут два немалые княжества. С такою силой, да еще при любви и поддержке народной, ему, ежели он не оплошает, не столь уж трудно было бы также завладеть Новосильским и Тарусским княжествами. А соединив под своею рукой все земли, коими владел его великий прадед, Михаил Всеволодович, он и с Москвой потягаться сможет! – вся раскрасневшись, почти восторженно добавила Ольга.

«Так вот оно что! – подумал пораженный Василий. – Теперь-то я раскусил тебя, Ольга Юрьевна! Через Василия Пантелеевича мнишь ты сделаться великой княгиней Черниговской, а может, и государыней всея Руси! Вот тебе и тихоня муромская!»

– А помыслила ли ты, княжна, – сухо сказал он после довольно продолжительного молчания, – сколько крови русской надобно будет Василию Пантелеевичу пролить, чтобы того достигнуть?

– Кровь и так спокон веков по всей земле нашей льется, боярин. Уж лучше ее одним разом пролить, хотя и много, но с пользой для всей Руси.

– Стало быть, по-твоему, всякий князь, который из маленьких хочет вырасти в большие, льет кровь с пользой для Руси? С такою пользой досе лили ее князья тверские, московские, рязанские и еще многие. А ныне, значит, и карачевские должны лить?

– Эх, боярин, вижу, не разумеешь ты меня. Ну, оставим это... Поведай мне лучше, каков собою Василий Пантелеевич?

«Ну, погоди, – с веселым злорадством подумал Василий, – сейчас я тебе распишу твоего суженого! Коли он тебе лишь для возвеличения твоего надобен, все одно ты ему это простишь».

– Собою Василий Пантелеевич неплох, – сказал он вслух. – Ростом невысок, черняв. Хотя немного и колченог, но статен... Только вот последнее время брюхо у него стало сильно выпирать. Ну да ведь будущий великий князь Черниговский должен быть дородным. Плешь у него тоже к тому случаю готова. А так, коли не считать того, что он малость косит на один глаз, мужчина он видный.

– Не может того быть, боярин! – воскликнула Ольга. – Нам люди сказывали, что собою Василий Пантелеевич вельми пригож, а ты его эдаким уродом представил!

– Что ты, Ольга Юрьевна! И я говорю, что он пригож. Брюхо и плешь человека не портят, особливо большого князя! К тому же их, может, еще и не было, когда твои люди Василия Пантелеевича видели. Нешто я тебе сказал, что он с малолетства брюхат и плешив? Ну а бородавку, что у него на носу, в крайности ведь и срезать недолго.

– Еще и бородавка на носу! – с ужасом воскликнула Ольга.

– Что ж с того, что бородавка? Бывает и похуже. А чтобы рубца на носу не осталось, ее можно и не срезая вывести: стоит лишь каждый день мазать нос утиным пометом, и через полгода она сама отпадет.

– Замолчи, боярин! Не хочу я этого слушать!

– Воля твоя, княжна. Ты меня спросила, каков есть Василий Пантелеевич, и я тебе ответил. Худого я ничего не сказал и лгать на другого не стал бы, особенно на своего князя.

Снова последовала длинная пауза, в продолжение которой Ольга Юрьевна, подавленная словами собеседника, мысленно осваивала нарисованный ей портрет карачевского князя, а Василий, глядя на нее, наслаждался плодами своей выдумки. Придя наконец к мысли, что в мужчине красота не самое важное да боярин, быть может, слегка и прилгнул, Ольга спросила:

– А что скажешь ты касаясь слухов, которые ныне идут из Карачева? Знаю, ты им не слишком веришь, но все же, как мнится тебе: могло ли и впрямь такое приключиться?

– Оно-то могло, – подумав, ответил Василий. – Князь Андрей Звенигородский человек пакостный, да и Тит Мстиславич завистлив. К тому же ходить по воле братанича им обидно. И ежели бы им представился случай от него отделаться, они бы недолго раздумывали.

– Коли так, почто же ты сомневаешься в том, что ныне говорят?

– Да уж больно тихо было в нашей земле, как я ее покидал. А когда такие дела вызревают, в самом воздухе чуеться что-то неладное. Есть и другое: Василий Пантелеевич своим дядьям не дуже доверяет и, мнится мне, столь легко не дался бы в западню.

– Ну а все же, коли оплошал он и заманили его?

– Тогда могло окончиться так, как люди сказывают. Василий Пантелеевич человек горячий и, когда осерчает, хоть кого может в куски посечь. Живым бы он им в руки не дался.

– И что же теперь будет, коли все так случилось?

– Да ничего не будет. Съездит Василий Пантелеевич в Орду, оправдается перед ханом, и дело с концом. Ведь правда-то на его стороне.

– Значит, мыслишь ты, что стола своего он не потеряет?

– Вестимо, нет! Хан еще и обласкает его за то, что был крут и смуты в своей земле не допустил. Для Узбека тот князь и хорош, который своих удельных умеет в страхе держать. А голов русских нешто ему жалко?

– Думаю, в этом ты прав, боярин. Тако же и я мыслю, – задумчиво промолвила Ольга. – Ну, однако мне домой пора. Спаси тебя Бог за все, что ты мне поведал.

– Рад, коли угодил тебе, княжна. Стало быть, на этом кончился наш первый разговор. А второй когда же?

– Али ты уже перестал торопиться в Вятскую землю? – спросила Ольга, поднимая на Василия искрящиеся улыбкой глаза.

– Ехать-то мне нужно, Ольга Юрьевна... но ведь надобно колодой быть, а не человеком, чтобы с легким сердцем покинуть места, где тебя хоть издали увидеть можно. К тому же я тебе обещал остаться на два либо три разговора.

– Ну, коли для пользы твоей надобно, то обещание я тебе могу и вернуть.

– Али не хочешь ни о чем более меня выпросить?

– Да будто уже и не о чем.

– Ништо, княжна. Я и сам нашел бы, что тебе рассказать.

– А занятно будет?

– Да уж постараюсь...

– Ну, коли так, завтра, в этот же час, приходи сюда снова. А покуда прощай, боярин.

– До завтра, Ольга Юрьевна. Храни тебя Господь!

## Глава 38

*А увидит муж, что непорядливо у жены, ино умел бы жену наказывати и учити всяким рассуждением... А коли вина велика, и за ослушание и небрежение ино снять рубаику и плеткой вежливенько бити, по вине смотря.  
«Домострой», XVI в.*

Прошла неделя, а Василий все еще сидел в Муроме и, казалось, менее всего помышлял об отъезде. Напрасно Никита все чаще и настойчивее напоминал ему о необходимости торопиться, – он лишь досадливо отмахивался и отвечал, что за Каменным Поясом они еще успеют насидеться вдоволь, а Руси, быть может, больше никогда не увидят.

Свидания его с княжной продолжались ежедневно и вскоре для обоих превратились в некую не осознанную умом потребность. Когда Ольга немного привыкла к Василию и поборола свою застенчивость, перед ним открылась женщина не только красивая и обаятельная, но и далеко не глупая, вдумчивая, любознательная и глубоко тяготящаяся своей женской долей, которая грозила навсегда замкнуть ее в круг обыденной и скучной хормной жизни.

Взглянув на это ее глазами, Василий теперь находил некоторое оправдание даже ее честолюбивым вожелениям, которые так неприятно поразили его при первом их разговоре. «Видать, не столько она гонится за богатством и честью, сколь хочется ей жизнь настоящую изведать, – думал он, с каждым днем все больше теряя от княжны голову. – И то не диво, что, покуда сердце у нее спит, помыслы только к тому и тянутся. А вот полюбит, и перестанет блажить».

Для Ольги Василий с его увлекательными рассказами явился как бы провозвестником той широкой и полной впечатлениями жизни, к которой ее неудержимо влекло. Она уверяла себя, что встреча их случайна и мимолетна, а если голос сердца иной раз и нашептывал ей другое, она подавляла его велениями разума.

Что дал бы ей брак с боярином Снежиным, если бы даже отец, паче чаянья, на него согласился? Вместо затерянного в лесах Мурома жизнь в совсем уж безвестном Мосальске, который, по описаниям Василия, и на город-то непохож; вместо унылого прозябания в хоромах отца, из которых есть все-таки надежда вырваться при помощи удачного замужества, совсем уж безнадежное прозябание в хоромах помещика-мужа! Такой шаг означал бы крушение всех ее жизненных планов, но все же, несмотря на трезвые доводы рассудка, ее с каждым днем сильнее влекло к этому красивому, сильному и интересному человеку, быть может, не случайно приведенному судьбой на глухую лесную поляну, где ей в эту минуту угрожало бесчестье или смерть... Ольга хорошо понимала, что надо прекратить эти волнующие встречи и заставить Василия уехать, но с каждым новым днем у нее оставалось на это все меньше решимости.

Если бы Василий был настойчивее, в их отношениях все бы уже определилось. Но он медлил, ибо сам запутался в создавшейся обстановке и не знал, на что решиться. Действовать так, как он действовал бы при обычных обстоятельствах, мешали полная неопределенность его положения, необходимость скорого отъезда и принятое им чужое имя. Самым правильным было бы попрощаться и уехать, но Василий для этого уже не находил в себе достаточно сил.

Глядя на него, Никита все больше и больше хмурился. Наконец не выдержал и пошел напролом.

– Ты что же, Василий Пантелеевич, – сказал он, – мыслишь в Муроме сидеть, доколе нас татары схватят и отвезут к Узбеку?

– Небось успеем уйти, – буркнул Василий.

– Сегодня успеем, завтра успеем, а там, гляди, досидимся до того, что и не успеем. Будь то в иное время, разве бы я тебе посмел перечить? А сейчас, не обессудь, скажу прямо: не о

бабах нам надобно думать, а о спасении твоей жизни. Мне она сestroю твоей и всем народом нашим поручена.

– О каких бабах ты говоришь? – круто повернулся к нему Василий.

– Э, брось, Василий Пантелеич! Ты что, думаешь, я слепой либо махонький? Не для бороды же князя Юрия Ярославича ты к Мурому прирос!

Ничего не ответив, Василий нервно зашагал из угла в угол по горнице. Затем внезапно остановился перед Никитой и сказал:

– Эх, Никита! Сам я не пойму, что со мною творится. Присушила она меня – день и ночь только о ней и думаю.

– Все это ладно, когда смерть за плечами не стоит. А ныне нам о другом надобно помышлять.

– Не могу я отсель уехать, доколе с Ольгою у меня не решится.

– Воля твоя, князь, но никак я в толк не возьму: чего ты ждешь от нее? Нешто хочешь жениться и тащить ее с нами за Каменный Пояс?

– Сам я не ведаю, чего жду. Но вот не могу от нее уехать, и все! Говорю тебе, присушила она меня!

– Эх, Василий Пантелеич! Нешто ты впервой к бабе присыхаешь? Возьми себя в руки. Не первая она и не последняя.

– Это другое, Никита. Тебе ведомо: еще не зная Ольги, я ее своею нареченной считал. А теперь вдобавок узнал и вовсе покой потерял... – И Василий снова стремительно зашагал по горнице.

– Коли так, – промолвил Никита после довольно долгого раздумья, – чего тут еще мудровать? Открой ей свое истинное имя и обручись с нею. Ежели она тебя и впрямь любит – подождет, сколько потребуется.

– Ну нет, шалишь! – с живостью воскликнул Василий, переставая ходить и садясь на лавку. – Пусть меня под простой личиной полюбит! За князя она небось пойдет хоть за пузатого да кривого, еще и с бородавкой на носу. В эдакой любви мне проку и чести мало. Хочу, чтобы она меня полюбила, кто я ни есть. Меня, разумеешь, меня, а не карачевского князя во мне!

– Эко ты закрутил, Василий Пантелеич! – изумился Никита. – Что за пузатый да кривой князь? На чем носу бородавка? Ты гляди, как бы и впрямь через нее здоровья не лишился.

Когда Василий передал содержание своего первого разговора с Ольгой, Никита не удержался от смеха.

– Не пожалел ты себя, Василий Пантелеич, – промолвил он. – Однако от всего этого дело твое еще хуже запуталось, а время наше не терпит. Послушай моего совета: оставь все, как оно есть, прости с княжной, да и поедем. После когда-либо сведаем, кто Ольге Юрьевне чаще снился: пузатый ли князь Карачевский или ладный боярин Снежин.

– Не могу я уехать, не объяснившись с нею!

– Коли так, объясняйся, только не медли. Ты сам помысли: ведь здесь тебя всякий час кто-либо опознать может.

– Ладно, ныне же с тем будет покончено, – решившись, сказал Василий, – а завтра либо в путь, либо...

– Вот еще какое-то «либо» у тебя на уме, – промолвил Никита, так и не дождавшись окончания фразы Василия. – Для Бога, Василий Пантелеич, хоть сам-то ты ведаешь, чего хочешь и что еще делать собираешься?

– Сегодня я буду знать, люб ей боярин Снежин и согласна ли она идти за него... Коли будет согласна, открою ей, кто я таков, а коли нет – из сердца ее долой!

\* \* \*

Когда в обычный час Василий подходил к полюбившейся им скамейке, там уже сидела Ольга, и он с радостью отметил, что впервые она была одна. Веселые голоса девушек, всегда ее сопровождавших, слышались в густом малиннике, внизу, на склоне к Оке.

Вид у Ольги был грустный и усталый. Когда Василий подошел и поздоровался, на секунду лицо ее оживилось и в глазах промелькнула радость. Но сейчас же они приняли прежнее печальное выражение.

– Что ты невесела сегодня, княжна? – спросил Василий, садясь на скамейку рядом с нею. – Али у тебя какая кручина на сердце?

– Так, пустое, Василий Романович... Глядела я сейчас на реку, и почему-то о зиме мне подумалось. Скорбно у нас тут зимой. Подкрадется она из лесов, холодная как смерть, и накроет своим белым саваном все живое... Засыплет наш Муром снегом по самые крыши, непроезжими станут дороги, оледенеет река... Выйдешь иной раз сюда, на обрыв, поглядишь вокруг – и почудится, будто никого больше не осталось на целом свете...

– Почто думать об этом, Ольга Юрьевна? И в зиме тоже своя краса есть. Да и когда она придет-то еще! Мне вот хуже: твою печаль лишь зима несет, а мою – завтрашний день.

– Что так, боярин?

– Уезжать мне надобно, Ольга Юрьевна.

– Уже завтра? – вырвалось у Ольги. – Какая же тебе в том печаль? – добавила она после паузы, и голос ее дрогнул. – Ты ведь и заезжать-то в Муром не хотел.

– Не хотел, да вот на горе себе заехал. И теперь душу свою здесь оставить повинен...

Ольга не отозвалась ни звуком, ни движением. Замолчал и Василий. Несколько минут они сидели неподвижно, глядя в землю. Вокруг стояла цепенящая тишина, даже голоса девушек в малиннике теперь смолкли.

– Неужто мы так и расстанемся?! – вдруг воскликнул Василий, порывисто оборачиваясь к Ольге. – Расстанемся как чужие, чтобы николи больше не встретиться? Ольга Юрьевна! Молви хоть слово!

Княжна молча подняла голову и взглянула ему прямо в глаза таким взглядом, в значении которого трудно было ошибиться. Чувствуя, что все существо его наливается светом и радостью, Василий безотчетно обнял девушку и привлек к себе. Она не противилась, не отвела губ от встречи с его губами, и на мгновение он явственно ощутил у себя на груди бурное биение ее сердца. Но когда он стал покрывать быстрыми, обжигающими поцелуями ее лицо и глаза, она вдруг резко высвободилась из его объятий и, отодвинувшись на край скамейки, закрыла руками пылающее лицо.

– Забудь минутную слабость мою, Василий Романович, – через несколько секунд глухо вымолвила она. – Сама не пойму, что это со мною содеялось...

– Забыть! – воскликнул Василий. – Ты хочешь, чтобы забыл я благословенный миг, когда мне почудилось, будто ангелы Божьи подняли меня над землею на своих серебряных крыльях! Клянусь тебе, что ежели бы я три жизни мог прожить вместо одной, и тогда не забыл бы этого! Ольга! Что хочешь говори теперь, но правду я знаю: ты любишь меня!

– Может, и люблю, Василий Романович... не знаю, – промолвила Ольга, не отнимая ладоней от лица. – Но это все едино: промеж нас ничего такого быть не должно.

– Но почему, ежели мы друг другу любви и оба свободны? Что препятствует тебе стать женою моей? Не столь уж мало княжон русских за бояр выходит.

– Допрежь всего родитель мой на это николи не даст своего благословения.

– Это ты на меня оставь. Коли хочешь, поклянусь тебе, что его уговорить сумею. Послушай, Ольга Юрьевна, я тебе все скажу: мы, Снежины, не вельми знатного, но старого и чест-

ного роду. Боярство свое добыл я не родовитостью предков, а острою саблей и верною службой родной земле. Богатств больших у меня тоже нет, но вотчина моя достаточна, чтобы жила ты со мною не хуже, чем ныне живешь. И ежели истинно люб я тебе, не вижу, почто не могла бы ты за меня пойти?

– Не томи меня, Василий Романович, без пользы это, ибо женою твоей мне никогда не быть. А почто – того открыть не могу...

– Ну, коли ты не можешь, я могу, – сказал Василий, самолюбие которого было глубоко задето. – Ждешь сватовства от карачевского князя? Я-то к нему слишком близко стою, чтобы о том не знать. И тебе нужды мало, что ни ты ему, ни он тебе не люб, что за целый год он даже не удосужился приехать на тебя глянуть? Стало быть, важно лишь то, чтобы был он большим князем и мог бы повоевать черниговские земли, дабы русскою кровью твою гордыню напоить?

Пока Василий говорил это, Ольга, в лице которой теперь не оставалось ни кровинки, не сводила с него горящих негодованием глаз. Оскорбленная гордость затуманила ее рассудок.

– Вижу, ты многое знаешь, боярин, – надменно сказала она, когда он кончил. – Ну что же, тем лучше. Авось так ты скорее уразумеешь, что княжна Муромская тебе не пара.

– Это твое последнее слово, княжна? – раздельно спросил Василий, поднимаясь со скамьи.

– Да, боярин. И ежели оно сказалось жестче, чем я того желала, в том вини лишь себя.

– Добро, Ольга Юрьевна! На том и покончим. Но только вот что я тебе напоследки скажу: не бывать тебе и за князем Василием Пантелеевичем! Я его добре знаю. Он тоже от тебя истинной любви захочет, а не единой лишь корысти. И ты его не обманешь! Ну а теперь прощай навек, – и, поклонившись преувеличенно низко, Василий с бурей в душе, но внешне спокойный, покинул княжну.

\* \* \*

Сославшись на недомогание, Ольга не вышла ни к ужину, ни к раннему завтраку на следующий день. Когда обеспокоенный этим князь Юрий Ярославич часов в девять утра вошел в опочивальню дочери, он сразу увидел, что она и впрямь нездорова: лицо ее было бледно, глаза красны от слез.

– Что это с тобою, дочка? – участливо спросил он.

– Занеможилось мне с вечера, батюшка, – слабым голосом ответила Ольга, – но сейчас уже будто полегчало...

– Ну, гляди. А то, может, знахаря к тебе прислать?

– Не стоит, батюшка... Само пройдет.

Юрий Ярославич прошелся по светлице, с минуту поглядел в открытое окно на убегающую вдаль Оку, затем повернулся и, пристально глядя на дочь, сказал:

– Сегодня с зарею уехал гость наш, Василий Романович. Наказывал тебе поклон передать.

– Уехал... – еле слышно прошептала Ольга. К глазам ее подступили слезы, и только лишь величайшим напряжением всех душевных сил она не дала им воли.

– Слушай, Ольга, – строго сказал Юрий Ярославич, подходя к самой постели дочери, – по всему видать, что у него с тобой был какой-то разговор. Оттуда и нюни твои, да и он со вчерашнего дня был явно не в себе. Сказывай начистоту, что промеж вас произошло?

– Ничего не было, батюшка, – пробормотала Ольга, пряча лицо в подушки.

– Не лги, Ольга! Я тебя насквозь вижу. И дело это поважнее, нежели ты думаешь!

– Просил боярин моей руки, – сквозь слезы вымолвила княжна.

– Ну и что? Видать, ты ему отказала?

– Отказала, батюшка...

– Вот и слава Господу! Почто же убиваться теперь, ежели он тебе не люб?

– Люб он мне, батюшка! Ой как люб! – с отчаяньем воскликнула Ольга, давая волю рыданиям, давно уже рвавшимся из ее груди.

– Что-то я этого в толк не возьму: ведь ты же ему по своей доброй воле отказала?

Ольга ничего не ответила, только зарыдала еще сильнее. Глядя на нее с отеческой нежностью, Юрий Ярославич с минуту постоял молча, как бы что-то обдумывая. Потом сказал:

– Ужели же, прося руки твоей, он не открыл тебе свое истинное имя?

– Свое истинное имя?! – воскликнула Ольга, внезапно обрывая рыдания и чувствуя, как все существо ее наливается ледяющим страхом. – Нешто он не боярин Снежин?

– Нет, дочка. Это был сам карачевский князь Василий Пантелеевич. Я сразу же это уподозрил, а после мне и слуги сказывали, что, оставаясь наедине, стремянный Никита величал его князем либо Василием Пантелеевичем. И я рад, что Господь вразумил тебя отказать ему, ибо сделать это мне было бы не столь ловко. Родниться же с изгоем нам не пристало: хан Узбек карачевский стол отдал князю Титу Мстиславичу Козельскому, а сам Василий бежит теперь от ханского гнева, не ведаю куда...

Юрий Ярославич хотел добавить что-то еще, но внезапно остановился, пораженный наступившей в горнице тишиной. Последних слов его Ольга уже не слышала, ибо находилась в глубоком обмороке.

## Глава 39

*Князь добрый и мудрый Константин Васильевич Суздальский  
княжил пятнадцать лет, честно и грозно бороня отчизну свою от  
сильных князей и от татар.  
Суздальская летопись*

По выезде из Муромы Василий и Никита решили, пользуясь хорошей погодой, продвигаться вперед как можно быстрее, чтобы наверстать потерянную неделю. Для сокращения пути они, вопреки первоначальному намерению, поехали не по стародубской дороге, а вниз, по левому берегу Оки, а затем лесом на Гороховец, стоящий на реке Клязьме, уже в пределах Суздальского княжества. От Муромы до него было верст восемьдесят, и путники добрались туда еще засветло. Город, неоднократно пострадавший от татар и от княжеских усобиц, был мал и невзрачен, но обнесен крепким дубовым тыном, видимо, обновленным совсем недавно.

Переночевав в Гороховце, по совету хозяина постоялого двора, они пустились отсюда прямой лесной дорогой к Волге и, оставив в стороне Нижний Новгород, к вечеру без всяких приключений прибыли в Городец, который находился уже по ту сторону великой русской реки.

Василий, в душе которого еще кипела горечь, всю дорогу был зол и сумрачен. Мысленно он уверял себя, что Ольга не стоит того, чтобы принимать все происшедшее близко к сердцу, или старался, не думая о ней, быть веселым и беспечным. Но не проходило много времени, как перед ним снова вставал волнующий образ муромской княжны, и тогда, внезапно оборвав начатый со спутниками разговор, он принимался нахлестывать своего жеребца, как бы стараясь ускользнуть от наваждения.

Едва они в Городце устроились на постоялом дворе, Никита, чтобы отвлечь Василия от мрачных мыслей, предложил идти на Волгу купаться.

– Что же, пойдем, коли хочешь, – безразлично промолвил Василий, поглощенный своими невеселыми думами.

Выйдя на берег и отыскав песчаную отмель, они разделись и бросились в прохладную воду. После целого дня езды по августовской жаре купание было истинным наслаждением, и они долго плавали и ныряли, гоняясь друг за другом и резвясь как дети. Повеселел даже Василий.

Выбравшись наконец из воды, они растянулись на песке и несколько минут пролежали молча. Но Лаврушка, давно ждавший случая кое о чем расспросить князя и опасавшийся, что он снова впадет в мрачное настроение, вскорости нарушил молчание:

– Дозволь, батюшка-князь, спросить тебя о чем-то?

– Ну, спрашивай, – благодушно ответил Василий.

– Вот поглядел я сегодня на энтот Городец: город будто невелик, а укреплен гораздо. И стены так поставлены, как ноне уже не ставят. Кто же это его строил и укреплял?

– Тут спокон веку был городок Радилон, должно быть, поставленный еще первыми славянами, вятичами, – ответил Василий. – Достался он потом владимирским князьям, которые его изрядно укрепили против мордвы и болгар. С того времени он и прозывается Городцом Волжским.

– А ведь были же в Городце и свои князья?

– Были. Лет более ста назад великий князь Всеволод, прозванный Большим Гнездом, отдал Городец в удел сыну своему Юрию, который воевал отсюда мордву. Далее здесь княжили потомки того Юрия, и не было, кажись, на всей Руси князей пакостнее городецких. Они уже не с мордвой воевали, а со своими же братьями, не единожды наводили на Русь татар и у всех торчали как чирей на носу, покуда Городец не отошел к суздальскому князю.

– А Нижний Новгород давно ли выстроен?

– Нет, Нижний из молодых городов. Лет за сотню до наших дней поставил его тот же князь Юрий Всеволодович, против мордвы. Не прошло, однако, и десяти лет, как мордовцы разорили его начисто. Снова его отстроил Юрий Всеволодович и укрепил уже на совесть. Потом, когда Батый порушил почти все русские города, Нижний Новгород он почему-то пощадил. Хорошо пошла в нем и торговля: город стоит на двух великих реках и товары туда идут со всей Руси, с Орды и из Болгар. По сим причинам Нижний ныне разросся и далеко обогнал все соседние города.

– Кто же в нем княжит?

– Сперва он, как и Городец, был уделом Владимирского княжества, потом перешел к суздальским князьям. А в последние годы наложила на него лапу Москва, и ныне сидит там сын Ивана Калиты, Симеон. Только, видать, суздальский князь Константин Васильевич его оттуда выживет.

– Нешто столь силен этот князь?

– Он-то силен, да не столь ратью, как разумом своим. Нет ныне на целой Руси второго столь мудрого и доброго князя. Вот, к примеру, все князья, которые до него тут сидели, только и знали, что воевать с мордвой, и через то не было всему этому краю от мордвы никакого житья. Константин же Васильевич сумел с мордовцами так поладить, что теперь они ему первые друзья. Не только они его владений нипочем не тревожат, но еще и русских поселенцев стали допускать на свои исконные земли. Пользуясь тем, Константин Васильевич испоместил среди мордвы уже многие тысячи русских людей. И кто бы тому мог поверить: живут по-добрососедски, роднятся друг с другом и мордва здесь быстро обрусевает. А в иных местах, в Муроме, к примеру, что делается – чай, ты сам видел.

– Пошто же этот князь своих-то людей в чужих землях селит? Другие нороят людшек-то, откуда ни есть, к себе пригоркнуть.

– Вот потому и селит, что умен: знает, что эти земли, коли он их обрусит, безо всякого кровопролития ему достанутся, вместе со всеми людьми. А смердами он богат: переселенцы валят к нему со всех сторон, ибо нигде их не принимают так, как тут. Князь Константин дает им земли на выбор, – где душа твоя пожелает, там и садись, – только паши и сей! На многие годы он освобождает новоселов от всех податей и, доколе не встанут на ноги, помогает им, чем ни потребуется. И народ его крепко любит. А нижегородцам, вестимо, вдвое обидно: в самый

раз, когда Суздальская земля дождалась хорошей жизни, их отдали под московского княжича, который в угоду ненасытной прорве – своему отцу – жмет из Нижнего Новгорода все соки.

– Почто же нижегородцы не сгонят москвича и не передадутся снова Суздалю?

– Ежели бы Константин Васильевич того схотел, так бы и случилось. Но он далеко видит. Нижний Новгород ему, вестимо, нужнее всякого другого города, почитай, даже Суздаля, ибо он хочет ширить свою торговлю. Но коли он его силою захватит, войны с Москвой не миновать, стало быть, все, что он успел сделать для благоустройства своего края, будет порушено. И он ждет. Иван Калита стар и хвор, долго он не протянет. По смерти же его Симеон сам уйдет из Нижнего, ибо он из братьев старшой и ему достанется московский стол. А тогда Константин Васильевич будет тут полным хозяином, да, может, еще и Москву прижмет. Ее-то боятся все не потому, что она так уж сильна, а потому, что за спиною московского князя хан Узбек стоит. Однако после смерти Ивана Даниловича все может перемениться, и неизвестно еще, кому хан даст ярлык на великое княжение. Чего доброго, и ему, Константину Васильевичу.

– А выехав из Суздальского княжества, дальше мы какими землями поедем? – помолчав, спросил Лаврушка.

– Уже завтра поедем мы по рубежу Костромского княжества и, пожалуй, даже его чуток зацепим. А там выедем в Галицкое и по ему будем следовать до самой Вятской земли.

– А велики ли те княжества?

– Костромское, думаю, будет как наше Карачевское с уделами, а Галицкое много побольше. Только, видать, их век уже на исходе: хотя там и сидят еще свои князья, но Москва на них крепко наложила руку, и пляшут они под дуду Ивана Даниловича.

– В Костроме, кажись, уже и плясать некому, – вставил Никита. – Сказывали люди, князь тамошний невдавне помер, а никому из наследников его Калита вступить на княжение не дозволяет. Видать, себе Кострому заберет.

– Ну а далее на полночь, за теми княжествами что лежит? – допытывался Лаврушка.

– Лежит там Устюжская земля – вотчина ростовских князей, а чуть на заход – княжество Белозерское. Ну а дальше, до самого Ледяного моря, тянутся владения Великого Новгорода, которые будут побольше, чем вся остальная Русь вкупе.

Жадный к познанию родной земли, Лаврушка, вероятно, долго еще продолжал бы свои расспросы, если бы к ним незаметно не подкралась ночь. Надо было идти ужинать и спать.

\* \* \*

Весь следующий день они ехали вверх по берегу Волги и, заночевав в городе Юрьевце, с рассветом пустились прямо на север, левым низменным берегом реки Унжи. Стояла нежаркая погода, дорога была легка, и потому, покрыв в этот день около сотни верст, к ночи они прибыли в маленький городок Унжу, стоящий уже на Галицкой земле. Отсюда предстояло продвигаться дальше местами вовсе ненаселенными, а потому путники весь следующий день провели в Унже, дав отдых коням и запасаясь всем необходимым.

На их расспросы о дальнейшей дороге местные жители, в большинстве звероловы, отвечали:

– Путь ваш пойдет лесом да болотами. Доколе приметна будет охотничья тропа, езжайте по ней. Ну а далее надобно пробираться звериными тропами, а где и так, глухоманью. Главное дело, держите все время прямо на восход солнца и, коли не собьетесь, на третий день к вечеру выйдете к Шулепникову – поселку зверовщиков, что стоит на берегу реки Ветлуги. А до этого навряд ли вам хоть одна живая душа повстречается.

В ту пору все необъятные пространства средней и северной Руси были покрыты густыми лесами, и путники наши почти не выезжали из них от самого Карачева. Но лишь теперь, оста-

вив позади Унжу, они почувствовали себя по-настоящему затерянными в поглотившем их лесном океане.

Раньше хоть изредка им попадались по пути небольшие села и деревушки, кое-где можно было увидеть вспаханные поля, а на дорогах повстречать людей. В этих же бескрайних северных дебрях и топких болотах, сбившись с пути, можно было блуждать дни и недели, не встретив никаких признаков присутствия человека.

Целый день они пробирались узкою, местами теряющейся тропой по дикому лесу и обманчивым болотам, где под видимостью невинной зеленой лужайки на каждом шагу подстерегала путника гибельная трясина. Тут не виделось даже и следа людского – это было подлинное царство четвероногих и птиц. И раньше им по пути не раз встречались всякие звери, но здесь их было такое множество, что Василий и его спутники только диву давались.

С зеленых прогалин при их приближении то и дело, ломая кустарники, бросались наутек стада оленей и лосей, а из болотистых зарослей слышалось злобное хрюканье потревоженных ими диких свиней. На безвестных, подернутых ряской лесных речках не раз видели они огромные поселения бобров; озера и болота кишели гусями, лебедями, утками и прочей пернатой дичью, почти не боявшейся человека. И если до сих пор путешествие их проходило без особых приключений, то здесь, на исходе первого же дня, их ожидал случай, едва не стоивший Лаврушке жизни.

Почти весь день они ехали шагом, но дорога была трудна и утомительна, а потому часов в пять вечера, найдя сухую и удобную для ночлега полянку у широкого ручья, Василий приказал остановиться.

Пока Никита разводил костер, Лаврушка взял лук и, придерживаясь берега ручья, чтобы не заблудиться, углубился в лес в надежде подстрелить к ужину какую-либо дичь.

Не прошел он и сотни шагов, как заметил на дереве крупного глухаря, который при его приближении с шумом поднялся и, пролетев десятка три сажений, опустился на другое дерево. Не потерявший его из виду охотник стал подходить опять, но осторожная птица, не подпустив его на выстрел, снова перелетела немного дальше. Так повторилось несколько раз. Наконец, воспользовавшись тем, что в этом месте крутые берега ручья, размытые дождями, образовали целое нагромождение огромных земляных глыб и уступов, Лаврушка сумел подобраться к глухарю незаметно и, тщательно прицелившись, пустил в него стрелу. Она попала в цель, но большая и сильная птица не сразу упала на землю: пронзенная стрелой, она все же попыталась улететь и рухнула шагах в тридцати от Лаврушки на плоскую вершину невысокого глиняного утеса.

Подбежав к нему, Лаврушка увидел, что стены его почти отвесны. Но это его не смутило: он бросил на землю лук и, втыкая нож в трещины крутого откоса, быстро взобрался наверх и поднял свою добычу. Глухарь был великолепен и весил не меньше пуда. Не теряя времени, повеселевший Лаврушка собирался спуститься тем же путем, но, едва он приблизился к краю утеса, веселость его мигом исчезла: внизу, как раз в том месте, где он оставил свой лук, стоял матерый бурый медведь и смотрел прямо на него. Лаврушке померещилось даже, что зверь ему насмешливо подмигнул.

Положение было скверное. Медведь, проникшийся к Лаврушке, очевидно, не совсем бескорыстным интересом, уходит явно не собирался. Сердито сопя, он топтался вокруг утеса, высматривая, откуда на него легче взобраться. В одном месте, поднявшись на задние лапы, он передними попробовал дотянуться до верха, и незадачливый охотник с ужасом увидел, что страшные когти зверя не достигают каких-либо полутора аршин до края площадки, на которой он стоял.

Парень беспомощно оглянулся. Если бы в его распоряжении была хоть простая жердь, чтобы спихивать медведя, когда он станет карабкаться наверх, дело было бы не так плохо. Но

на плоской вершине, имевшей в поперечнике не более шести шагов, не было ничего, кроме нескольких комьев ссохшейся глины.

Подумав, что медведь, может быть, уйдет, если не будет его видеть, Лаврушка отошел и сел посреди площадки. Но случилось как раз обратное: медведь сейчас же полез наверх. Увидев, что когти зверя уже цепляются за край его ненадежного убежища, Лаврушка вскочил и, высоко подняв обеими руками самый тяжелый кусок глины, швырнул его изо всех сил в мохнатую голову, показавшуюся вслед за когтями. Глиняный ком разлетелся вдребезги, но и мишка с ревом боли и ярости скатился вниз. Отдышавшись, он еще два раза повторил свою попытку, но с прежним успехом. Теперь уже у Лаврушки крупных комьев не оставалось, и он попробовал откупиться от своего противника, бросив ему вниз убитого глухаря. Однако медведь, рассудив, очевидно, что глухарь от него не уйдет, злобно отшвырнул его лапой и снова полез наверх.

Тогда Лаврушка закричал диким голосом, надеясь огорошить медведя и в то же время привлечь внимание своих спутников, которые не могли быть особенно далеко. Зверь от неожиданности и в самом деле сполз с откоса. Стоя внизу и нагнув голову набок, он с удивлением уставился на Лаврушку, который продолжал испускать громкие вопли при каждом его движении. В течение некоторого времени это средство действовало. Но вскоре медведь притерпелся к крикам и, больше не обращая на них внимания, решительно пошел на приступ.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.